

Д.Е. АЛИМОВ

**ЭТНОГЕНЕЗ ХОРВАТОВ:
ФОРМИРОВАНИЕ ХОРВАТСКОЙ
ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОБЩНОСТИ В VII–IX вв.**

НЕСТОР-ИСТОРИЯ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2016

УДК 94(497.5)
ББК 63.3(4Хор)
А 50

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (МК-5950.2012.6 «Потестарные образования в славянском мире в VII–X вв.: эволюция структур власти и этносоциальные процессы»).

Рецензенты:

д. и. н., проф. *А. В. Петров* (С.-Петербург. гос. ун-т)
к. и. н., доц. *П. В. Шувалов* (С.-Петербург. гос. ун-т)

А 50 Алимов Д. Е.

Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. — СПб. : Нестор-История, 2016. — 380 с.

ISBN 978-5-4469-0970-4

В книге рассматривается процесс формирования хорватского этноса на территории бывшей римской провинции Далмации в раннем Средневековье. На основании анализа широкого круга источников воссоздаются исторические обстоятельства и социально-политический контекст, в которых происходило формирование хорватской общности как самостоятельного этнополитического организма, дается анализ ранней хорватской идентичности. С новых методологических позиций пересматриваются распространенные в историографии представления о прародине хорватов и их переселении в Далмацию.

ISBN 978-5-4469-0970-4

**УДК 94(497.5)
ББК 63.3(4Хор)**

© Д. Е. Алимов, 2016

© Издательство «Нестор-История», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ.....	19
§ 1. Характеристика использованных источников.....	19
§ 2. Историография	38
ГЛАВА I. ОТ РИМЛЯН К ВАРВАРАМ.....	61
§ 1. Хорваты и готы.....	63
§ 2. Хорваты и «аваро-славяне»	88
§ 3. Хорваты и франки.....	119
ГЛАВА II. ORIGO GENTIS CHROATORUM	135
§ 1. Между памятью и идеологией.....	136
§ 2. Origo gentis Chroatorum I: Хорваты и авары	162
§ 3. Origo gentis Chroatorum II: Хорваты и франки	183
ГЛАВА III. ХОРВАТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ.....	213
§ 1. Проблема «протохорватов»	215
§ 2. Хорваты за пределами Далмации	230
§ 3. Групповые идентичности Далмации: проблема соотношения	260
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Посавская Паннония: хорваты или славяне?.....	296
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	322
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	329
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	331

ВВЕДЕНИЕ

Проблемам развития европейских обществ в раннее Средневековье в исторической науке издавна уделялось огромное внимание. Неизменный исследовательский интерес к этой теме не в последнюю очередь объясняется значимостью происходивших в ту эпоху социальных процессов. К числу последних, как правило, относят и процесс формирования этнических общностей — этногенез. В связи с этим совсем не кажется преувеличением, когда именно раннему Средневековью — периоду, когда прежний (античный) мир прекратил свое существование, а новый (средневековый христианский) мир еще не был вполне оформлен, — как в исторической литературе, так и в обыденном сознании отводится роль важнейшего перепутья в социальном, культурном и духовном развитии европейцев. По крайней мере, сложно спорить с тем, что именно в период раннего Средневековья зародились многие социальные явления и культурные феномены, определившие лицо европейской цивилизации, некоторые из которых существуют и сегодня. Вместе с тем, ввиду сложности изучения столь динамичного в социальном смысле периода, значительно усугубляемой относительной скудостью доступного источникового материала, немалым остается число спорных вопросов, малоизученных проблем. Это в полной мере касается и проблемы формирования раннесредневековой хорватской общности, от которой ведет свое происхождение современный европейский народ хорватов.

Невозможно усомниться в том, что проблематика формирования ранней хорватской общности представляет собой весьма актуальную тему для исследования, разработка которой не только ценна сама по себе, но и весьма полезна для уяснения ситуации в более широких региональных контекстах. Особую актуальность изучению процесса этногенеза хорватов придает то обстоятельство, что, являясь неотъемлемой частью цивилизационного пространства европейского запада (*Pax Latina*), средневековая Хорватия всегда характеризовалась ярко выраженным своеобразием социокультурного ландшафта. Применительно к рассматриваемой нами эпохе

можно выделить как минимум несколько региональных исторических контекстов, в рамках которых хорватская специфика может быть наиболее адекватно осмыслена.

Складывание хорватской общности происходило на землях, веками составлявших часть Римской (с середины VI в. — Восточно-Римской) империи, и осуществлялось в тесном контакте с социальной и культурной средой ядра «римского мира» (*Pax Romana*) — Средиземноморья. Соответственно, чтобы адекватно понимать и интерпретировать процесс формирования хорватского этнополитического организма, необходимо всецело учитывать данный региональный исторический контекст, как и тесно связанный с ним контекст «византийского мира» (*Pax Byzantina*), продолжавшего в VII–IX вв. римские традиции в Средиземноморье, включая восточное побережье Адриатики. Вместе с тем этнические изменения, приведшие к формированию социокультурного облика ранне-средневековой Хорватии, необходимо рассматривать и в контексте так называемого «франкского мира» (*Pax Francica*), заключившего в VIII–IX вв. в свои рамки значительную часть Европы, включая пространство будущего Хорватского королевства. Усилиями Каролингов была постепенно преодолена свойственная предшествующему периоду «темных веков» политическая раздробленность, появились новые центры власти и создались новые сети коммуникации, а в рамках грандиозной программы «*renovatio imperii Romani*» было снова актуализировано римское наследие. Все это делает созданное Карлом Великим единое политическое пространство «новой Римской империи» исключительно важным историческим и региональным контекстом для осмысления специфики хорватского этногенеза.

Важным при рассмотрении формирования хорватской этнополитической общности представляется также принимать во внимание и контекст еще не христианизированной или лишь начавшей приобщение к христианству «варварской Европы», прежде всего того этнокультурного пространства, которое по традиции именуется «славянским миром» (*Slavia*). Какой бы смысл мы сегодня не вкладывали в понятие «славянский народ», каковым традиционно считаются как средневековые, так и современные хорваты, невозможно игнорировать тот факт, что славянский язык и славянская идентичность занимают важное место в формировании этнических и культурных параметров «хорватскости». Наконец, было бы несправедливо не учитывать и того, что в отдельные периоды

раннего Средневековья европейские общества испытывали заметные социально-политические и культурные воздействия из Азии, что в какой-то мере позволяет говорить еще об одном — «евразийском» — контексте хорватского этногенеза. Применительно к интересующему нас процессу формирования хорватской этнополитической общности в Далмации речь в первую очередь должна идти о роли в этом процессе Аварского каганата (*Pax Avarica*) — державы, воспроизводившей в центре географической Европы политические, социальные и культурные практики, характерные для народов степного пояса Евразии, протянувшегося от Паннонии до Маньчжурии.

Целью настоящей работы является исследование процесса этногенеза хорватов в VII–IX вв. При этом мы полностью отдаем себе отчет в том, что понятие «этногенез» является не более чем исследовательской абстракцией, емким, но весьма условным понятием, в чем-то облегчающим, а в чем-то, напротив, усложняющим разговор о процессе, который оно обозначает. Памятуя о порождаемых этим последним обстоятельством сложностях методологического характера, необходимо сразу пояснить, какой именно смысл вкладывается нами в то, что мы назвали исследованием этногенеза. Применительно к теме нашей работы понятие «этногенез» имеет несколько значений. Традиционно в отечественной науке так называли и продолжают называть до сих пор процесс образования этнических общностей — «этносов». Так, по определению Ю. В. Бромлей, создателя долгое время господствовавшей в отечественной этнологии теории этноса¹, этногенез — это «процесс возникновения этносов», происходящий «в результате трансформационных этнических процессов». Важнейшим признаком этногенеза считается возникновение нового этнического самосознания². Под трансформационными этническими (этнотрансформационными) процессами понимаются при этом такие процессы, которые, в отличие от процессов этноэволюционных, означающих изменение «отдельных компонентов этнической системы», не приводящее «к ломке системы в целом», связаны «с разрывом постепенности, с переходом в новое состояние»³. Выделяя три исторических типа этногенеза — палеоэтногенез, мезоэтногенез и неоэтногенез, Ю. В. Бромлей определял мезоэтноге-

¹ См. основополагающие работы: *Бромлей Ю. В. Этнос и этнография.* — М., 1973; *Он же. Очерки теории этноса.* — 2-е изд. — М., 2007.

² *Бромлей Ю. В. Этногенез // Народы России. Энциклопедия.* — М., 1994. — С. 466.

³ *Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса.* — С. 234.

нез как «возникновение этносов типа народностей», в котором важная роль принадлежала миграциям, смешению народов и образованию «раннеклассовых государств»⁴. В соответствии с разработанной Ю. В. Бромлеем теорией этноса, включавшей устоявшееся в отечественной этнологии выделение трех стадийальных его типов — племени, народности и нации, интересующий нас процесс этногенеза хорватов в VII–IX вв. следовало бы определить как процесс формирования хорватской народности⁵, то есть мезоэтногенез.

Понятно, что смысл данное понимание этногенеза может иметь только в рамках примордиалистских (эссенциалистских) подходов к осмыслению самого феномена этничности, в которых этнические общности (этносы) рассматриваются как существующие в (социальной) реальности объекты, обладающие набором объективных признаков⁶. В соответствии с таким пониманием этнические общности представляются участниками исторического процесса, которые могут иметь свою «историю». Начальной фазой этой «истории» и предстает «этногенез», могущий, согласно данному подходу, стать предметом изучения в качестве комплексного процесса формирования как «объективных» признаков этноса, таких как язык, культура, этническая территория, так и этнического самосознания. В рамках конструктивистских подходов к этничности, концентрирующих внимание на ситуативной обусловленности и изменчивости критериев этнической идентичности, этничность выступает как форма социальной организации, зависящая исключительно от субъективных факторов — самоидентификации и приписывания идентичности извне⁷. Как подчеркивал один из родоначальников

⁴ Бромлей Ю. В. Этногенез. — С. 466.

⁵ Поэтому хорваты IX столетия определялись в отечественной историографии как «народность». См.: Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 167–180; Акимова О. А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах, VI–XII вв. — М., 1985. — С. 227.

⁶ Теория этноса Ю. В. Бромлея укладывается в методологические рамки субстанциализма, одного из направлений примордиализма. См.: Хабенская Е. О. Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. — 2006. — № 20. — С. 57–60.

⁷ О конструктивистских подходах к этничности см., например: Скворцов Н. Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. — СПб., 1997; Ачкасов В. А. Этнополитология. — СПб., 2005. — С. 30–35.

конструктивизма, норвежский этнолог Фредрик Барт, «этнические категории обеспечивают организационную оболочку, содержимое которой в разных социокультурных системах может наполнять различные объемы и формы»⁸. Понятно, что в данном случае разговор о каком бы то ни было «этногенезе» должен быть признан методологически некорректным, так как этничность, согласно данному подходу, обнаруживает себя не в объективных признаках той или иной группы, называемой «этносом», а в ситуациях взаимодействия групп, когда потребность в его социальном оформлении рождает этническую границу. Правда, и в работах сторонников конструктивистского подхода иногда можно встретить использование слова «этногенез», под которым, очевидно, подразумеваются процессы возникновения у той или иной группы конкретной этнической идентичности вследствие самоидентификации и приписывания идентичности извне⁹.

Отдавая предпочтение конструктивистскому видению как позволяющему наиболее адекватно воспринимать и более точно описывать социальную реальность, мы вместе с тем исходим из того, что расхождения между примордиализмом (эссенциализмом) и конструктивизмом порождены хотя и разными, но имеющими равное право на использование в научном исследовании способами упорядочивания реальности¹⁰. Также мы вполне отдаем себе отчет в том, что при рассмотрении этнических процессов в раннем Средневековье практически не удастся постоянно находиться в рамках конструктивистской парадигмы. Так, невозможно сбрасывать со счетов то обстоятельство, что этнические процессы — это, как правило, процессы «большой длительности»¹¹, а этническая идентичность при всей ее субъективности и ситуативности бывает весьма устойчивой. Пока мы, хотя бы только для удобства, оперируем

⁸ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. — М., 2006. — С. 16.

⁹ См., например: Curta F. The Making of the Slavs between ethnogenesis, invention, and migration // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — P. 157.

¹⁰ См. об этом: Зарунов Ю. И. Исследование феноменов «этнуса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. — М., 2003. — С. 30–31.

¹¹ Выражение Ф. Броделя использовано в данном контексте В. Полем: Pohl W. Conceptions of Ethnicity in Early Medieval Studies // Archaeologia Polona. — 1991. — Vol. 29. — P. 39.

такими понятиями, как «хорватская общность», «хорватский этнополитический организм» и т. п., полностью освободиться от эссенциалистской перспективы вряд ли возможно¹².

Еще одно значение термина «этногенез», также имеющее непосредственное отношение к теме нашей работы, гораздо уже вышеописанных и связано с одной из традиций его использования в медиевистике, где также постепенно происходил отход от традиционных примордиалистских представлений об этносах как стабильных субстанциях, связанных общим происхождением и историей. Одной из важнейших новаций стала так называемая

¹² Имплицитно присутствующее в научной литературе стремление оперировать понятием (этнической) группы, странным образом уживающееся с доминирующим признанием его контекстуальной обусловленности, стало в последнее время объектом последовательной и радикальной критики со стороны американского социолога Роджерса Брубейкера. Исследователь призывает избавиться от «тенденции рассматривать ограниченные группы в качестве основных единиц анализа», называемой им «группизмом», настаивая на том, что «базовой аналитической категорией должна служить не некая сущность — “группа”, а групповость — зависимая от контекста концептуальная переменная». По словам Р. Брубейкера, «“Групповость” — переменная, а не константа, и из нее невозможно исходить. Она различна не только в разных предполагаемых группах, но и внутри группы: со временем она может прибывать или истощаться, достигая пика в исключительные — но краткие — моменты коллективного подъема. Этничность не требует такой групповости. Она действует не только (и даже не столько) в ограниченных группах и влияет через них, но и через категории, схемы, столкновения, идентификации, языки, рассказы, институты, организации, сети и события. Короче говоря, исследование этничности — даже исследование этнического конфликта не должно сводиться к изучению этнических групп, они даже не должны быть его главным предметом». В соответствии с этим, исследователь призывает «сосредоточиться на практических категориях, ситуативных действиях, культурных идиомах, когнитивных схемах, дискурсивных фреймах, институциональных формах, политических проектах, случайных событиях и изменчивой групповости» (*Брубейкер Р. Этничность без групп / пер с англ. И. Боровой. — М., 2012. — С. 16, 18, 60*). С данной позицией, весьма созвучной тому, что осуществляется в последнее время в медиевистике, главным образом в работах так называемых Венской и Торонтской школ, сложно не согласиться. Однако при этом нельзя не отметить, что применение рекомендованных Р. Брубейкером исследовательских операций к раннему Средневековью может быть, даже в лучшем случае, крайне ограниченным ввиду характера имеющихся в нашем распоряжении источников.

этногенетическая концепция немецкого медиевиста Райнхарда Венкуса, согласно которой германские племена (*gentes*) эпохи Великого переселения народов, такие как готы, бургунды, франки или лангобарды, представляли собой не общности, основанные на кровно-родственных связях, а гетерогенные группы, собиравшиеся вокруг обладавших харизмой воинских вождей. Вера в общее происхождение, отраженная в этногенетических мифах таких групп (*origo gentis*), очень сближала *gentes* раннего Средневековья с современными этническими группами. Вместе с тем социальная, политическая и «этническая» (то есть основанная на вере в общее происхождение) идентичности образовывали в сознании людей той эпохи нерасторжимое единство, вследствие чего говорить о варварских идентичностях как об этнических *par excellence* было бы неосторожно. Такой специфический этнический дискурс, функционировавший лишь на уровне узкой группы элиты, получил в концепции Венкуса название гентилизма (*Gentilismus*). Его носителем в условиях крайней нестабильности социально-политического ландшафта, характеризовавшей варварский мир эпохи миграций, была группа людей, очевидно, обладавшая развитой надлокальной идентичностью и способностью поддерживать память о (более или менее) далеком прошлом. Венкус предложил именовать такую группу ядром традиции (*Traditionskern*)¹³.

Концепция Р. Венкуса получила широкое применение, а также дальнейшее развитие и детализацию в трудах его последователей — представителей так называемой «Венской школы», в первую очередь австрийских медиевистов Хервига Вольфрама и Вальтера Поля. В рамках данной школы, в наследии которой можно усмотреть как конструктивистские, так и эссенциалистские черты¹⁴, «этногенезом» именуется обусловленная социально-политическими факторами, такими как выдвижение воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя, кристаллизация социальной общности, выступающей одновременно и как политическая, и как этническая единица. Последней ее делает, прежде всего, вера

¹³ *Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes.* — Köln; Graz, 1961.

¹⁴ См., например: *Дмитриев М. В.* Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. — М., 2008. — С. 23–31.

в общее происхождение, выступающая основополагающим элементом идеологически конституирующей данную общность этногенетического мифа¹⁵.

Наше понимание «этногенеза» в настоящей работе включает элементы всех перечисленных традиций использования этого слова, рискуя показаться несколько эклектичным. Подобно конструктивистам, мы концентрируем внимание на проблемах идентичности и ее социальной обусловленности, в значительной степени вынося за скобки проблемы культурогенеза, так как не считаем язык, материальную и духовную культуру «объективными» признаками этносов. Изучение культурогенеза раннесредневековых хорватов — это отдельная проблема, которая, вне всякого сомнения, требует рассмотрения в несопоставимо более широких хронологических и географических рамках, чем Далмация VII–IX вв. Вместе с тем, не считая целесообразным вовсе отбрасывать субстанциалистскую перспективу, мы понимаем под «этногенезом» формирование конкретной более или менее устойчивой общности, обладающей самоназванием, а именно хорватского этнополитического организма в Далмации, по крайней мере такого, каким мы его застаем во второй половине IX в. И, наконец, как и представители Венской школы, мы считаем возможным выделять в истории раннесредневековых этнополитических организмов особенно значительные по своим масштабам социально-политические трансформации, связанные с выдвиганием новых элит и подчас кардинально менявшие состав этнополитической общности и критерии членства в ней. Каждая из таких крупных трансформаций условно может быть названа «этногенезом».

В последние годы этногенетическая концепция Р. Венкуса и «Венской школы» стала объектом критики со стороны историков постмодернистского направления, в особенности представителей так называемой «Торонтской школы» (Вальтер Гоффарт, Александр Мюррей). Последние всячески подчеркивают ту роль, какую в становлении этнического дискурса в раннесредневековой Европе сыграли представители интеллектуальной элиты,

¹⁵ См. особенно: *Wolfram H.* Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I. / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 19–34; *Idem.* Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // EME. — 1994. — Vol. 3/1. — P. 19–38; *Pohl W.* Conceptions of ethnicity in Early Medieval Studies // *Archaeologia Polona.* — 1991. — Vol. 29. — P. 39–49.

образованные индивидуумы, вписывавшие групповые идентичности варваров в те представления о «народах», которые были унаследованы ими от античной этнографии или почерпнуты из Священного Писания¹⁶. Вследствие этого на первый план стал выходить вопрос об адекватности представленной в письменных источниках картины социальным реалиям бесписьменного общества. Думается, однако, что данный вопрос принципиально не решаем вне сравнительно-исторической перспективы, которую может обеспечить лишь обращение к такой сфере гуманитарного знания, как социальная антропология, в рамках которой накоплен без преувеличения гигантский материал о формах групповой идентификации в бесписьменных обществах. К этому материалу по необходимости мы также планируем обращаться.

Соотнесение цели исследования «этногенеза» хорватов с возможностями источникового материала обуславливает, на наш взгляд, постановку следующих задач:

- определение времени и обстоятельств возникновения хорватской общности как особой этнополитической единицы;
- выявление основных маркеров хорватской идентичности рассматриваемого периода.

При решении поставленных нами конкретных задач по исследованию «этногенеза» хорватов мы стараемся по возможности широко использовать те методологические приемы, которые в последнее время уже прочно закрепились в исследовании раннесредневековых групповых идентичностей. К их числу следует отнести анализ «стратегий различения»¹⁷, применявшихся в законодательных

¹⁶ См. особенно: *Goffart W.* The narrators of barbarian history (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. — Princeton, 1988; *Idem.* Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans? // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 21–37; *Murray A. C.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages. — P. 39–68. См. также: *Gillet A.* Ethnogenesis: a contested model of early medieval Europe // *History Compass.* — 2006. — Vol. 4. — P. 241–260; *Kasperski R.* Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą // *КН.* — 2011. — Rocznik 118. Z. 3. — S. 399–430.

¹⁷ В. Поль предложил использовать данное понятие, заимствованное им из социологической теории П. Бурдьё, для исследования процессов групповой идентификации в раннем Средневековье. См.: *Pohl W.* Introduction: strategies of distinction // *Strategies of distinction: the construction of*

и нарративных источниках, результаты исследований этногенетических мифов как важнейших конституирующих элементов варварских этнических общностей, а также анализ определяемых этническим дискурсом средневековых авторов нарративных стратегий, использовавшихся ими при описании варварских этнополитических организмов. Правда, скудость источникового материала, относящегося к истории раннесредневековых хорватов, в сравнении, например, с историей готов, франков или лангобардов, не позволяет в полной мере выявить «стратегии различения», прилагавшиеся к хорватам извне и изнутри хорватского этнополитического организма. Отсутствие законодательных памятников заставляет черпать информацию об идентичности почти исключительно из нарративных источников, имеющих к тому же внешнее по отношению к Хорватии происхождение. Вместе с тем относительное богатство информации, представленной в этих источниках, включая присутствие в одном из них относительно ранней версии хорватского этногенетического мифа, который может быть рассмотрен в сравнительно-исторической перспективе, внушает определенный оптимизм.

Последние годы стали временем интенсивного пересмотра методологических основ интерпретации археологических памятников как индикаторов этнической идентичности. Речь идет о критике распространенных в археологии предшествовавших десятилетий методологических подходов Гордона Чайлда и Густава Косинны, в рамках которых считалось возможным связывать археологическую культуру с этнической общностью¹⁸. Вместе с тем в изучении этногенеза хорватов, как недавно справедливо отметил австралийский исследователь Дэниел Джино, до самого последнего времени господствовала именно такая интерпретация¹⁹. В настоящее

ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). — Leiden, 1998. — P. 5–6.

¹⁸ См. подробно: *Клейн Л. С.* Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. — СПб., 2013. — С. 125–259; *Jones S.* The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present. — London; New York, 1997; *Curta F.* The Making of the Slavs: History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. — Cambridge, 2001. — P. 24–34; *Brather S.* Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte. — Berlin; New York, 2004.

¹⁹ *Дзино Д.* «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *SSBP*. — 2008. — № 2 (4). — С. 50.

время продолжается дискуссия о соотношении между материальной культурой и этничностью в археологии. Если одни исследователи склоняются при этом к признанию за отдельными категориями артефактов символов идентичности, манипуляция которыми являлась важным фактором конструирования этнических общностей, то другие вовсе не считают возможным делать на основании археологических данных какие-либо выводы, касающиеся этнической идентичности²⁰. Ввиду сохраняющейся неясности положения, мы за редкими, особо оговариваемыми исключениями не привлекаем археологический материал для исследования этнической идентичности, ограничив его использование задачей определения социального и культурного контекста, в котором эта идентичность функционировала.

Хронологические рамки исследования установлены в соответствии с более или менее определенными вехами этносоциального и этнополитического развития хорватской общности. В качестве нижней хронологической границы мы избрали 600-е гг. Как известно, долгое время именно к первой трети VII в. в историографии относили событие, которое обычно именовалось «приходом хорватов» на территорию Далмации. Так что избранная нами дата может показаться весьма традиционной, если даже не консервативной на фоне появившихся в последние десятилетия попыток отнести появление хорватов в Далмации к концу VIII в. Хотя, как будет видно из дальнейшего изложения, мы не склонны рассматривать концепцию «переселения хорватов» в Далмацию адекватно передающей сущность происходивших в это время процессов, тем не менее мы считаем, что именно социально-политическую ситуацию, сложившуюся в начале VII в., следует рассматривать в качестве отправной точки процесса становления хорватской общности как самостоятельного этнополитического организма. Выбор верхнего хронологического рубежа — 890-е гг. — обусловлен главным

²⁰ См. актуальную полемику Ф. Курты и С. Братера: *Curta F. Medieval archaeology and ethnicity: where are we? // History Compass.* — 2001. — Vol. 9. — P. 537–548; *Brather S. Ethnic identities as constructions of archaeology: the case of the Alamanni // On Barbarian Identity...* — P. 149–176; *Curta F. Ethnicity in medieval archaeology // EME.* — 2007. — Vol. 15. — P. 165–175; *Brather S. Ethnizität und Mittelalterarchäologie. Eine Antwort auf Florin Curta // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters.* — 2011. — Bd. 39. — S. 161–172; *Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // Ephemeris Napocensis.* — 2013. — Vol. 23. — P. 163–174.

образом тем, что в это время заканчивает свое правление хорватский дукс Бранимир (879 — около 892 гг.), при котором происходит окончательная кристаллизация Хорватии в качестве самостоятельной политики.

Для того, чтобы более точно очертить географические рамки нашего исследования, целесообразно обратиться к административному делению Римской империи. Римская власть, установившаяся над пространством, которое населяли кельто-иллирийские народы, главным образом при Октавиане Августе, была окончательно утверждена на интересующей нас территории после подавления крупного восстания иллирийцев 6–9 гг., возглавлявшегося Батоном (*bellum Batonianum*). Подавив сопротивление иллирийцев, римляне разделили прежде единую провинцию Иллирик (*Illyricum*), простиравшуюся от Адриатики до Дуная, на две провинции — Далмацию (*Dalmatia*) и Паннонию (*Pannonia*). Далмация времен принципата охватывала обширную территорию, протянувшуюся вдоль Адриатического моря от реки Раши (в Истрии) на западе, где она граничила с провинцией «Венетия и Истрия» (*Venetia et Histria*), до реки Мат (в современной Албании) на востоке. Во внутренней части граница провинции шла с запада на восток вдоль северных подножий горных массивов, за которыми начинались низменные паннонские земли, а затем спускалась к югу по междуречью Дрины и Моравы²¹. Обширная провинция Паннония, охватившая при Октавиане все пространство от Далмации до Дуная, при Траяне (98–117 гг.) была разделена на две провинции — Верхнюю Паннонию (*Pannonia Superior*) на западе и Нижнюю Паннонию (*Pannonia Inferior*) на востоке. Граница между ними шла с севера на юг от Дуная до Дравы, затем, следуя по руслу Дравы, уходила в восточном направлении, а потом снова спускалась на юг до границы Далмации²².

Произошедшие при Диоклетиане (284–305 гг.) значительные изменения в административной структуре империи отразились в интересующем нас регионе следующим образом. Далмация сохранила свою прежнюю границу с Паннонией, однако заметно сократилась в размерах: территория провинции к востоку от реки Дрины составила теперь отдельную провинцию под названием Превалис или Превалитана (*Praevalis, Praevalitana*). Паннония же была поделена при Диоклетиане уже не на две, а на четыре

²¹ Kuntiĉ-Makviĉ B. Područje rimskog Ilirika uoči dolaska Hrvata // Povijest Hrvata. Knj. I: Srednji vijek / Ur. F. Šanjek. — Zagreb, 2003. — S. 18.

²² Ibid. — S. 19.

провинции, получившие названия Первой Паннонии (*Pannonia Prima*), Второй Паннонии (*Pannonia Secunda*), Паннонии Валерии (*Pannonia Valeria*) и Паннонии Савии (*Pannonia Savia*), то есть Посавской Паннонии, причем на западе ряд районов, относившихся прежде к Верхней Паннонии, вошли в состав новообразованной провинции Внутренний Норик (*Noricum Mediterraneum*). В отличие от Далмации и четырех паннонских провинций, относившихся к паннонскому диоцезу (*diocesis Pannoniae*), провинция Превалис входила в состав мезийского диоцеза (*diocesis Moesiae*)²³.

Нетрудно заметить, что процессы формирования ранней хорватской общности и кристаллизации первичного хорватского политического организма разворачивались в первую очередь на территории позднеримской Далмации. В эпоху домината граница этой провинции на западе по-прежнему шла по реке Рапхе в Истрии²⁴, на юго-востоке же вследствие выделения провинции Превалис граница проходила чуть восточнее залива Бока Которская, достигала на севере верховьев Дрины и затем по течению Дрины следовала до границы со Второй Паннонией. Северные рубежи

²³ *Matijašić R.* Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici od Dioklecijana do Justinijana. — Zagreb, 2012. — S. 46, 246 (карта); *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). — Zagreb, 2011. — S. 49–50.

²⁴ Северо-западная часть Далмации (от реки Раши до реки Крки) именовалась в античной географической традиции Либурнией по имени проживавшего здесь народа либурнов. Со времен Августа земли либурнов и соседних с ними яподов были заключены в рамки скардонитанского конвента. В 180-е гг. в рамках оборонительной системы была образована прокураторская провинция Либурния, которая, как показывают новейшие исследования, охватывала лишь северо-западную часть географической Либурнии с центром в городе Тарсатика (ныне в черте Риеки). Провинция просуществовала недолго и не позднее 239 г. снова вошла в состав Далмации. При императоре Константине военно-административная единица, опиравшаяся на традицию бывшей прокураторской провинции, была восстановлена. Наконец, в первой половине VI в., в период остготской власти над Далмацией, появилась еще одна административная единица, именовавшаяся Либурнией. Она занимала пространство от Лабина до Нина, причем в ее рамках выделялась меньшая единица — *Liburnia Tarsaticensis*, очевидно, восходившая к военно-административной единице, устроенной еще при Константине. См.: *Turković T., Basić I.* Kasnoantička i ranosrednjovjekovna Tarsatička Liburnija (*Liburnia Tarsaticensis*) u svjetlu geografskih izvora // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 40–58.

позднеримской Далмации, то есть линия ее разграничения с паннонскими провинциями, определяются в современной литературе с некоторой долей приблизительности, а прохождение отдельных участков границы остается предметом споров. Однако в целом северная граница Далмации вырисовывается довольно ясно: будучи почти параллельной руслу Савы, она вместе с тем проходила значительно южнее этой реки, достигая на востоке Дрины и попутно почти под прямым углом пересекая правобережные притоки Савы Уну, Босну и Врбас в их среднем течении. Следуя на западе, вероятно, по верхнему течению Купы, она продолжалась к востоку, опираясь главным образом на такие естественные географические рубежи, как южная кромка долины Савы и северные склоны маркирующих границы Паннонской низменности горных массивов (таких как Великая Капела на западе и Боснийские горы на востоке)²⁵. Провинция Далмация отличалась высоким уровнем урбанизации (преимущественно в приморской зоне) и развитой дорожной инфраструктурой, а ее административным центром на протяжении всего античного периода был крупный город Салона (ныне Солин близ Сплита).

В то время как соседствующие с Далмацией паннонские земли в последующие столетия стали постепенно заселяться варварами, принимавшими статус федератов империи, Далмация вплоть до аваро-славянских вторжений рубежа VI–VII вв. сохраняла свой романизированный облик. В ранневизантийский период, непосредственно предшествовавший появлению славян, Далмация имела высокий статус провинции, управляемой проконсулом. Не исключено, что в это время ее северная граница проходила уже по реке Сава, то есть севернее прежнего рубежа позднеримской Далмации. Смыкаясь у Сингидунума (современный Белград) с дунайским лимесом империи, савская граница фактически отделяла пространство империи от земель, занятых варварами²⁶.

Хотя хронологические рамки нашей работы предполагают обращение к событиям и процессам, которые разворачивались на очерченной территории уже после утраты над ней византийского контроля, границы позднеримской и ранневизантийской Далмации с полным правом могут служить географическими ориентирами

²⁵ Подробнее о северной границе Далмации с обзором мнений о прохождении отдельных участков см.: *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovekovlju... — S. 52–53.

²⁶ *Ibid.* — S. 132.

при рассмотрении процесса формирования хорватской этнополитической общности. Во-первых, естественные географические рубежи, учтенные в римском административном делении, само собой разумеется, сохраняли свое значение и в период Средневековья, а во-вторых, созданная в рамках провинции в античный период инфраструктура (населенные пункты, сельскохозяйственные имения, дороги), пусть порой и трансформированная до неузнаваемости, несомненно, оказывала влияние на территориальную направленность процессов этнополитической консолидации.

В нескольких случаях нами был осуществлен выход за пределы географических рамок Далмации и даже римского Иллирика в целом. Так, при изучении вопроса о характере ранней хорватской идентичности мы не могли не обратиться к рассмотрению общностей, которые также именовались хорватами, но проживали за пределами Далмации, в том числе на удаленных от рассматриваемого нами региона территориях Центральной и Восточной Европы. Проблематика этногенеза на территории Посавской Паннонии, важная для понимания характера ранней хорватской общности и ее соотношения с соседними этнополитическими организациями, рассматривается нами в специальном приложении, причем мы не сочли возможным отделять происходившие здесь этносоциальные процессы от ситуации на всем поставарском пространстве Карпатской котловины, что потребовало — в данном конкретном случае — соответствующего расширения географических рамок.

ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

§ 1. Характеристика использованных источников

Хотя привлекаемые нами письменные источники уже давно были введены в научный оборот, само по себе данное обстоятельство не сделало их информацией менее дискуссионной в современной науке. Ориентацию в огромном массиве часто разрозненных и обрывочных письменных свидетельств существенно облегчает наличие замечательных по своей полноте собраний источников (преимущественно в выдержках), освещающих ситуацию в рассматриваемый период времени на интересующей нас территории и/или в смежных регионах в различные периоды раннего Средневековья²⁷. Помимо письменных источников, значительный объем информации

²⁷ Так, еще в 1877 г. фрагменты всех известных к тому времени письменных источников, относящихся к истории Хорватии до 1102 г., вошли в осуществленное Ф. Рачким комментированное издание: *Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački (MSSM. Vol. VII.) – Zagrabiae, 1877* (далее – *Documenta*). Это издание до сих пор сохраняет свое значение, оставаясь удобным руководством при рассмотрении сюжетов раннесредневековой хорватской истории. Во многом не утратил своей актуальности и подробный справочник Ф. Шишича, куда вошли относящиеся к поздней античности и раннему Средневековью эпиграфические материалы и документальные источники, освещающие историю Хорватии: *Šišić F. Priručnik izvora hrvatske povijesti. Dio I. Čest 1. (Do god. 1107.). – Zagreb, 1914*. Отметим также следующие тематические собрания источников: *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. I (500–801). – Ljubljana, 1902; Kn. II (801–1000). – Ljubljana, 1906* (далее – *Gradivo*); *Византиски извори за историју народа Југославије. Т. II / Обрадио Б. Ферјанчић. – Београд, 1959* (далее – *ВИИИ*); *Monumenta Moraviae fontes historici. Vol. I: Annales et chronicae. – Brunae, 1966; Vol. II: Textus biographici, hagiographici, liturgici. – Brunae, 1967; Vol. III: Diplomata, epistolae, textus historici varii. – Brunae, 1969; Vol. IV: Leges, textus iuridici, supplementa. – Brunae, 1971* (далее – *ММФН*); *Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.) / Составители Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. – М., 1991; Т. II. (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Ронин. – М., 1995* (далее – *Свод*).

о ситуации в Далмации в VII–IX вв. несут в себе многочисленные вещественные источники, количество которых благодаря интенсивно проводящимся в Хорватии археологическим раскопкам постоянно возрастает²⁸. Ниже мы кратко охарактеризуем те письменные источники, которые содержат наиболее подробную информацию по интересующей нас теме. Необходимые сведения о других источниках, привлекаемых в исследовании, приводятся непосредственно при обращении к ним.

Важную информацию о землях Далмации и Посавской Паннонии в конце VIII — первой половине IX в. содержат франкские источники, в первую очередь «Анналы королевства франков» (*Annales Regni Francorum*)²⁹. Анналы, писавшиеся разными авторами при франкском королевском дворе в период с 788 по 829 г., охватывают время с 741 по 829 г. (с 788 г. велась погодная запись событий). Вскоре после 814 г. при дворе была составлена вторая, дополненная и переработанная редакция анналов, известная под названием «Так называемые анналы Эйнхарда» (*Einhardi annales*). Эта редакция, прослеживаемая в повествовании до 812 г., содержит дополнительные сведения, почерпнутые из других источников или являющиеся объяснением событий самим анналистом. Она послужила источником для написанного позже Эйнхардом жизнеописания Карла Великого³⁰. Как источник, современный многим из описываемых им событий, «Анналы королевства франков» выгодно отличаются от ряда других нарративных памятников относитель-

²⁸ Систематические раскопки хорватских средневековых памятников начались еще в 1880–1890-е гг. благодаря усилиям главным образом Л. Маруна, Ф. Булича и Ф. Радича. О начальных страницах хорватской археологии см. подробно: *Jurišić K.* Fra Lujo Marun osnivač starohrvatske arheologije. — Split, 1979; *Vrsalović D.* Frano Radić, znanstveni izvjestitelj «Hrvatskog starinarskog društva» u Kninu i glavni urednik «Starohrvatske prosvjete» (1857–1933) // SHP. Ser. III. — 1982. — S. 201–218; *Sokol V.* Društvo «Bihać» i starohrvatska arheologija // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 1997. — Sv. 18. — S. 253–263; *Zekan M.* Fra Lujo Marun (1857–1939) Utemeljitelj, misionar i vizionar hrvatske arheologije // SHP. Ser. III. — 2007. — Sv. 34. — S. 9–56.

²⁹ «Анналы королевства франков» сохранились во множестве списков, древнейшие из которых датируются IX в. Памятник неоднократно публиковался. См., например: *Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze.* — Hannoverae, 1895 (далее — ARF).

³⁰ См.: *Ронин В.К.* «Анналы королевства франков» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II. (VII–IX вв.). — М., 1995. — С. 464–465.

ной точностью, хотя исследователи и отмечают присущую «Анналам» вполне объяснимую тенденциозность при описании военных и политических успехов Каролингов. Подробно повествуя о политической экспансии франков, «Анналы королевства франков» сообщают немало ценных сведений о политических образованиях, располагавшихся на территории Далмации и Посавской Паннонии, об их правителях, их отношениях друг с другом и с Франкским государством и т. д.³¹

Помимо «Анналов королевства франков», сведения о ситуации в Далмации и Посавской Паннонии в конце VIII–IX вв. содержатся и в ряде других франкских нарративных источников IX ст. — Бертинских анналах³², Фульдских анналах³³, «Жизнеописании Карла Великого» Эйнхарда³⁴, «Жизнеописании императора Людовика» Анонима³⁵, «Жизнеописании императора Людовика» Тегана³⁶ и некоторых других. Правда, многие сведения этих источников о хорватских землях восходят к более ранним известиям «Анналов королевства франков». Самостоятельное значение для целей нашей работы имеют лишь отдельные пласты информации, в особенности содержащаяся в Фульдских анналах (в частности, в их Баварском (так называемом Регенсбургском) продолжении, охватывающем период с 882 по 897 г. и уделяющем повышенное внимание делам на востоке Восточно-Франкского королевства, включая отношения со славянами) информация о развитии событий в Посавской Паннонии.

³¹ Об идеологических аспектах каролингской историографии см. особенно: *McKitterick R.* Constructing the past in the early Middle Ages: the case of the Royal Frankish Annals // *Transactions of the Royal Historical Society.* — London, 1997. — Vol. 7. — P. 101–129; *Eadem.* Political ideology in Carolingian historiography // *Uses of the Past in the early Middle Ages* / Ed. by Y. Hen and M. Innes. — Cambridge, 2000. — P. 162–174. Из новых работ см.: *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб., 2006; *Он же.* Анналы королевства франков: прошлое на службе настоящего // *Проблемы истории, филологии, культуры.* — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. — № 4 (30). — С. 75–93.

³² *Annales Bertiniani* / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1883.

³³ *Annales Fuldenses* / Rec. F. Kurze. — Hannoverae, 1891 (далее — AF).

³⁴ *Einhard.* Vita Caroli Magni / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1911.

³⁵ *Anonymus.* Vita Hludowici imperatoris / Rec. G. Pertz // *MGH. Scriptores.* Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 604–648.

³⁶ *Thegan.* Vita Hludowici imperatoris / Rec. G. Pertz // *MGH. Scriptores.* Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 585–604.

Уникальные сведения о хорватских землях в середине IX в. содержатся в сочинениях бенедиктинского монаха Готшалка, знаменитого богослова и проповедника, прославившегося как автор и поборник осуждавшейся церковными авторитетами каролингской Европы, такими как аббат Фульдского монастыря и архиепископ Майнца Рабан Мавр и архиепископ Реймса Гинкмар, доктрины о преопределении³⁷. В период между 846 и 848 гг. Готшалк находился в Хорватии, пробыв некоторое время при дворе хорватского правителя Трпимира³⁸. Фрагменты, воспроизводящие любопытные реалии Хорватского дуката, замеченные Готшалком, содержатся в двух его богословских сочинениях, одно из которых представляет собой сборник пространных ответов на волновавшие монаха богословские вопросы, а второе — небольшой трактат «О преопределении» («*De praedestinatione*»)³⁹.

Некоторые сведения о правителях Хорватии и Посавского княжества, а также об окружавших их знатных людях можно почерпнуть и из такого источника, как Чивидальский евангелиарий. Этот древний кодекс, созданный на территории Равеннского экзархата еще в VI в., в раннее Средневековье представлял собой одну из важнейших реликвий Аквилейской церкви, так как считался автографом апостола Марка. Как показывают новейшие исследова-

³⁷ Литература о Готшалке весьма обширна. Из новейших работ см.: *Boller B. Gottschalk d'Orbais de Fulda à Hautvillers: une dissidence.* — Paris, 2004.

³⁸ О путешествии Готшалка в Далмацию, Паннонию и Норик сообщается и в Бертинских анналах (*Documenta.* — P. 341). Об обстоятельствах пребывания Готшалка в Далмации см. подробно: *Rapanić Ž. Solinska epizoda europske povijesti // VAHD.* — 1992. — Sv. 85. — S. 92–97.

³⁹ Указанные сочинения дошли до нас в ряду других произведений Готшалка в составе рукописного кодекса IX в., хранящегося в Берне. Авторство Готшалка было установлено в 1931 г. бельгийским исследователем Ж. Мореном, оповестившим о своем открытии и обнаружении в тексте фрагментов, относящихся к Хорватии, хорватского медиевиста Л. Катича. Фрагменты сочинения Готшалка, относящиеся к Хорватии, были впервые опубликованы Л. Катичем в составе посвященной их анализу работы: *Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira.* — Zagreb, 1932. — S. 8–9. Впоследствии эти фрагменты неоднократно переиздавались. См.: *Ivanišević M. Povijesni izvori // Starohrvatski Solin.* — Split, 1992. — S. 64; *Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela.* — Split, 2000. — S. 294. См. полную публикацию рукописного кодекса, содержащего сочинения Готшалка: *Lambott C. Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescalc d'Orbais.* — Louvain, 1945.

ния, во второй половине IX в. евангелиарий хранился не в самом Чивидале — центре Фриульской марки и резиденции аквилейских патриархов, а в расположенном в нескольких десятках километров от него монастыре св. Марии в Сан-Канциан-Д'Изонцо⁴⁰. В это время на страницы евангелиария были вписаны имена многочисленных паломников, среди которых были правители и знатные люди из различных славянских земель, в том числе из Хорватии и Среднего Посавья⁴¹.

Среди документальных источников, привлекаемых для рассмотрения интересующей нас темы, особое место принадлежит дарственной грамоте хорватского правителя Трпимира Сплитской архиепископии (середина IX в.)⁴². Хотя аутентичность грамоты, дошедшей

⁴⁰ Из новых работ см.: *Scalon C. Il Codex Forojuliensis e la sua storia // L'Evangelario di san Marco / A cura di G. Ganzer. — Udine, 2009. — P. 77–98; Vedriš T. Nekoliko opažanja o začetcima štovanja sv. Krševana u Dalmaciji u ranome srednjem vijeku // Spalatumque dedit ortum: Zbornik povodom desete godišnjice Odsjeka za povijest Filozofskog fakulteta u Splitu / Ur. I. Basić, M. Rimac. — Split, 2014. — S. 212–219.*

⁴¹ ММФН. Vol. III. — P. 330–334; Documenta. — P. 382–386; *Ančić M. Čedadski evangelijar // Hrvati i Karolinzi. Dio I. — S. 289–290.*

⁴² *Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae* (далее — CD). Vol. I: *Diplomata annorum 743–1100 continens / Redegit Marko Kostrenčić. Collegerunt et digesserunt Jakov Stipišić et Miljen Šamšalović. — Zagrabiae, 1967. — S. 3–8.* В интитуляции грамоты сообщается, что она была издана «в правление в Италии благочестивейшего Лотаря, короля франков, в XV индикт, 4 марта» (*Ibid.* S. 4). На основании указания пятнадцатого индикта грамота долгое время датировалась в историографии 852 г. Однако Л. Маргетич, ссылаясь на то, что упоминаемый в интитуляции грамоты король Лотарь фигурирует в ней как правитель Италии, считает, что грамота была создана не позднее 844 г., когда королем Италии стал сын Лотаря Людовик II, в то время как в обозначение индикта вкралась ошибка (возможно, при переписывании). Нижняя граница составления грамоты — 839 г. — определяется тем, что в этом году правил еще не Трпимир, а его предшественник Мислав, как о том свидетельствует «История венетиков» Иоанна Дякона (*Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu* (CD I, 3–8)) // *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. — Split, 1993. — God. 30. — Br. 1. — S. 48; Idem. Krsni list hrvatske države* (Trpimirova darovnica) i međunarodni položaj hrvatske države narodnih vladara // *Starine. — 2002. — Knj. 62. — S. 4–7.* Грамота Трпимира переведена на русский язык: Грамота князя Трпимира. 852 г. / пер. В.К. Ронина; под ред. Д.А. Дрбоглава // *Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. — М., 1978. — С. 59–61.*

до нас лишь в списках XVI–XVII вв. (восходящих, в свою очередь, к недошедшему списку 1333 г.), долгое время вызывала споры в историографии, в настоящее время исследователи, допуская наличие в ее тексте позднейших интерполяций, не сомневаются в аутентичности, по крайней мере, ядра грамоты⁴³. Богатую информацию о древнейшем хорватском политическом организме можно почерпнуть и из адресованных в Хорватию писем римских пап⁴⁴, особенно папы Иоанна VIII (872–882 гг.), ведшего оживленную переписку с хорватским дуксом Бранимиром⁴⁵. Исключительную ценность для изучения хорватской общности IX ст. представляют относительно многочисленные эпитафические памятники. В большинстве случаев это высеченные на деталях каменного церковного убранства (алтарных преградах и т. д.) донаторские надписи⁴⁶.

Почти двухвековой период, предшествовавший установлению около 800 г. франкского господства во внутренней части бывшей римской провинции Далмации, характеризуется крайней скудостью информации, которая может быть получена из современных ему источников. Понятие «темные века», утвердившееся в современной хорватской историографии применительно к VII–VIII вв., имеет таким образом двоякий смысл. С одной стороны, оно отражает нестабильность и неопределенность социальных и культурных практик, присущие эпохе, начало которой в Далмации положил коллапс римско-византийских административных структур, вызванный вторжением аваров. С другой стороны, использование

⁴³ Из новых работ см.: *Matijević Sokol M.* 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8. –12. listopada 2002 / Odgovorni ur. D. Komšo (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 25). – Zagreb, 2010. – S. 8–18; *Brković M.* Diplomatička analiza Trpimirove i Muncimirove isprave: U počast Mihe Barade // PP. – 2011. – Sv. 41. – S. 85–129.

⁴⁴ CD. Vol. I. – S. 8–22, 28–30, 33–36, 38–39.

⁴⁵ Branimirova Hrvatska u pismima pape Ivana VIII / Prijevod M. Matijević-Sokol. – Split, 1990.

⁴⁶ Тексты надписей из раннесредневековой Хорватии собраны в публикациях: *Šišić F.* Priručnik izvora hrvatske povijesti. – S. 118–138; *Mihaljčić R., Steindorff L.* Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts. – Wiesbaden, 1982; *Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. – Split, 1996. Надписи каролингского времени приводятся также в обстоятельном каталоге выставки «Хорваты и Каролинги»: *Hrvati i Karolinzi. Dio II* (Katalog izložbe). – Split, 2000.

этого понятия намекает на явно недостаточный уровень осведомленности современных исследователей об этой эпохе, объективно обусловленный состоянием источников. Скудость письменных известий, современных появлению хорватов на Балканах, неизбежно вынуждала исследователей обращаться к информации более поздних источников, в которых содержались сведения, иногда довольно подробные, о начальных страницах хорватской истории.

Так, уникальную информацию об истории Хорватии IX ст. содержит созданная на рубеже X–XI вв. «История венециков» (или «Венецианская хроника») Иоанна Диакона, в которой прослежены отношения Венеции с Хорватией и с соседним так называемым Неретвлянским княжеством в IX–XI вв.⁴⁷. Есть основания полагать, что Иоанн Диакон, являвшийся секретарем дожа Петра II Орсеоло (991–1009 гг.) и выполнявший важные дипломатические поручения, при описании событий IX в. опирался на ранние, не известные нам источники⁴⁸.

Наибольший же массив информации о ранней истории Хорватии несет в себе трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»⁴⁹. Главы трактата 29–36, получившие в современной историографии условное название «далматинское досье», являются составной частью блока глав (14–42), в которых описываются народы, подвластные василевсу ромеев или так или иначе задействованные в политике империи. Как показал Р. Дж. Дженкинс на основе тщательного анализа текста трактата, этот блок глав является наиболее ранним

⁴⁷ *Johannes Diaconus. Chronicon venetum // Cronache veneziane antichissime / Ed. G. Monticolo. Vol. I. — Roma, 1890. — P. 57–171. Ср. новейшее издание: Giovanni Diacono. Istoria Veneticorum / Ed. A. L. Berto. — Bologna, 1999.*

⁴⁸ См., например: *Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — Zagreb, 1975. — S. 40–41.*

⁴⁹ Трактат сохранился в нескольких списках, старейший из которых датируется временем между 1059 и 1081 г. Наиболее авторитетное критическое издание осуществлено Д. Моравчиком. Это издание с английским переводом Р. Дж. Дженкинса впервые вышло в 1949 г., а затем — с исправлениями и дополнениями по результатам новых исследований — в 1967 г.: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. — Washington, 1967.* Данное издание было положено в основу новейшей отечественной публикации памятника с переводом на русский язык: *Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. — 2-е изд. — М., 1991.*

ядром трактата «Об управлении империей», первоначально представлявшим собой самостоятельное сочинение — трактат «О народах», который впоследствии был дополнен и переработан ученым императором в наставление по управлению страной для своего сына — будущего императора Романа II. Хотя Дженкинс ставил оба этапа работы над трактатом в один небольшой хронологический промежуток (между 948 и 952 гг.), он обратил внимание на то, что значительная часть информации в трактате «О народах» относится не к середине X, а к IX в.⁵⁰. Отталкиваясь от этого наблюдения, Дж. Ховард-Джонстон недавно выступил с ревизией устоявшейся датировки создания трактата «Об управлении империей». Проанализировав хронологию событий в четырех «досье», составляющих текст «О народах», британский византинист предположил, что черновик работы «О народах» был составлен задолго до середины X в., а именно в начале X в. (между 901 и 913 гг.), в правление императора Льва VI Мудрого (886–912 гг.)⁵¹. Данное предположение хорошо согласуется с осуществленным в недавнее время рядом исследователей пересмотром господствовавшей прежде датировки правления хорватских правителей, упоминаемых в 31-й главе трактата⁵², хотя, несомненно, еще нуждается в критической проверке, когда речь идет о ядре трактата в целом.

В «далматинском досье» рассматриваются народы одного географического региона, приблизительно соответствующего пространству Далмации как позднеримской провинции. Византийская фема Далмация с центром в Задаре, существовавшая на восточном побережье Адриатики, охватывала территории, населенные романскими жителями — прибрежные города (Задар, Трогир, Сплит, Дубровник,

⁵⁰ *Jenkins R. J. H.* Introduction // *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. Vol. II: Commentary.* By F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. — London, 1962. — P. 1–8.

⁵¹ *Howard-Johnston J.* The De administrando imperio: a re-examination of the text and a re-evaluation of its evidence about the Rus // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997* / Ed. par M. Kazanski, A. Necessian, C. Zuckermann. — Paris, 2001. — P. 301–336; *Idem.* Byzantine sources for Khazar history // *The World of the Khazars: New perspectives: Selected papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium* / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai and A. Rona-Tas. — Leiden, 2007. — P. 179.

⁵² См. об этом: *Vedriš T.* Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // *RZHP.* — 2010. — Кнж. 42. — С. 28.

Котор, Будва) и острова Кварнерского архипелага в северной части Адриатического моря (Крк, Осор, Раб). Впрочем, в середине X в., когда писал свой трактат император Константин, даже в границах фемы Далмации византийское присутствие практически не ощущалось, что позволяет отдельным исследователям считать статус фемы применительно к данному периоду сугубо формальным⁵³. Что же касается заселенного славянами хинтерланда, то существовавшие здесь в период составления трактата славянские княжества (Хорватия, Сербия, Босния, Пагания, Захумье, Травуния, Конавле, Дукля), очевидно, были неподконтрольны империи с самого момента своего зарождения в эпоху расселения славян на Балканах⁵⁴. Тем не менее в Константинополе все обширное пространство бывшей римской провинции Далмация⁵⁵, включая существовавшие на ее территории «Склавинии»⁵⁶, по-прежнему рассматривалось как интегральная часть империи ромеев, что нашло наиболее яркое воплощение именно в трактате «Об управлении империей»⁵⁷.

⁵³ См.: *Ančić M.* The waning of the empire. The disintegration of Byzantine rule on the Eastern Adriatic in the 9th Century // НАМ. — 1998. — Vol. 4. — P. 15–24; *Idem.* Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. stoljeću // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. — 1999. — Sv. 41. — S. 1–20.

⁵⁴ Не вполне ясным остается лишь статус Дуклянского княжества: возможно, оно было более тесно, чем прочие Склавинии, ассоциировано с империей. См.: *Новаковић Б.* Дукља у спису *De administrando imperio* // ЗРВИ. — 2012. — Књ. 49. — С. 84, бел. 47; *Basić I.* Dalmatinski biskupi na crkvenom saboru u Hijereji 754. godine // *Spalatumque dedit ortum...* — S. 189–190.

⁵⁵ В зависимости от источников, использованных в разных главах трактата «Об управлении империей», а также в зависимости от контекста понятие «Далмация» употреблялось в трактате как в узком смысле (для обозначения прибрежных городов и островов, населенных романцами), так и в широком значении, когда в состав Далмации включались территории расположенных в хинтерланде «Склавиний». В последнем случае можно говорить о приблизительном совпадении с пространством поздне-римской и ранневизантийской Далмации. См. подробно: *Lončar M.* O Porfirogenetovoj Dalmaciji // *Diadora*. — 1990. — Sv. 12. — S. 391–400.

⁵⁶ Термин «Склавиния» использовался в Византии по отношению к славянским политиям, расположенным как внутри империи (Балканы), так и за ее пределами (Восточная Европа). См.: *Литаврин Г. Г.* Славинии VII — IX вв. — социально-политические организации славян // *Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья*. — М., 1984. — С. 193–203.

⁵⁷ См.: *Ančić M.* The waning of the empire... — P. 16.

В составе «далматинского досье» выделяется четко структурированный и идеологически выверенный нарратив так называемого «Повествования о хорватах и сербах» (главы 31–36)⁵⁸, где оба народа с момента своего появления на Балканах изображаются подвластными и послушными василевсу ромеев: инициатива в поселении в Далмации хорватов и их последующем крещении приписывается здесь византийскому императору Ираклию (610–641 гг.). Своего рода введением к «Повествованию о хорватах и сербах» служит 29-я глава, возможно, составленная чуть позже⁵⁹. В ней, в частности, акцентируются заслуги деда Константина Багрянородного — Василия I Македонянина (867–886 гг.) — по возвращению хорватов и сербов под власть Византии после короткого периода их отпадения от империи в правление императоров Амореиской династии (820–867 гг.). 30-я глава, по мнению, преобладающему в современной историографии, была добавлена в текст трактата уже после его завершения, причем написана она была не императором Константином, а неким неизвестным автором. Одной из причин для подобной, на первый взгляд необычной, атрибуции является содержательное противоречие между изложенной в 30-й главе версией ранней истории хорватов, в которой они фигурируют как народ, независимый от Византийской империи, и тем, что сообщается о славянских княжествах на Адриатике, включая Хорватию, в остальных главах трактата, посвященных политиям этой части Европы (29, 31–36). В отличие от названных глав, в 30-й главе византийский император не только не выступает инициатором таких событий хорватской истории, как их переселение в Далмацию и крещение, но и — при описании истории хорватов — не упоминается вовсе, как если бы речь шла не о византийском, а о хорватском историческом сочинении. Это обстоятельство, вкупе с некоторыми эпическими деталями повествования, наводило исследователей

⁵⁸ См.: *Ančić M. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela De administrando imperio // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 142–144.* Выделить этот нарратив в качестве самостоятельного смыслового целого позволяет отсылка к нему, содержащаяся в 29-й главе: «καθ ὃν μέλλει τρόπον ῥηθήσεσθαι ἐν τῇ περὶ τῶν Χρῳβάτων καὶ Σέρβλων συγγραφή» (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio. — P. 124*). Перевод Р. Дж. Дженкинса: «As will be related in the narrative concerning the Croats and Serbs» (*Ibid. — P. 125*) — «Как будет рассказано в повествовании о хорватах и сербах».

⁵⁹ См.: *Ančić M. Zamišljanje tradicije... — S. 142–143.*

на мысль, ставшую со временем *communis opinio* в историографии, что неизвестный автор 30-й главы использовал при ее составлении хорватскую историческую традицию, передававшуюся (по крайней мере, на определенном этапе) изустно⁶⁰.

Более поздняя, по отношению к остальному тексту трактата, датировка 30-й главы, вероятнее всего ограниченная периодом между 955 и 973 гг., определяется при этом двумя сообщениями, относящимися к так называемой «Великой Хорватии» — стране, откуда, по информации трактата, хорваты в свое время переселились в Далмацию. Первое из них говорит о подвластности «Великой Хорватии» Отгону I, правившему с 936 по 973 г., а второе упоминает дружественные отношения ее жителей с венграми, условия для которых могли возникнуть лишь после судьбоносной победы Оттона над венграми в 955 г.⁶¹

Хотя попытки интерпретировать известия трактата императора Константина о переселении хорватов, совместив их со скудными

⁶⁰ См.: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava. — Zagreb, 1925. — S. 96–101; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. — 1952. — God. V. — Br. 1–2. — S. 15–32; *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // Zbornik Histozijskog zavoda JAZU. — Zagreb, 1977. — Vol. 8. — S. 11–31. В связи с чем и почему возникла потребность в презентации в трактате новой версии хорватской истории, отличной от той, что уже здесь содержалась? Недавно М. Анчичем было предложено пусть и сугубо гипотетическое, но довольно логичное объяснение этой необычной ситуации. Исследователь связал появление в Константинополе новой версии ранней хорватской истории с правлением хорватского короля Степана Держислава (969–997 гг.), который, по информации «Истории архиепископов Сплита и Салоны» Фомы Сплитского (XIII в.), восходящей в данном случае к более раннему источнику, первым среди хорватских правителей стал титуловаться «королем Далмации и Хорватии», получив из Константинополя соответствующие инсигнии. Признание за хорватским правителем столь высокого статуса, связанное со стремлением Византии обеспечить эффективный противовес своему основному противнику на Балканах — Болгарии, потребовало, по мнению Анчича, появления соответствующей версии ранней хорватской истории (*Ančić M.* Zamišljanje tradicije... — S. 143–147).

⁶¹ *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata. — S. 96–101; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 15–32. См. подробный обзор дискуссии, которая велась в историографии по поводу датировки 30-й главы: *Lončar M.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Dia-dora*. — 1992. — Sv. 14. — S. 377–390.

сведениями более ранних источников о ситуации на западе Балкан в период между 600 и 800 гг., а также с результатами археологических раскопок на территории Далмации, наталкивались на большие трудности, в целом кредит доверия к трактату как источнику информации о происхождении хорватов сохранялся в историографии вплоть до самого недавнего времени. В последнее десятилетие, не без влияния пришедших в историческую науку постмодернистских подходов, исследователи все более отходят от использования трактата «Об управлении империей» как энциклопедического историко-этнографического справочника, своего рода резервуара разной по происхождению информации о раннем прошлом варварских народов, которая, будучи освобождена от обусловленных теми или иными факторами искажений, может быть практически беспрепятственно использована для реконструкции далекого прошлого. Соответственно информация трактата о ранней истории хорватов стала трактоваться в первую очередь в связи с идейным замыслом трактата в целом, подчиненным, как считается, задачам репрезентации византийского имперского порядка⁶² и отраженным в содержании далматинского досье «социальном знании» императорского двора⁶³. Соглашаясь в целом с таким подходом, следует заметить, что он задает лишь самые общие рамки понимания текста. Вопрос о том, что из сообщаемого в трактате подчинено задачам изображения «правильной истории», а что является встроенным в нарратив элементом «локального знания», по-прежнему сохраняет свою актуальность⁶⁴.

Еще сложнее в этом смысле обстоит дело с двумя другими, созданными еще позднее, чем трактат императора Константина, нарративными памятниками — Летописью попа Дуклянина и «Историей архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского. Так, в Летописи попа Дуклянина (XII в.), дошедшей до нас в нескольких

⁶² См.: *Dzino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 153–165.*

⁶³ См.: *Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani... — S. 230–240.*

⁶⁴ См. обзор актуальных на сегодняшний день исследовательских позиций: *Vedriš T. Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 13–36; Živković T. Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim gentes u De administrando imperio vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959) // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. — Sarajevo, 2012. — Knj. 41. — S. 201–210.*

редакциях⁶⁵, старейшими из которых являются латинская, созданная в Дукле⁶⁶, и написанная по-хорватски «Хорватская хроника»⁶⁷, описываются деяния правителей якобы существовавшего в прошлом на землях позднеримских провинций Далмации и Превалиса обширного «готско-славянского» королевства, основанного готами в конце V в. и со временем заселенного славянами. Как несколько туманно объясняет читателю во введении автор латинской редакции летописи, ее текст включает в себя (или даже целиком представляет собой) сделанный им перевод со славянского языка некой «Книги о готах» (*Libellus Gothorum*), которая по-латыни называется «Королевство славян» (*Regnum Sclavorum*)⁶⁸. На основании

⁶⁵ Летопись неоднократно издавалась. Все четыре редакции вошли в издание: Летопис Попа Дуклянина / Ур. Ф. Шишић. — Београд; Загреб, 1928 (далее — ЛПД). Ср. новейшее издание: *Gesta Regum Sclavorum* / Ур. Т. Живковић. Т. I: Критичко издање приредила и текст превела Д. Кунчер. — Београд, 2009; Т. II: Живковић Т. Коментар. — Београд, 2009 (далее — GRS). Недавно появился и комментированный русский перевод латинской редакции: *Алексеев С.В.* Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий. — СПб., 2015.

⁶⁶ Латинская редакция Летописи попа Дуклянина дошла до нас в нескольких списках, самый ранний из которых относится к середине XVII в. В 1601 г. М. Орбини был издан итальянский перевод латинской редакции, сделанный с неизвестного списка латинского текста и имеющий расхождение с известными списками латинской редакции.

⁶⁷ Старейший список «Хорватской хроники» датируется 1546 г. Он был сделан И. Калетичем (Чалетичем) со списка или же с оригинала текста, обнаруженного в начале XVI в. сплитчанином Д. Папаличем, но впоследствии утерянного. Особую редакцию представляет собой латинский перевод «Хорватской хроники» под названием «Деяния королей Хорватии и Далмации» (*Croatiae Dalmatiaeque regum gesta*), выполненный около 1510 г. знаменитым хорватским литератором эпохи Ренессанса Марко Маруличем с текста обнаруженной Д. Папаличем рукописи или, возможно, с уже сделанного им списка. Перевод М. Марулича содержит определенные расхождения с текстом «Хорватской хроники» по списку И. Калетича. Подробнее см.: *Mužić I.* Hrvatska kronika od 547. do 1089. // Hrvatska kronika / Priredio I. Mužić. — Split, 2001. — S. 14–20. См. новейшие публикации памятника с подробным комментарием: *Marulić M.* Djela kraljeva Dalmacije i Hrvatske / Priredio i predgovor napisao N. Jovanović; preveo i bilješkama popratio V. Rezar // Marulić M. Latinska manja djela II. — Split, 2011. — S. 123–225; *Mužić I.* Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. — Split, 2011.

⁶⁸ «...ut Libellum Gothorum quod latine Sclavorum dicitur regnum, quo omnia gesta ac bella eorum scripta sunt, ex sclavonica littera verterem in

датировки событий, описанием которых завершается повествование, считается, что латинская редакция *Летописи* попа Дуклянина была создана в середине или во второй половине XII в.⁶⁹ В качестве ее наиболее вероятного автора в историографии фигурирует Григорий, архиепископ дуклянского города Бара в 1172–1196 гг.⁷⁰

Изложение событий в «Хорватской хронике» соответствует (с некоторыми более или менее существенными расхождениями в отдельных деталях) первым 23-м главам из 47 глав латинского текста дуклянского автора с присоединением к ним еще нескольких глав (24–28) с содержанием, не имеющим параллелей в латинской редакции. Притом что в контексте латинской редакции «готско-славянское» королевство рассматривается фактически как

latinam...» (ЛПД. — С. 292). Если принять конъектуру К. Шегвича, заменив «regnum» на «regum», то перевод может быть и таким: «...книгу готских, что по-латыни означает “славянских”, королей». Данная конъектура представляется логичной в свете слов летописца о том, что в книге описываются «их деяния и войны», что более применимо к королям, нежели к народам (см.: Šegvić K. Hrvat, Got, Slav u djelu Tome Splitsanina // *Nastavni vjesnik*. — 1931/1932. — Knj. XL. — S. 24–25).

⁶⁹ В историографии несколько раз предпринимались попытки оспорить подобную датировку латинской редакции, однако ни одна из них не встретила поддержки исследователей. Новейшая попытка пересмотра традиционной датировки памятника была осуществлена Т. Живковичем, предположившим, что *Летопись* (латинская редакция) была написана в Сплите цистерцианцем Рогерием в период между 1295 и 1298 гг., а спустя несколько лет, когда Рогерий был барским архиепископом (1299–1301 гг.), была им же изменена и дополнена. По мнению исследователя, подобная атрибуция вытекает из наличия в тексте летописи пассажей, свидетельствующих о знакомстве ее автора с теми памятниками средневековой европейской историографии, которые входили в круг чтения Рогерия, в то время как идейное содержание памятника, по мнению сербского медиевиста, позволяет думать о том, что оно писалось по заказу хорватского магната Павла Шубича, носившего в 1293–1312 гг. титул бана хорватов (см. подробно: *Живковић Т.* Коментар (GRS. Т. II)). Далеко идущие построения сербского медиевиста справедливо подверглись критике в историографии как недостаточно обоснованные, причем попутно были высказаны и дополнительные соображения в пользу традиционной датировки памятника XII ст. См.: *Radoman A.* Gesta Regum Sclavorum nova istoriografska mistifikacija // *Matica* (Cetinje). — 2013. — God. 14. — Br. 53. — S. 103–124; *Алексеев С. В.* *Летопись* попа Дуклянина. — С. 26–28.

⁷⁰ Подробное обоснование такой атрибуции см. в работе: *Peričić E.* Sclavorum Regnum Grgura Barskog: Ljetopis Popa Dukljanina. — Zagreb, 1991.

ранний этап истории Травунского и Дуклянского княжеств, так как именно травунские, а затем дуклянские правители, деяния которых прослеживаются летописцем до середины XII в., предстают в летописи преемниками легендарных «готско-славянских» королей, в «Хорватской хронике» привязка «готско-славянского» королевства к Травунии и Дукле отсутствует. Напротив, преемником правителей «готско-славянского» королевства предстает здесь хорватский король Дмитрий Звонимир (1075–1089 гг.), о судьбе которого подробно рассказывается в последних главах хроники. Более того, место действия событий, описываемых в начальных главах хроники, вполне позволяет трактовать их как относящиеся к Хорватии и Боснии⁷¹. Вследствие этого обстоятельства в историографии даже появилась версия о хорватском происхождении «Книги о готах», положенной в основу созданной в Дукле латинской редакции⁷². Между тем оснований для этого явно недостаточно: язык «Хорватской хроники» явно указывает на более поздний период ее создания (возможно, XIV в.⁷³), а характер содержательных отличий от латинской версии скорее позволяет говорить о «кroatизации» в «Хорватской хронике» дуклянской версии

⁷¹ См. об этом: *Mužić I.* Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. — S. 22–23, 58–60; *Hadžijahić M.* Povijest Bosne u IX i X stoljeću. — Sarajevo, 2004. — S. 36–82.

⁷² См. особенно: *Mužić I.* Hrvatska kronika od 547. do 1089. — S. 7–39. Свообразием отличалась позиция Д. Мандича. Полагая, что славянское сочинение «*Libellus Gothorum*», к которому будто бы восходит «Хорватская хроника», было создано в Дукле около 1077 г., исследователь интерпретировал этот источник как хорватскую хронику, так как на основе главным образом присутствующей в Летописи попа Дуклянина традиции о «Червонной Хорватии» считал Дуклю хорватским политическим организмом, ставшим в XI в. лидировать среди хорватских княжеств. При этом, фактически отождествляя описываемое в Летописи «готско-славянское» королевство с Хорватией эпохи «темных веков», исследователь полагал, что в основе известий 2-й и 3-й глав Летописи лежит древнейшая хорватская хроника, будто бы созданная еще в VIII — начале IX в. (*Mandić D.* Kraljevstvo Hrvata i Ljetopis Popa Dukljanina // *Idem.* Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. — Rim, 1963. — S. 443–469). Слабо обоснованные построения Д. Мандича не нашли поддержки в историографии.

⁷³ См.: *Шушунь Ф.* Увод. О Летопису Попа Дукљанина // ЛПД. — С. 162–163; *Leśny J.* Wstęp // Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował Jan Leśny. — Warszawa, 1988. — S. 19.

истории «готско-славянского» королевства, нежели об обратном явлении⁷⁴. Что же касается места и времени составления гипотетического славянского протографа латинской редакции, то на сей счет можно лишь высказывать догадки.

В свое время хорватским исследователем Милорадом Медини на основе главным образом анализа лексики, используемой в латинской редакции Летописи попа Дуклянина, было предложено выделять в качестве древнейшего ядра памятника главы I–XXXV. Медини интерпретировал эту часть как хронику, предположительно созданную в Травунском княжестве в начале XI в., предложив называть ее «Травунской летописью»⁷⁵. И хотя не все ученые согласились с выводами Медини, результаты многолетних исследований Летописи попа Дуклянина позволяют по крайней мере говорить о том, что перед нами сложносоставный памятник. Правда, выявление в тексте Летописи тех или иных ранних слоев носит в значительной степени спекулятивный характер, так как базируется главным образом на анализе содержания памятника, оставляющем, ввиду своей неподкрепленности сведениями других источников, широкое пространство для интерпретаций. Более взвешенными представляются попытки некоторых исследователей идентифицировать в тексте Летописи попа Дуклянина следы отдельных локальных традиций славянских княжеств, существовавших в раннем Средневековье на восточном побережье Адриатики, в первую очередь Травунии и Дукли⁷⁶, но и они не выходят за рамки более или менее приемлемых гипотез.

В отличие от сведений, приводимых в трактате императора Константина, известия о раннем прошлом Далмации, содержащиеся в Летописи попа Дуклянина, давно перестали восприниматься

⁷⁴ Основываясь на содержательных особенностях «Хорватской хроники», а также на самом факте обнаружения ее рукописи в местности далматинского хинтерланда, истари принадлежавшей роду Качичей, М. Анчич атрибутировал хронику магистру Николаю из Краины — высокообразованному выходцу из упомянутой местности, проживавшему в начале XV в. в Трогире: *Ančić M. Ljetopis kraljeva Hrvatske i Dalmacije (Vrijeme nastanka i autorstvo Hrvatske redakcije Ljetopisa popa Dukljanina)* // *ZČ.* — 1990. — Letnik 44. — Št. 4. — S. 521–546.

⁷⁵ *Medini M. Kako je postao Ljetopis popa Dukljanina* // *Rad HAZU.* — 1942. — Knj. 273. — S. 113–156.

⁷⁶ См. как пример: *Живковић Т. Легенда о Павлимиру Белу* // *ИЧ.* — 2003. Књ. 50. — С. 9–32.

большинством исследователей как заслуживающая доверия информация о происхождении и ранней истории хорватов. При этом, однако, следует иметь в виду, что немаловажную роль в скептическом отношении исследователей к той картине прошлого, которая представлена в данном памятнике, сыграло то обстоятельство, что она сильно отличается от другой картины — той, что рисовалась на основе известий трактата императора Константина. Подобный подход едва ли можно считать оправданным, ведь и сам трактат императора Константина в значительной степени следует рассматривать как отражение «социального знания» эпохи, значительно отстоящей по времени от описываемых в нем событий.

Существенно расходятся с информацией трактата императора Константина и сведения о ранней истории хорватов, содержащиеся в «Истории архиепископов Сплита и Салоны» Фомы, архидиакона Сплитского⁷⁷. Это историческое сочинение, созданное в Сплите и посвященное истории Сплитской церкви и Сплита, часто неточно именуется в историографии «Хроникой Фомы Сплитского» или «Историей Салоны» (*Historia Salonitana*)⁷⁸. Его автор, Фома Сплитский (1200/1201–1268 гг.) — видный представитель церковной элиты Сплита, будучи с 1230 г. архидиаконом, в 1243 г. едва не стал сплитским архиепископом. Свой исторический труд, охватывающий период от античности до 1266 г., он создал в 1240–1260-е гг.⁷⁹ Хотя в центре внимания архидиакона Фомы находится

⁷⁷ Из нескольких списков Хроники Фомы Сплитского, относящихся к XIII–XVII вв., древнейшим является Сплитский список, датированный концом XIII — началом XIV в. В 1894 г. Ф. Рачким было осуществлено комментированное издание Хроники по Сплитскому списку: *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana / Digessit Dr. Fr. Rački. (MSSM. Vol. XXVI. Scriptores. Vol. III). — Zagrabiae, 1894.* Недавно появилось новое критическое издание памятника с переводом на хорватский язык: Тома Архидакон. *Historia Salonitana: povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika / Predgovor, latinski tekst, kritički aparat i prijevod na hrvatski jezik Olga Perić. — Split, 2003.* В 1997 г. вышел перевод Хроники на русский язык, выполненный О. А. Акимовой по изданию Ф. Рачкого: *Фома Сплитский. История архиепископов Сплита и Салоны / вступ. статья, перевод, комментарий О. А. Акимовой. — М., 1997.*

⁷⁸ Сам Фома Сплитский озаглавливает свой труд так: «Incipit Istoria Salonitanorum pontificum atque Spalatensium».

⁷⁹ *Акимова О. А.* Введение // Фома Сплитский. История архиепископов Сплита и Салоны. — С. 18. Литература о Фоме Сплитском весьма обширна. Помимо классической работы К. Шегвича (*Šegvić K. Toma Splićanin,*

город Сплит, географические рамки его повествования гораздо шире. Они охватывают всю Далмацию, причем в представлении ученого архидиакона современная ему Далмация, в отличие от античной провинции, представляет собой приморскую область (*regio maritima*)⁸⁰. При этом, по его же словам, она простирается от Кварнерского залива до Эпира⁸¹, то есть включает в свой состав приморскую часть не только позднеримской Далмации, но и бывшей провинции Превалис⁸². Фокусируя основное внимание на событиях в этой приморской области, Фома Сплитский, естественно, обращается и к тому, что происходило в областях далматинского хинтерланда. В частности, его труд включает в себя обстоятельное повествование о происхождении хорватов, их взаимоотношениях со Сплитом и событиях ранней хорватской истории.

Особую редакцию сочинения Фомы Сплитского представляет собой пространная сплитская хроника, где, в отличие от труда Фомы Сплитского, изложение событий доведено до 1185 г. В исто-

državnik i pisac (1200–1268): njegov život i njegovo djelo. — Zagreb, 1927), отметим несколько новейших исследований, проливающих свет на биографию автора и обстоятельства создания им своего труда: *Gulin A. Uloga i čast Toma Arhidakona u Splitskom kaptolu // Toma Arhidakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. —27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 29–38; Kovačić S. Toma Arhidakon, promicatelj crkvene obnove, i splitski nadbiskupi, osobito njegovi suvremenici // Ibid. — S. 41–70.*

⁸⁰ *Фома Сплитский*. История архиепископов Сплита и Салоны. — С. 25. Географические представления Фомы Сплитского вкупе с культурными элементами содержания его труда (апелляция к сюжетам античной мифологии и др.) позволили Анджело Флорамо говорить о смыслообразующей роли «средиземноморской идентичности» в историческом дискурсе ученого архидиакона: *Floramo A. Istis verotemporibus sicut ab antiquo: Le categorie dello spazio e del tempo nell'Opera dell'Arcidiacono Tommaso // Toma Arhidakon i njegovo doba. — S. 119–128.* Данное замечание итальянского исследователя представляется нам весьма верным.

⁸¹ *Фома Сплитский*. История архиепископов Сплита и Салоны. — С. 25.

⁸² В XII–XIII вв. существовала традиция распространять название Далмации на земли, некогда составлявшие часть ранней римской провинции Далмации, но позднее вошедшие в состав провинции Превалис. Кроме того, такие границы могли отражать территориальные притязания Сплитской церкви на церковную юрисдикцию над землями Дукли. См.: *Акимова О.А. Комментарий // Фома Сплитский. История архиепископов Сплита и Салоны. — С. 148, 168.*

риографии она известна под названием «Большая история Салоны» (*Historia Salonitana maior*). «Большая история Салоны» содержит в своем составе тексты писем пап Иоанна X и Льва VI и акты сплитских церковных соборов 925–928 гг. Относительно датировки хроники, дошедшей до нас в нескольких списках, старейший из которых относится к XVI в.⁸³, и ее отношения к труду Фомы Сплитского в историографии высказывались различные, зачастую прямо противоположные друг другу мнения. Она считалась произведением самого архидиакона Фомы, более старой редакцией сочинения, позднее использованного Фомой для написания «Истории архиепископов Сплита и Салоны», наконец, позднейшей компиляцией XV–XVI вв. Убедительные аргументы в пользу последней точки зрения приведены Н. Клаич⁸⁴.

Как и в случае с Летописью попа Дуклянина, информация «Истории архиепископов Сплита и Салоны» Фомы Сплитского о происхождении и ранней истории хорватов справедливо рассматривается в современной историографии в большей степени как отражение представлений о хорватской истории самого ученого архидиакона, нежели как источник информации о событиях VII–IX вв.⁸⁵. Более того, жанровые особенности сочинения Фомы, который при описании ранних страниц сплитской, далматинской и хорватской истории выступал как историк, весьма искусно обрабатывавший и систематизировавший доступную

⁸³ См. критическое издание памятника: *Klauž H. Historia Salonitana Maior* (САНУ. Посебна издања. Књ. CCCXCIX. Одељење друштвених наука. Књ. 55). — Београд, 1967.

⁸⁴ См. обзор историографии вопроса: *Margetić L. Historia Salonitana i Historia Salonitana Maior — neka pitanja // HZ. — 1994. — God. XLVII (1). — S. 1–36*. Отдельная полемика велась в историографии по вопросу об аутентичности включенных в состав «Большой истории Салоны» документов, в особенности актов сплитских соборов 925–928 гг. В настоящее время большинством исследователей признается их аутентичность, хотя первоначальный облик этих документов, как и обстоятельства их попадания в текст «Большой истории Салоны», все же остаются неясными. См. подробно: *Прозоров В.Б. Позднеантичная и раннесредневековая история Салонской церкви в отражении анонимной «Салонской истории» («Historia Salonitana Maior»)*. Автореф. дис. к. и. н. — М., 1997. — С. 7–9, 15–20.

⁸⁵ О конструировании истории в труде Фомы Сплитского см. подробно: *Ivić N. Domišljanje prošlosti. Kako je trinaestostoljetni splitski arhidakon Toma napravio svoju Salonitansku historiju. — Zagreb, 1992.*

ему информацию⁸⁶, таковы, что его труд можно отнести не столько к источникам, сколько к историографии проблемы этногенеза хорватов. Вместе с тем эта же черта сочинения Фомы делает весьма перспективными попытки идентифицировать использованные им при написании своего труда письменные источники. Об использовании письменных источников при описании древнейших страниц истории Сплита заявляет сам архидиакон Фома в VII главе своего сочинения, посвященной разорению варварами Салоны: «...мы, как и в других случаях, попытаемся изложить это частью по письменным свидетельствам, частью по преданиям, частью по позднейшим предположениям»⁸⁷. Вопрос о том, какие именно источники могли использоваться сплитским архидиаконом при описании событий VII–IX вв., остается предметом дискуссий. На основе анализа латинской терминологии и сопоставления с другими письменными памятниками хорватскому исследователю Радославу Катичичу удалось выявить в тексте Фомы Сплитского следы древнейших памятных записей Сплитской церкви, предположительно современных событиям VII–VIII вв.⁸⁸, что, впрочем, не снимает вопроса относительно источника сведений о собственно хорватской истории этого периода.

§ 2. Историография

Зарождение научного интереса к тому, что можно условно назвать происхождением хорватского народа, было теснейшим образом связано с культурной средой эпохи Ренессанса и Барокко, когда в трудах интеллектуалов Венецианской Далмации, Дубровницкой республики и Хорватского королевства в составе композитной монархии Габсбургов появились и получили развитие историографические концепции, обязанные своим возникновением раннемодерному протонациональному дискурсу. Протонациональный дискурс стал своего рода ментальным ответом интеллек-

⁸⁶ О Фоме Сплитском как историке и использованных им источниках см.: *Акимова О. А.* Историческая мысль в Далмации в XIII в. (Хроника Фомы Сплитского). Автореф. дисс. к.и.н. — М., 1984; *Matijević Sokol M.* Toma Arhidakon i njegovo djelo: rano doba hrvatske povijesti. — Jastrebarsko, 2002.

⁸⁷ *Фома Сплитский.* История архиепископов Сплита и Салоны. — С. 35.

⁸⁸ *Katičić R.* Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // SHP. Ser. III. — 1987. — Sv. 17. — S. 17–51.

туалов-гуманистов на потребность в новых формах коллективной идентификации, отвечавших менявшемуся мировоззрению социальной элиты. Народы, которыми стали в это время населяться пространства на ментальных картах, уже не вмещались в политические и сословные рамки позднесредневековых «nationes», а такие критерии общности, как воображаемое единство происхождения и языковое родство, стали составлять конкуренцию линиям размежевания, основанным на подданстве и сословной принадлежности. При этом, как это часто происходило в истории общественной мысли, протонациональный дискурс актуализировал уже присутствовавшие в «социальном знании» эпохи образы прошлого, придав им совершенно новое значение и звучание.

В современной историографии справедливо отмечается важный, едва ли не решающий вклад хорватских авторов XV–XVII вв. (Юрай Шижгорич, Людовик Цриевич-Туберон, Винко Прибоевич, Марко Марулич, Динко Заворович, Мавро Орбини, Юрай Ратткай, Павел Риттер-Витезович и др.) в становление влиятельных концепций хорватского этногенеза, таких как «автохтонизм», утверждавший местные, иллирийские истоки хорватской общности, или «миграционизм», предполагавший, что ключевую роль в формировании хорватов сыграли переселения с севера⁸⁹. Более того, именно в эпоху Ренессанса под влиянием характерной для протонационального дискурса актуализации фактора языкового родства были заложены основы для восприятия истории хорватов как истории славянского народа, связанного единством языка и происхождения. Осмысление исторической индивидуальности хорватов как славянского народа происходило в ренессансной историографии при посредстве протонациональной «идеологемы» иллиризма, утверждавшей — в отличие от средневекового представления о пришедших издалека варварах — местные, античные истоки славяноязычных жителей Далмации⁹⁰.

Впервые со всей ясностью тезис о древнем иллирийском происхождении «далматинцев» был сформулирован в трактате далматинского гуманиста, жителя Шибеника, Юрая Шижгорича

⁸⁹ См., например: *Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia.* — Leiden; Boston, 2010. — P. 16–18.

⁹⁰ О протонациональной «идеологеме» иллиризма см. всеобъемлющее исследование З. Блажевич: *Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma.* — Zagreb, 2008.

«О положении Иллирии и о городе Шибенике» (1487 г.)⁹¹, в котором славяноязычные далматинцы выступают как часть более широкой общности — «иллиров»⁹². В речи (*oratio*) другого далматинского гуманиста — Винко Прибоевича — «О происхождении и славе славян» (1525 г.), произнесенной им в его родном городе Хваре, а затем опубликованной в Венеции (1532 г.)⁹³, произошло имевшее большое влияние на последующую историографическую традицию отождествление «иллирского» народа со славянами. Концепция Прибоевича об иллирах-славянах, вступавшая в противоречие со средневековым представлением о славянах как о «варварах», находилась в русле средиземноморских, прежде всего итальянских, антикизирующих идеологических конструкций⁹⁴.

Важнейший шаг на пути разработки соответствовавшего протонациональному дискурсу исторического нарратива связан с именем дубровницкого историка Мавро Орбини, который в своем грандиозном труде «Королевство славян» (1601 г.) не только изобразил масштабную картину средневековой истории славянских народов, включая хорватов, но и концептуально обобщил доступную ему информацию разнородных источников в рамках представлений о едином славянском народе и его расселении в Европе⁹⁵.

⁹¹ Šižgorić J. O smještaju Ilirije i o gradu Šibeniku / Priredio i preveo V. Gortan. — Šibenik, 1981.

⁹² Об этнической проблематике в трактате Шижгорича см. подробно: Kožić M. U spomen Jurju Šižgoriću povodom petstote obljetnice njegova djela «O smještaju Ilirije i o gradu Šibeniku» // Etnološka tribina. — 1987. — Sv. 10. — S. 69–76; Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. — S. 117–125.

⁹³ Pribojević V. O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli V. Gortan, P. Knezović. — Zagreb, 1997.

⁹⁴ Как показал Д. Мадунич, концепция В. Прибоевича может быть осмыслена как вывод на максимально широкий, фактически протонациональный уровень свойственных ренессансной историографии представлений о «родине» (*patria*). При этом главными критериями, позволявшими В. Прибоевичу обосновывать идею единой «*natio Slavorum*», были единое происхождение (от библейского Фираса) и общий язык (Madunić D. Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in Early Modern East Central Europe / Ed. by B. Trencsényi and M. Zászkaliczky. — Leiden; Boston, 2010. — P. 177–202).

⁹⁵ Orbini M. Kraljevstvo Slavena / Prevela S. Husić; priredio i uvodnu studiju napisao F. Šanjek. — Zagreb, 1999. К настоящему времени доступно и в русском переводе: Орбини М. Славянское царство. Происхождение

Книга Орбини, помимо прочего, стала отправной точкой и для развития представлений о ведущей роли готов в становлении средневекового хорватского государства. Готские сюжеты Летописи попа Дуклянина, опубликованной в книге Орбини в переводе на итальянский язык, органично сочетались с разработанной автором концепцией истории славянских народов, важная роль в которой отводилась исходу славян со своей прародины, которую Орбини локализовал в Скандинавии, то есть там, где средневековая традиция размещала древнюю родину готов⁹⁶.

Славяноцентричная историческая концепция Орбини, поставившего на службу своей «славянской идее» и ренессансный иллиризм, и средневековый готицизм, оказала большое влияние на авторов так называемого «барочного славизма», а его схема хорватской истории с ключевой ролью в ней готской династии «Свевладичей» (потомков короля Сенулада/Свевлада, одного из персонажей Летописи попа Дуклянина) стала практически канонической для историографии Дубровника, Далмации и Хорватского королевства (в составе монархии Габсбургов) в XVII–XVIII вв. При этом происходившее в эту эпоху усложнение протонационального дискурса, выразившееся в появлении собственно хорватского протонационализма, способствовало дальнейшей разработке хорватской средневековой истории.

Важную роль в этом процессе сыграл хорватский историк Павел Риттер-Витезович, в трудах которого окончательно оформляется концепция славянского народа хорватов. Его сочинение «Возрожденная Хорватия» (1700 г.)⁹⁷, призванное обосновать территориальные притязания Габсбургов при разграничении с Османской империей, последовавшем после заключения в 1699 г. Карловицкого мира, содержало, по признанию современных исследователей, все необходимые элементы для концептуализации

славян и распространение их господства / пер. Ю. Куприкова. — М., 2010; 3-е изд.: 2015. Об истории создания книги см.: *Zlatar Z. Kraljevstvo Slavena u međunarodnom političkom, ekonomskom i kulturnom kontekstu* (о. 1550. — 1610.) // RZHP. — 2011. — Vol. 43. — S. 15–36.

⁹⁶ Об исторической концепции Орбини см. подробно: *Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma*. — S. 176–192; *Husić S. Teritorijalna organizacija pripovijedanja u Orbinijevu Kraljevstvu Slavena* // RZHP. — 2011. — Vol. 43. — S. 81–96.

⁹⁷ *Vitezović Ritter P. Oživjela Hrvatska / Preveo Z. Pleše*. — Zagreb, 1997; *Vitezović Ritter P. Oživjela Hrvatska = Croatia rediviva / Prevela i priredila Z. Blažević*. — Zagreb, 1997.

хорватской общности как национальной⁹⁸. Здесь не только детально обрисовывались территориальные и «этнические» (общий язык, общее происхождение) параметры Хорватии, но и содержалось историческое обоснование государственной традиции Хорватии в ее «исторических» границах со времен правления легендарного короля Остроивя (Остроила Летописи попа Дуклянина), то есть с конца V в⁹⁹. Идеи Витезовича оказали существенное влияние на последующие национальные проекты хорватских идеологов с их неизменным акцентом на языке как основе идентичности и государственно-правовом континуитете Хорватского королевства от раннего Средневековья к Новому времени¹⁰⁰. Отныне история хорватов, преодолев политические, сословные и административные рамки, стала осмысляться и изучаться как история особого славянского народа, обладающего этническим единством и многовековой традицией собственной государственности.

Ко времени формирования в хорватской общественной мысли полноценного национального дискурса, поставившего в соответствующий контекст процесс изучения хорватского этногенеза, в историографии был уже накоплен значительный объем информации по раннесредневековой истории Далмации, Хорватии и Славонии. Так, в появившемся в середине XVII в. капитальном труде трогирского историка-эрудита Ивана Лучича, считающегося родоначальником критической историографии в хорватских землях, были успешно разработаны многие общие и частные вопросы истории раннесредневековой Хорватии, введены в научный

⁹⁸ См.: *Banac I.* The redivived Croatia of Pavao Ritter Vitezović // *Harvard Ukrainian Studies*. — 1986. — Vol. 10. — Nr. 3–4. — P. 499–505; *Cipek T.* Oblikovanje hrvatskog nacionalnog identiteta. Primordijalni identitetski kod u ranoj hrvatskoj političkoj misli // *Dijalog povjesničara-istoričara* / Ur. I. Graovac, H. G. Fleck. — Zagreb, 2001. — S. 68–70; *Grdešić M.* Pavao Ritter Vitezović, nacionalni identitet i politička znanost // *Politička misao*. — 2003. — Vol. XL. — Br. 4. — S. 145–162; *Topić M.* Nacionalizam i ideologija. Pavao Ritter Vitezović kao nacionalni mislitelj i/ili ideolog // *Zbornik Odsjeka povijesnih znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU*. — 2010. — Sv. 28. — S. 107–138.

⁹⁹ Детальный анализ исторической концепции Витезовича см. в работах: *Blažević Z.* Vitezovićeva Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652. — 1713.). — Zagreb, 2002; *Eadem.* Intertekstualni odnosi između Orbinijeva Kraljevstva Slavena i latinskih historiografskih djela Pavla Rittera Vitezovića // *RZHP*. — 2011. — Vol. 43. — S. 97–112.

¹⁰⁰ *Banac I.* The redivived Croatia... — P. 505–507.

оборот важные источники, такие, например, как дарственные грамоты хорватских правителей, восстановлена хронология важнейших событий¹⁰¹. Подобная работа по сбору информации и упорядочиванию фактов ранней хорватской истории продолжалась и в XVIII ст. Среди авторов этой эпохи следует особенно отметить венецианского историка-эрудита Даниэле Фарлати, автора относящейся к хорватским землям части капитального труда «*Illyricum sacrum*», посвященного церковной истории Балкан¹⁰². В труде Фарлати концепция ранней истории западной части Балканского полуострова, основанная на сведениях Летописи попа Дуклянина, приобрела, пожалуй, наиболее законченный вид. Согласно венецианскому автору, готское королевство, основанное летописным королем Остроилом в Далмации, постепенно заполнилось славянами, к каковым он относил также хорватов и сербов, переселившихся сюда в VII в. Славяне в результате составили основную массу жителей королевства, а династия готских королей со временем славянизировалась¹⁰³.

Взрослий с конца XVIII в. интерес к происхождению и древнейшей истории славянских народов в европейской историографии был во многом обусловлен происходившим в эпоху Просвещения и продолжившимся позднее интеллектуальным «открытием» Восточной Европы с характерным для него вниманием к тому, что сейчас бы назвали этногенезом¹⁰⁴. В этой связи следует особенно отметить труды филолога-латиниста, одного из зачинателей археологии и нумизматики в хорватских землях Матии Петра Катанчича, отстаивавшего тезис об автохтонности славянского населения в Далмации и Паннонии¹⁰⁵. Не могли обойти тему происхождения

¹⁰¹ *Lucius I. De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex.* — Amstelodami, 1666. См. издание в переводе на хорватский язык: *Lučić I. O kraljevstvu Dalmacije i Hrvatske / Priredila i prevela Bruna Kuntić-Makvić.* — Zagreb, 1986. О Лучиче см. подробно: *Kurelac M. Ivan Lučić Lucius. Otac hrvatske historiografije.* — Zagreb, 1994.

¹⁰² *Farlati D. Illyricum sacrum.* Т. II. *Ecclesia Salonitana.* — Venetiis, 1753; Т. III. *Ecclesia Spalatensis olim Salonitana.* — Venetiis, 1765.

¹⁰³ *Farlati D. Illyricum sacrum.* Т. II. — С. 141–149, 214–216.

¹⁰⁴ См. подробно: *Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения.* — М., 2003. — С. 447–461.

¹⁰⁵ *Katančić M.P. In veterem Croatorum patriam indagatio philologica.* — Zagrabiae, 1790; *Idem. Specimen philologiae et geographiae Pannoniorum...* — Zagrabiae, 1795; *Idem. De Istro eiusque adcolis commentatio...* — Budae, 1798;

и древнейшей истории хорватов и авторы вышедших в это время обобщающих трудов — немецкий историк Людвиг Гебхарди, автор богатой фактическим материалом книги по хорватской и сербской истории¹⁰⁶, и автор из Венгрии Иоганн Энгель, посвятивший Хорватии пространный раздел в своей книге об истории Венгерского королевства и его соседей¹⁰⁷. В это же время была опубликована и завершенная за несколько десятилетий до этого грандиозная книга сербского историка архимандрита Йована Раича об истории хорватов, сербов и болгар¹⁰⁸, написанная с позиций просветительской идеологии и одновременно являвшая собой один из ранних примеров оформления национального нарратива. В ней сербский автор уделил большое внимание происхождению славянских народов, по традиции связав корни хорватов и сербов с сарматским миром¹⁰⁹.

Отход от основанной на известиях Летописи попа Дуклянина схемы хорватской истории, доминировавшей в XVIII в., а вместе с тем и настоящий переворот в представлениях о происхождении хорватов и их появлении в Далмации, стал возможным в связи с развитием критической историографии, но не без влияния формировавшейся под воздействием романтизма национальной идеологии, выдвигавшей на первый план общность исторических судеб хорватов и остального славянского мира. Важным событием на этом пути стал выход в начале XIX в. первой книги, специально посвященной *хорватской* истории эпохи раннего Средневековья¹¹⁰. Автор этой капитальной работы, хорватский иезуит Йосип Микоци, давал своим читателям подробную и хронологически выве-

Idem. Istri adcolarum geographia vetus... Pars I–II. — Budaë, 1826–1827. О взглядах М. Катанчича на происхождение хорватов см.: *Kuntić-Makvić B.* Podrijetlo Hrvata prema Matiji Petru Katančiću u njegovu opisu Podunavlja (Budim 1798) // *Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak.* — Zagreb, 1995. — S. 61–72.

¹⁰⁶ *Gebhardi L.A.* Geschichte der Königreiche Dalmatien, Kroatien, Szlavonien, Servien, Raszien, Bosnien, Rama und des Freystaats Raguzä. — Pesth, 1805.

¹⁰⁷ *Engel J. Ch.* Geschichte des Ungarischen Reichs und seiner Nebenländer. T. I. — Halle, 1797.

¹⁰⁸ *Pauč I.* История разных славянских народов, наипаче болгар, хорватов и сербов, из тьмы забвения изъятая. Ч. I. — Беч, 1794.

¹⁰⁹ См. характеристику взглядов Раича на происхождение славянских народов в контексте просветительской историографии: *Белов М. В.* У истоков сербской национальной идеологии: механизмы формирования и специфика развития (конец XVIII — середина 30-х гг. XIX века). — СПб., 2007. — С. 108–135.

¹¹⁰ *Mikoczy J.* Otiorum Croatiae liber unus. — Budaë, 1806.

ренную картину ранней хорватской истории до правления короля Коломана включительно. Микоци был также одним из первых авторов, специально исследовавших вопрос о происхождении хорватов: он посвятил этой теме отдельную работу, в которой развивал тезис об их сарматском происхождении¹¹¹.

Распространение просветительских идей в странах Центральной Европы было одним из основных факторов, способствовавших возникновению славяноведения как особой научной дисциплины, в которой среди исторических вопросов доминировали проблемы происхождения и древнейшей истории славян. На волне увлечения этой проблематикой многие авторы, интересовавшиеся древнейшим прошлым славянского мира, нередко обращались к проблеме происхождения хорватов, чье раннее появление на страницах письменных источников часто ставило их в центр внимания любителей славянских древностей. При этом заметное влияние на трактовку проблемы происхождения хорватов оказывала так называемая «сарматская теория» происхождения славян, сложившаяся на базе протонациональной идеологемы «сарматизма» и обязанная своим развитием главным образом польской историографии. Ее сторонником был, в частности, глава Римско-католической церкви в Российской империи архиепископ Станислав Богуш-Сестрэнцевич, в трудах которого сарматскому происхождению хорватов было уделено немало места¹¹².

Важнейшей вехой в славяноведческих разысканиях эпохи стало появление фундаментального труда словацкого ученого Павла Йозефа Шафарика «Славянские древности», на страницах которого не только излагались новейшие взгляды на происхождение славян и их расселение в Европе, но и была осуществлена грандиозная попытка детально охарактеризовать развитие всех ветвей славянства с древнейших времен до XI в¹¹³. Посвятив отдельные главы своей книги происхождению и ранней истории хорватов, Шафарик упорядочил то, что уже было сделано в историографии, высказав

¹¹¹ См.: *Lovrić A.* — *Ž. Prof. dr. Josip Mikoczy-Blumenthal (1734–1800), pionir hrvatske iranistike i njegovi sljedbenici // The Old Iranian origin of Croats / Ur. A.* — *Ž. Lovrić.* — Teheran, 1999. — S. 49–55.

¹¹² *Bohusz-Siestrzencewicz S.* Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves. T. I–IV. — St. Pétersbourg, 1812; *Idem.* Précis des recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves. T. I–IV. — St. Pétersbourg, 1824.

¹¹³ *Šafárik P.J.* Slowanské starožitnosti. Oddíl děgepisný. — Praha, 1837.

также ряд собственных суждений относительно интерпретации ряда источников, таких как трактат императора Константина.

В середине XIX в. начальные страницы истории хорватов стали предметом тщательного рассмотрения в трудах немецкого историка Эрнста Дюммлера. Результаты осуществленного им анализа известий трактата императора Константина о ранней истории хорватов, а также предложенная им трактовка ключевых событий и процессов ранней хорватской истории, таких как переселение на Балканы, взаимоотношения с Византией и франками, оказали существенное влияние на всю последующую историографию¹¹⁴. Результаты изысканий Дюммлера способствовали тому, что в историографии распространилась, а со временем и утвердилась в качестве канонической та схема хорватской истории, которая основывалась главным образом на известиях трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», где, в отличие от Летописи попа Дуклянина и Хроники Фомы Сплитского, не было и речи ни о какой связи хорватов с готами. Между тем различия в подходах исследователей к трактовке ключевых феноменов социального развития в раннее Средневековье, сопрягаясь с объективными трудностями в интерпретации известий трактата императора Константина, неизбежно приводили к усложнению историографической картины.

Подобно Э. Дюммлеру, хорватский медиевист Франьо Рачки считал хорватов частью славянских племен, поселившихся в Далмации во время аварского завоевания и постепенно освободившихся от аварского владычества. Исследователь посвятил специальную работу оценке достоверности освещавших историю хорватов нарративных источников X–XIV вв¹¹⁵, в которой подверг критике представление о хорватской прародине — «Белой Хорватии», а также саму идею об отдельном от других славян переселении хорватов в Далмацию, основанную на соответствующей информа-

¹¹⁴ *Dümmeler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928) // Sitzungsberichte der philosophisch–historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. — Wien, 1856. — Bd. XX. — S. 353–430; *Idem.* Über die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern (795–907) // Archiv für die Kunde österreichen Geschichtsquellen. — Wien, 1853. — Bd. X. — S. 314–393.

¹¹⁵ *Rački F.* Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega veka // Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku, i prirodne znanosti. — Zagreb, 1864. — God. I. — Sv. 1. — S. 35–77; Sv. 2. — S. 199–227; Sv. 3. — S. 358–388; Sv. 4. — S. 544–562.

ции трактата императора Константина¹¹⁶. Впоследствии он развил свои наблюдения в специальном исследовании, посвященном легендарным прародинам хорватов и сербов¹¹⁷. Аргументированная и основанная на глубоком знании источников критика Рачким традиционных представлений о появлении хорватов на Балканах возбудила большой интерес в научных кругах, фактически положив начало спору, не прекращающемуся до сего дня. Ф. Рачки стал начинателем своего рода критического тренда в интерпретации известий императора Константина об этногенезе хорватов, а выдвинутые им аргументы против существования «Белой Хорватии» или отдельного переселения хорватов на Балканы неоднократно воспроизводились в полемике по этому вопросу в последующие полтора века. Скептицизм Рачкого в отношении информации императора Константина был поддержан филологом Ватрославом Ягичем, критиковавшим представление о хорватской миграции из «Белой Хорватии» на основе языковых данных, а саму «Белую Хорватию» объявивший вымышленной страной¹¹⁸.

Однако ввиду того, что ряд скептических суждений Рачкого относительно сведений трактата императора Константина основывался лишь на том, что данная информация не подтверждалась другими источниками, закономерными выглядели попытки оппонировать Рачкому с противоположных позиций, признавая вероятным описанный в трактате ход событий. Так, в защиту авторитета императора Константина выступил российский историк К. Я. Грот, посвятивший целую книгу разбору свидетельств трактата «Об управлении империей» о ранней истории хорватов и сербов¹¹⁹. В ней тогда еще молодой исследователь неоднократно выступал в поддержку мнения о достоверности известий императора, нередко мотивируя свою позицию отсутствием в распоряжении историков информации, которая бы могла служить надежным опровержением тому, что сообщалось в трактате. Тогда же в полемику вокруг достоверности информации трактата включился еще один российский славист Т. Д. Флоринский, откликнувшийся

¹¹⁶ Ibid. — S. 36–77.

¹¹⁷ *Rački F.* Biela Hrvatska i Biela Srbija // Rad JAZU. — 1880. — Knj. 52. — S. 141–189.

¹¹⁸ *Jagić V.* Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. — 1895. — Bd. XVII. — S. 47–87.

¹¹⁹ *Грот К. Я.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. — СПб., 1880.

на книгу К. Я. Грота пространной статьей, в которой солидаризировался с его позицией, приводя дополнительные доводы в пользу вероятности описанных в трактате событий¹²⁰. Ф. Рачки счел позицию российских авторов целиком основанной на допущениях, раскритиковал ход их рассуждений в ответной статье¹²¹.

Картина социального развития хорватов в VII–IX вв., нарисованная Ф. Рачким, на долгое время стала канонической в хорватской историографии, что в сочетании с представлениями этого же автора об обстоятельствах появления хорватов на Балканах и их взаимоотношениях с другими народами позволяет современным исследователям считать Ф. Рачкого творцом грандиозного «метанарратива» ранней хорватской истории¹²². Вместе с тем уже на рубеже XIX–XX вв. стала оформляться иная концепция этносоциального развития хорватов, со временем составившая упомянутому «метанарративу» серьезную конкуренцию. Уже младший современник Рачкого Вьекослав Клаич в специальном исследовании, посвященном так называемым хорватским «племенам» — родственным коллективам знати, будто бы заключившим в 1102 г. гарантировавший их привилегии договор с венгерским королем Коломаном, — выдвинул тезис о том, что хорваты были не просто особым славянским племенем, но еще и верхним социальным слоем в созданном ими политическом образовании¹²³. Принимая, в отличие от Ф. Рачкого, на веру сведения императора Константина об отдельном переселении хорватов на Балканы, В. Клаич стал творцом так называемой теории социального дуализма, в рамках которой хорватская знать объявлялась потомками хорватов-завоевателей, обративших подчиненное ими население Далмации (славян и автохтонов) в зависимых людей.

¹²⁰ *Флоринский Т. Д.* Константин Порфирогенет как писатель о южных славянах перед судом новейшей критики // ЖМНП. — 1881. — Т. 213. — С. 139–170; Т. 215. — С. 300–322.

¹²¹ *Rački F. K.* Grot i T. Florinskij o Konstantinu Baĝrenorodnomu // Rad JAZU. — 1881. — Knj. 59. — S. 201–218.

¹²² *Ančić M.* Kako danas čitati studije Franje Račkoga // Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / Priredio M. Ančić. — Zagreb, 2009. — S. VII–XXXVIII; *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 18–19. Подробнее о Рачком и его деятельности см.: *Gross M.* Vijek i djelovanje Franje Račkog. — Zagreb, 2004.

¹²³ *Klaić V.* Hrvatska plemena od XII. do XVI. stoljeća // Rad JAZU. — 1897. — Knj. 130. — S. 1–85; *Idem.* Povijest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka XIX stoljeća. Knj. I. — Zagreb, 1899.

Именно в рамках последнего историографического тренда впервые заявила о себе позиция, с которой традиционно связывается в историографии становление неславянских теорий происхождения хорватов. Уже в начале XX в. с тезисом о том, что хорваты были не славянским племенем, каким их представляло в то время большинство славистов, а являлись сообществом воинов готского происхождения, выступил профессор права в университете Граца Людвиг Гумплович. В своей трактовке происхождения хорватов Гумплович, уже известный к тому времени автор «завоевательной» теории происхождения средневековых государств¹²⁴, выступал с позиций социолога, ссылаясь на будто бы объективно существующий закон социального развития, согласно которому государство и аристократия возникают как результат завоевания оседлого земледельческого населения мобильными воинскими группами. Всецело доверяя известиям императора Константина о переселении хорватов из Белой Хорватии, Гумплович использовал пассаж из сочинения Фомы Сплитского в числе доказательств того, что готы были воинской элитой населенной славянами прародины хорватов¹²⁵.

Воздействие концепции Гумпловича на последующий историографический процесс было разносторонним. Как известно, сам по себе тезис о завоевании как важном (хотя отнюдь не единственном и не повсеместном) факторе становления государственности всецело сохраняет свою легитимность и сегодня, не говоря уже о справедливости последовательно проводимого Гумпловичем разграничения между правящей элитой и тем, что в историографии того времени осознанно или неосознанно именовалось «народом». Вместе с тем «социальный закон», на универсальности которого настаивал Гумплович, создавал почву для концептуализации давно существовавших в историографии представлений о ведущей роли неславянских элит в генезисе первых славянских государств.

¹²⁴ См. важнейшие работы автора по этой теме: *Gumplowicz L. Rasse und Staat: Eine Untersuchung über das Gesetz der Staatenbildung.* — Wien, 1875; *Idem. Der Rassenkampf: Sociologische Untersuchungen.* — Innsbruck, 1883.

¹²⁵ *Gumplowicz L. Die politische Geschichte der Serben und Kroaten // Politisch-Anthropologische Revue.* — Eisenach; Leipzig, 1902/1903. — S. 779–789. Хорватский перевод: *Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Vienac.* — Zagreb, 1903. — Br. XXXV. — S. 286–293. Современное переиздание: *Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra.* — Split, 1996. — S. 183–192.

Неслучайно уже вскоре чешский историк Ян Пейскер разработал соответствующую «завоевательной теории» концепцию социально-политической истории ранних славян, определявшейся, по его мнению, вековым господством над ними германских и «тюрко-татарских» (то есть алтайских по языку) завоевателей. Унаследованная славянами от своих поработителей правящая элита сыграла со временем, по мысли Пейскера, ведущую роль в генезисе ряда славянских государств, в том числе и Хорватии, где социальная верхушка, по его мнению, была аварского происхождения¹²⁶.

Среди работ, появившихся в межвоенный период, особое место занимает монументальный труд Ф. Шишича «История хорватов в эпоху народных правителей». Эта книга, в которой получили всестороннее освещение события древнейшего периода хорватской истории, а многие связанные с ними вопросы интерпретации источников были заново подвергнуты критическому разбору, пожалуй, и по сей день остается наиболее обстоятельным исследованием политической истории раннесредневековой Хорватии¹²⁷. Освещающая этнические и социальные аспекты существования хорватской общности в VII–IX вв., Ф. Шишич продолжал отстаивать концепцию переселения хорватов на Балканы вместе с другими славянами, восходящую к трудам Э. Дюммлера, а в трактовке социального устройства хорватов защищал от критиков картину, нарисованную Ф. Рачким. В этом ему был близок и М. Ланович, посвятивший обобщающую работу системе управления в раннесредневековой Хорватии и ее правовым основам¹²⁸.

¹²⁶ *Peisker J.* Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. — Berlin, 1905; *Idem.* The expansion of the Slavs // *The Cambridge Medieval History* / Ed. by H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. Vol. II. — Cambridge, 1913. — P. 418–458.

¹²⁷ *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. — Zagreb, 1925. См. репринтное переиздание с послесловием Н. Будака: *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Pretisak izdanja iz 1925. — Zagreb, 1990. При написании книги Ф. Шишич придерживался хронологии правления хорватских правителей, реконструированной им в специальной работе: *Šišić F.* Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. — 1914. — Sv. 13. — Br. 1. — S. 1–93. Хронология Ф. Шишича, основанная на тщательном анализе всех доступных на тот момент источников, абсолютно возобладала в последующей историографии и лишь в самое последнее время стала подвергаться ревизии.

¹²⁸ *Lanović M.* Ustavno pravo Hrvatske narodne države // *Rad JAZU*. — 1938. — Knj. 265. — S. 167–242; 1939. — Knj. 266. — S. 1–92.

Встретив острую критику со стороны тех, кто, подобно Ф. Шишичу, считал хорватов славянами, тезис о воинском характере первичной хорватской общности, напротив, получил энергичную поддержку среди исследователей, искавших истоки происхождения хорватов за пределами славянского мира. В их работах были предприняты значительные усилия по поиску этнических корней первоначальных носителей названия «хорват», в результате чего в историографии стало конкурировать несколько теорий происхождения хорватов, которые с большей или меньшей степенью условности можно было бы обозначить как «готскую», «иранскую», «кавказскую», «тюркскую». Именно среди сторонников неславянского происхождения хорватов окончательно сформировался взгляд, согласно которому хорваты, будучи прежде всего сообществом воинов, создали свою варварскую державу уже в результате завоевания Далмации в начале VII в. Активным поборником такого взгляда был, в частности, словенский медиевист Людмил Хауптманн, осуществивший очередную ревизию господствовавшей на тот момент в историографии интерпретации известий императора Константина о приходе хорватов в Далмацию. Доказав, как ему казалось, существование легендарной прародины хорватов — «Белой Хорватии» — на территории южной Польши, Л. Хауптманн обосновывал достоверность известий императора Константина об отдельном от других славян переселении хорватов на Балканы. Самих хорватов он считал конгломератом воинственных племен кавказского (иранского и адыгского) происхождения, детально проследив их путь с Северного Кавказа на Балканы через Центральную Европу. Под пером Л. Хауптманна, доказывавшего, что хорваты, подчинив своей власти славянское население, образовали верхний социальный слой в Далмации, окончательно оформилась теория социального дуализма¹²⁹.

Вскоре после окончания Второй мировой войны в хорватской историографии начался интенсивный пересмотр, казалось бы, уже устоявшихся представлений о раннем прошлом хорватов и, прежде всего, социальной организации раннесредневекового хорватского общества. В значительной степени (но отнюдь не всецело) это было

¹²⁹ *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17). — Zagreb, 1925. — S. 86–127; *Idem.* Karantanska Hrvatska // *Ibid.* — S. 297–317; *Idem.* Kroaten, Goten und Sarmaten // *Germanoslavica.* — Brno, 1935. — Vol. 3. — S. 325–353; *Idem.* Podrijetlo hrvatskoga plemstva // *Rad HAZU.* — 1942. — Knj. 273. — S. 19–112.

связано с влиянием марксистской методологии, заметно возраставшим в условиях построения в Югославии социализма. Характерный для марксистской историографии акцент на внутренних факторах социальной эволюции, а также результаты очередного этапа критики письменных источников, сообщающих о раннем прошлом хорватов, в первую очередь трактата императора Константина «Об управлении империей» привели к тому, что «завоевательная теория» была полностью отброшена. Одновременно почти полностью затихли споры об этническом происхождении пришедших на Балканы хорватов, чья славянская принадлежность практически не ставилась под сомнение. Вместе с тем, благодаря главным образом работе словенского медиевиста Бого Графенауэра¹³⁰, господствующим стало представление о переселении хорватов в Далмацию уже после того, как там обосновались подвластные аварам славяне. При этом считалось, что переселившиеся хорваты были «второй волной» славянского расселения, являя собой племя (группу племен), образовавшее «племенной союз» вместе с уже жившими в Далмации славянами. Эта схема этносоциальной истории хорватов, на долгое время превратившаяся в хорватской историографии в каноническую, отразилась (с некоторыми нюансами) и в появившемся в 1970-е гг. капитальном, крупнейшем со времен книги Ф. Шишича синтетическом исследовании о хорватском раннем Средневековье Нады Клаич¹³¹. Эта же схема оказала влияние и на российскую историографию, в которой с начала 1980-х гг. началась разработка этносоциального развития славянских общностей, осуществлявшаяся в методологических рамках теории этноса Ю. В. Бромлея. Процессы формирования «хорватской народности», а также соседних «племен» и «народностей» на восточном побережье Адриатики были изображены в соответствующих работах Е. П. Наумова и О. А. Акимовой, причем особое внимание было в них уделено проблемам этнического самосознания и эволюции этногенетических представлений¹³².

¹³⁰ *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. — 1952. — God. V. — Br. 1–2. — S. 1–56.

¹³¹ *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — Zagreb, 1971 (второе издание: Zagreb, 1975).

¹³² *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 167–181; *Он же.* Формирование этнического самосознания древнесербской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху

Конец XX в. ознаменовался в хорватской историографии заметным усилением интереса к этнической проблематике раннего Средневековья. Благоприятной средой для этого стал подъем национального самосознания, сопутствовавший процессам либерализации общественной жизни в Югославии и последующего образования независимой Республики Хорватии. Важнейшие результаты, во многом менявшие или по крайней мере значительно корректировавшие традиционные представления об этнокультурном ландшафте региона в раннее Средневековье, были достигнуты при изучении трех основных тем — судеб автохтонного населения Далмации, характера славянской колонизации, а также обстоятельств происхождения и появления в Далмации «протохорватов» — первоначальных носителей имени «хорват».

Настоящей ревизии, обусловленной главным образом результатами активно проводившихся в это время археологических раскопок, подверглось господствовавшее ранее представление о почти полном исчезновении автохтонного населения из занятых славянами областей. Так, результаты комплексного исследования некрополей, представленные в трудах Душана Еловины и Янко Белошевича, позволили говорить о сохранении погребальных традиций автохтонного населения на территории Далмации после прихода славян¹³³. Комплексное исследование трансформации бывшего салонитанского агера (обширной территории от Трогира до Полицы) в период перехода от античности к Средневековью, осуществленное в работах Желько Рапанича, показало высокую степень преемственности в поселенческой структуре и сакральной топографии этого пространства, что позволило говорить о сохранении здесь не только самого автохтонного населения, но и его культурных традиций и образа жизни¹³⁴. Значимые выводы о континуитете

раннего средневековья. — С. 181–194; *Акимова О. А.* Развитие средневековых представлений о происхождении хорватов // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. — М., 1988. — С. 28–34; *Она же.* Развитие этнического самосознания хорватов в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М., 1989. — С. 130–151.

¹³³ *Jelovina D.* Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. — Split, 1976; *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata od 7. do 9. stoljeća. — Zagreb, 1980.

¹³⁴ См. особенно: *Rapanić Ž.* A contribution to the study of continuity of inhabitation on the ager Salonitanus in the early Middle Ages // *Balcanoslavica*

культурных традиций в Далмации от поздней античности к раннему Средневековью были сделаны Рапаничем и в исследованиях, посвященных дороманскому искусству Далмации¹³⁵.

В конце 1980-х гг. появилась и первая попытка создать новый синтез ранней истории хорватов в духе автохтонизма. Ее автор, Иван Мужич, предпринял значительные усилия для сведения воедино накопленного в историографии разрозненного и в должной мере еще не осмысленного материала об автохтонности населения и континуитете культурных традиций на территории Далмации, по сути предложив отход от традиционной славяноцентричной парадигмы в интерпретации раннесредневековой хорватской истории¹³⁶. Последующие исследования еще больше укрепили тезис о преобладании среди жителей раннесредневековой Хорватии потомков автохтонного населения, позволяя говорить об относительно небольшой численности пришельцев — славян и хорватов — и их постепенном продвижении из хинтерланда на побережье¹³⁷. Помимо довольно многочисленных работ археологов, радикальному изменению представлений об этнокультурном ландшафте раннесредневековой Хорватии весьма способствовали исследования специалистов в таких областях, как физическая антропология¹³⁸ и популяционная

(Прилеп). — 1978. — Vol. 6. — P. 43–59; *Idem*. Prilog proučavanju kontinuiteta naseljenosti u salonitanskom ageru u ranom srednjem vijeku // VAHD. — 1980. — Sv. 74. — S. 189–217.

¹³⁵ См. особенно: *Rapanić Ž.* Predromaničko doba u Dalmaciji. — Split, 1987. О вкладе Ж. Рапанича в исследование позднеантичной и раннесредневековой Далмации см.: *Basić I.* Željko Rapanić octogenarius. Spomenica povodom osamdesete godišnjice života i pedesetpete obljetnice znanstvenog rada // Minuscula in honorem Željko Rapanić: zbornik povodom osamdesetog rođendana / Ur. M. Jurković, A. Milošević. — Zagreb; Motovun, 2012. — S. 13–42.

¹³⁶ *Mužić I.* Podrijetlo Hrvata. — Zagreb, 1989. См. новейшее издание: *Mužić I.* Hrvati i autohtonost: na teritoriju rimske provincije Dalmacije. — 7. izd. — Split, 2001.

¹³⁷ См. обзор релевантной археологической литературы: *Bilogričić G.* Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija o razdoblju 7–9. stoljeća // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 37–48.

¹³⁸ *Mikić Ž.* Beitrag zur Anthropologie spätrömischer bis spätmittelalterlicher Bevölkerungen Jugoslawiens // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. — 1984. — Knj. XXII. — Br. 2. — S. 5–109; *Šlaus M.* Kranometrijska analiza srednjovjekovnih populacija središnje Europe s posebnim osvrtom na položaj hrvatskih nalazišta // SHP. Ser. III. — 1998. — Sv. 25. — S. 81–108.

генетика¹³⁹. Применительно к последней дисциплине можно говорить о настоящем научном прорыве, причем не только в обосновании автохтонного происхождения жителей Хорватии, но и в ряде других вопросов истории заселения Балкан, к настоящему времени еще в должной мере не осмысленных исторической наукой¹⁴⁰.

Пересмотр роли автохтонного элемента в складывании хорватского народа и его культуры неминуемо отразился и на оценке характера славянской колонизации Далмации, которая в новейших исследованиях совершенно не представляется в виде мощного потока переселенцев. Методологический пересмотр традиционной картины расселения славян на Балканах был осуществлен американским археологом Флорином Куртой, впервые рассмотревшим процесс становления славянской этничности с позиций конструктивизма¹⁴¹. В результате понятие «склавины» было интерпретировано Куртой как собирательное обозначение, появление которого в византийских источниках было вызвано потребностью дать название сложной конфигурации гетерогенных варварских групп, которые неожиданно заявили о себе на дунайской границе империи как своего рода социальная реакция на политику императора Юстиниана по укреплению лимеса. При этом Курта последовательно отвергает представление о массовом переселении славян на Балканы, предлагая совсем иную модель процесса славянизации. В ее рамках получила поддержку гипотеза Г. Ланта и О. Прицака, согласно которой славянский язык получил распространение не вследствие славянской колонизации как таковой, а вследствие его использования в Аварском каганате в качестве *lingua franca*¹⁴².

Областью значительных методологических новаций стало в последнее время и изучение духовной культуры славянских первооселенцев на Балканах. К широко используемым ретроспекцию исследованиям славянского фольклора в последнее время добавились

¹³⁹ См. последнюю обобщающую работу: *Jurić I. Podrijetlo Hrvata – Genetički dokazi autohtonosti.* – 2. dopunjeno izd. – Zagreb, 2013.

¹⁴⁰ См. об этом: *Aralica V. Genetička otkrića – nova vrela za etnogenezu i povijest Hrvata?! Povodom okruglog stola: Genetička otkrića – nova vrela za etnogenezu i povijest Hrvata?!*, Zagreb 11. siječnja 2006. // RZHP. – 2006. – Knj. 38. – S. 299–310.

¹⁴¹ *Curta F. The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700.* – Cambridge; New York, 2001.

¹⁴² *Curta F. The Slavic lingua franca (linguistic notes of an archeologist turned historian)* // East Central Europe. – 2004. – Vol. 31. – P. 125–148.

осуществляемые на основе изучения топонимов и их пространственного распределения реконструкции древнеславянских сакральных ландшафтов, построенных, как считается, по единой троичной модели. Используя эту модель, выявленную на словенском материале словенским археологом Андреем Плетерским¹⁴³, а также соответствующую ей картину славянского космогонического мифа, реконструированного Радославом Катичичем и Витомиром Белаем на основе фольклорных материалов¹⁴⁴, хорватские исследователи в последнее время осуществили ряд микрорегиональных исследований топонимики. Так, результатом изысканий Витомира и Юрая Белаев стала локализация на хорватской территории ряда сакральных ландшафтов, которые сами по себе могут служить ценными источниками для реконструкции славянской духовной культуры, в частности почитания в языческом славянском мире бога Перуна¹⁴⁵.

Дискуссия об обстоятельствах появления хорватов на Балканах получила мощный импульс в виде выхода в конце 1970-х гг. работы Луйо Маргетича, отнесшего приход хорватов в Далмацию к концу VIII ст¹⁴⁶. Наряду с встречавшимся в работах участников этой дискуссии новым прочтением уже давно известной информации письменных источников, а также привлечением все новых и новых археологических данных, при рассмотрении данной темы со временем стали заметны и новые концептуальные подходы. Особенно важной стала тенденция рассматривать формирование хорватского этнополитического организма в контексте социально-политических процессов, протекавших в рамках более широких социокультурных пространств раннесредневековой Европы. Так, в работах Маргетича происхождение хорватов стало рассматриваться в контексте социальных процессов, происходивших в Аварском каганате¹⁴⁷.

¹⁴³ *Pleterski A.* The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // *Światowit*. — 1995. — Vol. 40. — S. 113–143; *Idem.* Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // *ZČ*. — 1996. — Letnik 50. — Št. 2. — S. 163–185.

¹⁴⁴ *Katičić R.* Božanski boj — tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. — Zagreb, 2008; *Belaj V.* Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga mitskoga svjetonazora. — 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. — Zagreb, 2007.

¹⁴⁵ *Belaj V., Belaj J.* Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije. — Zagreb, 2014.

¹⁴⁶ *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. — Zagreb, 1977. — Vol. 8. — S. 5–88.

¹⁴⁷ *Margetić L.* Dolazak Hrvata. — Split, 2001.

Роль Византии в социально-политических и культурных переменах на восточном берегу Адриатики стала объектом исследовательского внимания Иво Голдштейна¹⁴⁸, а также сербского медиевиста Тибора Живковича, автора капитальной монографии о славянах под византийской властью¹⁴⁹. Голдштейн представил также новый, крупнейший со времен книги Н. Клаич синтез раннесредневековой хорватской истории, характерной чертой которого является повышенное внимание к макрорегиональному контексту социально-политических процессов¹⁵⁰.

Наконец, в работах ряда исследователей хорватская политика IX ст. стала рассматриваться как неотъемлемая часть социокультурного пространства империи Каролингов — «франкского мира» (*Pax Francica*). Актуализация франкского фактора в хорватской истории, в известной степени отвечавшая общественным настроениям, сопровождавшим движение и вступление Хорватии в Евро-союз, становится особенно заметной в хорватской историографии на рубеже XX–XXI вв. Важной вехой в этой связи стала масштабная выставка «Хорваты и Каролинги», проведенная Музеем хорватских археологических памятников в Сплите (20 декабря 2000–31 июля 2001 г.)¹⁵¹. Рассмотрение рождения раннесредневекового

¹⁴⁸ *Goldstein I.* Bizant na Jadranu. — Zagreb, 1992; *Idem.* Hrvati, hrvatske zemlje i Bizant. — Zagreb, 2003.

¹⁴⁹ *Живкович Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. — Београд, 2002; 2. изд. — Београд, 2007.

¹⁵⁰ *Goldstein I.* Hrvatski rani srednji vijek. — Zagreb, 1995.

¹⁵¹ Выставка была организована в рамках цикла аналогичных мероприятий под общим названием «Карл Великий и создание Европы», приуроченных к 1200-летию коронации Карла Великого римским императором (помимо Сплита, выставки прошли в Падерборне, Барселоне, Брешии и Йорке). См. подробно: *Milošević A.* Rezultati izložbe «Hrvati i Karolinzi» // SHP. Ser. III. — 2000. — Sv. 27. — S. 301–309. Значению выставки в контексте формирования новой историографической парадигмы, в рамках которой всячески акцентируется франкский фактор в ранней истории хорватов, а хорватская политика рассматривается как интегральная часть каролингского мира, был посвящен доклад Д. Джино на прошедшей недавно конференции «Хорваты и Каролинги. Пятнадцать лет спустя» (Музей археологических памятников в Сплите, 17–18 сентября 2015 г.). См.: *Džino D.* Od Bizanta do Zapada: *Hrvati i Karolinzi* kao promjena paradigme u istraživanju ranosrednjovjekovne Hrvatske // 4. Gunjačini dani. Međunarodni znanstveni skup «Hrvati i Karolinzi: Petnaest godina poslije». Split, 17. — 18. rujna 2015. godine. Program i sažetci predavanja. — Split, 2015. — S. 54–55.

хорватского этноса в контексте социально-политических изменений, вызванных деятельностью Карла Великого и его политикой «*renovatio imperii Romani*», нашло отражение в работах Невена Будака¹⁵², Младена Анчича¹⁵³, а также в соответствующем разделе монографии австралийского исследователя Дэниела Джино¹⁵⁴.

Монография Джино, посвященная трансформациям идентичности в раннесредневековой Далмации и уделяющая большое внимание отражению этих трансформаций в археологическом материале, знаменательна также тем, что рассматривает происходившие в Далмации процессы в широкой перспективе постримской Европы, тесно привязывая их к актуальной для современной европейской медиевистике тематике «трансформации Римского мира», нашедшей, в частности, отражение в одноименном многотомном проекте издательства «Brill»¹⁵⁵. Особо следует отметить то, что в книге австралийского автора был представлен опыт сугубо конструктивистского понимания этнических процессов, протекавших в позднеантичной и раннесредневековой Далмации, вследствие чего, по сути, впервые в историографии фокус исследовательского внимания был смещен здесь с проблем славянской колонизации и прихода хорватов на проблемы «становления славянами» и «становления хорватами»¹⁵⁶.

В полемике об обстоятельствах появления хорватов на Балканах особую роль играют результаты археологических изысканий раннесредневековых хорватских некрополей и систематизация полученной на их основе информации. Новейший свод информации по всем известным на сегодняшний день раннесредневеко-

¹⁵² *Budak N.* Karlo Veliki. Karolinzi i Hrvati. — Split, 2001; *Idem.* Hrvati u ranom srednjem vijeku // *Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek.* — Zagreb, 2003. — S. 49–79.

¹⁵³ *Ančić M.* U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // *Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela.* — Split, 2000. — S. 70–103; *Idem.* Hrvatska u karolinško doba. — Split, 2001.

¹⁵⁴ *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. — Leiden, 2010. — P. 175–210.

¹⁵⁵ *Transformation of the Roman World. Vol. I–XIV.* — Leiden; Boston, 1997–2004.

¹⁵⁶ Подробнее об этом см. в рецензии: *Алимов Д. Е.* Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна ([Рец.:] *Dzino, Danijel.* *Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia.* — Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010) // *SSBP.* — 2012. — № 1 (11). — С. 203–226.

вым хорватским некрополям представлен в капитальной публикации Майи Петринец¹⁵⁷. К числу работ, существенно дополняющих наши знания как об отдельных памятниках, так и о хорватских некрополях в целом, следует отнести появившиеся в последние годы публикации хорватских археологов Владимира Сокола, Анте Милошевича, Янко Белошевича, Марии Ярак, Тончи Бурича, Желько Томичича. Последние исследования по данной теме стимулировали развитие активной дискуссии о датировке погребальных памятников, приписываемых пришедшим в Далмацию хорватам, и их соотношении с некрополями автохтонного населения. Так, в вышедшей недавно монографии хорватского археолога Владимира Сокола обосновывается новая, более поздняя датировка так называемого «языческого горизонта» хорватских некрополей¹⁵⁸, которую еще предстоит осмыслить в контексте проблемы формирования хорватской этнополитической общности.

В целом, несмотря на значительный прогресс, достигнутый в изучении социально-политических процессов, сопровождавших рождение хорватского народа и государства, многое из того, что непосредственно относится к возникновению хорватской этнополитической общности, остается исключительно дискуссионной темой. В связи с этим можно говорить лишь о введении более или менее прочных методологических и интерпретационных рамок для изучения проблем хорватского этногенеза, но отнюдь не об их разрешении. Более того, в современной историографии можно заметить некоторое «размывание» собственно хорватской проблематики под влиянием определенной смены масштаба, внесенной постмодерном. В рамках постмодернистского взгляда на раннюю хорватскую историю, предлагающего отказаться от ряда антагонистических теорий в пользу модели постепенной и многоплановой «трансформации» этнокультурного и этносоциального ландшафта, некоторые вопросы, казавшиеся ключевыми для историографии начиная по крайней мере с середины XIX в., словно стали отодвигаться на второй план. Наше убеждение состоит в том, что возникший еще в эпоху становления критической историографии интерес хорватской (и не только хорватской) историографии к проблеме происхождения хорватов, пусть и продиктованный, как и повсюду

¹⁵⁷ *Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća na području ranosrednjovjekovne hrvatske države.* — Split, 2009.

¹⁵⁸ *Sokol V. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save.* — Zagreb, 2006.

в Европе, мировоззренческой атмосферой эпохи формирования наций, является и в наши дни абсолютно оправданным. Поиски ответов на вопросы, волновавшие ученых как минимум последние полтора столетия, несомненно, должны быть продолжены и сегодня, но уже с использованием тех возможностей, которые предоставляют для их решения новые методологические и концептуальные подходы.

ГЛАВА I. ОТ РИМЛЯН К ВАРВАРАМ

Соотношение пришлых, варварских, и местных, романских или романизированных, элементов в социокультурном пейзаже различных областей бывшей Римской империи в «темные века» является, как известно, старинной проблемой европейской медиевистики. В этом смысле весьма показателен явившийся результатом своего рода компромисса термин «романско-германские королевства», активно используемый в современной историографии по отношению к таким политическим организациям постримского пространства, как, например, королевства остготов, франков, вестготов, бургундов. Представление о началах хорватского народа и государства, господствовавшее в хорватской историографии начиная со второй половины XIX в., было эксплицитно славяноцентричным, что неминуемо означало выдвигание на первый план именно варварского компонента этнокультурного синтеза. Однако к концу XX ст. ситуация существенно изменилась: имеющиеся к настоящему времени результаты археологических, этнографических, антропологических и антропогенетических исследований со всей очевидностью свидетельствуют о сохранении на территории Далмации в раннее Средневековье популяций автохтонного населения, что уже само по себе не позволяет говорить о будто бы «пустом доме», оставленном его прежними жителями и ставшем с приходом в Далмацию славян их новым обитателем¹⁵⁹.

Правда, признание преобладания автохтонов над пришельцами в числе генетических предков современного хорватского народа, как кажется, уже прочно обеспеченное результатами популяционной генетики, не привело к нарушению давно установившегося исследовательского консенсуса относительно того, что появление хорватов как особой этнической общности было в первую очередь связано

¹⁵⁹ Метафора «пустого дома» принадлежит Ф. Рачкому. О связи данной метафоры со славяноцентричной парадигмой хорватского национально-исторического нарратива второй половины XIX века см.: *Ančić M. Kako danas čitati studije Franje Račkoga. S. XVIII–XIX; Džino D. Becoming Slav, becoming Croat... P. 18–19.*

с приходом варваров. Но как именно появление варваров в Далмации было связано с процессом хорватского этногенеза? Думается, было бы правильно говорить о двух аспектах этой связи — культурном, наиболее наглядным выражением которого стала языковая славянизация жителей Далмации, и социально-политическом, связанном с изменениями прежнего образа жизни, опыта и новыми отношениями господства, имевшими важное значение для раннесредневекового этнического дискурса. В соответствии с принятым в настоящей работе пониманием этногенеза, обозначенным нами во вводной части, в настоящей главе мы сфокусируем внимание главным образом на социально-политическом аспекте данной связи, оставляя ее культурный аспект по большей части за скобками.

Долгое время ключевым вопросом в исследовании хорватского этногенеза считался вопрос о том, когда и при каких обстоятельствах хорваты как пришлый варварский народ поселились в Далмации. Различные ответы на этот вопрос стали формулироваться еще в Средневековье, когда, например, распространилось представление о том, что появление хорватов в Далмации было связано с готским завоеванием. Со времени становления и развития критической историографии к этому представлению добавились новые теории, претендовавшие на большую обоснованность: появление хорватов в Далмации связывали с аварскими завоеваниями и славянскими миграциями VI–VII вв. Наконец, несколько десятилетий назад появилась и прочно прописалась в хорватской историографии концепция, согласно которой приход хорватов в Далмацию был неразрывно связан с экспансией Франкского государства в конце VIII в. Опуская нюансы, можно, таким образом, констатировать наличие трех влиятельных историографических направлений, одно из которых призывает считать хорватских первооселенцев в Далмации современниками (или союзниками) готских королей Теодориха (493–526 гг.) или Тотилы (541–552 гг.), другое — византийского императора Ираклия (610–641 гг.), а третье — франкского короля Карла Великого (768–814 гг.).

Стоит ли говорить, что все перечисленные трактовки появления хорватов в Далмации отражают сугубо примордиалистское понимание этничности, в рамках которого та или иная пришлая группа варваров рассматривалась либо в качестве самого народа хорватов, либо в качестве его непосредственных предков. Лишь в самое последнее время в историографии стало распространяться убеждение в том, что приход той или иной группы варваров отнюдь не рав-

нозначен появлению хорватов как этнической общности, рождение которой в любом случае было не механическим результатом миграции, а плодом социального взаимодействия различных акторов, интеракции разных элементов и условий, роль в которой тех или иных явлений, характеризовавших процесс варваризации, еще только предстоит выяснить. Разделяя данное убеждение в качестве базового методологического принципа, мы, однако, не только не считаем нужным дистанцироваться от перечисленных направлений историографии, но, напротив, попытаемся понять, какое значение те или иные социальные и политические аспекты истории Далмации, связанные с готами, славянами, аварами и франками, имели для становления хорватского этнополитического организма. Иными словами, в настоящей главе мы поведем речь не столько о самих хорватах, сколько о варварах, которым предстояло ими стать.

§ 1. Хорваты и готы

В конце V в. земли позднеримских провинций Далмации, Посавской и Сирмийской Паннонии оказались в составе так называемого Остготского королевства Теодориха (493–526 гг.), в свое время получившего от императора Зенона (474–491 гг.) право занять от его имени Италию, отстранив от власти Одоакра. Власть остготов Теодориха над землями Посавской и Сирмийской Паннонии начала устанавливаться в 488–489 гг., когда остготский правитель по договору с Зеноном отправился из Мизии на покорение Италии, попутно разгромив в округе Сирмия войска гепидов. Вскоре, уже во время войны с Одоакром в 490–493 гг., войсками Теодориха была занята Далмация, находившаяся до этого под властью Одоакра¹⁶⁰. Господство остготов над землями, приблизительно соответствующими территории современной Хорватии и Боснии и Герцеговины, не было особенно продолжительным: уже в 537 г. в результате масштабной военной кампании Юстиниана Далмация была возвращена под власть империи, хотя не исключено, что ее северо-западная часть — Либурния — оставалась в руках остготов вплоть до окончательного падения Остготского королевства в 550-е гг.¹⁶¹

¹⁶⁰ См.: *Matijašić R. Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici...* — S. 168–169.

¹⁶¹ Либурния остготского периода охватывала пространство от Лабина до Нина. О позднеантичной Либурнии и ее соотношении с более мелкой административной единицей «*Liburnia Tarsaticensis*» см.: *Turković T.*

В составе Остготского королевства главным административным центром региона оставалась Салона, где находилась резиденция главного готского наместника, именованного комитом «Далмаций» (то есть, видимо, Далмации и Либурии) и «Савии» (*comes Dalmatarum et Saviae*). Отдельные наместники находились во главе Сирмийской Паннонии (*comes Pannoniae Sirmiensis*), а также островов Крка и Цреса в Кварнерском архипелаге (возможно, с близлежащими территориями побережья Либурии) (*comes Curritanae et Celsinae*)¹⁶². Археологические следы присутствия остготов на территории Далмации, выявляемые главным образом на основе обнаружения готских монет и характерных женских украшений,

Basić I. Kasnoantička i ranosrednjovjekovna Tarsatička Liburnija... — S. 40–58. Неясность вопроса о времени занятия Либурии византийскими войсками связана с теоретической возможностью двоякого толкования фразы Прокопия Кесарийского, сообщающего в пятой книге «Войн с готами» о том, что восточно-римский полководец Констанциан занял «всю Далмацию вплоть до Либурии». См.: *Matijašić R. Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici... — S. 198.* Дополнительные аргументы в обоснование сохранения готской власти над Либурией (и Задаром) до 552 г. пытался привести С. Антоляк, основываясь на логистике военных действий периода готско-византийской войны (см.: *Antoljak S. Zadar pod vlašću Istočnih Gota // Zadarska revija. — 1971. — God. XX. — S. 139–146*), но в силу их умозрительного характера ни один из этих аргументов не имеет решающей силы. Ю. Медини сформировал концепцию, согласно которой Либурия в период готско-византийской войны играла важную роль как особая готская военно-административная единица, державшаяся вплоть до окончательного поражения остготов. См.: *Medini J. Provincia Liburnia // Diadora. — 1980. — Sv. IX. — S. 363–444.* Другие исследователи высказывают сомнения в возможности существования такой единицы в условиях византийского господства в соседних областях: *Margetić L. Noviji pogledi na stariju povijest Vinodola, Kрка i Senja // Zbornik Pravnog fakulteta u Rijeci. — 1988. — Sv. 9. — S. 10–11; Uglešić A. Rimska provincija Dalmacija pod vlašću Istočnih Gota // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. — 1991. — Sv. 30(17). — S. 65–78; Turković T., Basić I. Kasnoantička i ranosrednjovjekovna Tarsatička Liburnija... — S. 46–47.* Между тем в труде Прокопия не содержится упоминаний об установлении византийской власти в Истрии в конце 530-х гг., что делает вероятным отсутствие византийской власти также и в Либурии. См.: *Matijašić R. Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici... — S. 198–200.*

¹⁶² *Uglešić A. Rimska provincija Dalmacija... — S. 65; Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 96–97; Matijašić R. Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici... — S. 170–173.*

относительно немногочисленны¹⁶³, хотя, ввиду отсутствия оружия в мужских погребениях, даже приблизительное число тех, кто мог считаться готами в условиях Далмации, установить практически невозможно. В результате к настоящему времени в археологической литературе говорится лишь о присутствии отдельных готских погребений в ряде позднеантичных некрополей, особенно в некрополе Гребле под Книном, но сами некрополи при этом не рассматриваются как готские¹⁶⁴. О судьбе готских поселений в Далмации, представлявших собой, если связывать их местонахождение с некоторыми топонимами, «изолированные островки»¹⁶⁵, после Юстиниановой «реконкисты» судить весьма трудно: по крайней мере, археологические исследования показывают, что с падением остготской власти в Далмации исчезают артефакты, обычно истолковываемые как атрибуты готов.

Таким образом, все указывает на то, что период вхождения Далмации в состав «романо-германского королевства», чьи основные центры власти располагались на Апеннинском полуострове (Равенна, Верона, Рим), вряд ли характеризовался какими-либо процессами или событиями, судьбоносными для собственно хорватского социально-политического развития. Однако несмотря на это, нашедшие отражение в средневековой историографии представления о готском происхождении славянских политических организмов, располагавшихся в раннее Средневековье в хинтерланде Далмации, стали основой для разработки уже в Новейшее время концепций, приписывавших готам важную роль в двух взаимосвязанных процессах ранней истории хорватов, а именно в формировании хорватского этноса и складывании хорватской государственности. В настоящем разделе будет предпринята попытка, во-первых, рассмотреть «готскую теорию» в контексте историографии проблемы происхождения хорватов, а во-вторых, дать ответ на вопрос, какое место ее основные положения занимают в актуальной на сегодняшний день проблематике хорватского этногенеза.

¹⁶³ Об этих находках см.: *Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400 do 800 godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1971. — Sv. 5. — S. 52–54; Demo Ž. Istočnogotski novci Dalmacije // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 169–179; Uglešić A. Nakit istočnih Gota na području rimske provincije Dalmacije // Ibid. — S. 135–168.*

¹⁶⁴ *Uglešić A. Nakit istočnih Gota... — S. 136.*

¹⁶⁵ *Suić M. Pristupna razmatranja uz problem etnogeneze Hrvata // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 20.*

Комплекс обнаруживаемых в средневековой историографии представлений о связи хорватов и готов, который по аналогии с похожими явлениями в других странах Европы было бы уместно называть «готицизмом»¹⁶⁶, имел два основных источника. Один из них — это существовавшая в Сплите историческая традиция, в соответствии с которой именно готам приписывалось разорение Салоны — крупнейшего центра позднеантичной Далмации, некогда оставленного жителями под давлением варваров. Впервые данная традиция была зафиксирована в одной из версий Жития св. Домния (первого епископа Салоны — святого покровителя Сплита)¹⁶⁷, датировка которой в историографии колеблется от конца VIII до XI в¹⁶⁸. В соответствии с такой интерпретацией далматинской истории, в Сплите — городе, выросшем на основе заселенного беженцами из Салоны дворца императора Диоклетиана, а, вероятно, также и в других прибрежных городах Далмации, где проживало

¹⁶⁶ Обычно под готицизмом понимаются различные формы апелляции к готскому наследию, как правило, политически мотивированные и призванные обосновать с помощью приписываемого своему народу (королевству, династии и т. п.) готского происхождения претензии на верховенство. На наш взгляд, понятие можно использовать и в более широком значении приписывания своей или чужой общности связи с готами (чаще всего через происхождение народа или династии). Литература о европейском средневековом и раннемодерном (протонациональном) готицизме чрезвычайно обширна. Ограничимся поэтому указанием на классическую работу Й. Свеннунга: *Svennung J. Zur Geschichte der Goticismus*. — Stockholm; Uppsala, 1967.

¹⁶⁷ В Житии при описании переноса мощей св. Домния из Салоны во дворец Диоклетиана (будущий Сплит) упоминаются готское разорение Салоны, бегство ее жителей на острова, а затем переселение их во дворец Диоклетиана: «Postea vero Gothorum irruptione diruptis funditusque eversis Salonis, concives ad proximas insulas cingulerunt ac deinde reversi in Diocletiani aedificio...» (Documenta. — P. 288). Впоследствии сюжет о бегстве жителей Салоны на острова и последующем переселении их во дворец Диоклетиана будет воспроизведен (с добавлением целого ряда подробностей) в тексте «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского. Есть все основания полагать, что Житие св. Домния послужило архидиакону Фоме одним из источников при описании судьбы Салоны и становления Сплита. См.: *Gunjača S. Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj historiji. Knj. I. Izvori (Analiza i kritika)*. — Zagreb, 1973. — S. 190–192.

¹⁶⁸ Обзор мнений см.: *Matijević Sokol M. Toma Arhidakon i njegovo djelo: rano doba hrvatske povijesti*. — Jastrebarsko, 2002. — S. 238–239.

романское население, готское происхождение стало приписываться жителям хинтерланда — славянам (хорватам). Таким образом, оппозиция «римляне — варвары», столь свойственная средиземноморской «Романии», приобрела в условиях Далмации дополнительную коннотацию «горожане (потомки римлян) — сельские жители хинтерланда (потомки варваров-готов)».

Сохранению такого дискурсивного размежевания на протяжении столетий, как кажется, отнюдь не мешали ни переход сохранявших самоуправление приморских городов под власть хорватского короля, ни постепенная языковая славянизация под влиянием интенсивных контактов с хинтерландом самих горожан, стойко придерживавшихся представлений о своем римском происхождении. На основании известий «Истории архиепископов Сплита и Салоны» Фомы, архидиакона Сплитского, есть основания полагать, что данная оппозиция была особенно актуализирована в условиях церковного раскола, произошедшего в Хорватии в правление короля Петра Крешимира IV Великого (1058–1074 гг.), когда далматинские горожане из числа сторонников реформ, провозглашенных Латеранским собором 1059 г. (а в Хорватии — провинциальным Сплитским собором 1060 г.), получили возможность презрительно именовать готами своих оппонентов — хорватов-глаголяшей, привыкших использовать в богослужении вместо латыни «варварский» (славянский) язык и «еретические» с точки зрения приверженцев латыни «готские письмена» (глаголицу)¹⁶⁹. Так, в XVI главе своего труда, описывая перипетии конфликта между сторонниками реформы и глаголяшами, Фома Сплитский не только упоминает «готские письмена», но и неоднократно называет готами хорватов, практически используя названия «хорваты» и «готы» как синонимы¹⁷⁰.

Между тем готицизм Фомы Сплитского в отношении хорватов далеко не исчерпывался религиозным аспектом. В своем труде, посвященном истории Сплитской церкви, наследницы древней Салонской митрополии, архидиакон Фома уделил большое внимание такому важному для темы его труда сюжету, как разорение Салоны вторгшимися в Далмацию варварами. Подробному и красочному описанию этого события целиком посвящена VII глава труда архидиакона Фомы, носящая название «Как была захвачена

¹⁶⁹ См.: *Katičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // SHP. Ser. III. — 1987. — Sv. 17. — S. 21.*

¹⁷⁰ *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana. — P. 49–54; Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 48–50.*

Салона». В частности, здесь сообщается следующее: «Как говорят, Салона была разрушена при готах, которые вышли под предводительством Тотилы из земель Гевтонии и Полонии; ведь этот вождь, прежде чем пойти войной на Италию, прошел по территории Далмации, опустошая ее, и частью разорил город Салону. Он вошел в описанное выше здание цезаря Диоклетиана, сбросил и уничтожил находящиеся там изваяния с именами императоров, а также разрушил некоторую часть самого здания»¹⁷¹. Собственно происхождение хорватов Фома Сплитский также ставит в тесную связь с готами, повествуя о том, как вместе с Тотилой в Далмацию переселились из земель Полонии семь или восемь «знатных племен» лингонов, которые, заняв территорию горной части Далмации, смешались с жившими здесь издревле куретами, от которых будто бы происходит само имя хорватов¹⁷².

Рассказав о возникновении вследствие этого смешения единого народа «со схожим образом жизни и нравами и одним языком», Фома Сплитский счел необходимым заметить: «Многими они назывались готами и тем не менее это славяне, судя по собственному

¹⁷¹ *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 35. «Gothorum tempore, qui Totila duce de partibus Teutonie et Polonie exierunt, dicitur Salona fuisse destructa. Etenim dux ipse, antequam arma inferret Italie, per partes Dalmatie uasando transiuit, Salonamque urbem ex parte uastauit. Ipse intrauit prescriptum edificium Dioclitiani Cesaris et imperiales titulos ibidem sculptos deposuit atque deleuit, aliquam etiam partem eiusdem edificii destrui fecit» (*Thomas Archidiaconus*. Historia Salonitana. — P. 24–25).

¹⁷² «Вместе с Тотилой из земель Полонии пришли семь или восемь знатных племен, зовущихся лингонами. Видя, что земля Хорватии будет удобна им для поселения, так как там остались редкие обитатели, они истребовали и получили ее от своего вождя. И так оставшись там, они начали теснить местных жителей и силою поработать их. Хорватия — горная страна, с Далмацией она граничит с севера. Эта страна в древности звалась Куретией, и народ, который теперь именуется хорватами, назывался куретами или корибантами...» (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 35). «Venerant de partibus Polonie, qui Lingones appelluntur, cum Totilla septem uel octo tribus nobilium. Hi, uidentes terram Chroatie aptam sibi fore ad habitandum, quia rari in ea coloni manebant, petierunt et optinuerunt eam a duce suo. Remanentes ergo ibidem, ceperunt opprimere indigenas et ad suum seruitium subigere uiolenter. Chroatia est regio montuosa, a septemtrione adheret Dalmatie. Hec regio antiquitus uocabantur Curetia, et populi, qui nunc dicuntur Chroate, dicebantur Curetes uel Coribantes...» (*Thomas Archidiaconus*. Historia Salonitana. — P. 25).

имени тех, которые пришли из Полонии или Богемии»¹⁷³. Эта примечательная фраза, характеризующая Фома более как осторожного ученого, нежели как носителя стереотипных представлений о варварах, не должна, однако, заслонять от нас популярности готского дискурса, ведь из нее следует, что «многие» (очевидно, современники Фомы) вообще не видели никакой разницы между славянами, готами и хорватами. При этом, в отличие от краткого известия о разорении Салоны готами в упоминавшейся версии Жития св. Домния, Фома Сплитский представляет читателю гораздо более сложную и нюансированную картину хорватского этногенеза: фактически он описывает рождение в хинтерланде Далмации гетерогенного варварского народа, историческими компонентами которого были как пришельцы — готы и славяне-лингоны, так и автохтоны — куреты. Именно этому гетерогенному народу Фома Сплитский и приписывает захват и разорение Салоны: подробный рассказ об этом событии начинается уже после описания «этногенеза», с фразы о том, как некий «вождь Гот, стоявший во главе всей Склавонии» (*dux Gothus, qui toti preerat Sclauonie*), собрав войско, спустился с гор и, разбив два лагеря под стенами Салоны, начал штурм города¹⁷⁴.

Эта нюансированная картина породила немало споров в историографии, пытавшихся если не отыскать в замысловатых построениях сплитского интеллектуала пресловутое историческое зерно, то по крайней мере выявить следы источников, которыми он пользовался. Между тем сделать это крайне непросто, если вообще возможно, так как описание захвата Салоны носит цельный характер и, вопреки некоторым критическим замечаниям, сделанным историками с высоты XX ст., составлено, с точки зрения внутренней логики повествования, весьма искусно. Как тонко подметил Л. Маргетич, притом, что Фома Сплитский, казалось бы, повествует об одном историческом эпизоде — захвате варварами Салоны, в используемых сплитским архидиаконом этнических обозначениях заметна определенная хронологическая последовательность: если в начале своего повествования о варварах, разоривших Салону, он именует их преимущественно готами, то впоследствии все

¹⁷³ *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 35. «*Gothi a pluribus dicebantur et nichilominus Sclauī, secundum proprietatem nominis eorum, qui de Polonia seu Voemia uenerant*» (*Thomas Archidiaconus*. *Historia Salonitana*. — Р. 26).

¹⁷⁴ *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 36; *Thomas Archidiaconus*. *Historia Salonitana*. — Р. 26.

чаще говорит о славянах, а под конец начинает повсеместно использовать название «хорваты»¹⁷⁵. Такой прием выдает в Фоме Сплитском автора, умевшего мастерски выстраивать повествование о далеком прошлом, опираясь на доступные ему скудные и разрозненные свидетельства. Однако эта же черта повествования Фомы порождает большие трудности у тех современных авторов, кто стремится рассматривать свидетельства Фомы как достоверный источник информации о событиях раннего Средневековья.

Неудивительно поэтому, что одни исследователи полагали, что речь в VII главе труда сплитского архидиакона идет именно о готах, господствовавших в Далмации до «реконкисты» императора Юстиниана, а другие считали, что весь рассказ Фомы живописует разорение Салоны аваро-славянским войском, произошедшее якобы около 614 г. О том, какие основания существуют для того, чтобы приписывать разорение Салоны аварам и славянам, мы поведем речь позже, когда рассмотрим дискуссионный вопрос об аваро-славянском завоевании Далмации. Пока же отметим, что рассказу Фомы Сплитского о разорении Салоны весьма сложно подобрать соответствие в том, что известно о готском периоде в истории Далмации из современных источников. Как известно, Салона признала готскую власть относительно безболезненно, вместе с другими городами Далмации, в правление Теодориха (493–526 гг.), вследствие чего говорить о захвате города готами в период их продвижения в Италию не представляется возможным. Событие, которое можно именовать «взятием готами Салоны», имело место уже в период готско-византийской войны, в 530 г., когда готы снова овладели городом, который незадолго до этого был захвачен византийским полководцем Мундом. Однако это событие было лишь эпизодом в готско-византийской войне, не имевшим для города катастрофических последствий. Вскоре готы были снова выбиты из Салоны, после чего предприняли в 537 г. осаду города, оказавшуюся безуспешной. Наконец, известно, что в период правления Тотилы (541–552 гг.) в районе Салоны действовал готский полководец Индульф, однако в этот период никакой захват Салоны вообще не имел места¹⁷⁶.

Тут, впрочем, необходимо указать на то, что сам Фома Сплитский не связывает захват и разорение Салоны напрямую с Тотилой, ведь в качестве организатора штурма города выступает отнюдь

¹⁷⁵ *Margetić L. Historia Salonitana i Historia Salonitana Maior – neka pitanja // HZ. – 1994. – God. XLVII(1). – S. 11–13.*

¹⁷⁶ *Margetić L. Historia Salonitana... – S. 3.*

не Тотила, при котором, как сообщает Фома, Салона лишь частично пострадала, а некий «вождь Гот» (*dux Gothus*). Более того, повествование в тексте Фомы выстроено таким образом, что позволяет (и даже заставляет) думать, что между поселением готов и лингонов в стране куретов и появлением войск «вождя Гота» под стенами Салоны прошло немало времени. Это обстоятельство подчеркивалось, в частности, теми исследователями, которые искали в свидетельствах Фомы аргументы для своей готской теории происхождения хорватов¹⁷⁷. Показательно, однако, что похожим образом рассуждают и приверженцы более распространенного в современной историографии мнения, согласно которому в тексте Фомы Сплитского отразилось не готское (готско-славянское), а аваро-славянское разорение Салоны. Доверяя, подобно сторонникам готской теории, внутренней хронологии сочинения Фомы, они, однако, отрицают саму идею сплитского автора о том, что готы, славяне и хорваты — это, в сущности, один народ. В обоих подходах трудно не заподозрить тенденциозный отбор информации в угоду уже готовых теорий ранней истории Далмации, в одной из которых ведущую роль играют готы, а в другой — славяне. Между тем едва ли стоит особо подчеркивать, что позиция, согласно которой Фома Сплитский передает нам аутентичное и притом эксклюзивное повествование о событиях «темных веков» (вне зависимости, идет ли в нем речь о готах или о славянах), в принципе не может быть принята по соображениям методологического характера. Как справедливо заметил по этому поводу Ненад Ивич, рассказ Фомы подобен мозаичному изображению, составленному из элементов разного происхождения и разных эпох, а потому пытаться на основании датировки и интерпретации одного фрагмента датировать и интерпретировать все прочие совершенно ошибочно¹⁷⁸.

Очевидно, что под этим углом зрения следует рассматривать не только сюжет о разорении Салоны, но и нарисованную в труде Фомы Сплитского картину хорватского этногенеза, в которой

¹⁷⁷ Так, по мнению К. Шегвича, готы разорили Салону между 614 и 640 гг., уже после оформления в хинтерланде Далмации готского королевства, ставшего зародышем Хорватии: *Šegvić K. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio V. Nuić. — Split, 1997. — S. 112.*

¹⁷⁸ *Ivić N. Dosezi sjećanja i zaborava: pad Salone i naseljavanje Splita u Tome Arhiđakona // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25–27. rujna 2000. godine u Splitu / Ur. M. Matijević-Sokol, O. Perić. — Split, 2004. — S. 138.*

фигурируют не только такие «актуальные» для средневековых стратегий идентификации этнонимы, как «готы», «славяне» и «хорваты», но и сугубо книжные понятия, каковыми являются «лингоны» и «куреты/корибанты». Присутствие в тексте Фомы Сплитского куретов, широко известных в качестве персонажей античной мифологии, а также в качестве легендарного, имеющего божественное происхождение народа, помещаемого античными авторами в Этолии или в Акарнании, несомненно, является результатом знакомства архидиакона Фомы с античной литературой. Об этом же свидетельствует и присутствующее в тексте отождествление куретов с народом куриктов (*gens Curictum*), фигурирующим в знаменитой эпической поэме Марка Аннея Лукана (39–65 гг.) «Фарсалия», на текст которой Фома прямо ссылается, приводя оттуда цитату¹⁷⁹. Следует отметить, что народом куриктов в тексте Лукана именовались жители острова Крк в северной части Далмации, причем в некоторых средневековых списках «Фарсалии» вместо формы «*Curictum*» фигурирует именно форма «*Curetum*», так что едва ли Фома Сплитский был первым, кто отождествил куретов с куриктовыми¹⁸⁰. Очевидно, именно географическая близость куриктов/куретов Лукана и хорватов, а также близость самих этих названий по звучанию и были решающими соображениями для появления в тексте Фомы куретской теории происхождения хорватов. Впрочем, нельзя исключать и значимости для сплитского архидиакона содержащихся в античных источниках ярких характеристик куретов и как необычных мифологических персонажей, спутников матери богов Реи, и как варварского племени, практиковавшего странные обряды. Некоторые из этих характеристик, воспроизводимые в тексте Фомы¹⁸¹,

¹⁷⁹ *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana.* — P. 25.

¹⁸⁰ См. об этом: *Mužić I. Hrvati i autohtonost...* — S. 151, bilj. 359.

¹⁸¹ «Название куреты они получили благодаря тому, что они будто бы были быстроногими и непоседливыми и, блуждая по горам и лесам, вели грубую жизнь кочевников. Впитав в себя дикость родной природы, они радовались, как звери, суровости войны, насилию, грабежам. Крайне воинственные и словно не знакомые со страхом смерти, они, обычно нагие, устремлялись навстречу неприятельским отрядам. Многими поэтами отмечается у них один забавный предрассудок. Когда случается затмение луны, они, полагая, что она обгладывается и пожирается духами, стучат по всей медной домашней утвари, считая, что от грохота демоны разбегаются и что они приходят луне на помощь, отсюда у Вергилия: “Стучащие

очевидно, позволяли сплитскому историку акцентировать варварскую природу хорватов — потомков куретов¹⁸².

Название северного варварского народа лингонов, скорее всего, было прямо или опосредованно заимствовано Фомой Сплитским из сочинения Адама Бременского «Деяния отцов Гамбургской церкви», где лингоны (*Lingones*) упомянуты среди славянских племен, проживавших к востоку от Эльбы¹⁸³. Правда, остается несколько неясным, что именно побудило Фому Сплитского связать славянский компонент хорватского этногенеза именно с лингонами — географическая близость их к местам обитания готов, как их было принято обрисовывать в средневековой историографии («Гевтония и Полония»)¹⁸⁴, существование в античности кельтского народа лингонов (*Lingones*), жившего в правобережье реки По¹⁸⁵, или близкое звучание этнонима «лингоны» и названия поляков в некоторых европейских языках, особенно в венгерском (*Lengyel*)¹⁸⁶. В свое время исследователи, склонные усматривать в построениях Фомы

медью куреты»» (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 35–36).

¹⁸² Как резонно замечает по этому поводу Л. Маргетич, «варварство» куретов и готская приверженность арианской ереси взаимно дополняли друг друга, способствуя конструированию в труде Фомы негативного образа хорватов — народа, словно унаследовавшего характеристики и тех, и других (*Margetić L. Historia Salonitana...* — S. 3; *Idem. Vidljive i manje vidljive poruke Tomine Historia Salonitana // Toma Arhidakon i njegovo doba.* — S. 14).

¹⁸³ *Mužić I. Hrvati i autohtonost...* — S. 154.

¹⁸⁴ *Matijević Sokol M. Toma Arhidakon...* — S. 235.

¹⁸⁵ См. комментарий Ф. Рачкого: *Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana.* — P. 25.

¹⁸⁶ С венгерским названием поляков этноним «лингоны» сближал Л. Хауптманн, считавший, однако, фразу «qui Lingones apellantur» позднейшей интерполяцией в текст Фомы Сплитского (*Hauptmann Lj. Podrijetlo hrvatskoga plemstva // Rad HAZU.* — 1942. — Knj. 273. — S. 93). Доводом в пользу отсутствия этой фразы в первоначальном тексте является для Л. Хауптманна неправильность грамматической конструкции, ведь, строго говоря, уточнение «qui Lingones apellantur» стоит явно не на месте: «Venerant de partibus Polonie, qui Lingones apellantur, cum Totilla septem uel octo tribus nobilium» (*Thomas Archidiaconus. Historia Salonitana.* — P. 25). Предположение Хауптманна, базирующееся, как справедливо заметил В. Кошчак, на «эстетическом» аргументе (*Košćak V. Dolazak Hrvata // HZ.* — 1987. — God. XL(1). — S. 365, bilj. 133), не было поддержано большинством исследователей.

Сплитского следы аутентичных хорватских племенных преданий, пытались увязать лингонов не просто с поляками, а с лендзянами¹⁸⁷, известным по ряду источников, включая трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», славянским этнополитическим оранизмом, занимавшим район верховьев Вислы и более или менее обширные территории по соседству. Данная концепция целиком базировалась на попытке связать рассказ Фомы Сплитского о переселении лингонов с известиями трактата Константина Багрянородного о переселении хорватов из «Великой Хорватии» и происхождении рода правителя Захумского княжества Михаила Вышевича от неких «личиков», проживавших на Висле. Между тем построения подобного рода совершенно безосновательны. Повествуя о «Великой Хорватии», император Константин имел в виду всю обширную территорию современной ему державы чешского князя Болеслава I Пржемысловича, не уточняя при этом, из какой именно части этой державы пришли хорваты¹⁸⁸. Встречающееся в историографии отождествление с лендзянами «личиков», упоминаемых в 33-й главе трактата «Об управлении империей» в сообщении о происхождении рода Михаила Захумского¹⁸⁹, вызывает большие сомнения¹⁹⁰, однако в любом случае к происхождению хорватов эта информация не имеет никакого отношения.

Другим источником хорватского готицизма была историческая традиция, впервые зафиксированная в так называемой Летописи попа Дуклянина, созданной в XII в. в городе Бар — политическом и церковном центре расположенного по соседству с Хорватией Дуклянского королевства. История некоего «готско-славянского» королевства, очевидно, соответствующего в представлении летописца первоначальной Дуклянской державе (хотя название этого королевства нигде ясно не обозначено), начинается в ней с рассказа

¹⁸⁷ См. особенно: *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // *NZ.* — 1984. — God. XXXVII (1). — S. 211, bilj. 5. По мнению О. А. Акимовой, Фома Сплитский, говоря о лингонах, скорее всего, имел в виду лендзян, но при этом под лендзянами могли разумеаться поляки в целом (*Акимова О. А.* Развитие средневековых представлений... — С. 31).

¹⁸⁸ См. об этом в главе II.

¹⁸⁹ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 150–151.

¹⁹⁰ Особенно важно то, что лендзяне упоминаются в трактате императора Константина (в 9-й и 37-й главах) под названием «лендзанины». Критический разбор мнений о личиках см. в комментарии Б. Н. Флори: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 383–385.

о трех братьях — сыновьях готского короля Сенулада, имена которых были Брус, Тотила и Остроил. Их появление на исторической сцене датируется летописцем посредством упоминания известных современников — императора Анастасия (491–518 гг.), папы Геласия (492–496 гг.) (ошибочно именуемого здесь Геласием II), епископов Германа (епископ Капуи в Кампании в 516–540 гг.) и Сабина (епископ Каносы в Апулии в 514–566 гг.), а также Бенедикта Нурсийского (около 480–543 гг.), основателя Монтекассинского монастыря (529 г.)¹⁹¹.

В то время как старший сын, Брус, по сообщению Летописи, унаследовал трон отца в некоей северной стране готов, местонахождение которой летописцем не уточняется, Тотила и Остроил отправились стяжать славу, завоевывая новые земли. Покорив Паннонию и загадочную «Темплану», они в жестокой битве разгромили войска выступивших против завоевателей «короля далматинцев» и «короля Истрии». После этой победы войска готов разделились: Тотила через Истрию ушел в Италию, где продолжил свои завоевания, а Остроил, вступив в «Иллирийскую провинцию» (*Illyrica provincia*), овладел всей Далмацией и приморскими землями. Обосновавшись в «Превалитанской области» (*regio Praevalitana*), он послал своего сына Сенулада покорять загорские области. В отсутствие Сенулада на Остроила, остававшегося с немногими людьми в «Превалитанском городе» (*Praevalitana urbs*), совершил поход «император Константинополя», в сражении с войсками которого Остроил погиб¹⁹². Согласно летописи, Остроил стал основателем династии королей, деяния которых в подробностях описываются в последующих главах памятника. Среди прочего в них говорится

¹⁹¹ «Regnante in urbe Constantinopolitana imperatore Anastasio, qui se et alios multos Eutythiana haeresi maculaverat, Romae vero praesidente Gelasio papa secundo; eo tempore praeclaruerunt, in Italia Germanus episcopus et Sabinus Canusinae sedis episcopus, atque venerabilis vir Benedictus apud Cassinum montem; exiit quoque gens a septentrionali plaga, quae Gothi nominabantur, gens ferox, et indomita, cui erant tres fratres principes, filii regis Senulaldi, quorum nomina sunt haec: primus Brus, secundus Totilla, tertius vero Ostroyllus» (ЛПД. — С. 293; GRS. Т. I. — С. 4). Повествование в «Хорватской хронике» отличается некоторыми деталями, в числе которых несколько иное звучание имен готских вождей: Sfiholad, Bris, Totilla, Stroil (ЛПД. — С. 383; GRS. Т. I. — С. 4а).

¹⁹² ЛПД. — С. 293–296 (латинская редакция), 383–388 (Хорватская хроника); GRS. Т. I. — С. 5–19.

о том, что внук Остроила король Силимир «наполнил страну множественством славян»¹⁹³, а в правление Бладина, сына Силимира, территорию по соседству с «готско-славянским» королевством занял еще один народ — переселенцы с реки Волги (в «Хорватской хронике» — Велии), названные в латинской редакции «вулгарами» (*Vulgari*)¹⁹⁴, т. е., очевидно болгарами.

¹⁹³ «Replevit terram multitudine Scavorum...» (ЛПД. — С. 297; GRS. Т. I. — С. 20). В «Хорватской хронике» о переселении славян не говорится.

¹⁹⁴ «В правление Бладина вышло бесчисленное количество народа с великой реки Волги, от коей они и получили имя; от реки Волги — вулгары, как и до настоящего дня зовутся. Со своими супругами, сыновьями и дочерьми, а также со всем имуществом и достоянием весьма великим они прибыли в провинцию Силлодуксии. Предводителя их звали Крис, на своем языке они обычно именовали его “каган”, что на нашем языке означает “император”, ему же было подчинено 9 князей, которые правили и судили народ, поскольку тот был многочислен. Итак, напав на Силлодуксию, они завоевали ее. Потом победоносно прошли всю Македонию, вслед за чем и всю провинцию латинов, которые в то время назывались романами, недавно же прозвались моровлахами, т. е. черными латинами. Император много воевал против них, сидя в своей земле, но, никак не в силах превозмочь, отправил к ним и заключил с ними мир; и с тем оставил их. Сходным образом и король Бладин решил, из-за огромного множества народа, заключить с ними мир. И оба народа весьма почитали друг друга — готы, т. е. славяне, и вулгары, и главным образом из-за того, что те и другие были язычники и все одного языка. Потом же вулгары, безопасно заняв весь край, построили себе усадьбы и деревни и населили страну, в которой остаются доднесь» (*Алексеев С. В.* *Летопись попа Дуклянина.* — С. 50). «Praeterea regnante Bladino exiit innumerabilis multitudo populorum a magno flumine Volga, a quo et nomen caeperunt. Nam a Volga flumine Vulgari usque in presentem diem vocantur. Hi cum uxoribus, et filiis, ac filiabus, atque cum omni pecunia, ac substantia magna nimis venerunt in Sylloduxiam provinciam. Praeerat eis quidam nomine Kris, quem lingua sua cagan appellabant, quod in lingua nostra resonat imperator, sub quo erant VIII principes, qui regnabant et iustificabant populum, quoniam multus erat nimis. Igitur impugnantibus Sylloduxiam, expugnaverunt eam. Inde debellando caeperunt totam Macaedoniam. Post haec totam provinciam Latinorum qui illo tempore Romani vocabantur, modo vero Morovlachi, hoc est Nigri Latini vocantur. Imperator etiam plurima cum eis faciens bella, sedens in solio suo, nec valens in aliquo superare, misit, et facit pacem cum eis, et sic dimisit eos. Similiter et rex Bladinus cernens, quod maxima multitudo populi esset, cum eis, fecit pacem, caeperuntque se utrique populi valde inter se diligere, id est Gothi, qui et Sclavi, et Vulgari, et maxime quod ambo populi gentiles essent, et una lingua esset omnibus, deinde Vulgari iam ex omni parte securi,

Как было давно замечено в историографии, первые семь глав летописи обладают определенным сюжетным и тематическим единством, которое нарушается с появлением в VIII главе такого персонажа, как св. Константин-Кирилл, который, по сообщению следующей IX главы, крестил жителей «готско-славянской» страны в правление короля, имя которого в латинской редакции — Светопелек (*Sfetopelek/Suetopelek*)¹⁹⁵ — вызывает ассоциации с именем моравского князя Святополка (870–894 гг.), действительно являвшегося современником Кирилла и Мефодия¹⁹⁶. Интересно также, что, согласно летописи, в период между правлениями Ратомира, сына Бладина, и Званимира, отца Светопелека, на престоле последовательно сменили друг друга четверо королей, имена которых ни в латинской редакции, ни в «Хорватской хронике» по непонятным причинам не называются, притом что все они, по сообщению летописца, осуществляли преследования христиан. При этом в «Хорватской хронике» прямо сообщается о том, что из этих четырех королей второй был последним представителем королей «того колена»¹⁹⁷.

Все эти труднообъяснимые странности повествования нередко наталкивали исследователей на мысль, что именно первые семь глав летописи, последовательно повествующие о деяниях Остроила, Сетулада (II), Силимира, Ратомира и четверых «неправедных королей», соответствуют упомянутой летописцем во введении «Книге о готах» (*Libellus Gothorum*)¹⁹⁸. Вне зависимости от того, верна данная

construxerunt sibi villas et vicos, et inhabitaverunt terram, quam caeperunt usque in praesentem diem» (ЛПД. — С. 297–298; GRS. Т. I. — С. 22–24).

¹⁹⁵ ЛПД. — С. 301–309. В «Хорватской хронике» правитель, именуемый в латинской редакции Светопелеком, по необъяснимой причине фигурирует под именем Будимир (Там же. — С. 392–401).

¹⁹⁶ О возможных путях проникновения в Летопись попа Дуклянина моравской традиции о Святополке см. подробно: *Havlík L. E. Dukljanská kronika a Dalmatská legenda* (Rozprawy Československé Akademie věd. Řada společenských věd. Ročník 86. Sešit 2). — Praha, 1976. — С. 13–45. Из новых работ см.: *Homza M. Stredoveke korene svatoplukovskej tradície u Slovakov* (čierna a biela svatoplukovska legenda) // *Homza M.; et al. Svatopluk v europском pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy*. — Bratislava, 2013. — С. 125–135.

¹⁹⁷ «I umri Ratimir i ne ostavi sina na njegovu misti. I stavi se [kraljevati] jedan od njegova kolina [a potom drugi]. I on umr[v]še, ne biše veće kralji togaj kolina» (ЛПД. — С. 391).

¹⁹⁸ См. особенно: *Kelemina J. Popa Dukljanina «Libellus Gothorum» (I–VII). Studija o starogermanskih spominih v naši zemlji* // *Etnolog*. — Ljubljana, 1939. — Knj. XII. — С. 15–35.

интерпретация или нет, историческую концепцию дуклянского летописца в том виде, в каком она представлена в тексте латинской редакции, сложно трактовать иначе, нежели как «изобретенную традицию», в рамках которой ранняя история Травунского княжества и Дуклянской державы рассматривается как история готского королевства. При этом изложенная в летописи история трех сыновей Сенулада — Бруса, Тотилы и Остроила, как давно показал словенский историк Йоже Рус, подозрительно напоминает общую фабулу повествования готского историка Йордана о сыновьях Вандалария — Валамире, Тиудимере и Видимере, что позволяет *cum granu salis* говорить об искаженном воспроизведении в первых трех главах летописи истории готского рода Амалов начиная с периода существования Остготского королевства в Паннонии (454–471 гг.)¹⁹⁹.

В отличие от труда Фомы Сплитского, истоки «готомании» барского священника не вполне ясны. На основании имен вышеупомянутых исторических персонажей, фигурирующих в первой главе памятника, в историографии высказывалось мнение, что сведения о готах были почерпнуты барским клириком из исторической традиции Монтекассинского аббатства²⁰⁰, чьи контакты с Дуклянским королевством засвидетельствованы в источниках. Согласно другой точке зрения, готская традиция пришла в Дуклю из Венгрии, в свое время воспринявшей из Баварии элементы эпической традиции, повествовавшей о борьбе готов с гуннами²⁰¹. Вместе с тем нельзя не заметить, что повествование о готах в Летописи попа Дуклянина перекликается с сочинением Фомы Сплитского, по крайней мере в том, что касается важной роли готского короля Тотилы, вследствие чего в историографии неоднократно высказывались гипотезы если не о прямом использовании Фомой Сплитским Летописи попа Дуклянина, что все же весьма маловероятно, то о существовании некоего общего для обоих авторов источника, где упоминалось имя Тотилы.

Оставаясь в стороне обширную дискуссию, которая велась в историографии относительно соотношения данных памятников, ограни-

¹⁹⁹ Rus J. Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614. — Ljubljana, 1931. — S. 33.

²⁰⁰ См.: Станојевић С. О првим главама Дукљанског летописа // Глас Српске краљевске академије. — 1927. — Књ. 126. — С. 91–101. О параллелях с историографией южной Италии в целом см. также: Радојчић Н. О најтамнијем одељку Барског родослова. — Цетиње, 1951.

²⁰¹ См.: Hauptmann L. Kroatien, Goten und Sarmaten // Germanoslavica. — 1935. — Vol. III. — S. 315–325.

чимся тем, что сошлемся на прозвучавшие в ее ходе соображения, касающиеся возможного генезиса сюжета о завоевании Далмации Тотилой. Одним из наиболее рациональных, хотя и гипотетических объяснений появления этого сюжета, предложенных в историографии, можно считать предположение о непосредственном или опосредованном использовании дуклянским летописцем и/или Фомой Сплитским какой-либо из версий популярного в средневековой историографии сюжета об Аттиле, который в XIII–XIV вв. нередко смешивался с Тотилой. Если говорить более конкретно, то в основе повествования Летописи попа Дуклянина о завоевании Далмации Тотилой и Остроилом, как и в основе сообщений о Тотиле в сочинении Фомы Сплитского, могут скрываться известия, почерпнутые из «Деяний гуннов» — источника, содержание которого реконструируется на основе венгерских хроник (в первую очередь, «Деяний венгров» Шимона Кезай)²⁰². Именно в этом источнике говорилось о завоевании Аттилой Далмации и разорении им Салоны. При этом, как недавно предположил Франческо Борри, в генезисе представления об Аттиле/Тотиле как завоевателе и разрушителе Салоны свою роль могла сыграть и венецианская традиция о завоевании Аттилой Аквилеи, генетически восходящая к «Римской истории» Павла Диакона, где роль разорителей античных городов впервые приписывается именно гуннам²⁰³. Правда, в рамках данной интерпретации все же остается неясным, почему тогда именно Тотила, а не Аттила, приобрел в трудах дуклянского и сплитского автора роль завоевателя Далмации, притом что обоим источникам было хорошо известно имя Аттилы в качестве легендарного правителя венгров. По крайней мере, в случае с Летописью попа Дуклянина весьма вероятным представляется воздействие на автора историографии южной Италии, особенно аббатства Монтекассино, в которой Тотила занимал важное место²⁰⁴.

Притом что история готских королей Тотилы и Остроила и их завоеваний в Далмации была сложносоставной историографической

²⁰² *Stanojević S.* О првим главама Дукљанског летописа; *Hauptmann L.* Kroaten, Goten und Sarmaten. — S. 315–325; *Kelemina J.* Popa Dukljanina «Libellus Gothorum»...

²⁰³ *Borri F.* Arrivano i barbari a cavallo! Foundation myths and origins gentium in the Adriatic Arc // *Post-Roman Transitions. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West* / Ed. by W. Pohl and G. Heydemann. — Turnhout, 2013. — P. 245–250.

²⁰⁴ См. примеч. 200.

конструкцией, важно отметить, что, как и в случае со сплитской традицией, готский дискурс в Дукле был порождением романской интеллектуальной среды, ведь Бар, независимо от высокой степени своей интеграции в политическое пространство Дуклянского королевства, где он фактически играл роль «столицы», оставался (по крайней мере, отчасти) романским по населению городом. Об этом недвусмысленно свидетельствует сам летописец, когда, объясняя во введении замысел своего труда, в качестве одной из главных причин его написания (точнее перевода со славянского на латынь таинственной «готской книги») называет желание познакомить со славными деяниями готских (=славянских) королей воинственную молодежь Бара²⁰⁵.

В самой же Хорватии (как, вероятно, и в славяноязычной среде Дукли) в раннее Средневековье никакой апелляции к наследию готов или готских королей не наблюдалось. Так, в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», где при описании истории хорватов воспроизводится хорватская историческая традиция того времени (подробный анализ ее будет осуществлен в главе II), ни о каких готах речи не идет. Удивляться этому не приходится: готское наследие могло стать актуальным для хорватов лишь в процессе интенсивного культурного взаимодействия с романцами, примерявшими к жителям хинтерланда бытовавший в их среде образ варваров-готов. Готская традиция становится востребованной в Хорватии лишь со временем, о чем свидетельствует появление здесь в позднее Средневековье, возможно в XIV в., своей редакции Летописи попа Дуклянина — «Хорватской хроники», адаптировавшей повествование о «готско-славянском» королевстве к хорватским реалиям.

К XIV в. относится создание еще одного хорватского памятника, апеллировавшего к наследию «готско-славянского» королевства, — приписки к тексту так называемого «Супетарского картулярия», в которой описывается политическое устройство некоего идеального «королевства хорватов» (*regnum Croatorum*), состоящего из семи областей, возглавляемых банами. В тексте этого источника, появление которого следует связывать с политической активностью Сплитской церкви и тяготевшей к Сплиту хорватской знати²⁰⁶, помимо всего прочего, называются имена некоторых

²⁰⁵ ЛПД. — С. 292.

²⁰⁶ См.: Švob D. Pripis supetarskog kartulara o izboru starohrvatskog kralja i popis onodobnih banova // Historijski zbornik. — 1956. — God. IX. — Br. 1–4. —

банов, будто бы фигурировавших в истории Хорватии «со времен короля Светопелека вплоть до времени Звонимира»²⁰⁷. Упоминание в данном источнике короля Светопелека — одного из наиболее значимых персонажей Летописи попа Дуклянина, в которой он фигурирует как правитель, при котором произошло крещение «готско-славянской» страны и ее последующее обустройство на специально созванном королем соборе, является прочным свидетельством того, что в XIV в. Летопись попа Дуклянина (или какой-то вариант ее текста) не только была известна в Хорватском королевстве, но и воспринималась в качестве важнейшего источника информации об истории Хорватии.

Вероятно, что идея наследования готским королям оказалась востребованной со стороны хорватской элиты в конце XIII — начале XIV в., когда представителю могущественного хорватского рода Шубичей, Павлу Шубичу, носившему титул «бана хорватов» (*banus Croatorum*) (1293–1312 гг.), удалось не только распространить свою власть на обширную территорию, но и превратиться в фактически самостоятельного хорватского государя, лишь номинально зависевшего от короля Карла Роберта, поддержанного им в борьбе за венгерский престол. Как показывают новейшие исследования, в практике репрезентации своей власти Шубичи сознательно апеллировали к образу хорватского короля Звонимира, почитание которого утвердилось в родовом граде Шубичей — Брибире²⁰⁸. Наличие рассказа о правлении Звонимира в тексте «Хорватской хроники» вместе с присутствием репрезентативного образа «королевства хорватов» в приписке к Супетарскому картулярию, перекликающегося с титулом «бана хорватов», принятым Павлом Шубичем, позволяет думать, что именно в державе Шубичей произошло конструирование новой традиции, в которой представление о готском происхождении хорватского государства могло быть усвоено хорватской элитой.

Таким образом, на сегодняшний день с уверенностью можно говорить лишь о распространенном в романоязычной среде далматинского побережья XI–XIII вв. приписывании хорватам готской

S. 101–117; *Ančić M.* Dva teksta iz sredine 14. stoljeća. Prilog poznavanju «društvenog znanja» u Hrvatskom Kraljevstvu // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 164–169.

²⁰⁷ *Švob D.* Pripis supetarskog kartulara... — S. 104.

²⁰⁸ См. об этом: *Акимова О.А.* «Господин своего языка»: о попытке строительства государства в Хорватии конца XIII — первой половины XIV века // Славяноведение. — 2013. — № 1. — С. 3–10.

идентичности. Явление это представляется вполне объяснимым, если обратиться к основополагающим маркерам хорватской идентичности в представлении романоязычных жителей прибрежных городов Далмации. Подобно готам, хорваты осуществляли политический контроль в областях далматинского хинтерланда, будучи единственным источником власти за пределами стен расположенных на побережье городов. Подобно готам, они говорили на «варварском» языке и имели «варварские» обычаи, христианство их было «грубым», как и арианская вера готов²⁰⁹. В этом смысле можно говорить о том, что готы, а точнее их средневековый книжный образ был идеальной моделью варваров — завоевателей далматинского хинтерланда.

Готская теория происхождения хорватов, характерной чертой которой является не выдерживающее критики восприятие рисуемой средневековой историографией картины раннего прошлого Далмации как отражения реальных событий, тем не менее далеко не сводима к буквальному воспроизведению средневековой «готомании» и, несомненно, имела свою внутреннюю логику. Как уже говорилось выше, начало готской теории было положено в статье Людвиг Гумпловича, который, хотя и приписал (не вдаваясь в подробную аргументацию) хорватам готское происхождение, само их переселение в Далмацию — в полном согласии со сведениями Константина Багрянородного — связал с правлением византийского императора Ираклия²¹⁰. Спустя несколько десятилетий словенский историк и географ Йозе Рус превратил тезис о готском происхождении хорватов в целостную концепцию ранней истории Далмации в V–VII вв., которая была ничем иным, как масштабной попыткой реабилитировать ту, давно отброшенную в позитивистской историографии версию ранней истории южных славян, ко-

²⁰⁹ Об образе хорватов в сочинении Фомы Сплитского, отражавшем этнические стереотипы сплитчан, см., например: *Katičić R. Toma Arhidakon i hrvatska povijest // Toma Arhidakon i njegovo doba. — S. 111–112.*

²¹⁰ *Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Hrvati i Goti. — S. 183–192.* В своих выводах Л. Гумплович опирался на тогда еще не опубликованное исследование своего сына, Максимилиана Гумпловича, который первым рассмотрел сведения письменных источников о готском происхождении хорватов. См. его посмертно опубликованную работу о Летописи попа Дуклянина: *Gumplowicz M. Presbiter Diocleas. Pop Dukljanin (Zapiska z teki pozgonnej Maksymiliana Gumplowicza) // PH. — 1909. — T. 8. — Nr. 3. — S. 257–268.*

торая содержалась в Летописи попа Дуклянина. Исходя из своего убеждения в том, что природные условия гористого хинтерланда позднеантичной Далмации могли обеспечить благоприятную среду для выживания здесь политических структур Остготского королевства после поражения готов в войне с Византией, Рус, как ему казалось, нашел ту географическую и хронологическую нишу, в которую следует поместить загадочных варварских королей, деяния которых описываются в «*Libellus Gothorum*». Так, усмотрев в первых трех главах Летописи известную по труду Иордана историю рода Амалов, начиная с Вандалария, будто бы идентичного Сенуладу, и заканчивая Теодорихом, будто бы тождественным Сенуладу II, Рус трактовал статус следующего за ним короля Силимира как местного готского вождя, признавшего над собой в середине VI в. власть Византии²¹¹.

Вместе с тем, пытаясь примирить информацию «*Libellus Gothorum*» с известиями Константина Багрянородного о переселении хорватов, Рус значительно усложнил свою концепцию тезисом о появлении в Далмации в конце VI в. новой группы готов — выходцев из Белой Хорватии, будто бы пришедших в Далмацию вместе с аварами в правление готского короля Бладина и влившихся в готскую державу, передав ей с течением времени свое хорватское имя. Таким образом, в своем последнем пункте концепция Руса развивала тезис Гумпловича, аргументацию которого Рус значительно детализировал. Так, помимо прочего, словенский автор считал возможным отождествить германских хорватов, будто бы проживавших в верховьях Вислы, с народом *Hraedas*, фигурирующим

²¹¹ Рус выстроил следующую хронологию правления готских королей Далмации: Силимир (550–570 гг.), Бладин (570–600 гг.), Ратимир (600–614 гг.), четверо «неправедных королей» (614–630 гг.), Званимир (630–650 гг.), Будимир (650/660–690/700 гг.). См.: *Rus J. Kralji dinastije Svevladičev...; Idem. Krst prvih Hrvatov in Srbov. Nova poglavja o zgodovini kraljev Svevladičev.* — Ljubljana, 1932. В своих хронологических выкладках Й. Рус приблизился к построениям венецианского историка XVIII в. Д. Фарлати, согласно которому Силимир правил до 568 г., а, например, Званимир — в 639–670 гг. Это возвращение к старинной интерпретации свидетельств летописи как отражения реальной истории Далмации в V–VII вв. на фоне возобладавшего в историографии консенсуса относительно книжного характера исторической концепции Дуклянина было встречено резкой критикой в историографии. См. особенно: *Barada M. Dvije publikacije Jože Rusa // Bogoslovska smotra.* — Zagreb, 1932. — God. XX. — S. 497–505.

в англо-саксонской эпической поэме «Видсид», и соответствующим образом истолковать сюжет о войне готов с гуннами из древнеисландской «Саги о Хервёре»²¹².

Близкую Русу трактовку происхождения хорватской государственности развил в это время и хорватский историк Керубин Шегвич. Подобно словенскому автору, Шегвич также считал возможным концептуализировать недостаток сведений современным событиям источников о византийском контроле во внутренней части Далмации. Ограниченность территории, находившейся под надзором византийских властей, обеспечила, по его мнению, сохранение в гористом хинтерланде Далмации готских политических структур и постепенное созревание на их базе средневекового хорватского государства, представавшего в работе Шегвича аналогом германских варварских королевств Западной Европы. В отличие от Руса, Шегвич, скептически относившийся к информации императора Константина о переселении хорватов в Далмацию в правление Ираклия, основывался в своих построениях главным образом на известиях Фомы Сплитского. В соответствии с информацией данного источника, Шегвич вовсе не считал нужным говорить об отдельной миграции хорватов, напрямую связывая их появление в рассматриваемом регионе с готскими дружинами Теодориха Великого, завладевшими Далмацией в конце V в. Принимая германскую этимологию названия «хорват», предложенную Русом, Шегвич в обоснование готского происхождения хорватов приводил также соображения филологического и этнографического характера, начиная от будто бы германских имен хорватских князей и знатных родов и заканчивая элементами социального устройства и духовной культуры²¹³.

Построения сторонников готской теории породили обширную дискуссию в межвоенной историографии, в ходе которой выявилась слабость, а то и полная несостоятельность ее отдельных тезисов. Наиболее слабой точкой оказалась германская этимология названия «хорват» и, соответственно, весь комплекс представлений

²¹² См.: *Rus J. Slovanstvo in vislanski Hrvatje 6. do 10. stoletja // Etnolog. — Ljubljana, 1933. — Kn. V–VI. — S. 31–45* (польский перевод: *Rus J. Słowianie i wiślańscy Chorwaci od VI do X stulecia // КН. — 1934. — Rocznik XLVIII. — Z. 2. — S. 286–298*).

²¹³ *Šegvić K. Die gotische Abstammung der Kroaten // Nordische Welt. — 1935. — Nr. 9–12. — S. 1–56*. Хорватский перевод: *Šegvić K. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio V. Nuić. — Split, 1997*.

о хорватах-готах, будто бы живших в верховьях Вислы. Лингвистом Антуном Майером было показано, что название «хорват» лингвистически невозможно произвести от имени легендарных хрейдготов германских эпических сказаний²¹⁴. Однако другое положение готской теории — о существовании «варварского королевства» в хинтерланде Далмации, будто бы ставшего зародышем средневековой Хорватии, все-таки не могло быть полностью дискредитировано ввиду почти полного отсутствия в современных источниках информации о политической ситуации на территории внутренних областей Далмации в период между 600 и 800 гг. Более того, свидетельство из «Книг о войнах» Прокопия Кесарийского (середина VI в.) вполне позволяло допустить возможность взаимодействия готов со склавинами в период готско-византийской войны²¹⁵. Превратившись в своего рода «историографический мираж»,

²¹⁴ Mayer A. [Rec.:] Jože Rus, Kralji dinastije Sveladičev // *Nastavni vjesnik*. — 1932/1933. — Knj. XLI. — Sv. 1–3. — S. 79–85. Вместе с тем сам по себе пункт о германской языковой принадлежности хорватов едва ли можно считать в готской теории центральным. Так, еще в самом начале XX в. хорватским историком Л. Еличем было высказано предположение, что хорваты могли происходить из числа ираноязычных союзников готов, прибывших в составе полиэтничного готского войска в Далмацию (*Jelić L. Dvorska kapela sv. Križa u Ninu // Djela JAZU. — 1911. — Knj. 19. — S. 32*). Подобную возможность не исключал и Келемина (*Kelemina J. Goti na Balkanu // Hrvati i Goti. — S. 124*). Наиболее последовательно проводил данный тезис уже в послевоенный период С. Гульдеску, по сути объединивший возобладавшую в науке иранскую версию происхождения названия «хорват» с готской теорией происхождения Хорватского государства. По мнению Гульдеску, подчеркивавшего, что ираноязычные элементы тесно взаимодействовали с готами еще во время пребывания последних в Северном Причерноморье, «именно аланы составили главное звено в цепи предков, связывающей современных хорватов с готами» (*Guldescu S. History of medieval Croatia. — The Hague, 1964. — P. 319*).

²¹⁵ Упомянув о том, как вторгшиеся из-за Дуная склавины (часть которых оказалась в Далмации) подвергали разорению державу ромеев во время войны императора с готами, Прокопий Кесарийский отмечает: «Некоторые подозревали, будто именно этих варваров, подкупив большими деньгами, наслал на тамошних ромеев Тотила, дабы император, отвлекшись на этих варваров, не мог удачно вести войну против готов. Однако я не берусь сказать, явились ли туда склавины, угрожая Тотиле или без всякого приглашения» (Свод. Т. I. — С. 197 (перевод С. А. Иванова)). Славянские топонимы, предположительно происходящие от имени готов, зафиксированы на территории Боснии и Герцеговины: Делегошта, Вогошча,

загадочное варварское королевство во внутренней части Далмации продолжало поэтому появляться в трудах авторов, с симпатией относившихся к готской теории²¹⁶. Так, в конце XX в. идею о готском («готско-славянском») варварском королевстве в хинтерланде Далмации возродил в своих работах хорватский историк Иван Мужич, отказавшись при этом от излишне прямолинейных его привязок к хорватам и локализовав его ядро на территории Боснии²¹⁷.

Изображаемая в работах сторонников готской теории территориально аморфная «готско-славянская» полития с гетерогенной правящей элитой, будто бы существовавшая в VI–VIII вв. на территории далматинского хинтерланда и находившаяся в зависимости сначала от византийцев, а затем от аваров, может вызвать ассоциации с «Готией» горного Крыма, которая, находясь в относительной близости к форпостам византийской власти, сохраняла при этом собственную политическую структуру, поначалу в той или иной степени интегрированную в административную систему

Гачани, Отолеж, Гацко, Хргуд, Оргошта, Отиловци, Котези. См.: *Живковић Т.* О првим поглављима Летописа попа Дукљанина // ИЧ. — 1998. — Књ. 44. — С. 31.

²¹⁶ См., например: *Guldescu S.* History of medieval Croatia. — P. 50.

²¹⁷ Опираясь на известия Фомы Сплитского о местоположении Куреции и Летописи попа Дуклянина о «Белой Хорватии», И. Мужич выдвинул тезис, согласно которому первоначальным районом распространения этнонима «хорват» была внутренняя горная часть Либурии, а именно район Лики, Гацки и Крбавы, который, по свидетельству 30-й главы трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», находился под управлением хорватского бана. Хорватская бановина в интерпретации И. Мужича была частью довольно аморфной «готско-славянской политии» с ядром на территории Боснии (*Mužić I.* Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // *Hrvati i Goti.* — S. 7–80; *Idem.* Hrvati i autohtonost... — S. 43–199; *Idem.* Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 3. dopunjeno izd. — Split, 2011. — S. 39–54, 108–115, 123–128; *Idem.* Hrvatska kronika... — S. 47–94). И. Мужич предложил свой вариант датировки готских королей, отличающийся тем, что в качестве точки отсчета здесь берется не конец V в., а середина VI в. (в соответствии с хронологией латинского перевода «Хорватской хроники» М. Марулича): Свилад (Сенулад II) (около 554 — около 566 гг.), Силимир (около 566 — около 587 гг.), Бладин (около 587 — около 625 гг.), Ратимир (после 625 г.), четыре несправедных короля (вторая четверть VII в.), Сатимир (до середины VII в.), Будимир (середина VII в. — около 690 г.) (*Mužić I.* Hrvatski vladari od sredine VI. do kraja IX. stoljeća. — 2. dopunjeno izd. — Split, 2013. — S. 7–42).

империи, но затем оказавшуюся под контролем хазар. Могли ли внутренние районы Далмации и Либурнии после крушения «Остготского королевства» стать, подобно Крыму, своего рода резерватом готских потестарных структур? Теоретически, наверное, могли — по крайней мере, в таком развитии событий нет ничего невероятного. Однако, в отличие от ситуации с Крымом, никаких следов такого развития в Далмации не обнаруживается ни в письменных, ни в археологических источниках, что делает рассуждения на эту тему фактически беспредметными.

Вместе с тем, на наш взгляд, отнюдь не стоит недооценивать тот факт, что хорватам начиная по крайней мере с XI в. приписывалось готское происхождение. Хорватов и готов тесно связывает сложившийся в романской среде устойчивый комплекс стандартизированных представлений о варварах далматинского хинтерланда, в которых варварам неизменно отводилась роль завоевателей, противопоставленных автохтонному населению. Парадоксально, но именно с таким средневековым восприятием готскости связан тот аспект готской теории, который не только не утратил значения в актуальной на сегодняшний день полемике по поводу обстоятельств формирования хорватской этнополитической общности, но и нуждается в адекватном осмыслении в контексте современных методологических поисков в области исследования этничности в среде варваров. С тех пор как средневековые книжники связали хорватов (завоевателей и варваров) с готами (завоевателями и варварами), а современные адепты готской теории, отталкиваясь от данного восприятия, поставили хорватов в один ряд не только с готами, но и с лангобардами, франками и другими германскими «племенами» эпохи Великого переселения народов, углубление в проблематику хорватского этногенеза неизбежно приводило исследователей к вопросу о том, насколько сходны или, наоборот, различны были механизмы групповой кохезии, обеспечивавшие становление этнополитических организмов в различных этнокультурных средах Европы — германской и славянской. Ниже будет показано, что открывающиеся при анализе этой «готской матрицы» перспективы сравнительно-исторического характера могут быть полезны для понимания прежде всего социально-политических параметров хорватского этногенеза.

§ 2. Хорваты и «аваро-славяне»

Наиболее ранние упоминания о славянах на территории Далмации, относящиеся к VI в., носят слишком общий характер, чтобы на их основании можно было делать выводы о характере и масштабах славянской колонизации. Так, Прокопий Кесарийский, описывая вторжения славян из-за Дуная во время войны Византии с готами в середине VI в., упоминает об их проникновении на территорию Далмации²¹⁸, а затем, сообщая о том, как различные группы склавинов разоряли земли державы ромеев, отмечает их зимовку в пределах империи²¹⁹. В письме папы Григория Великого, адресованном салонскому епископу Максиму (июль 600 г.), в самых общих словах говорится о существовании угрозы для Салоны, исходящей от «народа славян» (*gens Sclavorum*)²²⁰.

Трудно не согласиться с мнением, что все перечисленные свидетельства, как и современные им известия об активности славян в Истрии и Италии²²¹, скорее говорят нам об отдельных рейдах,

²¹⁸ «Итак, склавины, страшась его (византийского военачальника Германа. — Д. А.), как я уже сказал, и полагая, что он ведет с собой внушительные силы, раз послан императором против Тотилы и готов, тотчас отказались от похода на Фессалонику, более не осмеливались спускаться на равнину, но, пройдя весь Иллирик по горам, оказались в Далмации» (Прокопий Кесарийский [Перевод С. А. Иванова, Л. Е. Гиндина, В. Л. Цымбурского] // Свод. Т. I. — С. 197).

²¹⁹ «Во всяком случае, эти варвары, разделившись на три части, сотворили ужасное зло по всей Европе, не в набегах грабя тамошние области, но зимую, будто в собственной стране, и не боясь никакой опасности» (Там же).

²²⁰ «Et quidem de Sclavorum gente, quae vobis valde inminet, et affligor vehementer et conturbor. Affligor in his quae iam in vobis patior; conturbor, quia per Histriae aditum iam ad Italiam intrare coeperunt» (Свод. Т. II. — С. 351). «По поводу же народа славян, который сильно вам угрожает, я весьма сокрушаюсь и тревожусь. Сокрушаюсь от того, что уже, вместе с вами, претерпеваю. Тревожусь, ибо через истрийский вход они начали уже вторгаться в Италию» (Там же [Перевод В. К. Ронина]).

²²¹ См. разбор этих свидетельств: *Бородин О. Р.* Славяне в Италии и Истрии в VI–VIII вв. // ВВ. — 1983. — Т. 44. — С. 48–59. Из последних работ о проникновении славян в Истрию и Восточные Альпы см.: *Levak M.* Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave. — Zagreb, 2007. — С. 55–60; *Žužek A.* Naselitev Slovanov v vzhodnoalpski prostor // ZČ. — 2007. — Letnik 61. — С. 261–287.

нежели могут быть надежно интерпретированы в пользу представления о славянской колонизации Далмации во второй половине VI в.²²². Подобным же рейдом, хотя и довольно крупномасштабным, очевидно, являлся и упоминаемый Феофилактом Симокаттой аварский поход 597 г., увенчавшийся захватом населенного пункта Вонки, предположительно локализуемого на территории Боснии, и еще неких сорока неназванных крепостей²²³.

В этой связи единственным ранним источником, позволяющим говорить о продолжительном присутствии неких «варваров» в Далмации незадолго до середины VII в., является римская «Книга понтификов» (*Liber Pontificalis*), содержащая известие о пребывании в Далмации и Истрии аббата Мартина, посланного туда папой Иоанном IV (640–642 гг.) с «множеством денег» с целью выкупа у язычников пленных и разыскания мощей святых. По сообщению источника, миссия прошла весьма успешно: Мартин не только выкупил пленников, но и доставил в Рим мощи святых Венанция, Анастасия, Мавра и других мучеников, которые были помещены в специально сооруженной для этого капелле при Латеранском соборе²²⁴. Впрочем, говорить на основании данного известия о славянском и аваро-славянском завоевании Далмации все же нельзя: и дело здесь даже не столько в том, что сам источник не уточняет,

²²² *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 97–99; *Curta F.* *Etnicitet u ranosrednjovjekovnoj arheologiji...* — S. 24–25; *Idem.* The early Slavs in the Eastern and Northern Adriatic region... — P. 311–312.

²²³ См., например: *Mužić I.* *Hrvatska povijest...* — S. 119–120.

²²⁴ «Иоанн, родом из Далмации, от отца Венанция схоластика, сидел на престоле один год, девять месяцев, девятнадцать дней. Он в свое время послал по всей Далмации и Истрии много денег со святейшим и преданнейшим аббатом Мартином для выкупа пленников, которые были захвачены язычниками. В это же время он возвел церковь в честь блаженных мучеников Венанция, Анастасия и Мавра и других многих мучеников, мощи которых из Далмации и Истрии постановил принести и положил их в вышеописанной церкви близ латеранского источника и близ оратория блаженного Иоанна Евангелиста...» («*Iohannes, natione Dalmata, ex patre Venantio scolastico, sedit annum I, menses VIII <dies XVIII>. Hic temporibus suis misit per omnem Dalmatiam seu Histriam multas pecunias per sanctissimum et fidelissimum Martinum abbatem propter redemptionem captiuorum qui depraedati erant a gentibus. Eodem tempore fecit ecclesiam beatis martyribus Uenantio, Anastasio et Mauro et aliorum multorum martyrum, quorum reliquias de Dalmatias et Histrias adduci praeciperat, et recondite eas in ecclesia supra scripta, iuxta fontem Lateranensem, iuxta oratorium beati Iohannis evangelistae...*») (Documenta. — P. 277).

о каких именно варварах идет здесь речь, сколько в том, что в едином контексте с Далмацией здесь упомянута Истрия, подвергавшаяся вторжениям славян, но в течение всего VII ст. остававшаяся под властью Византии (Равеннского экзархата).

В качестве косвенного свидетельства присутствия в середине VII в. славян в Далмации может рассматриваться и известие «Истории лангобардов» Павла Диакона, рассказывающее о событиях 642 г. Здесь сообщается о том, что в правление беневентского герцога Айо «славяне, явившись со множеством кораблей, разбили лагерь неподалеку от города Сипонт»²²⁵. Учитывая географическое положение Сипонта, представляется весьма вероятным, что славяне, о которых здесь шла речь, прибыли откуда-то с противоположного берега Адриатики²²⁶.

Приведенными скудными свидетельствами по сути и исчерпывается фонд современных событиям надежных письменных известий об активности варваров в Далмации в конце VI–VII вв.²²⁷.

²²⁵ Свод. Т. II. — С. 486 (перевод В. К. Рони́на); «...venientes Sclavi cum multitudine navium, non longe a civitate Seponto castra posuerunt» (Там же. — С. 486).

²²⁶ Обзор мнений см.: *Бородин О. П.* Славяне в Италии и Истрии в VI–VIII вв. // ВВ. — 1983. — Т. 44. — С. 56–57; Свод. Т. II. — С. 497–498 (комментарий В. К. Рони́на). Заслуживает внимания то обстоятельство, что Радоальд, брат погибшего в битве со славянами беневентского герцога Айо, разговаривал с этими славянами на «их собственном языке», что указывает на то, что эти славяне понимали язык альпийских славян, которым, как справедливо полагают исследователи, и владел Радоальд, выросший в Чивидале. Уверенность С. Антоляка в том, что именно хорватам принадлежала ведущая роль в нападении на Сипонт, в котором под их руководством будто бы приняли участие и славяне из других частей Далмации, базируется на общих соображениях о том, что «склавиния» хорватов, победивших аваров, была наиболее сильной в Далмации (*Antoljak S.* Prvi bojni pohod Hrvata (Slavena) na Sipont (642. god.) // *Adriatica Maritima Zavoda za povijesne znanosti u Zadru.* Sv. IV. — Zadar, 1985. — S. 6). Такими же безосновательными догадками являются мнение Н. Клаич, согласно которой славянами, совершившими поход на Сипонт, были неретвяне (*Klaić N.* Povijest Hrvata... — S. 215), и суждение Р. Катичича, что Византия в 640-е гг. имела союзные отношения с несколькими «склавиниями» Далмации (*Katičić R.* Filološka razmatranja uz izvore o začecima hrvatske države // *SHP.* Ser. III. — 1986. — Sv. 16. — S. 90).

²²⁷ В историографии предпринимались попытки связать с появлением славян в Далмации известие «Пространной хроники» Исидора

Между тем распространившееся в историографии представление о том, что в VI–VII вв. Далмацию заселил новый варварский народ — славяне или «аваро-славяне» — лишь в минимальной степени зависело от свидетельств современных этому периоду письменных источников. Все дело в том, что скудость информации о варварских вторжениях в Далмацию, содержащейся в источниках VI–VII вв., с лихвой компенсировалась сведениями позднейших нарративных памятников, долгое время пользовавшихся почти полным доверием исследователей, — трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского.

Севильского. Здесь говорится: «Затем наступил шестнадцатый год правления Ираклия. В начале его [царствования] славяне захватили у ромеев Грецию, персы Сирию и Египет и многие провинции» («Eraclius dehinc sextum decinum agit imperii annum. Cuius initio Sclavi Graeciam Romanis tulerunt, Persi Syriam et Aegyptum plurimasque provincias») (Исидор Севильский [Перевод О. В. Ивановой] // Свод. Т. II. — С. 354–355). В так называемом «Испанском продолжении» (*Continuatio Hispana*) «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского, написанном в 754 г. неизвестным испанским автором, также сообщается о занятии славянами «Греции», где оно датируется 614–615 гг. В связи с этим высказывается мнение, что и Исидор Севильский, и неизвестный испанский автор черпали информацию из одного и того же раннего источника (см. комментарий О. В. Ивановой: Там же. — С. 358). Ссылаясь на то, что «Греция» в интерпретации Исидора Севильского, как явствует из его «Этимологий», включала в свой состав Далмацию как часть Иллирика, хорватский историк Д. Мандич, датировавший рассматриваемое событие 626 г., предположил, что в данном известии отразилось переселение в Далмацию хорватов, о котором сообщает Константин Багрянородный (*Mandić D. Hrvatski sabor na Duvanjskom polju g. 753 // Idem. Pasprave i prilozii iz stare hrvatske povijesti. — S. 159–161*). В своей датировке Д. Мандич исходил из упоминания Исидором шестнадцатого года правления Ираклия. Между тем следующие за этим слова «в его начале» (*cuius initio*), скорее всего, относятся не к году царствования, а к самому царствованию, так как завоевание персами Сирии и Египта произошло именно в первое десятилетие правления императора (см. комментарий О. В. Ивановой: Исидор Севильский. — С. 354–355). Самое большее, что можно сказать на основе данного известия, это что оно, по всей вероятности, отражало происходившие в первые годы правления Ираклия вторжения славян на территорию префектуры Иллирик, сопровождавшиеся колонизацией некоторых районов, что подтверждается и другими источниками. В какой степени эта информация относилась к Далмации и относилась ли она к ней вообще, остается совершенно неизвестным.

Именно на основании сведений данных источников в историографии было принято считать, что ключевым событием, открывшим путь для славянизации Далмации, стало разорение аваро-славянским войском столицы Далмации — Салоны. В трактате императора Константина о падении Салоны рассказывается два раза — в 29-й главе, посвященной Далмации, и в 30-й главе, повествующей о хорватах. Эти версии существенно разнятся друг от друга в деталях, однако все же сходятся в главной сюжетной канве. Так, по свидетельству обоих рассказов, авары (в 29-й главе они именуются также славянами) первоначально обитали за Дунаем, где жители Далмации (именуемые в 29-й главе «римлянами» (Ρωμῆνοι), а в 30-й — далматинцами (Δαλματινοί)) несли пограничную стражу. Однажды им удалось совершить поход за Дунай и, пользуясь временным отсутствием аварских войск, с пленниками и добычей вернуться в свои земли. Когда же далматинцы решили повторить свою экспедицию, авары, уже успевшие подготовиться к ожидавшемуся ими нападению, устроили им засаду. Облачившись в одежду захваченных ими пленников и присвоив себе их знамена и воинские знаки, авары подошли к крепости Клис, контролировавшей единственный горный проход, ведущий к Салоне. Стража в Клисе их пропустила, приняв за своих. Обманув таким образом «римлян», авары беспрепятственно вторглись в приморскую часть Далмации, захватив и опустошив Салону, а затем разорив окрестные романские поселения²²⁸. Оставшиеся «римляне», по словам императора, нашли спасение в крепостях побережья, список которых приводится в 29-й главе: Декатеры (Котор), Раусий (Дубровник), Аспалаф (Сплит), Тетрангурин (Трогир), Диадоры (Задар), Арва (Раб), Векла (Крк) и Опсары (Осор)²²⁹.

Следует отметить, что рассказ о падении Салоны хорошо вписывается в общую концепцию повествования глав далматинского досье трактата императора Константина, в той ее части, которая касается судеб романского населения, вынужденного под натиском варваров (аваров и славян) оставить прежние места обитания. Более того, этот рассказ имеет определенную параллель в содержащемся в той же 29-й главе при описании крепости Раусий (Дубровник) известии о том, что эта крепость была основана беженцами из Эпидавра, который, вместе с прочими крепостями Далмации,

²²⁸ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 110–113, 128–131.

²²⁹ Там же. — С. 113.

был захвачен славянами. Интересно, что при этом император Константин сообщает имена людей, переселившихся, по его сведениям, в Раусий из Салоны²³⁰.

Рассматривая известия императора Константина о вторжении аваров и славян в Далмацию в контексте свидетельств источников о расселении славян на Балканах в правление императора Фоки и в начале правления императора Ираклия, долгое время исследователи датировали разорение Салоны именно этим периодом, в особенности отдавая предпочтение времени около 614 г.²³¹ Хотя такая датировка казалась наиболее логичной, учитывая общую ситуацию в балканских провинциях империи в 610-е гг., произошедшее впоследствии обнаружение в Салоне византийской монеты чеканки 630/631 г. не могло не привести к ее пересмотру. В то время как одни исследователи ограничились тем, что стали относить разорение города к более позднему времени, а именно к периоду между 631 и 641 г., где верхняя граница определялась упомянутым выше известием римской «Книги понтификов» о миссии аббата Мартина²³², другие авторы стали открыто сомневаться в том, что такое событие, как разорение Салоны аварами и славянами, вообще имело место. Немалую роль в усилении скептического отношения к рассказу императора Константина сыграли и осуществленные Желько Рапаничем археологические исследования древнейшего ядра Дубровника, в результате которых стало ясно, что поселение здесь складывалось постепенно, начиная с V в., то есть задолго до появления в регионе аваров или славян, причем особенно важную роль в его генезисе сыграл период правления императора Юстиниана, когда на месте будущего кафедрального собора была воздвигнута просторная трехнефная базилика²³³.

²³⁰ Там же. — С. 123.

²³¹ Обзор мнений с подробным обоснованием такой датировки см. в работе: *Bulić F.* Sull' anno della distruzione di Salona // *Bulletino di archeologia e storia dalmata.* — 1906. — Vol. XXIX. — P. 268–304. Стоит заметить, что в позднейшей редакции сочинения Фомы — так называемой «Большой истории Салоны» — приводится дата захвата города, хорошо соотносящаяся именно с предполагаемым периодом аваро-славянских вторжений — 625 г.

²³² См.: *Marović I.* O godini razorenja Salone // *VAPD.* — 2006. — Knj. 99. — S. 253–273.

²³³ *Rapanić Ž.* Marginalia o «postanku» Dubrovnika // *Arheološka istraživanja u Dubrovniku i dubrovačkom području.* Znanstveni skup, Dubrovnik, Dubrovnik, 1–4. X. 1984 / *Ur. Ž. Rapanić (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 12).* — Zagreb, 1988. — S. 39–50.

В связи с этим интересно отметить, что в самой 29-й главе трактата «Об управлении империей» при упоминании о переселенцах из Салоны в Дубровник отмечается, что с тех пор минуло 500 лет²³⁴. Среди исследователей, доверявших информации об основании Дубровника беженцами от аваров и славян, распространилось мнение, что в данном случае речь идет об обыкновенной ошибке, ведь в противном случае следовало бы думать, что авары и славяне разорили Салону в 449 г.!²³⁵ Между тем в свете результатов, полученных Рапаничем, гораздо более привлекательным становится иной подход к известиям императора Константина о судьбах Салоны и Эпидавра, а именно интерпретация обоих сюжетов не столько как отражения реальных событий, сколько нарративной конструкцией, призванной объяснить трансформацию социального и этнокультурного пейзажа Далмации в эпоху «темных веков»²³⁶. В рамках такого понимания известий императора Константина датировка падения Салоны серединой V в. может быть интерпретирована не как ошибка, а как отзвук упоминавшейся выше традиции об Атиле и гуннских завоеваниях на Адриатике²³⁷. Показательно, что в 28-й главе трактата императора Константина, посвященной истории венециков, воспроизводится один из ранних вариантов этой традиции: Атила фигурирует здесь в качестве разорителя Аквилеи и «прочих крепостей Франгии», беженцам из которых приписывается основание Венеции. Правда, Атила именуется здесь правителем не гуннов, а аваров, что, очевидно, было связано с важной инструментальной ролью аваров как разрушителей империи в трактате «Об управлении империей»²³⁸.

²³⁴ «Из людей, переселившихся в Раусий, упомянем следующих: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин, Валентин — отец протоспафария Стефана. С тех пор как из Салоны они переселились в Раусий, минуло по сей день, т. е. до 7-го индикта 6457 г., 500 лет» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 123).

²³⁵ См. комментарий О. А. Акимовой: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 367.

²³⁶ *Bury J. B. The treatise De administrando imperio // BZ. — 1906. — Bd. 15. — S. 556.*

²³⁷ См. особенно: *Borri F. Arrivano i barbari... — P. 235–241.*

²³⁸ «Должно знать, что в древности Венеция была неким пустынным местом, безлюдным и болотистым. Теперь называющиеся венециками были франками из Аквилеи и прочих мест Франгии, и жили они на суше, напротив Венеции. Когда же Атила, василевс аваров, явился, разорил и погубил все Франгии, то все франки в ужасе перед василевсом Атилой начали спасаться

Вместе с тем далеко не все в приведенном в трактате императора Константина в двух разных версиях рассказе о падении Салоны может быть интерпретировано как книжная конструкция. Более того, есть веские основания полагать, что рассказ этот, по крайней мере в своем ядре, основывался на локальной сплитской традиции. Об этом свидетельствует продемонстрированное в нем, особенно в той его версии, которая изложена в 29-й главе, хорошее знание локальных условий, в первую очередь местоположения крепости Клис и ее стратегического значения в обороне Салоны и салонитанского агера²³⁹. Эти подробности, очевидно, выдают сплитское происхождение использованной в 29-й главе информации, что позволяло исследователям относить сюжет о захвате Салоны на счет устной традиции жителей Сплита²⁴⁰.

Однако во внешне правдоподобную картину противостояния далматинских романцев и «аваро-славян» откровенно не вписывается лишь утверждение о том, что романцы и, в частности, жители Салоны, как о том сообщается в 29-й главе, защищали границу с аварами на Дунае. В связи с этим сербским историком Релей Новаковичем была выдвинута гипотеза, согласно которой Дунаем здесь была ошибочно названа река Цетина в Далмации, которая практически идеально подходит на роль пограничной реки, на которой жители Салоны могли держать свою стражу²⁴¹. Река Цетина,

бегством из Аквилеи и прочих крепостей Франгии, прибывать на безлюдные острова Венеции и возводить там хижины. Итак, когда этот василевс Аттила разорил все пространство суши, дошел вплоть до Рима и Калаврии, оставя далеко в стороне Венецию, сбежавшиеся на острова Венеции люди, обретя безопасность и как бы страшнув ужас, пожелали все поселиться там, что и сделали, живя там и поныне» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 107). О постепенном складывании сюжета об основании Венеции беженцами от Аттилы в VIII–X вв. см.: *Borri F. Arrivano i barbari...* — P. 228–233.

²³⁹ «Ибо близ моря, ниже той же самой крепости (Сплита. — Д. А.), есть крепость под названием Салона, размером вполовину Константинополя, в коей все римляне сходятся, вооружаются, выступают отсюда и отправляются к клисуре, отстоящей от этой самой крепости на четыре мили, которая и доньше зовется Клиса, ибо затворяет [проход] идущим с той стороны» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 111).

²⁴⁰ См.: *Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata...* — S. 411–412, 417.

²⁴¹ *Новаковић Р. Нека запажања о 29. и 30. глави De administrando imperio // ИЧ. — 1972. — Књ. 19. — С. 14–19. Дополнительные аргументы топонимического и топографического характера в пользу данной гипотезы привел Н. Якшич. См.: *Jakšić N. Constantine Porphyrogenitus as the source for destruction of Salona // VAND. — 1984. — Књ. 77. — С. 315–326.**

фигурирующая в трактате императора Константина Багрянородного как граница Хорватии и соседней «склавинии» неретвлян (речь при этом идет о нижнем течении реки, маркировавшем границу в приморской зоне Далмации)²⁴², в своем верхнем и среднем течении представляет собой естественный географический рубеж, отделяющий пространство, тяготеющее к Салоне, от северных и восточных областей далматинского хинтерланда.

Важность Цетины как географического рубежа становится очевидной и при обращении к античной поселенческой инфраструктуре: через среднее течение реки пролегла основная трасса, связывавшая столицу Далмации с внутренними районами Иллирика. В районе пересечения данной дороги с Цетиной в античный период находились важные в стратегическом отношении пункты — Тилурий (*Tilurium*; Гардун под Трилем) и «Тилурийский Мост» (*Pons Tiluri*; мост через Цетину)²⁴³. В результате комплексного археологического исследования района Синьского поля (карстовое поле в среднем течении Цетины), осуществленного под руководством А. Милошевича, удалось установить существование в этом районе целой группы каструмов (Чачвина, Руда, Оток, Глево, Гардун, Гала, Синь, Лучани, Дицмо). Обратив внимание на их пространственное распределение на местности, А. Милошевич пришел к выводу о существовании в этом районе сложносоставного оборонительного лимеса. В то время как одна группа каструмов, расположенная по восточной кромке Синьского поля, очевидно, должна была защищать дороги, связывавшие данный район с далматинским хинтерландом, другая группа каструмов, расположенная непосредственно у реки, защищала мост и прочие места переправы²⁴⁴. Недалеко от мест расположения укреплений, на северной и восточной кромке Синьского поля А. Милошевичем были изучены погребения по обряду ингумации, характерной особенностью кото-

²⁴² *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 133.

²⁴³ *Milošević A.* Arheološka topografija Cetine. — Split, 1998. — S. 14; *Idem.* Gramatika prostora uz rijeku Cetinu // *Dalmatinska zagora — nepoznata zemlja*. — Zagreb, 2007. — S. 102–107.

²⁴⁴ *Milošević A.* Die spätantike territoriale und kulturelle Kontinuität in der frühmittelalterlichen Cetinagegend // *HAM*. — 1995. — Vol. I. — S. 169–175; *Idem.* Sinj i Cetina u starohrvatsko doba. — Split, 1996. — S. 18–20; *Idem.* Gramatika prostora uz rijeku Cetinu. — S. 107–108; *Idem.* Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova u okolici Sinja. — Dubrovnik; Split, 2008. — S. 70–75, 92–95.

рых являются кресты, высеченные на каменных плитах, которыми в позднеантичной и раннесредневековой Далмации было принято обкладывать погребальные камеры. Факт наличия таких крестов в погребениях VII–IX вв. на Синьском поле, не зафиксированного в других частях Далмации, позволяет приписать их христианам-автохтонам, чье пребывание в этом районе, очевидно, было тесно связано с функционированием цетинского лимеса²⁴⁵. Значимость обнаружения лимеса на Цетине для проблематики славянской колонизации Далмации трудно переоценить, ведь по всему получается, что лимес исправно функционировал в VI–VIII вв. (не говоря уже о том, что для более раннего периода в устройстве лимеса на Цетине не было особой нужды), защищая автохтонных жителей Далмации (точнее района между Трогиром и Сплитом, включая столицу провинции Салону) от вторжений варваров²⁴⁶.

С одной стороны, обнаружение лимеса на Цетине как будто подтверждает информацию императора Константина о выставившейся на границе страже из Салоны, но, с другой стороны, предъясняет к этой же информации серьезные вопросы: если лимес существовал в «темные века», то когда и кем он был прорван? По рассуждению самого А. Милошевича, очевидно, стремящегося любой ценой совместить собственные археологические результаты с данными трактата императора Константина, лимес был единожды прорван варварами (аваарами и славянами), разорившими Салону, однако впоследствии был восстановлен романцами²⁴⁷. Не считая нужным высказывать столь же бесосновательные догадки, ограничимся констатацией, что в рассказе о падении Салоны, содержащемся в трактате императора Константина, «локальное знание» было тесно вплетено в имперский нарратив о противостоянии римлян и «аваро-славян», причем обнаружение отдельных элементов этого «локального знания» (таких как упоминание Клиса и стражи на «Дунае» (Цетине)) отнюдь не может считаться доказательством достоверности нарратива в целом.

В похожей ситуации мы оказываемся и при обращении к сведениям другого позднего источника, повествующего о реальном или

²⁴⁵ *Milošević A. Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova... – S. 80–85; Idem. Milošević A. O ostavštini kasnoantičkih starosjeditelja u ranosrednjovjekovlju Dalmacije // Scripta Branimiro Gabričević dicata / Ur. J. Dukić, A. Milošević. – Trilj, 2010. – S. 283–295.*

²⁴⁶ *Milošević A. Gramatika prostora uz rijeku Cetinu. – S. 107–108.*

²⁴⁷ *Milošević A. Sinj i Cetina u starohrvatsko doba. – S. 20–22; Idem. Gramatika prostora uz rijeku Cetinu. – S. 108–109.*

мнимом разорении Салоны варварами — «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского. Красочный рассказ о захвате Салоны, содержащийся в этом памятнике, существенно отличается от сведений об этом событии в трактате императора Константина. Как уже говорилось выше, сплитский архидиакон вообще не упоминает никаких аваров, а приписывает захват Салоны некоему варварскому народу, сформировавшемуся из разных этнических компонентов (куреты, лингоны, готы) в гористых краях на северо-западе Далмации. Уже сама эта ученая конструкция, а также явное наличие в рассказе о падении Салоны назидательного значения, сопряженного с ясно читаемыми библейскими аллюзиями (в рассказе Фомы Салона предстает городом, жители которого погрязли в грехах)²⁴⁸, не способствуют восприятию текста ученого архидиакона как отражения реального события из эпохи «темных веков». Скорее, напротив, все это указывает на то, что обстоятельства падения Салоны (если таковое событие вообще имело место) не были доподлинно известны сплитскому автору, а сам рассказ о падении города был идеологически выдержанной конструкцией, призванной обосновать права Сплита на избранность и верховенство в Далмации²⁴⁹.

Вместе с тем невозможно игнорировать тот факт, что, помимо сугубо риторических и обобщенных описаний картины постигшего жителей Салоны несчастья, Фома Сплитский в последующих главах (8–13) своего труда сообщает немало конкретных подробностей о судьбе салонских беженцев, очевидно, заимствовав эту информацию из каких-то неизвестных нам источников. В частности, он в деталях рассказывает о том, как уцелевшие горожане, спасаясь от варваров, отплыли на близлежащие острова Адриатического моря, где будто бы находились довольно продолжительное время, после чего перебрались на материк, заняв пустовавший дворец императора Диоклетиана. Именно так, по версии Фомы Сплитского, и возник город Сплит, история которого стала, таким образом, прямым продолжением истории Салоны. При описании заселения дворца императора Диоклетиана салонскими беженцами архидиакон Фома упоминает по имени одного из знатных граждан

²⁴⁸ Goldstein I. Bizant na Jadranu. — Zagreb, 1991. — S. 87–89; Ivić N. Domišljanje prošlosti. Kako je trinaestostoljetni splitski arhidakon Toma napravio svoju Salonitansku historiju. — Zagreb, 1992. — S. 104–105; Matijević Sokol M. Toma Arhidakon... — S. 237.

²⁴⁹ См., например: Margetić L. Historia Salonitana... — S. 1–5.

Салоны — Великого Севера, предоставившего свое жилище у колоннады дворца Диоклетиана для размещения резиденции епископа, а также подробно рассказывает о деятельности первого сплитского архиепископа Иоанна Равеннского.

Некоторые из сообщаемых Фомой Сплитским подробностей о ранней истории Сплита находят вполне надежные подтверждения, позволяющие говорить об использовании в труде Фомы Сплитского неких письменных источников периода «темных веков». Так, например, упоминание имени Великого Севера в записи об обновлении в правление императора Феодосия III (715–717 гг.) церкви св. Марии в Трогире позволяет не только говорить об историчности этого персонажа, но и датировать серединой VII в. деятельность Иоанна Равеннского²⁵⁰. Обнаружение остатков античного храма Кибелы под стенами церкви св. Духа в Шкрипе на острове Брач подтвердило достоверность происходящей из этого храма латинской надписи, дошедшей до нас в записи, сделанной в 1405 г. архипресвитером Брача Дуймом Хранковичем²⁵¹. В надписи, высеченной, по сообщению Хранковича, на каменном фрагменте церковного убранства, говорится о пребывании на острове Брач жителей Салоны и Эпетиона и о благословении пресвитера Флора, данного им, очевидно, при перестройке храма Кибелы в христианскую церковь²⁵². Упоминание в надписи имен папы Виталиана (657–672 гг.) и императора Константа II (641–668 гг.) позволило датировать описываемые события временем между 657 и 668 гг.,²⁵³

²⁵⁰ Сообщение, содержащееся в труде Д. Фарлати «*Illiricum Sacrum*», куда оно попало из наследия историка Ивана Лучича, восходит к записи, сделанной в начале XVI в. в миссале, принадлежавшем трогирскому канонику Ивану Лучичу, предку историка (*Katičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae.* — S. 31–32, 38–39).

²⁵¹ См.: *Bužančić R. Quelques chantiers de construction du VIIe siècle aux environs de Salone, après la chute de la ville // NAM.* — 2003. — Vol. 9. — P. 195–196; *Idem. Toma Arhidakon i njegove vijesti o Ivanu Ravenjaninu // Toma Arhidakon i njegovo doba.* — Split, 2004. — S. 270–271. О церкви св. Духа VII века см. также: *Bužančić R. Rađanje srednjovjekovne arhitekture iz antičkih korijena na otocima srednje Dalmacije // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić.* — Zagreb, 1996. — S. 339–340.

²⁵² «*Salonitani et Epetiani cives Braciae, oppidum desolatum concorditer pro domicilio refabricant et Florus presbyter benedicendo dicat Vitaliano pontif. et Heraclio Const. Augusto*» (*Bužančić R. Toma Arhidakon... — S. 271*).

²⁵³ *Ibid.* — S. 270.

что хорошо согласуется с известиями архидиакона Фомы о салонских беженцах, укрывшихся на близлежащих островах Адриатики.

Более того, в отличие от ситуации с Дубровником, результаты археологических исследований дворца императора Диоклетиана, ставшего ядром раннесредневекового Сплита, отнюдь не противоречат представлению о том, что именно VII ст. стало временем активного заселения дворца²⁵⁴, что, конечно, никоим образом не означает, что внушительная постройка пустовала в предшествующий период²⁵⁵. Но могут ли сами факты обустройства города в стенах дворца императора Диоклетиана около середины VII в. и пребывания бывших жителей Салоны на острове Брач быть надежным свидетельством того, что где-то между 600 и 640 гг. произошло разорение варварами крупнейшего города Далмации? Очевидно, что нет. В результате принципиальной возможности разных интерпретаций того, что могло случиться с Салоной, наряду с традиционным представлением о «падении Салоны»²⁵⁶, в современной литературе широко представлено и мнение о «естественном» и постепенном угасании крупнейшего городского центра Далмации, в рамках которого возникновение и рост Сплита интерпретируется как постепенное превращение дворца Диоклетиана в рефугий, совершенно аналогично тому, как это ранее происходило с поселением, давшим начало Дубровнику²⁵⁷. Последнее мнение стало особенно актуальным в связи с рассмотрением запустения Салоны в широком контексте позднеантичной «рурализации», то есть постепенного исчезнове-

²⁵⁴ См., например: *Marasović K., Marasović T. Naseljavanje Dioklecijanove palače // Minuscula in honorem Željko Rapanić: zbornik povodom osamdesetog rodendana / Ur. M. Jurković, A. Milošević. — Zagreb; Motovun, 2012. — S. 93–113.*

²⁵⁵ В V–VI вв. Сплит (*Spalatum*) представлял собой полицентрическую поселенческую агломерацию, в функциональном плане представлявшую собой крупное имение (*villa*). Центром этого имения и являлся дворец Диоклетиана (*palatium*). См.: *Basić I. Diocletian's villa in late antique and early medieval historiography: a reconsideration // HAM. — 2014. — Vol. 20/1. — SP. 63–76. Подробно об эволюции имения Спалатум в раннесредневековый Сплит см.: Basić I. Poleogeneza Splita na razmeđu antike i ranog srednjeg vijeka. Disertacija. — Zagreb, 2013.*

²⁵⁶ См. особенно: *Jakšić N. Constantine Porphyrogenitus as the source for destruction of Salona // VAHD. — 1984. — Knj. 77. — S. 315–326; Suić M. Nova post vetera — ponovni pad Salone // Mogućnosti. — 1988. — Sv. 36. — Br. 3–4. — S. 329–336.*

²⁵⁷ См. особенно: *Rapanić Ž. Od carske palače do srednjovjekovne općine. — Split, 2007.*

ния античной городской цивилизации как таковой, а также в рамках процесса «кастризации» — строительства крепостей-каструмов, активно происходившего в Далмации еще в правление Юстиниана, когда была осуществлена программа создания целой сети укреплений, защищавших торговые коммуникации на Адриатике²⁵⁸.

Парадигма мирной «рурализации», для объяснения причин которой в принципе не обязательно апеллировать к разрушительной активности варваров, с одной стороны, противоречит парадигме военной «катастрофы», будто бы постигшей Салону в первой половине VII в. Однако нам представляется, что характерное для современной историографии акцентирование того, что ситуация в Далмации не отличалась от положения в других уголках Средиземноморья (что позволяет минимизировать аваро-славянский фактор в жизни Далмации периода «темных веков»), является не столько результатом получения неких неопровержимых доказательств отсутствия вышеупомянутой «катастрофы», сколько попыткой рассмотреть социокультурную трансформацию Далмации, не прибегая к объяснительным схемам, выработанным позитивистской историографией XIX в. Иными словами, проблема заключается не столько в самом событии или процессе, сколько в том, в каких именно терминах это событие или процесс надлежит описывать. Между тем, вне зависимости от того, было ли в действительности такое событие, как «падение Салоны», едва ли можно сомневаться в том, что одним из главных факторов деградации поселенческой инфраструктуры позднеантичной Далмации были все-таки вторжения варваров, а также создававшаяся ими постоянная угроза и нестабильность. Другое дело, что, даже если бы удалось доказать факт разрушения города варварами, это не означало бы автоматически и доказательства колонизации варварами территории Далмации.

Другой комплекс известных письменных источников, на которых основывалось традиционное представление о славянизации Далмации в первой половине VII в., — это сообщения императора Константина о переселении хорватов в Далмацию. В 30-й и 31-й главах трактата «Об управлении империей» содержатся две, возможно восходящие к разным информаторам, версии ранней истории хорватов. Обе версии сходятся в том, что древней родиной хорватов была расположенная далеко к северу от Балкан «Великая Хорватия» (географически соответствующая державе чешского

²⁵⁸ *Goldstein I.* Bizant na Jadranu. — S. 83–111; *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 155–161.

князя Болеслава I в границах середины X в.), откуда хорваты переселились в Далмацию, где к тому времени господствовали авары. Вступив в войну с аварами и победив их, хорваты завладели краем. В «провизантийской» версии событий, изложенной в 31-й главе, инициатива в поселении хорватов в Далмации приписывается византийскому императору Ираклию (610–641 гг.), в то время как в основывающейся на хорватской традиции 30-й главе о роли Византии в этих событиях ничего не говорится²⁵⁹.

Если существование хорватской «прародины» в землях к северу от Карпатской котловины нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть сведениями других, более ранних, чем трактат императора Константина, источников, то с предполагаемым переселением хорватов на Балканы дело обстоит иначе. Так, несмотря на все приложенные историками старания, до сих пор не может найти удовлетворительного объяснения отсутствие каких-либо намеков на миграцию хорватов в Далмацию в письменных источниках VII–IX вв. Другим труднообъяснимым моментом, как неоднократно отмечалось в историографии, является то обстоятельство, что, если верить трактату императора Константина, антиаварски настроенным хорватам каким-то образом удалось пройти в Далмацию из «Великой Хорватии», несмотря на то, что эта территория отделялась от Далмации центральными областями Аварского каганата, в которых аварская власть осталась непоколебимой вплоть до конца VIII ст.

Объяснения, дававшиеся этому обстоятельству в историографии, были весьма разнообразны. Если одни авторы усматривали в нем наглядное противоречие известий императора Константина историческим реалиям, полагая вопреки этим известиям, что хорваты появились в Далмации вместе с аварами, если даже не раньше, то другие, напротив, защищали авторитет императора, приводя множество объяснений тому, как хорваты могли переместиться с севера на юг, не столкнувшись при этом с аварским ядром в Паннонии²⁶⁰. «Переселение хорватов» связывали с антиаварским вос-

²⁵⁹ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 130/131, 136/137.

²⁶⁰ См. очерки историографии вопроса за разные периоды: *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. D. II. — Praha, 1906. — С. 251–262; *Šišić F.* Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. — Zagreb, 1990. — С. 241–265; *Labuda G.* Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. — Poznań, 1949. — С. 194–262; *Zástěrová B.* Hlavní problémy z počátku dějin slovanských narodů // Vznik a počátky Slovanů. — Praha, 1956. — Т. I. — С. 34–45; *Łowmiański H.* Początki

станием Само, с приготовлениями авар к осаде Константинополя 626 г., будто бы заставившими их оттянуть силы из западных областей каганата²⁶¹, или с поражением авар в ходе этой самой осады²⁶². Предлагались также и иные исходные пункты²⁶³ и не пролежавшие по землям аварской Паннонии маршруты хорватских мигрантов²⁶⁴. Наконец, в последние десятилетия стала довольно популярной гипотеза о том, что хорваты оказались в Далмации только в конце VIII в., в годы победоносных войн Карла Великого с аварами²⁶⁵.

Polski. Z dziejów Słowian w I tysiącleciu n.e. T. II. — Warszawa, 1964. — S. 114–142; *Новаковић Р.* Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). — Београд, 1978. — С. 215–350; *Lončar М.* Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Dia-dora*. — Zadar, 1992. — Sv. 14. — S. 375–448; *Švab М.* Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // *Etnogeneza Hrvata / Уг. N. Budak*. — Zagreb, 1995. — S. 54–60; *Ферјанчић Б.* Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) // *ЗРВИ*. — 1996. — Књ. 35. — С. 117–125; *Fine J. V. A.* Croats and Slavs: theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // *BF*. — 2000. — Bd 26. — S. 205–218; *Heyduk J.* Źródła do tzw. etnogenezy Chorwatów dalmatyńskich w świetle nowej literatury // *SA*. T. XLIV. — 2003. — S. 33–51.

²⁶¹ См.: *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta...

²⁶² См.: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata. — S. 86–127.

²⁶³ См.: *Klaić N.* O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // *ZČ. Letnik XXXVIII*. — 1984. — S. 253–270; *Eadem.* Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju u djelu *De administrando imperio* cara Konstantina VII. Porfirogeneta // *SHP. Ser. III*. — 1985. — Sv. 15. — S. 52–53.

²⁶⁴ См.: *Dvornik F.* The Slavs: their early history and civilization. — Boston, 1956. — P. 62–63; *Constantine Porphyrogenitus.* De administrando imperio. — London, 1962. — Vol. II. — P. 124 (комментарий Ф. Дворника).

²⁶⁵ См.: *Margetić L.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU. Vol. 8*. — Zagreb, 1977. — S. 5–88. См. развернувшуюся по итогам этой работы полемику: *Suić М.* Ocjena radnje L. Margetića «Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata» // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. — Zagreb, 1977. — Vol. 8. — S. 85–95; *Antoljak S.* Obnovljeno i nadopunjeno tumačenje jednoga pasusa u 30. glavi Porfirogenetova *De administrando imperio* // *Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. Кн. 5–6*. — Скопје, 1979–1980. — С. 63–86; *Košćak V.* Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928. // *HZ. God. XXXIII–XXXIV (1)*. — 1980–1981. — S. 291–355; *Margetić L.* Marginalije uz rad V. Koščaka «Pripadnost istočne obale...» // *HZ. God. XXXVI (1)*. — 1983. — S. 255–286; *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // *HZ. God. XXXVII (1)*. — 1984. — S. 211–234; *Klaić N.*

Не ставя перед собой задачи детального разбора аргументации этих, несомненно, остроумных гипотез, отметим главное: все они основывались на допущении, что такие элементы средневекового нарратива, как «переселение», «война», «победа», «крещение», адекватно описывают исторические реалии, под которыми понимаются события, явившиеся наиболее важными эпизодами в истории «народа хорватов». Понятно, что такой подход почти полностью соответствовал представлениям самого ученого императора и его анонимного продолжателя — вероятного автора 30-й главы, а также тех хорватов или жителей Далмации, от которых в конечном счете эта информация попала в Константинополь. Отличие можно наблюдать лишь в том, что в историографии некоторые элементы рассказа о переселении хорватов, выглядевшие, на взгляд исследователей, «неправдоподобно», либо записывались в разряд «народных легенд», либо относились на счет тенденциозного истолкования событий самим императором Константином. Легендой, например, был давно признан сюжет о пяти братьях и двух сестрах, возглавивших, согласно 30-й главе, переселение хорватов на Балканы: в этих вождях исследователи почему-то стали усматривать персонификацию семи хорватских племен²⁶⁶, хотя ни о каких семи племенах в трактате императора Константина не сообщается. В то же время известия трактата о подвластности хорватов и сербов императору Ираклию, включая сообщение о том, что хорваты переселились в Далмацию «по воле» василевса, нередко рассматривались в историографии как результат тенденциозного преподнесения событий византийским автором: хорваты, хотя и переселились при Ираклии, но сделали это совершенно самостоятельно²⁶⁷. Подобная логика, в свою очередь, открывала дорогу для

О problemima... — S. 253–270; *Margetić L.* Još o dolasku Hrvata // HZ. God. XXXVIII. — 1985. — S. 227–240; *Klaić N.* Najnoviji radovi... — S. 31–60; *Košćak V.* Dolazak Hrvata // HZ. God. XL(1). — 1987. — S. 339–383; *Štih P.* Karantarija = stara domovina Hrvatov? // ZČ. Letnik 41. — 1987. — S. 529–549; *Margetić L.* Još o pitanju vremena dolaska Hrvata // ZČ. Letnik 42. — 1988. — S. 234–240; *Štih P.* K polemiki o vprašanju časa prihoda Hrvatov // ZČ. Letnik 43. — 1989. — S. 111–117; *Margetić L.* O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti // ZČ. Letnik 44. — 1990. — S. 121–123.

²⁶⁶ См., например, у Ф. Шишича: *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 278.

²⁶⁷ См. показательный очерк хорватской историографии о роли Ираклия в переселении хорватов: *Antunović Z., Gračanin H.* Bizantski car Heraklije I. u hrvatskoj historiografiji // PP. — 2012. — Sv. 43. — S. 20–27.

дальнейшей рационализации данного известия: в историографии появилась остроумная гипотеза о том, что хорваты, поселившись в Далмации, заключили договор с империей, став — подобно многим варварским народам предшествующих эпох — ее федератами. Договорные отношения хорватов с Византией были, согласно данной точке зрения, обусловлены защитой хорватами византийских владений от враждебных империи аваров, а также лангобардов²⁶⁸.

Таким образом, подход к интерпретации известий трактата «Об управлении империей», долгое время господствовавший в историографии, трудно охарактеризовать иначе как довольно субъективный отбор информации из источника по признаку «правдоподобия», на что уже обращалось внимание в историографии²⁶⁹. К настоящему времени подобный подход справедливо признается методологически некорректным. Его основной изъян видится в том, что он не в достаточной степени учитывал исторический, культурный и политический контекст содержащихся в трактате известий о переселении хорватов, то есть фактически вырывал их из целостной картины прошлого, свойственной трактату императора Константина. Между тем, как показывают новейшие исследования, эта картина прошлого была обусловлена как важными идеологическими установками, лежавшими в основе трактата как целостного произведения²⁷⁰, так и «социальным знанием» интеллектуальной элиты данной эпохи в целом и константинопольского двора в частности²⁷¹. Без должного учета этих идеологических

²⁶⁸ См.: *Dabinić A.* Državnopravni odnos Hrvata prema istočnom carstvu // Rad JAZU. — 1941. — Knj. 270. — S. 49–148; *Katičić R.* Filološka razmatranja... — S. 89–92.

²⁶⁹ См., например: *Živković T.* Constantine Porphyrogenitus' source on the earliest history of the Croats and Serbs // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 117–120.

²⁷⁰ Так, Д. Джино призывает рассматривать блок глав трактата, посвященных южным славянам, как часть единого целого, а сам трактат — как связанное определенным замыслом авторское произведение, а не механическую смесь разных источников. По словам исследователя, трактат Константина Багрянородного «рассказывает нам больше о самом Константине Багрянородном и его эпохе, нежели о VII в. Он не столько стремился к рациональному линейному описанию прошлого, сколько комбинировал свой труд из различных нарративов, которые вписывались в картину мира, которую он пытался представить» (*Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 110).

²⁷¹ См.: *Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog

установок, а также социального знания любая интерпретация сведений трактата о переселении хорватов будет некорректной. Другим существенным недостатком традиционной интерпретации свидетельств трактата о ранней истории хорватов как более или менее адекватного «отражения» реального прошлого является то, что в ее рамках фактически оставалась без внимания антропологическая перспектива в истолковании этногенетических мифов, открывающаяся с более систематическим использованием в их исследовании сравнительно-исторического подхода²⁷².

Анализу известий 30-й и 31-й главы о происхождении хорватов и лежащего в их основе хорватского этногенетического мифа, с учетом названных методологических коррективов, будет целиком посвящена вторая глава нашего исследования. Пока же ограничимся важной констатацией, что на основании письменных источников, современных процессу варваризации VI–VII вв., можно говорить лишь о самом факте появления завоевателей-варваров в Далмации и об угрозе, создавшейся вследствие этого для местных жителей. О поселении масс варваров в Далмации на основании этих источников говорить явно не приходится. Впрочем, скудость имеющихся в нашем распоряжении письменных данных, в принципе характерная для «темных веков», не позволяет преувеличивать значение данного обстоятельства. В данной ситуации становится очевидным, что для понимания истинного характера перемен, происшедших в VI–VII вв. на территории Далмации, предпочтение надлежит отдать информации, которую можно получить, обратившись к археологическим материалам.

К настоящему времени на территории Далмации выявлено очень незначительное число артефактов, характерных для материальной культуры Аварского каганата раннеаварского и среднеаварского периодов. К их числу можно, например, отнести набор 24-х бронзовых матриц для изготовления кованых украшений для одежды и конского убора, обнаруженный в Плискове в Бискупии у Книна²⁷³. Книнские матрицы стилистически близки анало-

skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. Ivan Lučić. — Zagreb, 2011. — S. 230–240.

²⁷² См.: Алимов Д. А. «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 94–116.

²⁷³ См.: Korošec J. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina // SHP. Ser. III. — Split, 1958. — Sv. 6. — S. 29–42.

гичным предметам из всаднических погребений центральной части Аварского каганата (Фёнлак, Кунсентмартон и др.), датируемых первой половиной VII в. и интерпретируемых как погребения путешествующих мастеров, изготавливавших золотые украшения для аварской элиты²⁷⁴. Вместе с тем, ввиду отсутствия археологического контекста, который бы позволил четко атрибутировать данные находки аварам, с уверенностью говорить на их основании о проживании аваров в Далмации не представляется возможным²⁷⁵.

Такое положение дел резко контрастирует с ситуацией на территориях соседствовавших с Далмацией позднеримских провинций Посавской и Сирмийской Паннонии, где открыто большое число достоверно аварских памятников, включая совершенно отсутствующие в Далмации аварские некрополи²⁷⁶. Конечно, удивляться отсутствию аварских кладбищ в Далмации не приходится — географические условия Далмации, в особенности ее гористого хинтерланда, в принципе не отвечали образу жизни и хозяйственным потребностям кочевников. Казалось бы, из этого следует логический вывод, что если авары действительно утвердили свое господство на землях Далмации где-то после 582 г., когда в их руках оказался Сирмий, то оно должно было осуществляться посредством расселения здесь подвластных аварам оседлых групп варваров, в первую очередь склавинов.

Как же обстоит дело со свидетельствами славянской колонизации Далмации? Первое важное обстоятельство, с которым необходимо считаться, — это то, что на территории между реками Раша и Цетина, то есть на пространстве Хорватии в границах, приводимых в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», до сих пор не обнаружено ни одного поселения пражской культуры. Ближайшие к данной территории поселения, атрибутируемые ранним славянам на основе присутствия в них характерных для пражской культуры типов жилища и керамики, открыты на значительном отдалении от нее — в восточных и северных

²⁷⁴ См.: *Vinski Z.* O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata // ОА. — 1958. — Br. 3. — S. 27–28, 30.

²⁷⁵ См.: *Bálint Cs.* Voltak-e Avarok az Adrián? // Споменица Јована Ковачевића / Ур. Р. Бунарџић, Ж. Микић. — Београд, 2003. — С. 55–60.

²⁷⁶ *Vinski Z.* Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu.* — 1971. — Sv. 5. — S. 63–67; *Tomčić Ž.* Arheološka slika ranoga srednjeg vijeka na prostoru međuriječja Drave, Dunava i Save // *Hrvati i Karolinzi.* Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 145–151.

районах современной Боснии и Герцеговины. Это, в первую очередь, поселения Язбине в Батковиче близ Биелины, Жабляк близ Добоя и Мушичи близ Вишеграда²⁷⁷. Возникшие на руинах римских имений (*villae rusticae*), эти поселения, несмотря на высказанный в последнее время в историографии скепсис относительно более узкой датировки как самих жилищ, так и происходящей из них керамики²⁷⁸, несомненно, являются ярким свидетельством варварской колонизации. И хотя в силу изложенной нами во введении методологической позиции мы далеки от того, чтобы автоматически приписывать славянскую этническую принадлежность жителям этих поселений, нам представляется, что было бы неоправданным, впадая в другую крайность, отрицать то, что и сам характер, и расположение этих поселений хорошо вписываются в предложенную в историографии реконструкцию возможного хода славянской колонизации, удобным маршрутом которой должна была быть долина Дрины²⁷⁹. В археологической литературе высказывалось мнение об использовании ранними славянами еще нескольких римских вилл на территории современной Боснии и Герцеговины (Тутневац у Биелины, Вишичи близ Чаплины, Паник близ Билечи, Могорьело близ Чаплины), однако неопределенность датировки керамических материалов не позволяет уверенно судить о времени появления здесь групп, отождествляемых со славянами²⁸⁰.

²⁷⁷ См. подробно: *Čremošnik I. Istraživanja u Mušićima i Žabljaku i prvi nalaz najstarijih slavenskih naselja kod nas // GZM BiH. — 1970. — Knj. XXV. — S. 45–117; Eadem. Ranoslavensko naselje Jazbine u Batkoviću kod Bijeljine // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. — 1977. — Knj. 13. — S. 227–308; Eadem. Nalazi prvih ranoslavenskih naselja u Bosni i Hercegovini // ZČ. — 1981. — Letnik 35. — Št. 1–2. — S. 93–99.*

²⁷⁸ Здесь прежде всего следует отметить скептическую позицию Ф. Курты, последовательно осуществляющего в своих работах ревизию датировки пражской керамики и ее интерпретации в качестве этнического маркера славянских сообществ. Применительно к территории Иллирика см.: *Curta F. Etnicitet u ranosrednjovjekovnoj arheologiji: Primjer ranoslavenskih nalaza u jadranskoj regiji // SHP. Ser. III. — 2010. — Sv. 37. — S. 25–36; Idem. The early Slavs in the Eastern and Northern Adriatic region. A critical approach // Archeologia Medievale. — 2010. — Vol. XXXVII. — P. 308–318.* С позицией Курты всецело солидаризируется Д. Джино: *Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... — P. 88–90.*

²⁷⁹ См. об этом: *Čremošnik I. Nalazi prvih ranoslavenskih naselja... — S. 94.*

²⁸⁰ См. обзор: *Busuladžić A. Rimske vile u Bosni i Hercegovini. — Sarajevo, 2011. — S. 144.*

Оставляя в стороне сугубо методологический вопрос о корректности именовании носителей пражской керамики «славянами», трудно не считать резонным соображение, согласно которому появление лепной керамики определенного типа в регионе, где был давно известен гончарный круг, теоретически могло быть связано с появлением новых групп населения, которых было бы логично соотносить со «склавидами» византийских источников²⁸¹. Проблема, однако, заключается в том, что на интересующей нас части территории позднеримской Далмации, входившей в середине X в. в состав Хорватского государства, керамики, которая бы надежно идентифицировалась как пражская, также не обнаружено²⁸².

В отсутствие поселений и керамики пражского типа, единственным надежным свидетельством колонизации в VI–VII вв. территории будущего раннесредневекового Хорватского государства «склавидами» остаются погребения с использованием кремации. К настоящему времени можно уверенно говорить о существовании в Далмации нескольких некрополей, в которых совершались погребения с использованием кремации. Таковы некрополи в Дубравице близ Скрадина, где на территории раннесредневекового кладбища было обнаружено 10 захоронений с кремацией, в Велиме близ Станковцев, где на территории раннесредневекового некрополя было обнаружено 27 захоронений с кремацией, в Кашиче (в 20 км от Задара), где следы неизвестного числа захоронений с кремацией были найдены на небольшом удалении от средневекового кладбища, в Главице близ Синя, где в двух местах было обнаружено несколько ям со следами кремации, в Доне Поле в Шибенике, где на территории большого средневекового кладбища было обнаружено два захоронения с кремацией²⁸³. Отдельные следы существования погребений с кремацией зафиксированы и в ряде других мест (Бискупия, Орлич и Тополе под Книном, Тотичи в Цетине, Смрдели под Скрадином), однако состояние их сохранности

²⁸¹ *Pleterski A.* Etnogeneza Slavena — metode i proces // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 35; *Он же.* Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // *Stratum plus.* — 2015. — № 5. — С. 232.

²⁸² О ситуации с находками пражской керамики на территории современной Хорватии см.: *Bekić L.* Keramika praškog tipa u Hrvatskoj // *Stjepan Gunjača i hrvatska srednjovjekovna povijesno-arheološka baština II.* — Split, 2012. — S. 21–35.

²⁸³ См. новейшую сводку данных: *Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća na području ranosrednjovjekovne hrvatske države. — Split, 2009. — S. 13.

и/или изученности не позволяет делать выводы относительно характера и масштабов некрополей, в состав которых они входили²⁸⁴.

Как видно, и число самих некрополей, и число погребений, обнаруженных на каждом из них, довольно незначительно. По крайней мере, обосновывать на таком материале некогда распространенное в науке представление о крупномасштабной миграции славянского населения, будто бы захлестнувшей Далмацию в начале VII в., не представляется возможным. Конечно, можно допустить, что в действительности погребений с кремацией было гораздо больше, но их остатки либо не сохранились, либо до сих пор не были обнаружены. Такая позиция в принципе имеет право на существование, но ее довольно легко упрекнуть в априорной заданности. Предпочитая оставаться на твердой почве имеющихся в нашем распоряжении свидетельств археологии, следовало бы поэтому говорить не о массовой миграции, а об инфильтрации небольших групп, поселившихся в разных местах Далмации разрозненными общинами. Эти небольшие группы пришельцев, практиковавших кремацию, логичнее всего считать теми самыми «склавинами», о которых сообщают нам письменные источники²⁸⁵.

Почему же сам факт небольшой численности погребений с кремацией, давно известный археологам, не оказал существенного влияния на представление о славянской колонизации Далмации в VI–VII вв.? Дело в том, что еще относительно недавно в археологической литературе почти безраздельно господствовало убеждение, что пришедшие в Далмацию славяне (а вместе с ними и хорваты, которые рассматривались как «славянское племя») под

²⁸⁴ Ibid. — S. 13–14.

²⁸⁵ Впрочем, недавно Д. Джино обратил внимание на сложность и гетерогенность погребений с кремацией, обнаруженных в Далмации. Ситуация, когда в одних случаях используются погребальные урны, а в других пепел помещается прямо в землю, наличие смешанных погребений (ингумация и кремация в одной могиле) — все это, по мнению исследователя, требует более тонкого объяснения, нежели простое отождествление погребального обряда с этничностью. Полностью отдавая себе отчет в трудности интерпретаций и не загромождая текст лишними гипотезами, исследователь лишь подчеркивает, что «меньшинство населения в постримской Далмации намеренно выбирало этот обряд погребения», что, по его мнению, могло быть связано как со стремлением показать свой социальный статус, иммигрантское происхождение, принадлежность к определенному родственному коллективу, так и с другими причинами (*Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... — P. 135*).

влиянием автохтонного населения и общего культурного ландшафта позднеантичной Далмации довольно быстро отказались от обряда кремации, практически полностью перенеяв погребальный обряд автохтонов. При этом, если очевидные изменения погребального обряда, связанные с «христианизацией» (исчезновение из могил погребального инвентаря, появление прицерковных кладбищ), удалось довольно прочно датировать серединой IX в.²⁸⁶, то выявить столь же четкий хронологический рубеж применительно к более раннему периоду так и не получилось. Еще в эпоху поздней античности в Далмации распространяются некрополи с погребениями, располагавшимися рядами, и этот тип некрополя сохраняется здесь вплоть до появления с середины IX ст. прицерковных кладбищ. Погребения в таких некрополях представляли собой прямоугольные камеры, в которых покойный был ориентирован головой на запад. При этом наблюдались некоторые различия в устройстве погребальных камер, позволяющие говорить о нескольких основных типах погребений, существовавших в указанный период. Так, помимо могил, просто вырытых в земле, весьма распространенным типом погребения были могилы, с четырех сторон обложенные (а иногда и перекрытые сверху) каменными плитами. Также нередко могилы обкладывались не плитами, а обычными камнями или деревянными досками²⁸⁷. Предпринимавшиеся иногда в археологической литературе попытки датировать погребения по типу устройства погребальных камер, несмотря на кажущуюся логичность такого подхода, подразумевавшего, например, что земляные раки и погребения, обложенные досками, хронологически предшествовали погребениям, обложенным аккуратными каменными плитами, так и не дали желаемого результата. Как оказалось, одни и те же типы погребений встречались на протяжении разных периодов функционирования некрополей²⁸⁸. В результате, используя господствовавшие в историографии датировки прихода славян и хорватов в Далмацию, основанные на данных письменных

²⁸⁶ См., например: *Sokol V. Materijalna kultura i nekršćanska duhovnost Hrvata – vrijeme njezina napuštanja // Mošćenički zbornik. – Mošćenice, 2006. – God. 3. – Br. 3. – S. 93–108.*

²⁸⁷ См. подробно: *Jelovina D. Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. – Split, 1976. – S. 67–77; Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII. do IX. stoljeća. – Zagreb, 1980. – S. 67–76; Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća... – S. 107–112.*

²⁸⁸ См. об этом: *Jelovina D. Starohrvatske nekropole... – S. 80.*

источников, исследователи помещали некрополи с инвентарем, называемые ими «некрополями языческого горизонта старохорватской материальной культуры», в широкие хронологические рамки конца (второй половины) VII — начала (первой половины) IX в.

Учитывая, что само устройство погребальных камер на протяжении Средневековья практически не менялось, единственным показателем того, что погребение, совершенное по обряду ингумации, принадлежало именно пришельцу-язычнику, а не христианину-автохтону, считалось присутствие в могиле погребального инвентаря, в первую очередь керамических сосудов, очевидно, служивших для хранения еды, предназначенной, в соответствии с языческими представлениями, для питания покойного в загробном мире. Действительно, глиняные сосуды, изготовленные на примитивном (ручном) гончарном круге медленного вращения с обжигом на открытом огне, были обнаружены во многих раннесредневековых некрополях на территории Далмации. Подавляющую часть их составляют сосуды с яйцевидным туловом и широкой шейкой, сходные с теми, что встречаются по всему славянскому миру, однако наличествуют в далматинских некрополях и сосуды другой формы (с ручками, с удлиненной шейкой и др.)²⁸⁹. Несмотря на разницу в форме, и те, и другие сосуды в археологической литературе было принято атрибутировать славянам, которые, согласно данной интерпретации, поселившись в Далмации, отказались от лепной керамики, восприняв от автохтонов гончарный круг. Основное соображение, которое вело исследователей к такому выводу, заключалось в самом факте появления этих сосудов в раннесредневековых погребениях: в позднеантичных погребениях такие сосуды, как казалось, отсутствовали²⁹⁰.

Однако в результате исследований Анте Милошевича данный подход к интерпретации раннесредневековых погребений был как минимум поставлен под сомнение. Ученый обратил внимание на присутствие керамических сосудов в нескольких погребениях на территории Далмации, которые могут быть прочно датированы позднеантичным периодом и атрибутированы автохтонным жителям, исповедовавшим христианство. Это два погребения из района Синьского поля — в Лучанах, где сосуд был обнаружен в позднеантичной гробнице, и в Гале, где сосуд был обнаружен внутри по-

²⁸⁹ *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata... — S. 109–115; *Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 192–194.

²⁹⁰ *Belošević J.* Materijalna kultura Hrvata... — S. 112–113.

гребальной камеры, на одной из плит которой был высечен крест, а также два погребения на юго-западе современной Боснии и Герцеговины — в селах Горица близ Имотского (три сосуда в позднеантичной гробнице) и Врба близ Гламоча (четыре сосуда в гробнице, расположенной в руинах церкви)²⁹¹. Не говоря уже о важности самого факта обнаружения глиняных сосудов в христианских погребениях позднеантичного периода, интересно, что даже по своей форме эти керамические изделия оказались весьма близки сосудам из раннесредневековых некрополей Далмации²⁹². Эти выводы Милошевича побуждают внести существенные методологические коррективы в описанную выше ситуацию с атрибуцией погребений, ведь получается, что наличие сосуда в погребении не может служить гарантией его принадлежности пришельцу-язычнику. Выводы Милошевича оказались созвучны предостережениям методологического характера, недавно высказанным Д. Джино. Как заметил австралийский ученый, ссылаясь на новейшие исследования погребальных памятников державы Меровингов и англосаксонских королевств, в которых продемонстрирована роль предметов погребального инвентаря в демонстрации социальной, гендерной и общинной идентичности, интерпретация этих памятников в духе оппозиции «язычество — христианство» вообще некорректна²⁹³.

Наблюдения Милошевича относительно наличия керамических сосудов в позднеантичных христианских погребениях хорошо коррелируют и с другими выводами этого же автора, касающимися континуитета элементов погребального инвентаря от античности к раннему Средневековью. Как уже отмечалось выше, в районе Синьского поля исследователем была изучена большая группа погребений с крестами, высеченными на плитах, которыми обкладывались погребальные камеры, в результате чего им был сделан важный вывод о проживании в районе Синьского поля христиан-автохтонов, очевидно, связанных с поселенческой инфраструктурой цетинского лимеса, защищавшего от варваров Салону и про странство бывшего салонитанского агера. Интересно, что здесь же,

²⁹¹ *Milošević A.* Porijeklo i datiranje keramičkih posuda u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji // *Diadora*. — 1990. — Br. 12. — S. 339–347; *Idem.* Jesu li prilozi u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji posljedica poganskog obreda sahranjivanja? // *Histria Antiqua*. — Pula, 2005. — Sv. 13. — S. 457–460.

²⁹² *Milošević A.* Porijeklo i datiranje keramičkih posuda... — S. 354–355.

²⁹³ *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 142.

в районе Синьского поля, а также в районе Каштелы между Сплитом и Трогиром, в ряде погребений встречаются специфические артефакты, в первую очередь, составленные из разноцветных кусочков ожерелья, традиция изготовления которых восходит к поздней античности, и бронзовые гроздевидные серьги особой формы («путальский тип») ²⁹⁴. Полагая, что концентрация такого рода артефактов именно в областях Синя и Каштелы отражает сохранение в этом районе христиан-автохтонов и их культурных традиций, Милошевич склонен интерпретировать данные находки в широком региональном контексте культуры автохтонного населения периода «темных веков», соотнося их, в частности, с памятниками ранней фазы команской культуры на территории северной Албании ²⁹⁵.

В этой связи особенно важным становится обнаружение артефактов, характерных для команской культуры, в других местах Далмации. Наиболее яркими из них являются детально изученные Милошевичем полукруглые поясные подвески, весьма характерные для команской культуры. В Хорватии найдено четыре экземпляра таких украшений: три из них обнаружены в погребениях — в некрополе Маклиново брдо в Кашиче под Задаром, в Дрвенике в 30 км от Макарской и в Стоне на полуострове Пелешац, а одна, хранящаяся в Археологическом музее в Сплите, вероятно, случайно найдена где-то в Далмации ²⁹⁶. Рассматривая эти команские подвески в контексте своей концепции континуитета культурных традиций автохтонного населения на пространстве от Албании до Альп, Милошевич склонен датировать погребения в Кашиче и Дрвенике VII в ²⁹⁷. Такая дати-

²⁹⁴ Milošević A. O ostavštini kasnoantičkih starosjeditelja... — S. 271–279.

²⁹⁵ Milošević A. O ostavštini kasnoantičkih starosjeditelja... — S. 271–279; *Idem.* Ponovo o nalazima «komanskog» obilježja u Dalmaciji // Godišnjak ANUBiH. — 2009. — S. 99–102.

²⁹⁶ Milošević A. Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije // Diadora. — 1989. — Sv. 11. — S. 347–359 (перепечатано в: Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 97–104); *Idem.* O kontinuitetu kasnoantičkih proizvoda u materijalnoj kulturi ranoga srednjeg vijeka na prostoru Dalmacije // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 37–41.

²⁹⁷ Milošević A. Komanski elementi... — S. 354; *Idem.* O kontinuitetu kasnoantičkih proizvoda... — S. 38. Считая датировку подвески VII в. безосновательной, М. Петринец ссылается на фреску церкви Санта-Мария-Антиква на Римском Форуме в Риме, где, по мнению исследовательницы, мы

ровка, в свою очередь, дала исследователю основание считать, что некрополь Маклиново брдо в Кашиче, где, как уже отмечалось выше, были обнаружены погребения по обряду кремации, был биритуальным некрополем, где осуществлялись синхронные захоронения христиан-автохтонов и пришельцев-славян²⁹⁸. Важным, с точки зрения интерпретации погребений «языческого горизонта», оказалось и обнаружение в погребении в Дрвенике, где была найдена одна из подвесок, керамического сосуда с ручками, находящего аналогии в целом ряде сосудов, происходящих из крупнейшего в Далмации раннесредневекового некрополя Ждрияц под Нином²⁹⁹.

Заметим, что картина, вырисовывающаяся на основе исследовательских результатов Милошевича, в целом хорошо вписывается в представление о преобладании на территории Далмации автохтонного населения, пережившего в VII в. инфильтрацию на свою территорию относительно небольших по численности своих членов славянских групп. Правда, датировка погребений с кремацией вызывает большие сложности. Так, по мнению Ф. Курты, погребение 54 некрополя Маклиново брдо в силу того, что оно занимает в рамках некрополя крайнее положение, не может служить надежным основанием для датировки VII ст. близлежащего погребения, совершенного по обряду кремации. Более того, Курта обращает внимание на соседство погребения с кремацией на некрополе Дубравице близ Скрадина с погребением с использованием ингумации, при устройстве которого было повреждено другое погребение с кремацией. Учитывая обнаружение в погребении с ингумацией солида Константина V (741–775 гг.), соседние погребения с кремацией следовало бы поэтому датировать концом VII — началом VIII в.,

встречаем древнейшее изображение данного украшения. Исходя из датировки фрески, М. Петринек полагает, что у нас нет оснований для ее датировки периодом ранее середины VIII в. (*Petrinec M.* «Komanski privjesci i pojasni jezičac s Bribirske Glavice // SHP. Ser. III. — 2007. — Sv. 34. — S. 79–87; *Idem.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 271–272). Возражая М. Петринек, А. Милошевич указывает на то, что в случае с изображением на фреске речь идет все же об ином, хотя и близком по форме, украшении ранневизантийского периода: *Milošević A.* Ponovo o nalazima «komanskog» obilježja... — S. 103–116. С позицией Милошевича солидаризировался Ф. Курта: *Curta F.* The early Slavs in the Eastern and Northern Adriatic region... — P. 318.

²⁹⁸ *Milošević A.* O kontinuitetu kasnoantičkih proizvoda... — S. 38–39.

²⁹⁹ *Milošević A.* Komanski elementi... — S. 354–356.

но никак не более ранним временем³⁰⁰. Всецело разделяя интерпретацию далматинских некрополей, где практиковались кремация и ингумация, как биритуальных, Д. Джино также склонен датировать их функционирование более поздним временем³⁰¹.

Между тем не только датировка погребений, но и само соотношение друг с другом погребений с кремацией и ингумацией остается предметом споров. Так, Майя Петринец настаивает на том, что погребения с кремацией и ингумацией, совершавшиеся в пределах одного некрополя, должны датироваться разным временем. Основания для этого утверждения, по мнению Петринец, дают материалы стратиграфии некрополя Главице под Синем, где относительно отдельных погребений с ингумацией можно с достаточной долей вероятности говорить об их появлении поверх могил с кремацией³⁰². Если предлагаемая Петринец стратиграфия главицкого некрополя верна, то это указывало бы на то, что не только погребения с кремацией, но и погребения с ингумацией принадлежали пришельцам-славянам. Похожая ситуация, судя по исследованиям Златко Гунячи, наблюдается и на некрополе Дубравице близ Скрадина, где погребения с ингумацией, обложенные деревянными досками, по крайней мере в некоторых случаях могут быть интерпретированы как погребения, появившиеся вслед за совершавшимися здесь же погребениями по обряду кремации³⁰³.

Еще более радикальную позицию в отстаивании славянского (хорватского) характера некрополей языческого горизонта занимает археолог Владимир Сокол. Обнаруженную в хорватских некрополях керамику он склонен сопоставлять не с аналогичными позднеантичными изделиями, как это делает Милошевич, а с матеральной культурой позднеаварских некрополей Паннонии. Ссылаясь на отсутствие в некрополях так называемого «языческого горизонта» керамики пражского типа и полагая, что обнаружения в нескольких погребениях поясных украшений, характерных для команской куль-

³⁰⁰ *Curta F.* The early Slavs in the Eastern and Northern Adriatic region... — P. 317–318.

³⁰¹ *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 133.

³⁰² *Petrinec M.* Dosadašnji rezultati istraživanja ranosrednjovjekovnog groblja u Glavicama kraj Sinja kao prilog razrješavanju problema kronologije starohrvatskih grobalja // OA. — 2002. — Vol. 26. — S. 205–246.

³⁰³ *Gunjača Z.* Groblje u Dubravicama kod Skradina i druga groblja 8–9. stoljeća u Dalmaciji // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 159–168

туры, совершенно недостаточно для приписывания погребений автохтонам (это мог быть импорт), Сокол приходит к радикальному выводу о бессосновательности датировать погребения «языческого горизонта» временем ранее конца VIII в. Само же появление таких некрополей в Далмации Сокол связывает с миграцией хорватов с севера в годы правления Карла Великого и войн франков с аварами³⁰⁴.

Возражая своим оппонентам, Милошевич, на наш взгляд, справедливо указывает на изначальную методологическую слабость позиции Сокола, приписывающего все некрополи языческого горизонта будто бы пришедшим в конце VIII в. в Далмацию хорватам³⁰⁵. Подобную широкомасштабную миграцию, приведшую чуть ли не к полному замещению культур, сложно не только доказать, но даже вообразить³⁰⁶. Вместе с тем нельзя закрывать глаза и на очевидные трудности, с которыми сталкивается интерпретация некрополей языческого горизонта как славянских (хорватских) некрополей эпохи «темных веков». Приписывая эти погребения славянам и датируя их эпохой «темных веков», поневоле приходится говорить либо о «невидимости» славян на фоне автохтонов, либо о «невидимости» автохтонов на фоне славян. В литературе уже давно пытались объяснить эту невидимость особенностями славянской социальной организации, в частности эгалитарным устройством и открытостью славянских общин³⁰⁷. Однако все такого рода объяснения легко упрекнуть в попытке любой ценой сохранить представление о широкомасштабной славянской миграции, которую, как мы видим, невозможно вполне подтвердить даже на основании письменных источников. Справедливо задаться вопросом, что же мешает в таком случае приписать значительную часть погребений по обряду ингумации именно автохтонному населению Далмации, ведь, помимо прочего, это бы хорошо соотносилось и с тем представлением о предках современного хорватского народа, которое рисуют специалисты в области популяционной генетики?

³⁰⁴ *Sokol V. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština... — S. 108–109, 122–123.*

³⁰⁵ *Milošević A. Ponovo o nalazima «komanskog» obilježja... — S. 98.*

³⁰⁶ Подробнее см. ниже, § 3. «Хорваты и франки».

³⁰⁷ В последнее время подобные объяснения выдвигаются в работах А. Плетерского: *Плетерский А. О «the Making of the Slavs» изнутри // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 33–36; Он же. Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // Stratum plus. — 2015. — № 5 (Славяне на Дунае. Обретение родины). — С. 234–235.*

Принять за основу сугубо автохтонистскую модель хорватского этногенеза, подобную той, что предлагает в своих работах Иван Мужич³⁰⁸, мешает прежде всего то, что в ее рамках не находит адекватного объяснения процесс языковой славянизации населения Далмации, а ведь именно факт использования местным населением славянского языка, ранний этап которого отражен в материалах топонимики, обычно приводится в качестве веского аргумента против построений автохтонистов³⁰⁹. Лишь недавно в книге Д. Джино была очерчена, правда пока лишь пунктирно, такая модель языковой славянизации населения Далмации, которая, как кажется, вполне способна ужиться с тезисом о численном преобладании автохтонного населения над пришельцами-склавинами. Исследователь применяет к Хорватии концепцию, согласно которой славянский язык использовался в качестве *lingua franca* на пространстве, находившемся под влиянием Аварского каганата³¹⁰. Ссылаясь на положение в постримской Галлии, где латынь вскоре после середины VII в. выходит из употребления в качестве разговорного языка, Джино замечает, что практически то же самое должно было произойти и во внутренних областях Далмации, где, ввиду отсутствия наследственной элиты и нормально функционирующей церковной организации, не существовало условий для поддержания латинского языка в качестве разговорного. Таким образом была подготовлена почва для вовлечения этого пространства в культурное поле Аварского каганата, сопряженное с использованием славянского языка в качестве разговорного койне³¹¹. Притом что данной модели пока не хватает конкретизации, она представляется на сегодняшний день единственной реальной альтернативой представлениям о широкомасштабной славянской миграции.

³⁰⁸ *Mužić I.* Hrvati i autohtonost: na teritoriju rimske provincije Dalmacije. — Split, 2001; *Мужич И.* Sklavi(ni)-Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 73–93.

³⁰⁹ См., например: *Плетерский А.* Ранние славяне в Восточных Альпах... — С. 233.

³¹⁰ Подробнее о данной концепции, сформулированной Г. Лантом и О. Прицаком, см. в работе: *Curta F.* The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian) // East Central Europe. — 2004. — Vol. 31. — P. 125–148.

³¹¹ *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 168–174.

§ 3. Хорваты и франки

С конца VIII в. земли бывшей римской провинции Далмации входят в непосредственное соприкосновение с Франкским государством, осуществлявшим активную экспансию в юго-восточном направлении и, вероятно, около 787 г. включившим в свой состав Истрию, находившуюся до этого под властью Византии³¹². Несмотря на наличие во франкских источниках относительно подробной информации о ходе франко-аварских войн и столкновениях франков с византийцами, время и обстоятельства, при которых произошло подчинение Карлу Великому далматинского хинтерланда, не вполне ясны. По сообщению Лоршских анналов, в 791 г. сын Карла Великого король Италии Пипин, совершая поход против аваров, «вступил в Иллирик, а оттуда в Паннонию»³¹³. Согласно утвердившемуся в историографии мнению, Пипин при этом двигался из Аквилеи через Эмону (Люблян) и Петовион (Птуй), то есть по территории современной Словении. Данную интерпретацию попытался оспорить Л. Маргетич, по мнению которого упомянутый в анналах Иллирик соответствует горному району в хинтерланде Далмации. Пипин, по мнению исследователя, прошел через Тарсатику на Сень, пересек в районе Вратника Велебит, а затем, двигаясь в направлении Сисака или через Лику, вошел в долину Уны, где по известной римской дороге достиг территории современной Славонии³¹⁴. Неясной при такой интерпретации остается причина, побудившая Пипина предпочесть знакомой франкам удобной дороге столь опасный и сложный маршрут, на что справедливо указал

³¹² Византийская власть над Истрией была восстановлена в 774 г., после короткого периода господства лангобардов (751–774 гг.). Точная дата присоединения Истрии к Франкскому государству неизвестна. Однако на основании общего контекста франкской экспансии на юго-востоке большинство исследователей относили данное событие к 788 г. В недавнее время Л. Маргетич привел дополнительные аргументы в пользу встречавшейся ранее в историографии датировки данного события 787 г. См. подробно: *Margetić L. Istra 751–791. // ССР. — 1992. — God. 16. — Br. 30. — S. 1–10; Idem. Neka pitanja prijelaza vlasti nad Istrom od Bizanta na Franke // Acta Histriae. — Koper, 1994. — Vol. 2. — S. 5–14.*

³¹³ «introivit Illyricum et inde in Pannonia» (Documenta. — P. 296).

³¹⁴ См.: *Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata. — S. 53–60.*

Х. Грачанин³¹⁵. Ф. Шишич, ссылаясь на известие Алеманнских анналов о походе Пипина «с баварами и некоторыми из лангобардов на славян», предположил, что Пипин в 797 г. совершил поход в Далмацию³¹⁶. Однако веских оснований видеть в славянах Алеманнских анналов, а также в венедах Вольфенбюттельских анналов именно жителей Далмации нет³¹⁷.

Примечательно, что, в отличие от свидетельств о военных действиях против аваров и столкновениях с Византией, источники не содержат известий о ведении франками военных действий против жителей далматинского хинтерланда или об их сопротивлении франкской экспансии. Правда, в ряде франкских источников сообщается о гибели в 799 г. близ города Тарсатика в Либурнии фриульского маркграфа Эрика³¹⁸. По сообщению «Анналов королевства франков», Эрик погиб в засаде, устроенной жителями Тарсатики³¹⁹. В историографии можно встретить трактовку этого события как свидетельства сопротивления хорватов, которым в то время будто бы принадлежала Тарсатика, франкской экспансии³²⁰. Между тем такая интерпретация событий является не более чем безосновательной догадкой, так как статус Тарсатики в «темные века» остается неясным. Скорее можно допустить, что город находился под (номинальной) властью Византии³²¹.

³¹⁵ *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 150.

³¹⁶ *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 306–307.

³¹⁷ Подробнее см.: *Ronin V.K.* The Franks on the Balkans Balkans in the early ninth century // *Études balkaniques.* Nr. 1. — Sofia, 1985. — P. 49; Свод. Т. II. — С. 453 (комментарий В. К. Ронина).

³¹⁸ *Documenta.* — P. 300–303.

³¹⁹ «*Ericus dux Foroiiulensis... iuxta Tharsaticam Liburniae civitatem insidiosis oppidanorum oppressus est*» (ARF. — P. 108).

³²⁰ См., например: *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 306–307; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — S. 168.

³²¹ См.: *Goldstein I.* Bizant na Jadranu. — S. 152. Н. Лабусом было высказано мнение, что нападение на Эрика было предпринято все же не самими горожанами, а аварами. Данная интерпретация подкрепляется общим контекстом франко-аварской войны, а также тем, что во франкских анналах известие о гибели Эрика приводится вместе с сообщением о гибели в Паннонии в борьбе с аварами баварского префекта Герольда См.: *Labus N.* Tko je ubio vojvodu Erika? // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru.* — 2000. — Sv. 42. — S. 1–16. По сообщению анонимного саксонского автора стихотворных «Анналов о деяниях императора Карла Великого

Все указывает на то, что признание существовавшими в Далмации потестарными структурами франкского господства произошло достаточно быстро и без серьезных политических потрясений. Что касается хронологии событий, то прибытие в 805 г. в резиденцию Карла Великого в Тьонвиль (Диденхофен), наряду с представителями венециков, задарского дукса Павла и задарского епископа Доната в качестве представителей Далмации, принесших дары императору, свидетельствует о том, что установление франкской власти во внутренней части бывшей римской провинции Далмации стало к тому времени свершившимся фактом³²². Итоги длительного франко-византийского противостояния в регионе были закреплены заключенным в 812 г. Аахенским миром, согласно которому Византия сохраняла за собой власть над Задаром и всеми остальными прибрежными городами Далмации, а также островами Кварнерского архипелага, в то время как весь населенный варварами хинтерланд оказывался под франкским контролем³²³.

Результаты археологических раскопок показывают, что около 800 г. на территории Далмации появляются воинские захоронения, в которых обильно представлены предметы франкского оружия и воинского снаряжения (мечи, навершия копий, боевые ножи, стремена). Немалое число подобных артефактов было, в частности, обнаружено в некрополе в Црквине в Бискупии под Книном, включающем в свой состав около двух десятков могил, расположенных частично у южной стены церкви св. Марии, а частично — внутри

в пяти книгах» (конец IX в.), не подтверждаемому, однако, данными более ранних источников, после гибели Эрика франки разрушили Тарсатику (Documenta. — P. 301). В связи с этим высказывается мнение, что крепость Трсат (ныне в черте Риеки), традиционно отождествлявшаяся в историографии с Тарсатикой, была основана уже после описываемых событий жителями разрушенного города, выжившими после франкской карательной экспедиции. Тарсатика при этом локализуется на побережье на месте современного исторического центра Риеки. См.: *Margetić L. Antička Tarsatica i rošeci Rijeke // Rijeka. — 1994. — Sv. 1. — S. 29–34.*

³²² Об этом событии сообщают «Анналы королевства франков»: «*Statum post natalem Domini venerunt Willeri et Beatus duces Venetiae necnon et Paulus dux Iadere atque Donatus eiusdem civitatis episcopus legati Dalmatarum ad praesentiam imperatoris cum magnis donis. Et facta est ibi ordinatio ab imperatore de ducibus et populis tam Venetiae quam Dalmatiae*» (ARF. — P. 120; Documenta. — P. 310).

³²³ Об условиях мира см.: *Goldstein I. Bizant na Jadranu. — S. 156–157.*

самого храма в его западной части³²⁴. Погребения, находившиеся внутри церкви, которая, судя по всему, была воздвигнута здесь уже в первые десятилетия IX в.³²⁵, содержали поражающие своей роскошью предметы — богато декорированные стремена и приспособления к ним, выполненные из бронзы и покрытые золотом или серебром. Как видно, все указывает на то, что именно здесь хоронили представителей правящего слоя сложившейся к тому времени в Далмации варварской политики³²⁶. Картографирование мест нахождения раннекарولينгских артефактов, аналогичных книнским, показывает, что под контролем книнской элиты в это время уже находилась часть адриатического побережья, где на основе урбанистической традиции античной Эноны стал оформляться политический и религиозный центр Нин, а также район Равни Котари, прежде тяготевавший к византийскому Задару, и течение реки Цетины³²⁷.

Подобный территориальный охват книнской политики едва ли существовал изначально. Факт наличия в погребениях книнской элиты франкского оружия и воинского снаряжения позволяет согласиться с неоднократно высказывавшимся в историографии мнением, согласно которому в самом начале IX в. хорваты являлись военными союзниками франков. Особого внимания заслуживают в связи с этим многочисленные находки в Далмации франкских обоюдоострых мечей (*spathae*), изготовливавшихся в прирейнских мастерских³²⁸. К настоящему времени на территории совре-

³²⁴ Milošević A. Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 118–119, 123–125.

³²⁵ Milošević A. Crkva Sv. Marije, mauzolej i dvori hrvatskih vladara u Biskupiji kraj Knina. — Split, 2002; Sokol V. Zapadno zdanje i njegova pogrebna funkcija u crkvi sv. Marije u Biskupiji // Zbornik o Luji Marunu. Zbornik radova sa Znanstvenog skupa o fra Luji Marunu u povodu 150. obljetnice rođenja (1857. — 2007.), Skradin — Knin, 7. — 8. prosinca 2007. / Ur. Ž. Tomičić, A. Uglešić. — Šibenik; Zadar; Zagreb, 2009. — S. 159–168.

³²⁶ Milošević A. Karolinški utjecaji... — S. 123–125; Sokol V. Zapadno zdanje... — S. 162–165.

³²⁷ См. карту: Milošević A. Karolinški utjecaji... — S. 116.

³²⁸ См. подробно: Vinski Z. Onalazimakarolinških mačeva u Jugoslaviji // SHP. Ser. III. — Split, 1981. — Sv. 11. — S. 9–54; *Idem.* Ponovno o karolinškim mačevima u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — Zagreb, 1983–1984. — Sv. XVI–XVII. — S. 183–210; *Idem.* Marginalia uz izbor karolinškog oružja u jugoistočnoj Europi // SHP. Ser. III. — Split, 1986. — Sv. 15. — S. 61–117.

менных Хорватии и Боснии и Герцеговины обнаружено более двух десятков каролингских мечей, что составляет одну из самых больших концентраций такого оружия в Европе³²⁹. Наибольшее количество находок происходит при этом с территории Далмации между реками Зрманя и Цетина; в их числе — три меча из погребений в Бискупии³³⁰, один из которых, с клеймом знаменитой мастерской *ULFBERHT*, принадлежит к числу древнейших известных в Европе мечей, содержащих данное клеймо³³¹. Все это указывает на существование эффективных каналов поставки франкского оружия в хинтерланд Далмации, появление которых логично связывать не столько с торговлей, сколько с политическими интересами Каролингов в этом регионе³³².

Предположение о военном союзе книнской элиты с франками хорошо объясняет и отсутствие в письменных источниках упоминаний о каких-либо военных операциях франков во внутренней части Далмации, которые могли бы быть направлены на насильственное подчинение местной политической структуры, хотя местный правитель Борна, упоминаемый в «Анналах королевства франков» в связи с событиями 818–821 гг., несомненно, являлся франкским вассалом³³³. В свете предполагаемых союзных отношений книнской политики с франками представляется весьма перспективной гипотеза Н. Клаич, получившая детальную разработку в трудах И. Мужича, согласно которой занятие хорватами приморской Далмации произошло при поддержке или с санкции франков

³²⁹ См.: *Belošević J.* Osvrt na karolinške mačeve tipa H sa šireg područja Dalmatinske Hrvatske // Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu. — Zagreb, 2007. — Sv. 24. — S. 406–408; *Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 126–131.

³³⁰ Hrvati i Karolinzi. D. II. — S. 209–218.

³³¹ См.: *Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 131; *Sokol V.* Arheološka baština... — S. 120.

³³² По мнению А. Милошевича, наиболее распространенные в Хорватии мечи типа К (по классификации Й. Петерсена) были стандартным вооружением франкских воинов, и именно поэтому они стали оружием хорватов, воевавших с аварами (*Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 127–128).

³³³ Подробнее о Борне см. в главе III. Как показал В. К. Ронин, отношения вассалитета, складывавшиеся в первой четверти IX в. между империей Каролингов и ее восточными соседями, являлись в ряде случаев закономерным следствием заключения франками военных союзов с местными вождями (*Ронин В. К.* Международно-правовые формы взаимоотношений славян и империи Карла Великого (союз и вассалитет) // СС. — 1982. — Вып. 6. — С. 36–48).

в ходе их экспансии в Далмацию³³⁴. Хотя мы и не можем согласиться с локализацией хорватского политического ядра на территории области, находившейся в середине X в. под управлением хорватского бана³³⁵, трудно не заметить, что концепция И. Мужича придает дополнительную актуальность гипотезе И. Голдштейна о постепенном продвижении хорватов из хинтерланда на побережье, так как распространение контроля книнской элиты на Нин и Равни Котари, то есть на территорию, тяготевавшую к Задару, позволяет предполагать участие книнских ратников в военных действиях франков против Византии.

Хотя о военных операциях франков в Далмации из письменных источников известно крайне мало, общая картина происходивших в начале IX в. событий, которая может быть реконструирована на их основе, отнюдь не противоречит предположению об участии книнских ратников в военном давлении на византийские владения. В первую очередь представляется важным замечание И. Голдштейна о том, что франки, не имевшие достаточно сильного флота для противостояния византийцам, были вынуждены вести военные действия главным образом на суше³³⁶. Осуществить нападение на Далмацию с моря франки, как известно, сумели лишь с помощью флота венециков³³⁷. Понятно, что в таких условиях чрезвычайно возрастала роль далматинского хинтерланда и в особенности чрезвычайно важного в стратегическом плане района Книна, военную элиту которого франкам было необходимо привлечь на свою сторону для успешного противостояния византийцам. В связи с этим следует обратить внимание на то, что, в отличие от тяготевавшего к Задару района Равни Котари, на территории прибрежной зоны Далмации между реками Крка и Цетина поблизости от городов Трогира и Сплита предметов раннего каролингского периода

³³⁴ См.: *Klaić N. Poganska stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // ССР. — Zagreb, 1988. — God. XII. — Br. 21. — S. 49–62; Mužić I. Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 54–61; Idem. Hrvati i autohtonost... — S. 56–60, 256–259, 282–283; Idem. Doseljenje, smještaj i pokršćavanje Hrvata prema izvorima // Hrvatska povijest. — Split, 2002. — S. 32–41, 48–54.*

³³⁵ Подробно этот вопрос будет рассмотрен нами ниже.

³³⁶ *Goldstein I. Bizant na Jadranu. — S. 151.*

³³⁷ Об этом нападении, произошедшем где-то вскоре после 803 г., сообщает Хроника Иоанна Диякона (*Documenta. — P. 305*).

выявить не удалось³³⁸. Данное обстоятельство не только наводит на мысль, что хорватскими правителями эта территория будет освоена уже позднее, в правление Мислава и Трпимира, но и позволяет связать первоначальную экспансию книнской элиты в направлении побережья с военными целями франков в борьбе с Византией. Так, возможно, именно с давлением франков и хорватов на округу Задара следует связывать описанное в «Анналах королевства франков» под 806 г. прибытие ко двору Карла Великого «послов далматинцев» — задарского дукса Павла и задарского же епископа Доната³³⁹, означавшее, по всей видимости, признание Задаром власти франкского императора³⁴⁰.

Главным свидетельством того, что франко-византийское соперничество в Далмации привело к территориальным изменениям в пользу книнской политики, является известие «Анналов королевства франков» об урегулировании территориальных споров между далматинскими славянами и романцами. Под 817 г. Анналы сообщают о том, что император Людовик Благочестивый принял в Аахене византийского посла Никифора, прибывшего из Константинополя «по делам далматинцев» (*pro Dalmatinorum causa*). Император велел послу дождаться прибытия фриульского маркграфа Кадолага, которому была вверена забота об «их пределах» (*illorum confinium*)³⁴¹. Прибыв, Кадолаг стал обсуждать проблему с послом, однако, «так как дело касалось многих романцев и славян, и было видно, что оно не могло быть завершено без их присутствия», Кадолаг, Никифор и Альбгарий, племянник Унрока, были посланы на место, в Далмацию³⁴². Рассматривая данное известие, трудно не согласиться с мнением В.К. Ронина о том, что «греческий посол Никифор явно требовал определения четких границ и прекращения натиска хорватов на сельскохозяйственную

³³⁸ См.: *Milošević A. Karolinški utjecaji...* — S. 117.

³³⁹ ARF. — P. 122; Documenta. — P. 310. Датировка события в историографии колеблется в пределах 804–806 гг. См.: *Goldstein I. Bizant na Jadranu.* — S. 153.

³⁴⁰ См., например: *Живковић Т. Тактикон Успенског и тема Далмација // ИЧ.* — 2002. — Књ. 48. — С. 33; *Goldstein I. Bizant na Jadranu.* — S. 153.

³⁴¹ ARF. — P. 145; Documenta. — P. 317.

³⁴² «...et quia res ad plurimos et Romanos et Sclavos pertinebat neque sine illorum praesentia finiri posse videbatur, illo decernenda differtur, missusque ad hoc cum Cadolane et praedicto legato in Dalmatiam Albgarius, Unrochi nepos» (ARF. — P. 145; Documenta. — P. 317).

округу городов...»³⁴³. Хотя мы не знаем, о каких именно территориях в Далмации шла речь на переговорах, можно предположить, что по крайней мере одной из них был современный район Равни Котари, где, судя по материалам археологических раскопок и сохранившимся до IX в. храмам, романское население сумело пережить эпоху «темных веков»³⁴⁴.

Внезапное и стремительное появление в Далмации ясных признаков наличия здесь воинской элиты уже давно заставляло исследователей задаваться вопросом о причинах неувимости соответствующих признаков применительно к периоду, предшествовавшему появлению в Далмации франков. Правда, проблема была практически снята в работах тех исследователей, которые усвоили ставшее с недавних пор довольно популярным представление о том, что хорваты появились в Далмации лишь в конце VIII ст. Представление это обязано своим появлением уже упоминавшейся выше работе Л. Маргетича, в которой исследователь предложил свою хронологию событий хорватской истории, изложенных в 30-й главе трактата «Об управлении империей». Обратив внимание на содержащуюся в 30-й главе фразу о подвластности хорватов франкам как в период их пребывания в «Великой Хорватии», так и во время поселения в Далмации, Л. Маргетич заключил, что информация 30-й главы может и должна пониматься в том смысле, что хорваты поселились в Далмации в период франко-аварских войн. Следует, однако, отметить, что, трактуя подобным образом информацию 30-й главы о переселении хорватов, сам Л. Маргетич настаивал лишь на том, что подобное представление о хорватской миграции было свойственно хорватской исторической традиции, отображенной в 30-й главе³⁴⁵. В том же, что касается установления подлинного времени появления хорватов в Далмации, исследователь был гораздо более осторожен, пребывая на протяжении многих лет в поисках ответа на этот вопрос³⁴⁶.

³⁴³ Ронин В.К. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1985. — С. 26.

³⁴⁴ См.: *Vežić P.* Ninska crkva u ranom srednjem vijeku — problem kontinuiteta i rezultati arheoloških istraživanja // *Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža* / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 87–99.

³⁴⁵ *Margetić Lj.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata. — S. 81–84.

³⁴⁶ О ходе исследований см. подробно: *Margetić L.* Dolazak Hrvata. — S. 9–37.

В пользу датировки появления хорватов в Далмации концом VIII ст., что соответствовало бы предложенной Л. Маргетичем интерпретации известий 30-й главы о переселении, должно было, по мнению исследователя, свидетельствовать сохранение аварской власти над Далмацией вплоть до конца VIII в.³⁴⁷ Однако, как уже говорилось выше, археологические артефакты, обычно рассматриваемые как индикаторы аварского присутствия в Далмации, чрезвычайно скудны. Хотя мы весьма далеки от того, чтобы на основании отсутствия аварских памятников с уверенностью говорить об отсутствии в Далмации аварской власти, необходимо признать, что на основании имеющихся археологических материалов невозможно ни доказать, ни опровергнуть присутствие аварской власти. Столь же неопределенными, а следовательно не годящимися для формулирования однозначных выводов, являются и другие аргументы, приводившиеся исследователем в обоснование тезиса об аварской власти в Далмации. Так, уже в первом критическом отклике на работу Маргетича, написанном Мате Суичем, было указано на то, что зафиксированные в Далмации топонимы на «obr», которые Л. Маргетич производил от славянского названия аваров (обры), могли быть образованы от слова «obrov», то есть оборонительный ров³⁴⁸. Несколько надуманным выглядел и другой аргумент Маргетича — об отсутствии признаков наличия границы между Хорватией и каганатом как показателе аварского контроля над Далмацией³⁴⁹. Искать подобные признаки в условиях отсутствия ясного представления о том, что именно в территориальном и политическом плане представляла из себя «Хорватия» в VII–VIII вв., было бы, думается, не самым продуктивным занятием.

Однако, несмотря на присущие концепции Л. Маргетича слабые стороны, первоначально сформулированный в ее рамках тезис о приходе хорватов в Далмацию в эпоху франко-аварских войн нашел спустя некоторое время поддержку целого ряда хорватских исследователей, в первую очередь археологов. Произошло это по двум основным причинам. Во-первых, данный тезис позволял согласовать датировку миграции хорватов с археологическим материалом, а именно с появлением в Далмации около 800 г. богатых захоронений с предметами франкского вооружения и воинского снаряжения, несомненно, принадлежавших элите. Во-вторых,

³⁴⁷ *Margetić Lj.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata. — S. 61.

³⁴⁸ *Suić M.* Ocjena radnje L. Margetića... — S. 98.

³⁴⁹ *Margetić Lj.* Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata. — S. 83.

он предлагал внешне весьма логичное объяснение тому, почему название «хорваты» фигурирует в письменных источниках лишь начиная с IX ст. Иными словами, феномен довольно внезапного появления ярких материальных свидетельств существования воинской элиты в Далмации и письменных свидетельств существования на этой же территории хорватской групповой идентичности объяснялся в рамках данной концепции тем, что именно в это время в Далмации физически появляются хорваты-воины. При этом сторонники тезиса о появлении хорватов в Далмации около 800 г. обычно напрямую связывают утверждение в регионе хорватской элиты с франкской экспансией в Далмации³⁵⁰.

Между тем немалому числу авторов, в первую очередь историкам, имеющим дело с письменными источниками, тезис о миграции хорватов с севера в Далмацию в конце VIII в. по-прежнему представляется несостоятельным. Они ссылаются главным образом на молчание современных письменных источников о хорватской миграции³⁵¹, которое, как следует признать, в данном случае должно оцениваться как довольно весомый аргумент. Если сторонники традиционного представления о миграции хорватов в Далмацию в правление императора Ираклия, основанного на позднейших известиях императора Константина, могут по крайней мере сослаться на общую скудость информации об этом периоде в отношении Далмации, то поборники идеи о миграции хорватов в 790-е гг. лишены даже этой возможности. Отсутствие каких-либо намеков на эту миграцию на фоне сравнительного обилия информации об аварской политике Карла Великого делает гипотезу о позднем переселении весьма уязвимой для критики.

Что касается интерпретации в контексте представления о хорватской миграции около 800 г. археологических памятников, среди которых важнейшее место принадлежит погребениям, то она также может быть подвергнута сомнению. В настоящее время среди хорватских археологов продолжается полемика о том, какое место погребения, содержащие предметы каролингской воинской экипировки, занимают в ряду других погребальных памятников так называемого «языческого» горизонта старохорватской материальной культуры.

³⁵⁰ См., например: *Rapanić Ž. Istočna obala Jadrana u ranom srednjem vijeku (Povijesna i povijesnoumjetnička razmatranja) // SHP. Ser. III. — 1985. — Sv. 15. — S. 12–14; Sokol V. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — 1990. — Sv. 14. — S. 193–195.*

³⁵¹ См., например: *Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. — S. 126–128; Mužić I. Hrvatska povijest... — S. 153–154.*

ры, характеризуемого, в отличие от более позднего, «христианизированного», горизонта наличием в могилах погребального инвентаря, главным образом керамических сосудов. Понятно, что на фоне столь «размытой» датировки погребений языческого горизонта, демонстрирующих сильную преемственность с античными традициями, погребения, содержащие яркие предметы каролингского происхождения, могут рассматриваться как показатель важных социальных перемен. Но в чем именно заключались эти перемены?

Часть хорватских археологов (А. Милошевич, Ж. Рапанич, В. Сокол, Н. Якшич) считают появление в могилах предметов каролингского воинского снаряжения показателем прихода в Далмацию нового населения или по крайней мере воинской элиты³⁵². Так, для А. Милошевича, приписывающего продолжающие позднеантичные традиции погребения языческого горизонта с керамическими сосудами не славянам (хорватам), а автохтонам³⁵³, именно появление воинских погребений с характерными предметами франкского происхождения служит индикатором хорватской экспансии³⁵⁴. А. Милошевич, Ж. Рапанич и Н. Якшич солидарны во мнении относительно преобладания на пространстве вокруг Салоны автохтонного населения, которое от хорватов, прибывших, по их мнению, в Далмацию в ходе франкской экспансии около 800 г., некоторое время эффективно защищал обустроенный романцами лимес на реке Цетине. Особую позицию в этом смысле занимает В. Сокол, который связывает с предполагаемой им миграцией хорватов в конце VIII в. не только появление могил с предметами каролингской воинской экипировки, но и вообще некрополей «языческого горизонта» как такового, полагая, что их появление явилось результатом миграции больших групп населения из более северных районов Центральной Европы. Ссылаясь на отсутствие в погребениях языческого горизонта раннеславянской пражской

³⁵² Обзор мнений см.: *Bilogriović G. Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija...* — S. 40–43.

³⁵³ *Milošević A. Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije // Etnogeneza Hrvata. — S. 97–104; Idem. O kontinuitetu kasnoantičkih proizvoda u materijalnoj kulturi ranoga srednjeg vijeka na prostoru Dalmacije // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža. Zbornik radova znanstvenog skupa održanog 6. — 8. listopada 1992. / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 37–41.*

³⁵⁴ *Milošević A. Karoliniški utjecaji...* — S. 115–117.

керамики, а также раннеаварских и меровингских элементов, исследователь полагает, что поздняя датировка языческого горизонта может быть подкреплена данными стратиграфии некрополей и четкой хронологической привязкой конкретных форм женских украшений, обнаруженных в могилах³⁵⁵.

Другая группа исследователей (Я. Белошевич, М. Петринец, А. Питеша, М. Ярак), напротив, полагает, что отнести миграцию хорватов в Далмацию к концу VIII в. не позволяет преемственность, усматриваемая ими в функционировании некрополей и использовании некоторых элементов материальной культуры³⁵⁶. Так, отрицая наличие оснований для датировки миграции хорватов в Далмацию в конце VIII в., М. Ярак ссылается на величину крупнейшего в раннесредневековой Далмации некрополя Ждрияц под Нином, включавшего свыше 300 погребений, среди которых несколько погребений с предметами франкского происхождения, очевидно, принадлежавших представителям верхнего социального слоя, прочно датируются первой половиной IX в. По мнению исследовательницы, такое большое число погребений просто не могло быть осуществлено за короткий период, прошедший со времени предполагаемой даты миграции хорватов около 800 г. и до прекращения захоронений на некрополе, которое ввиду отсутствия здесь погребений, прочно датируемых второй половиной IX в., могло произойти еще в середине IX ст. В пользу континуитета, исключающего какую-либо миграцию населения в конце VIII в., свидетельствует, по мнению исследовательницы, и близкое, позволяющее предполагать принадлежность к одному и тому же поселению, соседство двух некрополей под Кашичем, состоявших соответственно из погребений языческого и христианизированного горизонтов (Разбоине и Мастирине). Наконец, датируя, вслед за Я. Белошевичем, VIII в. ряд погребений некрополя Ждрияц, содержащих характерные гроздевидные серьги византийского производства, представленные также в погребениях IX ст. на этом же некрополе, исследовательница приходит к выводу, что использование этого яркого типа украшений также служит подтверждением континуитета³⁵⁷.

³⁵⁵ *Sokol V. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština... — S. 108–109, 122–123.*

³⁵⁶ Обзор мнений см.: *Bilogričić G. Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija... — S. 37–40.*

³⁵⁷ *Jarak M. Zapažanja o grobljima 8. i 9. st. u Dalmaciji // OA. — 2002. — Vol. 26. — S. 247–255.*

М. Петринец, полемизируя со сторонниками привязки хорватской миграции к франкской экспансии в Далмацию, ссылается на ситуацию в Восточных Альпах, где славяне также остаются «невидимыми» вплоть до появления около середины VIII в. богатых воинских погребений, а также на странное отсутствие некрополей VIII в. в Среднем Подунавье, где позже появятся важные центры моравской политики³⁵⁸. Похожим образом рассуждает и М. Левак, рассматривая вопрос об отсутствии внятных археологических признаков, которые бы позволили атрибутировать славянам некрополи во внутренних районах Истрии, относящиеся к так называемому «варваризированному» горизонту, соответствующему эпохе «темных веков». Объяснение «этнической анонимности» славян исследователь ищет в свойственных им особенностях социального развития, а именно отсутствию у них властных структур, подобных германским, что, по его мнению, благоприятствовало быстрому смешению славян с автохтонами³⁵⁹.

Как явствует из этого краткого обзора текущей историографической ситуации, проблема интерпретации тех или иных элементов материальной культуры в качестве археологических признаков хорватской миграции носит не столько узкоспециальный, сколько общеметодологический характер. Как справедливо заметил Р. Катичич в период, когда активная дискуссия по данному вопросу находилась еще в начальной стадии, датировка рядом археологов хорватской миграции концом VIII ст. совсем не снимает проблемы археологической неуловимости памятников предшествующего периода — VII–VIII вв. Иными словами, с отнесением миграции хорватов к периоду франко-аварских войн основная проблема хорватской археологии — проблема «темных веков» — все равно остается нерешенной, а это заставляет как минимум с осторожностью относиться к методологической оправданности столь поспешного увязывания появления богатых воинских погребений с миграцией хорватов³⁶⁰.

³⁵⁸ *Petrinec M.* Dosadašnji rezultati istraživanja ranosrednjovjekovnog groblja u Glavicama kraj Sinja kao prilog razrješavanja problema kronologije starohrvatskih grobalja // OA. — 2002. — Vol. 26. — S. 215.

³⁵⁹ *Levak M.* Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave. — Zagreb, 2007. — S. 71–78; *Idem.* Žminj i Žminjština u ranom srednjem vijeku // Libri žminjski. Liber II / Ur. S. Krajcar. — Žminj, 2008. — S. 47–48.

³⁶⁰ *Katičić R.* Počeci hrvatske povijesti kao filološki problem // Etnogeneza Hrvata. — S. 141–142.

Лишь в самое последнее время в работах Д. Джино обозначились контуры методологически иного подхода к проблеме. Произошло это в результате признания исследователем того очевидного факта, что вся полемика по вопросу об археологических признаках хорватской миграции базировалась, пусть и имплицитно, на так называемом культурно-историческом подходе с характерной для него привязкой определенных культурных признаков к конкретной этнической группе. Ссылаясь на то, что появление новых (позднеаварских и каролингских) элементов в материальной культуре, ставших отличительной чертой воинских погребений рубежа VIII–IX вв., было характерно не только для Далмации, но и для областей на северных окраинах Аварского каганата, Д. Джино подчеркивает, что появлению в среднедунайских областях около 800 г. предметов франкского вооружения предшествовало распространение здесь в последние десятилетия VIII в. характерных элементов аварской всаднической экипировки (ременные накладки, боевые топоры), что трактуется исследователем как свидетельство выдвижения новых элит и возросшей политической конкуренции. По аналогии с ситуацией в Среднем Подунавье исследователь полагает, что и в Далмации начало социальных перемен следует связывать не напрямую с франкским политическим проникновением около 800 г., а с более ранним периодом второй половины VIII в.³⁶¹

Следует, однако, отметить, что как датировка, так и предполагаемый характер использования обнаруженных в Далмации довольно многочисленных элементов аварских ременных гарнитур не дают прочных оснований для того, чтобы использовать данные артефакты как аргумент против теории о миграции хорватов в Далмацию в конце VIII в. Как недавно подчеркнула М. Петринек, суммируя результаты многолетних исследований данных предметов хорватскими археологами, элементы аварских поясов, обнаруженные к настоящему времени на территории Хорватии, относятся к позднему горизонту аваро-славянской материальной культуры второй половины VIII в. Многие из них представляют собой предметы так называемого «блатницкого стиля», вследствие чего могут быть приблизительно датированы последним десятилетием VIII — началом IX в., то есть эпохой франко-аварских войн³⁶². Общую картину едва ли может серьезно поколебать предложенная Ф. Даймом

³⁶¹ *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 148–150.

³⁶² *Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 158.

более ранняя датировка поясных наконечников типа Hohenberg (серединой VIII в.), один из которых обнаружен на территории Далмации (Брибирска Главица)³⁶³. Еще более важным представляется то обстоятельство, что в погребениях Далмации аварские поясные гарнитуры представлены не целиком, а в виде отдельных разрозненных элементов³⁶⁴. Это делает довольно убедительной гипотезу А. Милошевича, согласно которой позднеаварские поясные накладки и наконечники, происходящие из некрополей Далмации, были военными трофеями, добытыми хорватами в период войн Карла Великого с аварами³⁶⁵.

Больше оснований для того, чтобы поддержать тезис Д. Джинно о более ранней, чем период франко-аварских войн, кристаллизации воинской элиты в Далмации, как кажется, дает обнаружение в далматинских некрополях большого количества золотых солидов с изображениями императоров Константина V Копронима и его сына Льва IV, отчеканенных между 760 и 775 гг.³⁶⁶ Присутствие этих монет в пяти погребениях в Бискупии указывает на их важное символическое значение для книнской элиты, а впечатляющее число находок таких монет на территории Хорватии (свыше 70) вряд ли можно объяснять торговыми связями³⁶⁷. В свое время Й. Вернер интерпретировал золотые солиды в качестве родового сокровища хорватской элиты³⁶⁸. Поддержав данную интерпретацию, А. Милошевич высказал догадку о приобретении этих монет хорватами в результате временного занятия франками византийских городов Далмации в самом начале IX в.³⁶⁹ Между тем, как недавно показал Т. Шепарович, есть основания и для гораздо более

³⁶³ *Petrinec M.* «Komanski privjesci» i pojasni jezičac s Bribirske Glavice. — S. 79–87; *Idem.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 157–158.

³⁶⁴ См. обзор известных к настоящему времени памятников: *Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 151–160.

³⁶⁵ *Milošević A.* Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini... — S. 128.

³⁶⁶ *Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 195–199.

³⁶⁷ *Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 119–120; *Curta F.* A note on trade and trade centers in the Eastern and Northern Adriatic region between the eighth and the ninth century // *HAM.* — 2010. — Vol. 16. — P. 270.

³⁶⁸ *Werner J.* Zur Zeitstellung der altkroatischen Grabfunde von Biskupija-Crkvina (Marienkirche) // *Schild von Steier. Archäologische und numismatische Beiträge aus dem Universalmuseum Joanneum.* — Graz, 1979. — Bd. 15–16. — S. 227–237.

³⁶⁹ *Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 119–120.

ранней датировки попадания данных монет к хорватам. Исследователь обратил внимание на то, что все золотые солиды, обнаруженные в далматинских погребениях, были отчеканены в Сиракузах, что, по его мнению, позволяет говорить не только о одновременности, но и об особой цели данной монетной эмиссии. Такой целью, по мнению Т. Шепаровича, было привлечение на сторону Византии варварской (хорватской) элиты далматинского хинтерланда, которая после падения в 751 г. под натиском лангобардов Равеннского экзархата могла оказывать военное давление на Задар, Трогир и Сплит³⁷⁰. В пользу данного предположения, как отмечает М. Петринец, может свидетельствовать и распространенность данных монет по территории будущей хорватской политики, не позволяющая считать их собственностью только одного рода³⁷¹. Если таким образом монеты попали в хинтерланд еще в 770-е гг., то их наличие в погребениях первой половины IX в. может рассматриваться как важное свидетельство преемственности между хорватской элитой периода франко-аварских войн и правящим слоем варваров более раннего периода.

Подводя итог, можно сказать, что основания, на которых некоторые хорватские археологи делают вывод о миграции хорватов в Далмацию около 800 г., далеко не столь однозначны, как это может показаться на первый взгляд. Скорее можно говорить о присутствии аргументов как в пользу данного тезиса, так и против него. Как можно было убедиться, пока ни один из этих аргументов не имеет решающей силы. На фоне отсутствия каких бы то ни было свидетельств о хорватской миграции в период войн Карла Великого с аварами на страницах письменных источников такая ситуация склоняет к тому, чтобы признать: у нас нет веских оснований считать, что впечатляющие элитные захоронения, появившиеся на территории Далмации около 800 г., были результатом миграции новой группы населения.

³⁷⁰ Šeparović T. Coin finds of emperor Constantine V Copronymus in Southern Croatia // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology, University of Reszów, under the patronage of Union Académique International (Programme No. 57. Moravia Magna). Kraków, 23–26, IV, 2007 (Moravia Magna. Seria Polona. Vo. III). / Ed. by M. Wołoszyn. — Kraków, 2009. — S. 553–560.

³⁷¹ Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća... — S. 197. См. также: Curta F. A note on trade and trade centers... — P. 270.

ГЛАВА II. ORIGO GENTIS CHROATORUM

Хотя скептическое отношение к известиям трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» о переселении хорватов на территорию Далмации было довольно распространено в историографии еще во второй половине XIX в., следствием этого, как правило, являлось провозглашение той или иной информации источника «недостовой», и лишь относительно недавно исследователи стали открыто сомневаться в адекватности доминировавшего прежде подхода к интерпретации этих известий. Важным в этой связи представляется замечание Л. Маргетича, сделанное им в 1990 г. при подведении итогов дискуссии о переселении хорватов, о том, что совершенно не исключено, что «тезис о “приходе” хорватов вообще ошибочно поставлен и что решение вопроса этногенеза хорватов и возникновения их государства следует искать в других социальных и исторических обстоятельствах и фактах...»³⁷².

К настоящему времени представляется совершенно очевидным, что соответствующие известия 30-й и 31-й глав трактата «Об управлении империей» следует воспринимать не как отражение истории «народа хорватов», а как результат конструирования этой истории, отвечавшего задачам репрезентации хорватов в качестве особой этнополитической единицы, вне зависимости от того, воспринималась ли последняя как совершенно самостоятельная (как в 30-й главе) или как изначально подвластная Византии (как в 31-й главе)³⁷³.

³⁷² *Margetić L.* O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti. — S. 123.

³⁷³ См.: *Budak N.* Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata. — S. 73–78; *Алимов Д. Е.* «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 101–113; *Дзино Д.* «Становиться славянином», «становиться хорватом»: Новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 54–55; *Džino D.* Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi... — S. 158–159; *Ančić M.* Zamišljanje tradicije... — S. 143–147.

На это указывает не только сама идеологическая значимость «событий хорватской истории», описываемых в 30-й и/или 31-й главах трактата (переселение в Далмацию, война с аварами и победа над ними, война с франками и победа над ними, крещение), или их телеологическая заданность. О том, что история хорватов как «народа» по определению не может не являться «изобретенной традицией»³⁷⁴, свидетельствует хотя бы то, что сама хорватская групповая идентичность далеко не сразу стала этнической идентичностью в привычном нам понимании. Этому предшествовал процесс ее постепенной стабилизации и — что особенно важно — политизации, так как именно политизация способствовала превращению хорватов, кем бы они ни были первоначально, в особую этнополитическую общность (*gens*), которая к X ст. уже была признана в качестве таковой Византией, Венецией и Римом, то есть ключевыми силами, заинтересованными в укреплении своего влияния на восточном побережье Адриатики.

§ 1. Между памятью и идеологией

Из содержания «Повествования о хорватах и сербах» (главы 31–36 трактата «Об управлении империей») со всей очевидностью следует, что в рамках исторической схемы императора Константина Далмация, с того момента как император Диоклетиан поселил здесь римлян, почти всю свою историю пребывала под властью вавилевса. Правда, на некоторое время, вследствие вторжения аваров, изгнавших отсюда римлян, Далмация оказалась отторгнутой от империи. Такое положение дел не было особенно продолжительным: вскоре, в правление императора Ираклия, власть импе-

³⁷⁴ Понятие «изобретения традиции» получило широкое распространение в историографии после выхода одноименной книги под редакцией Э. Хобсбаума и Т. Рейнджера (*The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. — Cambridge, 1983), где на ряде конкретных примеров показано, как так называемые «национальные традиции» изобретались интеллектуалами в эпоху формирования наций. Между тем емкость термина «изобретенная традиция» и универсальность обозначаемого им явления позволяет широко использовать его и по отношению к более ранним эпохам, когда в традициях такого рода нуждались не современные нации, а другие «воображаемые сообщества» (термин Б. Андерсона). См. об этом, например: *Kasperski R. Teodoryk Wielki i Kasjodor. Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów»*. — Kraków, 2013. — S. 26–29.

рии над Далмацией была установлена вновь, причем хорваты стали при этом своего рода инструментом для восстановления имперского порядка. Вот как описывается появление хорватов в Далмации в 31-й главе трактата:

«[Знай], что хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся “белыми”, которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами. [Имя] хорваты на славянском языке означает “обладатели большой страны”. Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом. Поэтому-то они и прозывались римлянами, что были переселенцами из Рима в этих краях, а именно — в ныне именуемой Хорватии и Сербии. Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порги. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порга»³⁷⁵.

³⁷⁵ «Προστάξει οὖν τοῦ βασιλέως Ἡρακλείου οἱ αὐτοὶ Χρῳάβοι καταπολεμήσαντες καὶ ἀπὸ τῶν ἐκεῖσε τοὺς Ἀβάρους ἐκδιώξαντες, Ἡρακλείου τοῦ βασιλέως κελεύσει ἐν τῇ αὐτῇ τῶν Ἀβάρων χώρα, εἰς ἣν νῦν οἰκοῦσιν, κατεσκήνωσαν. Εἶχον δε οἱ αὐτοὶ Χρῳάβοι τῷ τότε καιρῷ ἄρχοντα τὸν πατέρα τοῦ Ποργᾶ. Ὁ δε βασιλεὺς Ἡράκλειος ἀποστείλας καὶ ἀπὸ Ῥώμης ἀγαγὼν ἱερεῖς καὶ ἐξ αὐτῶν ποιήσας ἀρχιεπίσκοπον καὶ ἐπίσκοπον καὶ πρεσβυτέρους καὶ διακόνους, τοὺς Χρῳάβους ἐβάπτισεν· εἶχον δε τῷ τότε καιρῷ οἱ τοιοῦτοι Χρῳάβοι ἄρχοντα τὸν Ποργᾶ» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 136 (текст), 137 (перевод)). Г.Г. Литаврин в переводе передает имя хорватского архонта как Порг. Имя хорватского архонта упоминается в тексте главы дважды и оба раза в косвенных падежах («τοῦ Ποργᾶ»; «τὸν Ποργᾶ»). Очевидно, греческая форма именительного падежа — Ποργας (*Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio*. — Р. 148–149). Трудно сказать, как следует реконструировать оригинальную форму имени, вероятно, так или иначе искаженную в греческой передаче. Здесь и далее мы используем форму «Порга» как наиболее распространенную в историографии.

Таким образом, василевс освободил Далмацию от узурпаторов-аваров руками хорватов, а на остальных землях, оставшихся пустыми из-за аваров, поселил, как о том подробно рассказывается в 32-й главе трактата, посвященной сербам, перебежавших к нему людей из земли под названием «Боики» (Богемии?), ставших именоваться «сербами», то есть — в интерпретации императора Константина — «рабами» василевса³⁷⁶. Как видно, хорваты и сербы, с водворением которых в Далмации был восстановлен имперский порядок, наделены в «Повествовании о хорватах и сербах» функцией, аналогичной функции римлян, будто бы приведенных в Далмацию из Рима императором Диоклетианом. Если с поселением в Далмации римлян здесь была впервые установлена власть василевса, то с водворением на оставленных римлянами землях хорватов и сербов эта власть была восстановлена. При этом симптоматично, что в тексте «Повествования о хорватах и сербах» неоднократно повторяется тезис о том, что от сербов произошли также прочие славянские «народы», населявшие Далмацию (неретвяне, захумляне, травуняне, конавляне)³⁷⁷. Учитывая отчетливо выраженное в трактате императора Константина стремление представить далматинские Склавинии искони подвластными василевсу, в неоднократно повторенном в трактате утверждении о сербском происхождении неретвлян, захумлян, травунян и конавлян трудно не заподозрить значение, выходящее за пределы простой историко-этнографической справки, ведь из него следует, что не только сербы, известные под этим именем в середине X в., но и прочие упомянутые «народы» суть потомки «рабов» Иракия. Правда, данное наблюдение совсем не подразумевает вывода, что перечень народов, происходящих от сербов — «рабов» Иракия, носит случайный характер. Учитывая политический характер этнического дискурса в труде императора Константина, в нем, возможно, следует усматривать стремление отразить в этнических терминах политическое верховенство «архонтии» Сербии над приморскими Склавиниями³⁷⁸.

³⁷⁶ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 141.

³⁷⁷ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 149–153.

³⁷⁸ См.: *Budak N.* Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 129–136; *Idem.* Prva stoljeća Hrvatske. — Zagreb, 1994. — S. 58–61.

Содержание 30-й главы значительно корректирует схему истории Склавиний, отраженную в «Повествовании о хорватах и сербах». Здесь не только ничего не сообщается о роли Ираклия или какого-либо иного византийского императора в переселении хорватов в Далмацию, но и само это переселение описывается несколько иначе. Ранняя история хорватов в Далмации от переселения до крещения излагается автором 30-й главы сразу после описания им захвата Далмации аvaraми. Вот текст соответствующего фрагмента 30-й главы: «Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделясь от них, а именно — пять братьев: Клука, Ловел, Косенддис, Мухло и Хорват и две сестры, Туга и Вуга, — вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что аvarы завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аvarов они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов. В Хорватии и по сей день имеются остатки аvarов, которых и считают аvarами. Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. “белыми хорватами”, имеющими собственного архонта. Они подвластны Оттону, великому королю Франгии (иначе — Саксии), и являются нехристиами, вступая в родственные связи и дружеские отношения с турками. От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося лишь посольствами с архонтом Хорватии. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной стране. Но франки были настолько жестоки к ним, что, убивая грудных детей хорватов, бросали их собакам. Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, перебив архонтов, которых те им поставили. Поэтому против них из Франгии выступило большое войско. Семь лет длилась их борьба друг с другом, и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта по имени Коцилин. С того времени, оставаясь самовластными и независимыми, они попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов»³⁷⁹.

³⁷⁹ «Μία δε γενεὰ διαχωρισθεῖσα ἐξ αὐτῶν, ἤγουν ἀδελφοὶ πέντε, ὁ τε Κλουκάς καὶ ὁ Λόβελος καὶ ὁ Κοσέντζης καὶ ὁ Μουχλῶ καὶ ὁ Χρῶβατος καὶ ἀδελφαὶ δύο, καὶ ἡ Τουγά καὶ ἡ Βουγά, μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτῶν ἦλθον εἰς Δελματίαν, καὶ εὗρον τοὺς Ἀβαρείς κατέχοντας τὴν τοιαύτην γῆν. Ἐπὶ τινὰς οὖν

Несмотря на существенные расхождения между 30-й и 31-й главами, касающимися презентации отдельных событий хорватской истории, важно подчеркнуть, что и в той, и в другой версии хорватской истории присутствует описание одних и тех же узловых «событий» — переселения хорватов в Далмацию и их крещения. При этом, как уже было отмечено выше, принципиальный вопрос интерпретации этих известий заключается не в том, имели ли место в действительности такие «события», как переселение, крещение или победа над могущественным неприятелем, так как они в любом случае были результатом структурирования задним числом наличного социального опыта, своего рода «изобретенной традицией». Вопрос в том, с чьей стороны осуществлялось это структурирование — со стороны самих хорватов или византийского автора, из сочинения которого эта «история хорватов» нам известна.

О том, что ответ на этот вопрос далеко не очевиден, свидетельствует заметный разнобой в позициях по нему современных исследователей. Так, Борис Тодоров, демонстрируя на примере эволюции представлений о происхождении болгар в византийской историографии инструментальную функцию рассказов жанра «*origo gentis*» в контексте византийской дипломатии, полагает, что гораздо целесообразнее анализировать такие рассказы исходя из византийской перспективы, нежели пытаться трактовать их в качестве отражения гентильной традиции самих варваров³⁸⁰.

χρόνους πολεμοῦντες ἀλλήλους, ὑπερίσχυσαν οἱ Χρῳάβοι, καὶ τοὺς μὲν τῶν Ἀβάρων κατέσφαξαν, τοὺς δὲ λοιποὺς ὑποταγαῖα κατηνάγκασαν. Ἐκτοτε οὖν κατεκρατήθη ἡ τοιαύτη χώρα παρὰ τῶν Χρῳάβων, καὶ εἰσὶν ἀκμὴν ἐν Χρῳατία ἐκ (τοῦς) τῶν Ἀβάρων, καὶ γινώσκονται ἸΑβαρεῖς ὄντες. Μέχρι δὲ χρόνων τινῶν ὑπετάσσοντο καὶ οἱ ἐν Δελματία ὄντες Χρῳάβοι τοῖς Φράγγοις, καθὼς καὶ πρότερον ἐν τῇ χώρᾳ αὐτῶν τοσοῦτον δὲ ἐσκληρύνοντο οἱ Φράγγοι πρὸς αὐτούς, ὅτι τὰ ὑπομάσθια τῶν Χρῳαβῶν φονεύοντες προσέρριπτον αὐτὰ σκύλαξιν. Μὴ δυνάμενοι δὲ οἱ Χρῳάβοι ταῦτα παρὰ τῶν Φράγων ὑφίστασθαι, διέστησαν ἀπ' αὐτῶν, φονεύσαντες καὶ οὐς εἶχον ἄρχοντας ἐξ αὐτῶν. Ὅθεν ἐστράτευσαν κατ' αὐτῶν ἀπὸ Φραγγίας φουσάτων μέγα, καὶ ἐπὶ ἑπτὰ χρόνους πολεμήσαντες ἀλλήλοις, ὅψε καὶ μόγις ὑπερίσχυσαν οἱ Χρῳάβοι, καὶ ἀνεῖλον τοὺς Φράγγους πάντας καὶ τὸν ἄρχοντα αὐτῶν Κοτζίλιν καλούμενον. Ἐκτοτε δὲ μείναντες αὐτοδέσποτοι καὶ αὐτόνομοι, ἐξητήσαντο τὸ ἅγιον βάπτισμα παρὰ τοῦ Ῥώμης, καὶ ἀπεστάλησαν ἐπίσκοποι, καὶ ἐβάπτισαν αὐτοὺς ἐπὶ Πορίνου, τοῦ ἄρχοντος αὐτῶν» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империй. — С. 130, 132 (текст), 131, 133 (перевод)).

³⁸⁰ *Todorov B.* Byzantine myths of origins and their functions // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 64–72.

Похожим образом рассуждает и Ф. Борри: отталкиваясь от некогда замеченного М. Будимиром формального сходства сюжета 30-й главы о пятерых братьях и двух сестрах, приведших хорватов в Далмацию, с известием Геродота о двух девушках и сопровождавших их пятерых мужчинах, прибывших со священными дарами из страны гипербореев на остров Делос³⁸¹, исследователь заключает, что хорватская «*origo gentis*» в действительности являлась книжной конструкцией, с помощью которой византийскому автору было необходимо объяснить появление на границах Византии нового «народа хорватов»³⁸². Напротив, Д. Джино усматривает в рассказе 30-й главы отражение, прежде всего, этнического дискурса самой хорватской элиты в середине X в., связанного с ее стремлением идеологически зафиксировать свои политические позиции в Далмации³⁸³. С такой позицией солидаризируется и Ф. Курта, который, возражая Тодорову, замечает, что приведенные в 30-й главе имена хорватских вождей все же не могли взяться из воздуха³⁸⁴.

Заметим, однако, что, несмотря на кажущуюся противоположность занятых исследователями позиций, разница между ними заключена скорее в акцентах, чем в существе понимания проблемы. Так, ни Тодоров, ни Борри отнюдь не отрицают наличия в византийских рассказах о происхождении каких-либо крупниц информации,

³⁸¹ Будимир М. Порфиригенит и наша народна традиција // Гласник САН. — 1949. — Књ. I. — Бр. 1–2. — С. 243–245.

³⁸² Borri F. White Croatia and the arrival of the Croats: an interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // EME. — 2011. — Vol. 19 (2). — P. 223–224. Заметим, что между известием 30-й главы о хорватских вождях и рассказом Геродота о посланцах гипербореев не наблюдается ни структурного, ни смыслового сходства. Общим для обоих рассказов является лишь то, что и в том, и в другом случае речь идет о двух лицах женского и пяти лицах мужского пола, прибывших из далекой северной страны (Геродот. История / пер. с др. — греч. Г. А. Стратановского. — СПб., 2015. — С. 290; ср.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 131). Достаточно ли данного обстоятельства для того, чтобы заподозрить автора 30-й главы в литературных реминисценциях? Нам, вслед за Графенауэром, представляется, что этого явно недостаточно. См.: Grafenauer V. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 38–39.

³⁸³ Джино Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»... — С. 54–55; Džino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi... — S. 158–159.

³⁸⁴ Curta F. The making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 163–164.

полученной от самих варваров³⁸⁵, в то время как Джино и Курта отнюдь не преуменьшают структурирующей роли византийского этнического дискурса, «переформатировавшего» гентильную традицию в соответствии с политическими, дидактическими и иными задачами создаваемого в Константинополе исторического нарратива. В связи с этим М. Анчич и И. Басич справедливо ставят вопрос о необходимости выявления в трактате кусочков так называемого «локального знания»³⁸⁶, тогда как Джино, справедливо констатируя включенность в трактате «Об управлении империей» «локального знания» в глобальный византийский контекст, скептически заключает в одной из последних работ, что вследствие отсутствия в тексте оригинального контекста первоначальное значение этих кусочков просто не может быть установлено³⁸⁷.

Последнее замечание австралийского исследователя может быть воспринято как суровый и вместе с тем справедливый приговор попыткам «найти черную кошку в темной комнате», однако же нам представляется, что возможности для адекватной интерпретации средневековых текстов, претендующих на отражение гентильных традиций, таких как интересующий нас текст из 30-й главы трактата «Об управлении империей», все еще далеко не исчерпаны. И основные перспективы в этом плане видятся нам во все более широком и систематическом привлечении сравнительно-исторического материала. Аналогии и сравнения полезны не только сами по себе. Они необходимы для осмысления информации источника в антропологическом контексте, вне которого любая дискуссия вокруг такого

³⁸⁵ По словам Борри, «...некоторые аспекты, такие как сюжет о Порге или упоминание других антропонимов (относительно которых в любом случае нельзя быть уверенным в том, что они были свойственны тем, кто именовался хорватами), едва ли были чистой инвенцией императора. Какая-то информация должна была существовать, но, кажется, что Константин Багрянородный интерпретировал ее через схемы античной и средневековой греческой этнографии» (*Borri F. White Croatia... — P. 226*).

³⁸⁶ *Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabave koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. I. Lučić. — Zagreb, 2011. — S. 230–231; Basić I. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih poglavlja o Dalmaciji // RZHP. — 2012. — Knj. 44. — S. 176.*

³⁸⁷ *Dzino D. Local knowledge and wider contexts: stories of the arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the past and present // Byzantium, its neighbours and its cultures / Ed. by D. Dzino and K. Parry. — Sydney, 2014. — P. 98.*

рода информации будет в конечном счете сводиться к противостоянию тех, кто, исходя из своего личного опыта и мировоззрения, *верит* тому, что написано в конкретном тексте, и тех, кто этому *не верит*.

Особого внимания заслуживает при этом то обстоятельство, что рассказ о ранней истории хорватов, содержащийся в 30-й главе, обнаруживает сходство с рядом описаний происхождения народов эпохи Великого переселения народов, относящихся к литературному жанру «*origo gentis*». Элементы этих описаний стали объектом пристального внимания со стороны исследователей Венской школы и, прежде всего, Хервига Вольфрама, который усмотрел в них не просто литературные паттерны, а важные элементы идеологии раннесредневековых элит, первоначально существовавшие в устной традиции варваров.

Первый элемент, выделяемый Вольфрамом в структуре памятников жанра «*origo gentis*», именуется им «изначальным деянием» (*primordiale Tat*). Оно служит задаче легитимации харизматического рода, осуществляющего социально-политическую сборку новой общности, одновременно символизируя выход на историческую арену нового «народа» (*gens*)³⁸⁸. Таким «изначальным деянием» в памятниках жанра «*origo gentis*» является преодоление символической границы — моря или реки и/или победа над могущественным врагом. Например, в случае с готами «изначальным деянием» стало пересечение ими во главе с первым королем Беригом Балтийского моря вследствие исхода из Скандинавии, а в случае с лангобардами, также покинувшими Скандинавию, — победа над вандалами, в результате которой племя, первоначально именовавшееся винилами, обрело новое имя лангобардов. Второй, выделяемый Вольфрамом элемент — это смена религии или культа, которая в «*origo gentis*» также изображается как одномоментное событие, причем, по убеждению Вольфрама, этот элемент сохраняет свое идеологическое значение и в том случае, когда речь идет о принятии христианства. Так, лангобарды после победы над вандалами принимают культ дружинного бога Одина, а франки во главе с Хлодвигом принимают христианство после победоносной битвы с алеманнами³⁸⁹. Оба элемента — и «изначальное деяние», и смена культа — сопряжены с идеей избранного народа, который устремляется на обретение новой родины под руководством божества. При этом, несмотря на все сходство

³⁸⁸ *Wolfram H.* Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. by T. F. X. Noble. — London, 2006. — P. 66.

³⁸⁹ *Ibid.* — P. 67.

со Священным Писанием, говорить о библейском влиянии, по мнению Вольфрама, все же не приходится, так как христианские авторы в данном случае следовали архаичной гентильной идеологии. Мотив божественного руководства, столь явственно выступающий в «*origo gentis*» лангобардов, одержавших победу над вандалами благодаря поддержке бога Годана (Одина), обнаруживает себя также в генеалогиях королевских родов ряда германских «*gentes*», где Один или Гаут (эпитет Одина) выступает в качестве первопредка династии³⁹⁰.

Рассматриваемые в своей взаимосвязи, «изначальное деяние» и смена культа служат для Вольфрама своего рода идеологической репрезентацией этногенеза в племенной традиции³⁹¹. Подобная интерпретация «*origo gentis*» находится в полном соответствии с теорией этногенеза Р. Венкуса, согласно которой «*gens*» представляла собой гетерогенное образование, возникавшее вследствие объединения разнородных элементов вокруг воинского вождя, обладавшего харизмой божественного происхождения³⁹². Идеологическим стержнем такого объединения и была племенная традиция, носителем которой была относительно небольшая группа людей, именуемая Венкусом ядром традиции (*Traditionskern*). Заключенное в племенной традиции представление об общем происхождении племени являлось элементом своеобразного этнического дискурса — гентилизма (*Gentilismus*), характеризовавшегося прежде всего тем, что этничность в его рамках была в большей степени политической категорией, а носителем этнических свойств была воинская элита. Представление о божественном происхождении и основанной на нем харизме правящего рода, унаследованное «воинским королевством» (*Heerkönigtum*) эпохи Великого переселения от предшествовавшей ей стадии «сакрального королевства» (*Sakralkönigtum*)³⁹³, превращало этот род в своеобразный центр

³⁹⁰ Ibid. — P. 45–47.

³⁹¹ Wolfram H. Gothic history and historical ethnography // Journal of Medieval History. — 1981. — Vol. 7/4. — P. 309–319; *Idem*. Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil I. / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 19–34; *Idem*. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // EME. — 1994. — Vol. 3/1. — P. 19–38.

³⁹² Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der frühmittelalterlichen gentes. — Köln; Graz, 1961.

³⁹³ О роли представлений о «сакральном королевстве» в концепции этногенеза Венской школы см. подробно: Murray A. Reinhard Wenskus on

притяжения для мобильных воинских групп, причем не столько на физическом, сколько на идеологическом уровне. В то время как вокруг «ядер традиции» происходил процесс сборки будущих «*gentes*» по принципу снежного кома, этнический дискурс структурировал идеологическое пространство, обеспечивая харизматические роды и возглавляемые ими «племена» необходимой легитимностью посредством обретения героической истории.

В этом смысле отмеченные Вольфрамом элементы гентильной идеологии — изначальное деяние и перемена культа — при анализе памятников жанра «*origo gentis*» могут служить своего рода индикаторами процессов этногенеза, то есть происходящих вследствие активности традиционных ядер процессов сборки новых групп под новыми или старыми названиями. Нетрудно заметить, что в рассказе о хорватской истории, приведенном в 30-й главе, рассказе, который с полным правом можно назвать «*Origo gentis Chroatorum*», присутствует как тот элемент, который Вольфрам именует «изначальным деянием», так и элемент, связанный со сменой культа. При этом под «изначальным деянием» можно понимать не только победу хорватов над аварами — могущественным врагом, разгромив которого хорваты стали хозяевами Далмации, то есть обрели новую родину, но и их победу над франками, после которой, став независимыми и самовластными, они осуществили смену племенного культа — приняли христианство. Соответствие «аварского» и «франкского» эпизодов хорватской этногенетической традиции можно наглядно представить следующим образом:

Хорваты и авары	Хорваты и франки
<p>Война «...несколько лет они воевали друг с другом...»</p>	<p>Война «семь лет длилась их война друг с другом...»</p>
<p>Победа хорватов «...и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться»</p>	<p>Победа хорватов «...и наконец с трудом одолели хорваты. Они перебили всех франков и убили их архонта...»</p>

«ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks. — P. 53–59; *Kasperski R. Problem etnogenezy Gotów...* — S. 424–428; *Idem. Teodoryk Wielki i Kasjodor...* — S. 153–164.

Интересно, что мотив смены религии сразу после победы над могущественным врагом присутствует не только в 30-й, но также и в 31-й главе трактата, согласно которой хорваты приняли христианство из Рима вскоре после своей победы над аварами. К этому необходимо добавить еще одну интригующую деталь, а именно сходство имен хорватских правителей Порина и Порги, появляющихся соответственно в 30-й и 31-й главах при описании крещения хорватов. В этой связи в историографии неоднократно высказывалась мысль, что в обеих главах речь идет об одном и том же правителе. В свете очевидного сходства структуры обеих версий истории хорватов, наиболее логичным было бы объяснение, согласно которому в описании хорватской миграции и крещения в 31-й главе использовалась та же самая хорватская традиция. Такой интерпретации отнюдь не мешает то обстоятельство, что 31-я глава трактата является частью «Повествования о хорватах и сербах» — идеологически продуманного нарратива, в рамках которого оба народа представляли послушными исполнителями воли византийского императора Ираклия, обладавшего в данном нарративе инструментальной ролью восстановителя имперского порядка в Далмации, разрушенного аварами. Однако с учетом того, что основные события ранней хорватской истории, то есть идеологические элементы хорватской гентильной традиции, были приписаны здесь инициативе византийского василевса, изложенную здесь версию поселения и крещения хорватов следовало бы рассматривать как византийскую интерпретацию (*interpretatio Byzantina*) хорватского этногенетического мифа.

То, что переселение хорватов отнесено в 31-й главе именно к правлению Ираклия, очевидно, связано с общей исторической схемой «Повествования о хорватах и сербах», где именно Ираклию приписана роль восстановителя имперского порядка. Хотя в современной историографии высказывается мнение, согласно которому появление Ираклия в ранней истории хорватов и сербов есть результат сугубо византийской интерпретации, не основанной на «локальном знании», справедливость требует признать, что в рамках этой гипотезы нет удовлетворительного объяснения тому, почему Константин Багрянородный приписал поселение и крещение хорватов и сербов именно Ираклию³⁹⁴, а не, скажем, какому-либо друго-

³⁹⁴ См. новейшую попытку объяснить появление Ираклия в трактате Константина Багрянородного: *Curta F. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches / Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov (Mediaevalia Christiana, 3). —*

му византийскому императору. Между тем в нашем распоряжении есть надежные, хотя и довольно скудные свидетельства реальной вовлеченности Ираклия (и, возможно, его ближайших преемников) в поддержание византийского присутствия на северных окраинах Равеннского экзархата. Надпись с именами императора Ираклия и равеннского экзарха Исаакия, извещающая о постройке византийским чиновником (*magister militum*) Маврикием в 639 г. церкви Богородицы в Торчелло, не только служит надежным свидетельством присутствия империи на северном побережье Адриатики, но и хорошо соотносится с фактом именованья в честь Ираклия первого политического центра формировавшейся в VII в. на северном побережье Адриатики страны венециков — Эраклеи (*Civitas Nova Heracliana*)³⁹⁵.

В этой связи необходимо обратить внимание и на ту роль, которая приписывается данному императору в венецианских источниках XI–XII вв. Так, Хроника Иоанна Диакона и «Chronicon Altinate» прямо связывают с именем Ираклия основание Эраклеи, в которой поселились беженцы из Опитергия (Одерцо), разоренного лангобардами около 639 г.,³⁹⁶ а в Хронике Иоанна Диакона содержится

София, 2010. — С. 132. Как и следовало ожидать, аргументы исследователя, объясняющего появление Ираклия в трактате «Об управлении империей» тем, что в его правление имело место поражение авар под Константинополем, выглядят сугубо умозрительными.

³⁹⁵ См.: *Pertusi A.* L'iscrizione torcellana ai tempi di Eraclio // ЗРВИ. — 1964. — Кн. 8. — С. 317–339; *Brown T.S., Bryer A., Winfield D.* Cities of Heraclius // *Byzantine and Modern Greek Studies*. — 1978. — Vol. IV (Essays presented to Sir Steven Runciman). — P. 30–38; *Nicol D.M.* Byzantium and Venice: a study in diplomatic and cultural relations. — Cambridge, 1992. — P. 4–7.

³⁹⁶ «Quarta quidem insula estat, in qua dudum ab Eraclio imperatore fuerat civitas magnopere constructa, sed vetustate consumpta, Venetici iterum illam parvam composuerunt» (*Giovanni Diacono.* *Istoria Veneticorum* / Edizione e traduzione di L. A. Berto. — Bologna, 1999. — P. 54); «Deinde temporibus Eraclii Imperatoris venerunt Venetici, qui remanserant de captivitate, et fecerunt Civitatem novam, quae Eracliana nuncupata est...» (*Origo Civitatum Italie seu Venetiarum. Chronicon Altinate et Chronicon Gradense* / Ed. R. Cessi. — Roma, 1933. — P. 154). В действительности речь шла не столько об основании нового города, сколько о переустройстве уже существовавшего на реке Пьяве поселения. О результатах археологических исследований Эраклеи и других поселений венециков в обобщенном виде см.: *Gelichi S., Calaon D.* Flourishing places in North-Eastern Italy: towns and emporia between late antiquity and the Carolingian age // *Post-Roman Towns. Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1: The Heirs of the Roman West* / Ed. by J. Henning. — Berlin; New York, 2007. — P. 77–104.

еще и легендарное сообщение о том, как Ираклий будто бы направил в Градо, куда в свое время переселился патриарх из захваченной лангобардами Аквилеи, престол апостола Марка, тем самым утвердив апостольский статус местной епископии³⁹⁷. Основываясь на важной роли, приписываемой Ираклию как в трактате императора Константина, так и в названных венецианских хрониках, Невен Будак высказал предположение о существовании общей для венетиков и далматинских романцев исторической традиции об Ираклии, в которой в той или иной степени отразилась реальная деятельность императора по поддержанию византийского присутствия на берегах Адриатики в период натиска на империю лангобардов и аваров³⁹⁸. Думается, что именно высказанное Будаком предположение о наличии романской традиции об Ираклии является наиболее приемлемым на сегодняшний день объяснением появления имени этого императора в «Повествовании о хорватах и сербах».

Важнейший вопрос, который возникает при оценке эвристических возможностей теории этногенеза, заключается в том, являются ли вышеназванные элементы, присутствующие в памятниках жанра «*origo gentis*», порождением этнического дискурса самих варваров или речь идет о нарративных конструкциях, соответствовавших тем способам упорядочивания хаотической реальности варварского мира, которые бытовали в рамках письменной цивилизации, сложившись на базе античной этнографической традиции и/или Священного Писания. Так как основой для разработки

³⁹⁷ «In quo etiam loco post paucum tempus Helyas, egregius patriarcha, qui tertius post Paulum regendam suscepit ecclesiam, ex consensu beatissimi pape Pelagii, facta synodo viginti episcoporum, eandem Gradensem urbem totius Venecie metropolim esse instituit. Ad cuius roborem Heraclius post hec augustus beatissimi Marci sedem, quam dudum Helena Constantini mater de Alexandria tulerat, sanctorum fultus amore direxit, ubi et acenus veneratur pariter cum cathedra, in qua beatus martir sederat Hermachoras» (*Giovanni Diacono. Istoria Veneticorum*. — P. 52). Несмотря на легендарный характер данного известия, поддержка Ираклием притязаний Градо на статус наследника Аквилеи не вызывает сомнений.

³⁹⁸ *Budak N. Prva stoljeća Hrvatske*. — S. 81. К мнению о том, что Ираклий был своего рода «культурным героем» далматинских романцев, присоединился и Д. Джино, однако, в отличие от Н. Будака, полагающего, что эта традиция была отражением реальной деятельности Ираклия в регионе Адриатики, австралийский исследователь не склонен искать в этой информации пресловутое «историческое зерно» (*Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat...* — P. 114).

теории этногенеза Венской школы стала главным образом история готов, то основная в этом смысле полемика развернулась вокруг сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (550/551 г.) и, соответственно, вокруг легшего в его основу труда Кассиодора Сенатора «История гетов» (около 519 г.), самого первого в ряду сочинений жанра «*origo gentis*», содержание которого реконструируется на основе тщательного изучения текста Иордана, а также эпистолярного наследия самого Кассиодора. В то время как одни авторы, приложив гигантские усилия, пытались выявить в тексте Иордана элементы записанной Кассиодором гентильной, первоначально бытовавшей в устной форме традиции, активно используя для этого все доступные источники о германском языческом обществе, включая, конечно, и позднейшие скандинавские материалы, такие как исландские саги, другие исследователи, напротив, обнаруживали в тексте Иордана все новые и новые доказательства того, что «*Origo gothica*», сочиненная римским интеллектуалом Кассиодором, является изобретенной традицией, заимствовавшей информацию из письменных источников и ориентировавшейся на сюжетные схемы и литературные каноны античной историографии³⁹⁹.

Особенно сложно при этом обстоит дело с этническим дискурсом как таковым. В работах критиков Венской школы, справедливо ссылающихся на случайность и контекстуальную обусловленность этнических обозначений, фигурирующих в раннесредневековых источниках, можно встретить утверждение, что этничность не только не политизировалась в рамках варварских королевств, возникших на руинах Римской империи, но и вовсе не имела большого значения для структур господства⁴⁰⁰. Еще большую актуальность приобретает данное положение применительно к разного рода племенным королевствам за пределами Римского мира, куда еще не проник из центров письменной цивилизации развитый этнический дискурс. Как показывают многочисленные примеры, в том числе из славянского мира, существовавшие здесь этнические единицы вовсе не были этническими: их названия, фигурирующие в источниках, случайны, контекстуальны и, если и имели какое-то

³⁹⁹ Замечательный по полноте разбор актуальной дискуссии см. в книге: *Kasperski R. Teodoryk Wielki i Kasjodor...* — S. 51–81.

⁴⁰⁰ К подобному выводу на основе анализа титулатуры варварских правителей пришел Э. Гиллетт: *Gillett A. Was ethnicity politicized in the earliest medieval kingdoms? // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages.* — P. 120–121.

значение, то в большей степени для самих авторов этих источников — представителей цивилизованного мира, испытывавших потребность как-то упорядочить варварский хаос, нежели для самих варваров⁴⁰¹. Вследствие такого рода рассуждений, весьма резонных, по крайней мере тогда, когда дело касается ряда конкретных случаев, возникает соблазн считать весь комплекс представлений о системообразующей роли этнического дискурса изобретением Венкуса, обязанным к тому же своим возникновением некоторым старым схемам немецкой медиевистики⁴⁰².

Однако по мере углубления в спор неизбежно возникает вопрос: а что именно надлежит понимать под этническим дискурсом? Сводим ли дело лишь к названиям отдельных «*gentes*», или речь должна идти не столько о них, сколько о других, более трудно уловимых, символических и идеологических аспектах социальной кохезии? На эти аспекты справедливо обращает внимание датская исследовательница Л. Хедигер, говоря о важности периода между 375 и 568 гг., в особенности времени господства гуннов, для формирования политической ментальности германских воинских элит⁴⁰³. Основывая свои наблюдения на материале этногенетических мифов, эпической поэзии и материальной культуры (звериный стиль), исследовательница приходит к выводу о формировании в гуннскую эпоху не только общего для германских воинских элит социального опыта, но и единого символического универсума, космологического порядка, в рамках которого политически опре-

⁴⁰¹ Применительно к славянскому миру см.: *Urbańczyk P.* Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // *Franks, Northmen, and Slavs...* — P. 205–222; *Idem.* Trudne początki Polski. — Wrocław, 2008. — S. 69–106; *Tolochko O.P.* The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the origin of the Rus' state // *Franks, Northmen, and Slavs...* — P. 169–188; *Толочко А. П.* Очерки начальной Руси. — Киев; СПб., 2015. — С. 68–92.

⁴⁰² См. особенно: *Murray A.* Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks. — P. 53–59.

⁴⁰³ *Hedeager L.* The creation of Germanic identity. A European origin myth // *Frontières d'Empire. Nature et signification des frontières romaines* / Ed. par P. Brun, S. Van der Leeuw, C. Whittaker. — Nemours, 1993. — P. 121–132; *Eadem.* Cosmological endurance: pagan identities in early Christian Europe // *Journal of European Archaeology.* — 1998. — Vol. 3. — P. 383–397; *Eadem.* Migration period Europe: the formation of a political mentality // *Rituals of power: from Late Antiquity to the Early Middle Ages* / Ed. by F. Thews and J. L. Nelson. — Leiden; Boston; Köln, 2000. — P. 15–57.

деляли себя те или иные германские «*gentes*». Будучи порождением этого универсума, этногенетические мифы в целом представляли собой отнюдь не изобретенные традиции (хотя применительно к каждому конкретному племени они таковыми неминуемо становились), а коллективную память, древнюю мудрость, из резервуара которой черпали свою легитимность все новые и новые гентильные элиты. В результате «мифы, соединяя прошлое с настоящим, обеспечивали политико-идеологический элемент, необходимый для воздвижения и удержания этих калейдоскопических групп народов в качестве политических единиц»⁴⁰⁴.

Как в свое время продемонстрировал бельгийский антрополог Ян Вансина, обработав солидный массив устных исторических традиций различных племен Африки, в таких традициях историческая память простиралась вглубь всего на несколько поколений, в среднем на 80 лет. В соответствии с этим все, что случилось прежде, либо забывалось, либо смешивалось с событиями мифологического времени, легендарной эпохи возникновения племенной общности, которая непосредственно предшествует сохраняемому в памяти периоду недавнего прошлого. С каждым новым поколением разрыв между событиями недавнего прошлого и легендарной историей перемещается во времени, однако устная традиция никак не артикулирует этот «плавающий разрыв» (*floating gap*), представляя собой последовательное повествование, в котором мифологическая история непосредственно предшествует событиям последних пяти или восьми десятилетий⁴⁰⁵.

Если учесть, что 30-я глава трактата «Об управлении империей» была составлена, как указано выше, приблизительно между 955 и 973 гг., то описываемые здесь события, относящиеся к «франкскому периоду» хорватской истории (около 800–878 гг.), не говоря уже о предшествующей аварской эпохе, находятся за пределами актуальной племенной памяти. Таким образом, и войны хорватов с аварами и франками, и принятие ими христианства происходили не в историческое, а в мифологическое время. Добавим к этому, что миф о миграции был характерной чертой саморепрезентации варварских элит далеко за пределами постромской Европы⁴⁰⁶, да и смена религии

⁴⁰⁴ Hedeager L. Migration period Europe... — P. 48.

⁴⁰⁵ Vansina J. Oral tradition as history. — Madison, 1985. — P. 23–24, 168–169.

⁴⁰⁶ См.: Vansina J. Oral tradition as history. — P. 21–24; Белков П. Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: генезис, семантика, функции. — СПб., 1996. — С. 63–71.

и победа над могущественным врагом могли связываться друг с другом без всякого литературного воздействия, а просто в силу решающего значения обоих событий для легитимации этнополитической общности⁴⁰⁷. Число легендарных хорватских предводителей, приведенных, согласно 30-й главе, хорватов в Далмацию, засвидетельствованное также в независимом от трактата императора Константина источнике — «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского⁴⁰⁸, скорее всего, также является крупницей аутентичной гентильной идеологии⁴⁰⁹, неразрывно связанной в данном случае с архаическими космологическими представлениями⁴¹⁰.

⁴⁰⁷ Отбирая примеры за пределами христианского мира, сошлемся на историческую традицию средневекового мусульманского государства волжских булгар, согласно которой булгары, сразу после принятия ими ислама, победили и обратили в бегство армию царя хазар, который пришел к ним с большим войском, разгневанный тем, что они приняли новую веру без его приказа. Этот сюжет, по свидетельству пересказавшего его арабского путешественника ал-Гарнати (XII в.), содержался в «Истории Булгара», составленной не позднее XI в. в самой Булгарии. Интересно, что булгаро-хазарская война не засвидетельствована другими источниками, притом что «История Булгара», на которую ссылался ал-Гарнати, по всей видимости, воспроизводила официальную историческую традицию Булгарского государства. См.: *Измайлов И.Л.* Средневековые булгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань, 2006. — С. 636–637.

⁴⁰⁸ Рассказывая о появлении в Далмации готов, Фома Сплитский сообщает, что вместе с Тотилой «из земель Полонии пришли семь или восемь знатных племен, зовущихся лингонами» (*Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 35). «Venerant de partibus Polonie, qui Lingones apellantur, cum Totilla septem uel octo tribus nobilium» (*Thomas Archidiaconus*. Historia alonitana. — P. 25–26).

⁴⁰⁹ См. об этом: *Hauptmann Lj.* Podrijetlo hrvatskoga plemstva. — S. 88–96; *Klaić N.* Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V). — Ljubljana, 1966. — S. 32–33; *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti... — S. 211–212; *Katičić R.* Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae. — S. 21–22.

⁴¹⁰ См.: *Тржешттик Д.* Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // *Studia Balcanica*, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. — София, 1991. — С. 35. Д. Тржешттик сопоставил рассказ 30-й главы о приходе хорватов с информацией позднейшего чешского источника — «Хроники так называемого Далимила» (начало XIV в.). В содержащемся в ней рассказе о Чехе, легендарном прародителе

Несколько сложнее обстоит дело с сюжетом о прародине хорватов — Великой или Белой Хорватии, откуда, по сообщению как 30-й, так и 31-й глав трактата императора Константина, хорваты переселились в Далмацию. Как известно, сюжет об исходе с территории некой «прародины» был характерной чертой рассказов жанра «*origo gentis*» о происхождении различных германских «*gentes*». В действительности же, как показывают исследования ранней истории германских племен, «переселение народа» могло сводиться к закреплению в том или ином районе относительно небольшой воинской группы, становившейся ядром общности, конституируемой на новом месте путем принятия соответствующей идеологии различными по своему происхождению элементами. Результаты исследований некоторых германских миграций V–VI вв. показали, что перемещения воинских групп четко фиксируются лишь в областях, расположенных в относительной близости к римскому лимесу, причем именно римские (византийские) власти зачастую играли основную роль в привлечении этих групп в те или иные приграничные районы в целях обороны от других варваров⁴¹¹. В этой связи представляются

чехов, известном более ранней латиноязычной «Чешской хронике» Козьмы Пражского (начало XII в.) как «*pater Boemus*», сообщается о том, что он пришел в Чехию с шестью братьями из Хорватии. По мнению исследователя, параллелизм хорватского и чешского преданий (наличие героэпонимов Хорвата и Чеха, мотив семи вождей, приход Чеха из Хорватии, а Хорвата — из «Великой Хорватии», соответствовавшей в трактате императора Константина Чешской державе Болеслава I) может объясняться отражением в обеих легендах памяти о миграциях славян с территории Аварского каганата в VI–VII вв. (*Třeštík D. Mýtu kmene Čechů... — S. 55–98*). Стоит отметить, что идея Д. Тржештика имплицитно подразумевает существование на поставарском пространстве некоего общего резервуара мифов, из которого черпали свою идеологию поставарские воинские элиты. Данная мысль заставляет вспомнить упомянутые выше идеи Л. Хедигера об общих чертах «политической ментальности» германских *gentes*, формировавшейся в период гуннского господства. Однако, какой бы заманчивой ни казалась подобная интерпретация, следует констатировать, что сближение сведений трактата «Об управлении империей» с известиями позднесредневековой чешской хроники, рассказ которой о Чехе существенно отличается от версии того же мифа, изложенной в более ранней хронике Козьмы Пражского (в которой не сообщается ни о Хорватии, ни о шести братьях Чеха), выглядит как минимум сомнительным.

⁴¹¹ См., например: *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–555. — Cambridge, 1997. — P. 28–29.*

методологически сомнительными некогда имевшие место в историографии поиски «прародин» тех или иных «народов», чьи переселения на новое место обитания описываются в памятниках жанра «*origo gentis*». Другое дело, что в случае с информацией, содержащейся в трактате императора Константина, снова возникает вопрос, было ли появление в тексте «Великой Хорватии» в качестве прародины хорватов результатом рационализации, исходящей от византийского автора, или соответствующее представление уже содержалось в аутентичном хорватском этногенетическом мифе.

Пытаясь ответить на данный вопрос, следует сразу же отметить, что «великими» в византийской историографии назывались лежавшие за пределами империи области, с которыми связывалось происхождение того или иного варварского народа, проживавшего (с точки зрения Константинополя) в пределах империи⁴¹². Судя по описанию географического положения «Великой Хорватии», содержащемуся в 31-й главе трактата⁴¹³, страной, обозначае-

⁴¹² См.: *Wolfram H.* The image of Central Europe in Constantine VII Porphyrogenitus' // Constantine VII Porphyrogenitus and his age: Second International Byzantine conference (Delphi, 22–26 July 1987). — Athens, 1989. — P. 8–9.

⁴¹³ «[Знай], что Великая Хорватия, называемая “Белой”, остается некрещеной до сего дня, как и соседние с нею сербы. Она выставляет еще меньше конницы, как и пешего войска, сравнительно с крещеной Хорватией, так что является более доступной для грабежей и франков, и турок, и пачинакитов. Она не обладает ни длинными судами, ни кондурами, ни торговыми кораблями, ибо лежит вдали от моря, — путь от тамошних мест до моря занимает 30 дней. А море, которого они достигают через 30 дней, называется “Черным”» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 141). Из данного описания следует, что «Великая Хорватия» представляла собой довольно обширную страну, расположенную к северу от занимаемой венграми («турками») Карпатской котловины и, очевидно, протянувшуюся от владений франков на западе до ареала расселения печенегов («пачинакитов») на востоке. Упомянутое здесь «Черное море», скорее всего, идентично Балтийскому (см. комментарий: *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 141). Упоминания «Великой Хорватии» и белых хорватов в других местах трактата, в том числе в 30-й главе, где «белохорваты» локализируются за «Багиварией» (Баварией) по соседству с «Франгией» (державой Оттона I), и в самом начале 31-й главы, где белые хорваты помещаются «по ту сторону Турции» (Венгрии), близ «Франгии» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. С. 131, 135), не противоречат такой локализации.

мой в трактате этим названием, была держава чешского князя Болеслава I Пржемысловича (935–972 гг.), охватывавшая в середине X в. обширное пространство к северу от Карпат⁴¹⁴. Именованье державы Болеслава I Пржемысловича Хорватией в тексте трактата Константина Багрянородного никоим образом не следует рассматривать как «ошибку» ученого императора. Данная полития, представлявшая собой конгломерат «племен», находившихся под более или менее ощутимым контролем Пржемысловичей и тяготивших к ним воинских элит, по определению не могла иметь устоявшегося названия, хотя какие-то хорваты (скорее всего, те, что проживали в Силезии⁴¹⁵), действительно, входили в ее состав. Следует поэтому всецело согласиться с мнением, высказанным чешским ученым Д. Калхоусом, согласно которому различия между источниками, дающими картину сложного племенного конгломерата в Центральной Европе, и трактатом императора Константина, где этому конгломерату присвоено имя «Великой Хорватии», объясняются разными перспективами видения объекта и разными задачами, стоявшими перед авторами⁴¹⁶.

Таким образом, становится понятным, что сам по себе термин «Великая Хорватия» является византийским конструктом, сопоставимым, например, с названием «Великая Болгария», прилагавшимся в византийской историографии к многоплеменной державе, возглавлявшейся оногурским правителем Кубратом. Иначе обстоит дело с выражениями «белые хорваты» и «Белая Хорватия», широко используемыми в трактате императора Константина при обращении к «прародине» хорватов (наряду с названием «белые сербы», использованным в 32-й главе при описании «прародины» сербов). На хорватское происхождение термина «белые хорваты» недвусмысленно указывает используемая в 30-й главе форма «белохорваты» (*Βελοχρῶβατοι*)⁴¹⁷, очевидно, передающая

⁴¹⁴ См. подробное обоснование такого отождествления на основе имеющихся в источниках данных о границах державы Болеслава I: *Łowmiański H. Początki Polski. T. II. — S. 160–171; Třeštík D. Mýty kmene Čechů (7. — 10. století)... — S. 82–88.*

⁴¹⁵ Подробнее о них см. ниже.

⁴¹⁶ См.: *Kalhous D. Anatomy of a duchy: the political and ecclesiastical structures of early Přemyslid Bohemia. — Leiden; Boston, 2012. — P. 75–76.*

⁴¹⁷ «Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты»; «Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, то есть “белыми хорватами”,

его приблизительное славянское звучание⁴¹⁸. В этой связи необходимо принять во внимание и то, что, помимо трактата Константина Багрянородного, белые хорваты или Белая Хорватия упоминаются еще в нескольких, независимых друг от друга, источниках. Так, в древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.) белые хорваты упоминаются при перечислении славянских племен, причем приводятся летописцем в одном ряду с сербами и хорутанами⁴¹⁹. Упоминание хорутан (карантанцев) рядом с сербами и белыми хорватами позволяет думать, что древнерусский летописец называл белыми хорватами не какую-либо северную хорватскую общность (в Силезии или в Карпатах), а хорватов в Далмации (соответственно и упомянутые им сербы, видимо, являлись южными, балканскими, сербами)⁴²⁰.

Понятие «Белая Хорватия» (*Croatia Alba*) широко используется и в Летописи попа Дуклянина, где так именуется одна из двух приморских провинций «готско-славянского» королевства. По сообщению 9-й главы летописи, границы этой провинции, именуемой также «нижней Далмацией», были определены в правление легендарного короля Светопелека: она протянулась от Далмы (скорее всего, располагавшейся в районе Диоклеи на территории Дукли⁴²¹, а не идентичной населенному пункту Дувно (ныне Томис-

имеющими собственного архонта» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 131).

⁴¹⁸ В историографии неоднократно высказывалось мнение, что греческое «βελο-» в данном слове передавало славянское определение «велии» (великие), вследствие чего данный термин следует будто бы понимать как «велехорваты», то есть «великие (старшие) хорваты». Данная трактовка не выдерживает критики, так как в трактате данный термин переводится именно как «белые хорваты» (см. подробно с разбором мнений: *Майоров А. В.* Великая Хорватия... — С. 19–21). Как уже отмечалось выше, термин «Великая Хорватия» имеет византийское, а не славянское происхождение.

⁴¹⁹ «А се ти же словени: хрвате белии, и серебь, и хорутане» (Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 3-е изд. — СПб., 2007 (далее — ПВЛ). — С. 8).

⁴²⁰ См.: *Mandić D.* Crvena Hrvatska u svjetlu povijesnih izvora. — 3. proutpunjeno izd. — Chicago; Rim, 1973. — S. 75–79; *Майоров А. В.* Великая Хорватия... — С. 24–28.

⁴²¹ См.: *Steindorff L.* Tumačenja riječi Dalmatia u srednjovjekovnoj historiografiji. Istovremeno o Saboru na planities Dalmae // *Etnogeneza Hrvata*. — S. 155.

лавград), как долгое время считалось в историографии) до некоего «Валдевина»⁴²². В хорватской редакции летописи — «Хорватской хронике» — понятие «Белая Хорватия» также использовано в аналогичном контексте⁴²³. Летописный Валдевин традиционно отождествляется в историографии с Винодолом (*Vallis de vino*) на северо-западе Далматинской Хорватии, хотя надо признать, что в свете локализации Далмы на территории Дукли такая идентификация выглядит довольно сомнительной⁴²⁴. Остается, таким образом, констатировать, что в Летописи попа Дуклянина Белой Хорватией именовалась какая-то часть Далмации, расположенная к северу от Дукли.

Существует и еще одно любопытное свидетельство о белых хорватах, где это название прямо фигурирует в качестве самоназвания жителей Далматинской Хорватии. Речь идет о так называемой «Анонимной сплитской хронике», где при описании событий, развернувшихся в Хорватии после смерти короля Звонимира (1075–1089 гг.), не оставившего после себя наследника, рассказывается о том, как сплитчанин Петр из рода Куканов (*de genere*

⁴²² «...a loco Dalmae... usque ad Valdevino vocavit Croatiam Albam, quae et inferior Dalmatia dicitur...» (ЛПД. — С. 306).

⁴²³ «Od Dalme do Valdemina prozva Hrvate Bile, što su Dalmatini Nižnji» (ЛПД. — С. 399).

⁴²⁴ Ф. Рачки считал возможным отождествить Валдевин с рекой Уной, фигурирующей в труде дубровницкого историка Л. Цриевица-Туберона под названием *Valdavus* (*Rački F. Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega veka // Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku, i prirodne znanosti. — Zagreb, 1864. — God. I. — S. 209*). Мнение Ф. Рачкого было вскоре оспорено И. Чрнчичем, указавшим, в частности, на отсутствие в данном месте слова «река», которое широко использовалось дуклянским летописцем при упоминании названий рек (см.: *Mužić I. Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. — S. 264, bilj. 31*). Так или иначе, но господствующее в современной историографии отождествление Валдевина с Винодолом приводит к тому, что очертания «готско-славянского королевства» даже в случае отождествления Далмы с Дувно выглядят довольно странными (приморская часть (*Marritima*) оказывается гораздо более протяженной, чем хинтерланд (*Transmontana*)). Еще менее логичными выглядят эти очертания, если принять убедительное суждение Л. Штайндорфа, что описываемый в 9-й главе сбор, где было введено административное разделение королевства на четыре провинции, происходил не на Дуваньском поле, а на территории Дукли в районе Диоклеи.

Chuchanorum) и житель Крбавы Петр из рода Гусичей (*de genere Gusicorum*) прибыли по поручению граждан Сплита к королю Венгрии Ласло. По сообщению источника, в ответ на вопрос короля, откуда они прибыли, посланцы ответили: «Мы белые хорваты», после чего предложили королю власть над Сплитом и всей Хорватией⁴²⁵. Правда, делать на основании данного известия вывод о том, что хорваты в конце XI в. называли себя белыми хорватами, было бы неосторожно: «Анонимная сплитская хроника», наиболее ранний список текста которой относится к рубежу XVI–XVII вв., датируется временем не ранее XIV столетия⁴²⁶.

Для нас в данном случае важно то, что и в «Повести временных лет», и в Летописи попа Дуклянина, и в «Анонимной сплитской хронике» страна белых хорватов локализуется не на севере, как в трактате императора Константина, а на юге, в Далмации, и, очевидно, в той или иной степени соответствует территории ранне-средневекового Хорватского королевства. Это позволяет думать, что понятие «белые хорваты» было элементом «локального знания» далматинских хорватов и именно из Хорватии попало в Константинополь. В литературе высказывалось множество разных гипотез относительно происхождения и значения понятия «белые хорваты», причем, пытаясь установить семантику данного термина, исследователи нередко прибегали к случайным сходствам и весьма отдаленным аналогиям⁴²⁷. Между тем, учитывая иранское происхождение самого названия «хорват» и аварский контекст формирования хорватской общности (см. об этом ниже), наиболее убедительной интерпретацией данного понятия выглядит его привязка к характерной для народов степного пояса Евразии практике цветового обозначения сторон света, восходящей к древнему Китаю⁴²⁸. В рамках данной цветовой символики понятие «белые хорваты» должно быть интерпретировано как «западные хорваты»,

⁴²⁵ «Tunc rex interrogavit eos unde essent, qui uno responso responderunt: Croates Albi sumus» (*Šišić F. Priručnik izvora... — S. 321; Morović H. Anonimna splitska kronika. — Split, 1962. — S. 9; Kurelac M. Povijesni zapis nazvan «Anonimna kronika» u rukopisu naučne biblioteke u Zadru // HZ. — 1970–1971. — God. XXIII–XXIV. — S. 372*).

⁴²⁶ О датировке памятника см. подробно: *Šišić F. Priručnik izvora... — S. 309–313; Morović H. Anonimna splitska kronika*.

⁴²⁷ См. подробно: *Майоров А. В. Великая Хорватия... — С. 31–36*.

⁴²⁸ См.: *Županić N. Značenje barvnega atributa v imenu «Crvena Hrvatska» // Etnolog. — Ljubljana, 1937–1939. — Knj. X–XI. — S. 355–376*.

что, возможно, было связано с их размещением в рамках пространства, находившегося под контролем или под влиянием Аварского каганата. Вполне вероятно, что со временем первоначальное значение понятия «белые хорваты» было утрачено, но оно, как показывают вышеупомянутые известия, продолжало использоваться в каких-то не вполне ясных нам контекстах. Так или иначе, но именование «белыми хорватами» жителей державы Болеслава I вполне могло исходить от самих далматинских хорватов, вероятно, знавших о существовании хорватских групп на севере⁴²⁹.

Стоит обратить внимание и на значение этносоциальных терминов, используемых в трактате применительно к первоначальной хорватской общности. Казалось бы, то обстоятельство, что хорватский «род» (ἡ γένεα), фигурирующий в 30-й главе, состоял из пяти братьев и двух сестер, склоняет к тому, чтобы видеть в нем родственный коллектив в собственном смысле слова. Вместе с тем необходимо отметить, что слово «ἡ γένεα» в трактате Константина Багрянородного употребляется для обозначения разных по своему характеру общностей. Во многих случаях оно, действительно, используется для обозначения рода. Например, в 29-й главе трактата сообщается, что император Василий I Македонянин поставил для славян «архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими», и что «с тех пор и доньше архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-либо иного»⁴³⁰.

Вместе с тем в некоторых случаях термином «ἡ γένεα» обозначаются более крупные общности, по сути представлявшие собой этнополитические организмы. Показательны в этой связи главы трактата, посвященные ранней истории венгров. Так, в 38-й главе император сообщает, что венгры состояли из семи «родов»⁴³¹. При этом в 39-й главе говорится об одном архонте «на три рода каваров», вошедших в состав венгерской общности⁴³². В 40-й главе называются восемь «родов» каваров и мадьяр, причем первый «род» — каварский, а остальные семь — мадьярские⁴³³, из чего следует, что в первый «род» входили три каварских «рода», фигурировавшие в предшествующей главе. Не менее неоднозначны и слова 30-й главы

⁴²⁹ К подобному выводу склоняется Ф. Борри: *Borri F. White Croatia...* — P. 221.

⁴³⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей.* — С. 115.

⁴³¹ Там же. — С. 158/159.

⁴³² Там же. — С. 162/163.

⁴³³ Там же.

о приходе вождей «вместе с их народом» (μετὰ τοῦ λαοῦ αὐτῶν). Давно было замечено, что слово «ὁ λαός» использовалось в трактате императора Константина как в значении «народ», так и в значении «войско»⁴³⁴. Таким образом, употребляемая в трактате императора Константина этносоциальная терминология сама по себе не в состоянии дать ответ на вопрос о характере древнейшей хорватской общности. Зато она в полной мере показывает, что этнический дискурс эпохи, отраженный в трактате, по сути дела отождествлял этнополитический организм с родственным коллективом.

Весьма показательным в этом плане представляется содержащееся в 33-й главе трактата «Об управлении империей», посвященной «захлумам» (захумлянам), известие о происхождении рода (ἡ γένεα) архонта Михаила Вышевича, правившего в Захумском княжестве, от некой общности, проживавшей на Висле и именовавшейся личиками⁴³⁵. Данное известие, скорее всего, основанное на традиции, сохранявшейся в роду захумских князей, знаменательно тем, что позволяет выявить этнический (гентильный) дискурс захумской элиты, противопоставив его «общеплеменной» захумской идентичности, соответствовавшей распространенному среди славян типу идентификации на основе географической локализации⁴³⁶, а также этническому дискурсу самого императора Константина, согласно которому захумляне происходили от сербов, переселившихся в опустошенные аварами земли при императоре Ираклии⁴³⁷.

⁴³⁴ См.: *Ферлуга J.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // ЗРВИ. — 1968. — Књ. XI. — С. 62; *Ditten H.* Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9. — 11. Jahrhundert. — Praha, 1978. — S. 452, 461–462.

⁴³⁵ «[Знай], что род анфипата и патрикия Михаила, сына Вусевуцы, архонта захлумов, прибыл от некрещеных поселенцев на реке Висле (их называют личики) и поселился на реке, именуемой Захлума» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 150–151). См. интересную попытку реконструировать историю захумской династии, связав появление ее родоначальника в Захумье с политикой Василия I Македонянина (867–886 гг.) в отношении Склавиний Далмации: *Wasilewski T.* Wiśłańska dynastia i jej Zachlumskie państwo w IX–X w. // PS. — 1965. — Т. XV. — С. 23–31.

⁴³⁶ О происхождении названий «Захумье» и «Хумская земля» см.: *Новаковић Б.* Хум и Захумљани у 33. глави списка De administrando imperio // ИЗ. — 2009. — Год. 82. — Бр. 1–2. — С. 157–166.

⁴³⁷ «Ныне живущие там захлумы являются сербами, со времен того архонта, который искал убежища у василевса Ираклия. Имя же захлумы они

В целом мы можем сделать вывод, что, несмотря на наличие в тексте 30-й главы отдельных элементов византийского этнического дискурса (понятие «Великая Хорватия», характерная этносоциальная терминология), содержащееся здесь описание происхождения хорватов в значительной степени является воспроизведением «локального знания» далматинских хорватов. Особенно важно при этом то, что хорватское этногенетическое предание обнаруживает значительное сходство с другими этногенетическими традициями, в особенности с теми, что были зафиксированы у германских общностей эпохи Великого переселения народов. Последнее обстоятельство дает нам основание, следуя этногенетической модели Р. Венкуса, представить хорватский «этногенез» в самых общих чертах как постепенное превращение относительно небольшой воинской группы в этнополитическую общность.

При этом, однако, следует помнить, что раннесредневековые общности редко находились в стабильном состоянии, неоднократно проходя сквозь серьезные трансформации, каждая из которых в понимании последователей Р. Венкуса могла бы быть названа «этногенезом»⁴³⁸. Дает ли нам «*origo gentis Chroatorum*» достаточно информации для того, чтобы хотя бы гипотетически реконструировать исторический контекст, в котором осуществлялся хорватский «этногенез»? По словам Я. Вансины, необходимо, насколько это возможно в том или ином конкретном случае, отделять логические конструкции и космологию от того, что могло являться сконденсированным, сгущенным, а потому с трудом распознаваемым, но все же описанием исторических событий. При этом, предостерегает Вансина, даже будучи выделенным из мифа, соответствующий «исторический» пласт информации еще не позволяет судить о том, что то или иное событие действительно имело место. Однако

получили от горы — так называемого Хлума, иначе говоря, на славянском языке захлумы означает “[живущие] за холмом”... (Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 149). О том, что происхождение рода Михаила Вишевича не может быть связано с происхождением сербов в той версии, какая излагается в трактате императора Константина, см. подробно: *Новаковић Р.* Да ли су сви Захумљани пореклом Срби? (Поводом рода Михајла Вишевића) // ИЧ. — 1975. — Књ. 22. — С. 19–42.

⁴³⁸ Так, Й. Ярнут насчитывал пять таких крупных трансформаций в истории «лангобардов», каждая из которых, по его мнению, может быть названа «этногенезом»: *Jarnut J.* Die langobardische Ethnogenese // *Typen der Ethnogenese...* — S. 97–102.

он позволяет сформулировать вопросы, ответы на которые можно искать, используя уже другие источники⁴³⁹.

Думается, что, руководствуясь этим общим положением, мы вполне можем попытаться выявить исторический контекст, в котором происходило формирование хорватской этнополитической общности. Так, если вынести за скобки все те элементы хорватского этногенетического предания, которые находят аналогии в других памятниках жанра «*origo gentis*», то есть являются результатом логического конструирования и космологического структурирования, в нашем распоряжении для обнаружения реалий, в которых формировалась хорватская этнополитическая общность — «*gens Chroatorum*», останутся два ценных свидетельства — имена легендарных хорватских вождей и две акцентированные в тексте оппозиции «хорваты — авары» и «хорваты — франки».

§ 2. *Origo gentis Chroatorum* I: Хорваты и авары

В далматинском досье трактата «Об управлении империей» можно выделить несколько контекстов, в которых говорится об аварах. Так, в «Повествовании о хорватах и сербах» (главы 31–36), последовательно описывающем расположенные на территории позднеримской Далмации Склавиинии, император Константин неизменно упоминает аваров как узурпаторов, завладевших землями, издревле принадлежавшими империи. В этом смысле главы 31–36, несомненно, представляют собой единое смысловое целое. На этом фоне отчетливо выделяется информация 29-й главы, в которой при описании захвата аварами Салоны авары эксплицитно отождествляются со славянами. А именно здесь упоминаются «славяне, называемые также аварами», «славяне, они же авары» и, наконец, два раза говорится просто о «славянах»⁴⁴⁰. Получается, что процитированное выше известие 30-й главы об аварах, занявших Далмацию, оказывается ближе к «Повествованию о хорватах и сербах», нежели к информации 29-й главы, которая, по общему мнению исследователей, была составлена чуть позднее глав 31–36 в качестве своего рода редакторского введения к «Повествованию о хорватах и сербах».

Известно, что традиция отождествлять славян с аварами была характерной для византийской историографии. В научной лите-

⁴³⁹ Vansina J. Oral tradition as history. — P. 23.

⁴⁴⁰ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 111.

ратуре это обстоятельство нередко воспринималось как реальное отражение тесной связи аваров со славянами, а в русле конструктивистского понимания этничности — как яркий показатель текущего и контекстуально обусловленного характера идентификации в раннесредневековых обществах⁴⁴¹. Между тем для более уверенных суждений по данному вопросу необходимо каждый источник рассматривать отдельно. Показательным примером отождествления аваров со славянами, хронологически и географически приближенным к известиям трактата «Об управлении империей» об аварах в Далмации, является информация «Монемвасийской хроники» об аварах на Пелопоннесе. Она интересна тем, что при описании завоевания аварами византийских областей здесь говорится о захвате аварами Пелопоннеса и удержании ими власти над полуостровом в течение двухсот восемнадцати лет, в то время как при обстоятельном рассказе о возвращении Пелопоннеса под контроль империи в правление императора Никифора I Геника (802–811 гг.) авары вообще не упоминаются, а вместо них фигурируют «славяне» или «славянский народ»⁴⁴². По мнению Ф. Курты, специально рассмотревшего этот вопрос, это парадоксальное отождествление объясняется задачей построить описание локального конфликта между церковью Патр и славянами в «классическую» историческую картину противостояния аваров и ромеев, уже укоренившуюся в византийской историографии благодаря авторам VI–VII вв.⁴⁴³ Таким образом, приписывание той или иной идентичности варварам зависит от функции, в которой эти варвары выступают на страницах византийского нарратива. Как же обстояло дело в далматинском досье?

Первое, на что необходимо обратить внимание, это то, что авары отождествляются со славянами именно при описании захвата Салоны, содержащемся в 29-й главе. Между тем в аналогичном, хотя и гораздо менее детализированном описании падения Салоны, содержащемся в 30-й главе, так же как и в воспроизводимой здесь далее хорватской традиции, речь идет об аварах, а не о славянах.

⁴⁴¹ Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. — München, 1988. — S. 107–108.

⁴⁴² Монемвасийская хроника [Перевод и комментарий Г. Г. Литаврина] // Свод. Т. II. С. 335.

⁴⁴³ Curta F. Barbarians in Dark-Age Greece: Slavs or Avars? // *Civitas Divino-Humana. In honorem annorum LX Georgii Bakalov.* — София, 2004. — P. 535–538.

Как уже отмечалось выше, судя по детальности описания и ярко выраженным местным реалиям, оба рассказа восходят к традиции романского населения и, таким образом, содержат в себе элементы локального знания. В связи с этим присутствие в одном из них «славян, называемых также аварами», а в другом просто «аваров» совсем не кажется случайным. Исходя из большей степени детализированности (и соответственно большей ориентации на локальное знание) той версии рассказа о падении Салоны, которая содержится в 29-й главе, хорватский исследователь Миленко Лончар указал на несколько возможных причин отождествления славян с аварами. С одной стороны, такое отождествление уже могло содержаться в локальной сплитской традиции и без изменений попасть в далматинское досье. С другой стороны, нельзя исключать того, что в сплитской традиции фигурировали именно славяне, а не авары, а авары были добавлены в описание уже при составлении единого исторического сочинения в Константинополе. Наконец, М. Лончар не исключил и того, что стремление константинопольского редактора приравнять славян к аварам могло быть вызвано его стремлением примирить сплитскую традицию о славянах с хорватской традицией об аварах, содержащейся в 30-й главе трактата⁴⁴⁴.

Важным аргументом против изначального присутствия аваров в сплитской традиции следует считать отсутствие упоминаний об аварах в позднейших источниках сплитского происхождения, где, как уже говорилось в первой главе, разорение Салоны и бегство ее жителей на острова связывается с готами и славянами, а авары ни разу не упомянуты. Даже если считать, что версия Жития св. Домния, где впервые появляются готы, появилась не ранее XI ст., очевидно, что память об аварах, если бы она действительно существовала в Сплите в середине X в., вряд ли бы исчезла столь быстро, не оставив никаких следов. Следовательно, в Сплите в XI в. знали о славянах, но не об аварах. В этом случае наблюдаемое в 29-й главе отождествление славян с аварами действительно было бы логично интерпретировать как стремление византийского автора вписать локальную сплитскую легенду о захвате варварами Салоны в общую историческую схему далматинского досье, где говорилось об утрате империей контроля над Далмацией вследствие аварского завоевания.

⁴⁴⁴ *Lončar M. Porfirogenetovi Avari – pripovijest i povijest // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. – Zagreb, 1996. – S. 121–126.*

Подобная интерпретация отождествления славян с аварами, присутствующая в 29-й главе трактата, в свою очередь, заставляет задуматься о том, не было ли появление аваров не только в 29-й, но и в 30-й главе трактата, в том числе там, где речь идет об истории хорватов, результатом адаптации местной традиции к имперскому историческому нарративу, в котором авары-завоеватели играли важную роль. Иными словами, для того, чтобы легитимировать власть хорватов в Далмации, объяснив, каким образом они появились в Далмации, хорватов необходимо было превратить в победителей аваров. Впервые такую идею высказала Н. Клаич, полагая, что первоначальная хорватская традиция вообще не знала никаких аваров, а роль врагов хорватов принадлежала в ней одним лишь франкам. В пользу данной интерпретации свидетельствует, по мнению Н. Клаич, само повествование 30-й главы о ранней истории хорватов, где говорится о том, что хорваты подчинялись франкам как на своей прежней родине — в «Великой Хорватии», так и позднее, когда они поселились в Далмации⁴⁴⁵. Обнаруживается как будто логическое противоречие: воинственные победители аваров одновременно признавали франкское господство. Как уже отмечалось выше, эта логическая несообразность известия 30-й главы была даже использована в историографии в обоснование идеи о приходе хорватов в Далмацию в ходе франко-аварских войн Карла Великого в качестве союзников франков.

Вместе с тем подобная интерпретация вызывает вопрос. Если авары появились в части 30-й главы, воспроизводящей хорватскую этногенетическую традицию, лишь для того, чтобы ее информация о хорватском прошлом не противоречила исторической схеме «Повествования о хорватах и сербах», то почему таким же образом в ней не появился византийский император в качестве инициатора переселения хорватов в Далмацию? Ведь в «Повествовании о хорватах и сербах» роль хорватов как победителей аваров и освободителей Далмации неразрывно связана с их ролью послушного орудия в руках византийского василевса. Если придерживаться мнения об исключительно византийском, точнее константинопольском, источнике всех упоминаний об аварах в далматинском додье, следовало бы тогда считать, что хорваты сами частично восприняли имперскую интерпретацию истории Далмации, заимствовав из нее сюжет об аварах. Иными словами, следовало бы допустить легитимацию своего статуса хорватской элитой в условиях контактов

⁴⁴⁵ *Klaić N. Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju... — S. 36–38.*

с Византией через «изобретение традиции» о противостоянии с аварами. Подобное селективное использование византийской интерпретации истории выглядит, однако, весьма маловероятным.

В связи с этим следует более подробно остановиться на той роли, какую авары играют в основывающемся на хорватской традиции рассказе 30-й главы о ранней истории хорватов. Так, обращает на себя внимание содержащееся в нем сообщение о том, что, победив аваров, хорваты вынудили часть из них подчиниться своей власти. Это сообщение уже заставляет усомниться в константинопольском происхождении сюжета о борьбе хорватов с аварами, ведь будь это так, достаточно было бы сказать, что авары были изгнаны хорватами, подобно тому как сами авары в интерпретации далматинского досье изгнали из Далмации римлян. Между тем подобное осмысление хорватско-аварских отношений хорватской традицией было актуальным для Далмации даже в середине X в., как о том недвусмысленно свидетельствует известие, содержащееся в заключительной фразе «аварского эпизода» 30-й главы, о проживании в Хорватии «остатков аваров».

Лаконичная формулировка фразы, содержащей упоминание о проживающих в Хорватии аварах⁴⁴⁶, способствовала появлению различных по смыслу переводов. Наряду с распространенным переводом, согласно которому остатки или потомки аваров в Хорватии *признаются*, то есть считаются аварами⁴⁴⁷, в историографии можно встретить и иное чтение. Так, хорватский перевод Н. Томашича начала XX в. («...i pozna im se, da su Avari»⁴⁴⁸), как и позднейший сербский перевод Б. Ферьянчича («...и по њима се види да су Авари»⁴⁴⁹), предполагает, что жившие в Хорватии потомки аваров своим внешним обликом отличались от хорватов и поэтому их *узнавали* как аваров. Впрочем, далеко не только возможность двоякого понимания смысла фразы обусловила разнообразие взглядов, присутствующее в историографии по поводу интерпретации

⁴⁴⁶ «καὶ εἰσὶν ἀκμήν ἐν Χρῳατία ἐκ (τοὺς) τῶν Ἀβάρων, καὶ γινώσκονται ἸΑβάρεις ὄντες» (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 130).

⁴⁴⁷ *Грот К. Я.* Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах... — С. 31; *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. — Р. 143; *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 131.

⁴⁴⁸ Цит. по: *Mužić I.* Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 2. dopunjeno izd. — Split, 2007. — С. 288.

⁴⁴⁹ ВИНН. Т. II. — С. 31.

известия о хорватских аварах. В то время как многие авторы вне зависимости от того или иного варианта перевода рассматривали данное известие как указание на наличие лиц аварского происхождения среди самих хорватов, другие были готовы искать на территории Далмации островки компактного аварского населения. Так, Дюммлера данное известие натолкнуло на мысль о наличии в Далмации небольшой аварской колонии, игравшей роль периферийного военного форпоста каганата, но впоследствии перешедшей под контроль хорватов⁴⁵⁰. Ф. Шишич, отталкиваясь от наличия в Хорватии середины X в. упоминаемой в 30-й главе трактата императора Константина особой области, находившейся под управлением бана, локализовал в горных районах Лики, Гацки и Крбавы своего рода аварскую политическую автономию, подвластную хорватскому правителю⁴⁵¹. Гипотеза Ф. Шишича получила развитие в работах Н. Клаич, интерпретировавшей хорватский, а также боснийский банаты в качестве остатков аварской политической организации на западе Балкан, надолго переживших коллапс лежавшего в Карпатской котловине ядра каганата⁴⁵².

В то же время уже давно было замечено, что известие о проживании аваров в Хорватии в середине X в. контрастирует с тем, что в Паннонии, где присутствие аваров, казалось бы, должно было быть гораздо более явственным и продолжительным, чем в Далмации, авары как таковые перестают упоминаться на страницах источников уже к концу IX в. Необычным выглядело длительное сохранение в Далмации аварского элемента и на фоне сообщения 31-й главы трактата «Об управлении империей» о том, что хорваты заняли Далмацию уже в правление императора Ираклия, что подразумевает, что период аварской власти над Далмацией продлился совсем недолго. Подобные соображения побуждали некоторых исследователей относиться к содержащемуся в 30-й главе известию об аварах с осторожностью, если даже не с открыто выраженным недоверием⁴⁵³.

Впоследствии скептицизм в отношении данной информации еще более усилился благодаря результатам археологических

⁴⁵⁰ *Dümmeler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen... — S. 365.

⁴⁵¹ *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 678–680.

⁴⁵² *Klaić N.* Poganska Stara ili Vela Hrvatska... — S. 52–56; *Eadem.* Srednjo-vjekovna Bosna: Politički položaj bosanskih vladara do Tvrtkove krunidbe. — Zagreb, 1994. — S. 22–28.

⁴⁵³ Обзор мнений см.: *Mužić I.* Hrvatska povijest... — S. 288.

раскопок. Некоторых исследователей данное обстоятельство смущало настолько, что побуждало локализовать упомянутых в 30-й главе аваров не в Далмации, а в Посавской Паннонии, на которую к середине X в. распространялась власть хорватских правителей⁴⁵⁴. Однако с такой локализацией невозможно согласиться, так как она противоречит географическому контексту известий 30-й главы, где при описании территориального деления Хорватии по жупаниям территория Посавской Паннонии никак не фигурирует⁴⁵⁵. Даже если считать, вслед за рядом авторов, что содержащееся в 30-й главе известие о занятии хорватами «Иллирика и Паннонии», породившее много споров в историографии, отражает присутствие хорватов в Посавской Паннонии⁴⁵⁶, невозможно игнорировать тот факт, что в представлении автора 30-й главы гипотетическая «иллирско-паннонская Хорватия» была отдельной от Далматинской Хорватии страной, имевшей своего архонта.

Патовая ситуация, в известном смысле сложившаяся относительно интерпретации известия 30-й главы о проживании аваров в Хорватии, на наш взгляд, вызвана тем, что, в отличие от многих других известий императора Константина, известие об аварах, изначально интерпретированное как своего рода этнографический экскурс, воспринималось как объективное отражение бытования в Хорватии аварского этноса, по сути, вне контекста других известий об аварах, которыми пестрят главы трактата, посвященные Далмации. В результате авары, проживавшие в середине X в. в Хорватии, изображались в подобных трактовках в сугубо примордиалистском духе, то есть как некий этнос и одновременно популяция, обладавшая набором объективных признаков, позволяющих даже по внешности отличать их от хорватов. Лишь В. Полем была вскользь высказана идея о том, что в случае с хорватскими «аварами», упомянутыми в 30-й главе, речь не обязательно должна была идти о реальном этническом континуитете⁴⁵⁷. Мы полагаем, что для разрешения загадки хорватских аваров наше внимание

⁴⁵⁴ *Живковић Т.* Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. — С. 193, 394–395; *Živković T.* De Conversione Croatorum et Serborum: a lost source. — Belgrade, 2012. — P. 117–118; *Sokol V.* Starohrvatska ostruga iz Brušana u Lici. Neki rani povijesni aspekti prostora Like — problem banata // *Izdanja Hrvatskog arheološkog društva.* — Zagreb, 2008. — Sv. 23. — S. 185.

⁴⁵⁵ *Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 132.

⁴⁵⁶ Подробнее этот вопрос будет рассмотрен нами в Приложении.

⁴⁵⁷ *Pohl W.* Osnove hrvatske etnogeneze... — S. 94.

должно быть обращено не столько на поиски в Далмации будто бы «объективных» признаков аваров вроде антропологического типа или материальной культуры, сколько на содержание, которое могло вкладываться в понятие «авары», во-первых, в трактате императора Константина и, во-вторых, в конкретных исторических условиях Хорватии середины X в.

С одной стороны, известие о проживании в Хорватии остатков аваров представляет собой нечто вроде занимательной этнографической подробности, добавленной в качестве иллюстрации к известиям хорватской традиции⁴⁵⁸. В этой связи нельзя считать невероятным ее происхождение от внешнего наблюдателя. В этом случае фраза об аварах может отражать восприятие извне, в рамках которого определенным чертам хорватов (трудно сказать, каким именно) могло быть приписано аварское происхождение. Более вероятно, однако, что подобно предваряющему его этногенетическому мифу это известие было также почерпнуто автором 30-й главы или его информаторами от самих хорватов⁴⁵⁹. В этом случае интересующее нас известие 30-й главы следует рассматривать в первую очередь в контексте того представления об аварах, которое отражено в хорватской этногенетической традиции. Важнейшей чертой этого представления было изображение аваров в качестве исторических врагов хорватов. Противопоставление себя аварам и обусловленное победой и установлением господства над аварами представление о своем превосходстве над аварами следовало бы поэтому рассматривать в качестве важнейших элементов самоидентификации хорватской элиты. В таких условиях наличие среди тех, кто считал себя хорватами, лиц, сохранявших аварскую идентичность, представляется совершенно невозможным: эти идентичности были взаимоисключающими.

Следовательно, необходимо обратить внимание на факторы сохранения этнической границы (в социальном, а не пространственном значении данного понятия) между хорватами и теми, кто «признавался аварами», в середине X в. Длительное сохранение этнической границы в данной ситуации было возможно лишь в двух случаях. Хорватские «авары» либо непосредственно жили среди хорватов, образуя подчиненный им социальный слой, либо обладали своей собственной потестарной структурой, в той или иной степени подконтрольной хорватскому правителю. При этом сам

⁴⁵⁸ См.: *Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... – S. 30.*

⁴⁵⁹ *Margetić L. Konstantin Porfirogenet... – S. 12.*

характер аварской идентичности, тесно связанный с функционированием аварской политической организации во главе с каганом⁴⁶⁰, делает маловероятной возможность сохранения в Далмации аварской самоидентификации спустя более чем сотню лет после разрушения каганата: поэтому велика вероятность того, что аварская идентичность просто приписывалась хорватами подчиненной группе. Как будет показано в третьей главе, такой группой могли быть гудусканы, упоминаемые во франкских источниках в связи событиями, разворачивавшимися в Далмации в первой четверти IX в.

Таким образом, хорватские «авары» X в. вряд ли являлись носителями аварской идентичности и уж тем более потомками тех аваров, которые в свое время завоевали Далмацию. Важнее другое — то, что для хорватов в середине X в. авары были не только образом прошлого, но и элементом актуального социально-политического контекста и принятых в нем стратегий различения. В таких условиях хорватская идентичность может и должна быть осмыслена как идентичность врагов аваров, что заставляет вспомнить о выделяемом Вольфрамом в этногенетических традициях мотиве «главного врага», со столкновения с которым начинается история новой гентильной общности. Учитывая значимость темы аваров для хорватской элиты, важным представляется и то, что хорватское этногенетическое предание ставит конфликт с аварами в самое начало хорватской истории. Таким образом, далматинские хорваты в середине X в. именно к аварскому периоду относили начало своего исторического бытия.

Подобное прочтение хорватского «*origo gentis*» вкупе с вышеуказанными трудно разрешимыми противоречиями, порождаемыми версией о переселении хорватов из земель, расположенных к северу от Аварского каганата, на земли, лежащие к югу от его ядра, склоняет к тому, чтобы считать первоначальную хорватскую (или лишь впоследствии осмысленную в качестве таковой) группу элементом аварской социально-политической структуры. Картине, реконструируемой по данным письменных источников, не противоречат и результаты археологических раскопок на территории Далмации, к сожалению, довольно скудные. Приписывать именно «хорватам», понимаемым при этом как особая, отличная и от аваров, и от славян этническая общность, некоторые яркие памятники

⁴⁶⁰ Pohl W. Conceptions of ethnicity in early medieval studies // *Archaeologia Polona*. — 1991. — Vol. 29. — P. 44.

материальной культуры той эпохи, обнаруживающие воздействие аварских традиций, было бы, конечно, неправильно. Однако упомянутое выше обнаружение в Плискове в Бискупии у Книна набора из 24-х бронзовых матриц для изготовления кованых украшений для одежды и конского убора позволяет по крайней мере допустить возможность существования в районе Книна некоего властного центра среднеаварской эпохи, который мог быть связан с будущей кристаллизацией в этом районе хорватской политики. На этнокультурный контекст, в котором происходило формирование хорватской этнополитической общности, красноречиво указывают и обнаруженные в раннесредневековых некрополях Далмации флаконы из оленьих рогов, представляющие собой артефакты, характерные для Аварского каганата⁴⁶¹. Точное назначение этих загадочных предметов остается неясным, однако их использование (или использование предположительно хранившейся в них соли) в ритуальных целях представляется весьма вероятным⁴⁶². В этой связи следует особо выделить два флакона с изображениями, символика которых может быть связана с религиозной практикой шаманизма⁴⁶³.

Еще один важный элемент хорватской традиции, помогающий выявить исторический контекст формирования хорватской этнополитической общности, — это перечисленные в ней имена

⁴⁶¹ См.: *Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća...* — S. 186–190.

⁴⁶² *Ibid.* — S. 188.

⁴⁶³ См.: *Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII. do IX. stoljeća.* — S. 125–128. Один такой флакон происходит из некрополя Ждриец близ Нина, второй — из некрополя Джеврске — *Ardalića bašća* (сад Ардаличей). См.: *Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća...* — S. 188–189. Еще два подобных флакона с аналогичными изображениями обнаружены в другой части поставарского пространства — близ Шопрона и Залавара в Венгрии. См.: *Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII. do IX. stoljeća.* — S. 125–128; *Sokol V. Arheološka baština i zlatarstvo // Hrvatska i Europa.* — Zagreb, 1997. — Sv. I. — S. 119. Точный смысл сцены, изображающей древо жизни и двух рогатых животных по обе стороны от него, остается предметом дискуссий. Хотя была предпринята интересная попытка истолкования символики этих изображений в христианском контексте (см.: *Vojvoda P. Prilog čitanju starohrvatskih simbola // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini* (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 15). — Zagreb, 1992. — S. 141–143), в свете уникальности данных находок для Европы «аварская гипотеза» венгерского ученого Д. Тёрёка, поддержанная Я. Белошевичем, выглядит более предпочтительной. Обзор мнений см.: *Petrinec M. Groblja od 8. do 11. stoljeća...* — S. 189–190.

легендарных хорватских вождей. Все высказанные в историографии суждения относительно того, кого или что могли символизировать собой семь легендарных вождей, хотя подчас и базировались на серьезном изучении этимологии имен, по понятным причинам остаются сугубо гипотетическими. Обращает на себя внимание то, что, в отличие от воспроизводимого в том же трактате императора Константина (в 38-й главе) венгерского этногенетического предания, в хорватской традиции речь идет не о «племенах» или «родах»⁴⁶⁴, а о пяти братьях и двух сестрах, составлявших один «род». Правда, в свете известий Фомы Сплитского о семи или восьми знатных племенах лингонов, имена хорватских вождей, перечисленные в 30-й главе трактата «Об управлении империей», нередко рассматривались в историографии в качестве эпонимов неких «племен» или родственных коллективов⁴⁶⁵.

То, что за именами вождей действительно могли скрываться некие общности, исключать, конечно, нельзя. Однако попытки отождествить их с конкретными «племенами» или родственными коллективами, известными по другим источникам, трудно признать удачными. Помимо того, что все они базировались на (порой довольно отдаленных) созвучиях названий⁴⁶⁶, сами поиски

⁴⁶⁴ Основываясь на венгерской этногенетической традиции, Константин Багрянородный сообщает о том, что турки (венгры) и примкнувшие к ним кавары все вместе составляли восемь племен (родов), из которых семь «племен» были венгерскими, а одно «племя» — каварским (*Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 159, 163). На структурную близость хорватской и венгерской этногенетических традиций неоднократно обращалось внимание в историографии. См. особенно: *Klaić N. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata*. — S. 33–34; *Eadem. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*. — S. 137.

⁴⁶⁵ В историографии второй половины XIX — первой половины XX в. предпринимались попытки связать имена семи вождей с названиями славянских «племен», а также с названиями двенадцати хорватских родов, представители которых заключили в 1102 г. договор с венгерским королем Коломаном (например, Буга связывалась с бужанами, а Туга с Тугомиричами). Впрочем, даже Ф. Шишич, рассматривавший семь вождей как персонификацию семи племен, считал возможным только о двух «племенах» говорить с определенностью — хорватах в узком смысле (вождь Хорват) и бужанах (Буга) (см.: *Šišić F. Povijest Hrvata...* — S. 277–278).

⁴⁶⁶ На созвучиях названий основывались и некоторые предпринимавшиеся в историографии попытки выявить древнейшие районы обитания хорватов, распознавая имена легендарных хорватских вождей

таких созвучий обычно ограничивались славянским языковым пространством, так как основывались на априорных представлениях о славянской принадлежности появившихся в Далмации хорватов⁴⁶⁷. Между тем с достаточной долей определенности можно говорить о том, что имена хорватских вождей, что бы они в действительности не означали, не являются славянскими⁴⁶⁸. Данный вывод хорошо соотносится и с признанным в науке неславянским происхождением самого названия «хорват», которому в приведенном в 30-й главе перечне легендарных вождей, приведших хорватов в Далмацию, соответствует эпоним Хорват (Хрват). Согласно наиболее популярной в историографии гипотезе, название «хорват» имеет иранское происхождение, а среди вариантов его этимологии одним из наиболее удачных признается выведение его из иранского термина (*fšū*)-*haurvatā* («страж скота»)⁴⁶⁹. На греческих надписях II–III вв., происходящих из античного Танаиса, находившегося

в топонимике тех или иных районов. Так, в свое время Й. Модестин «обнаружил» имена семерых хорватских вождей в топонимике Лики (*Modestin J. Imena petorice braće i dviju sestara na početku hrvatske povijesti // Nastavni vijesnik. — 1928. — Knj. XXXVI. — S. 288–296*), в то время как С. Пантелич позднее «нашел» имена хорватских вождей в бассейне реки Заале, где уже в раннее Средневековье засвидетельствованы топонимы, очевидно, происходящие от названия «хорват» (*Pantelić S. Najstarija povijest Hrvata. — Mainz, 1993. — S. 67–75*). Несмотря на все проявленное исследователями остроумие при идентификации данных названий как топонимических следов древнейших хорватских поселений, их выводы не выходят за пределы обычных догадок.

⁴⁶⁷ Показателен в этой связи пример с Бугой и бужанами.

⁴⁶⁸ Как отмечает Р. Катичич, эти имена «не допускают никакой славянской этимологии» (*Katičić R. Filološka razmatranja... — S. 89*).

⁴⁶⁹ Хотя неславянское происхождение названия «хорват» можно считать установленным, точная языковая атрибуция этого названия и его значение (в том числе и в рамках иранской гипотезы) были и остаются предметом споров. См. подробные обзоры дискуссий по этой проблеме за разные периоды: *Šišić F. Povijest Hrvata... — S. 241–265; Nahtigal R. Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat // Etnolog. — Ljubljana, 1937–1939. — Knj. X–XI. — S. 383–413; Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. II. — Warszawa, 1964. — S. 114–142; Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat. — Zagreb, 1990; Майоров А. В. О происхождении этнонима «хорваты»: историко-этимологические заметки // Украина: культурна спадщина, національна свідомість, державність. — 2006–2007. — Вип. 15. — С. 55–61; Он же. Великая Хорватия... — С. 85–94.*

в то время в окружении ираноязычного населения, три раза встречается личное имя Χορούαθος / Χορόαθος , которое теоретически могло быть образовано от названия некоей социальной или родственной группы⁴⁷⁰. Впрочем, уверенности в том, что именно с этим именем следует связывать название хорватов, все-таки нет. Так, на основании наиболее ранних форм названия хорватов, зафиксированных в источниках IX–XI вв., Р. Катичичем было высказано предположение, что в славянском языке изначально использовалась форма «хроваты» (хрвьате), тогда как форма «хорваты» распространилась позднее⁴⁷¹.

Имена легендарных сестер « Τουγά » и « Βουγά », как в свое время убедительно показал Й. Миккола, могли являться тюркскими мужскими именами, ошибочно воспринятыми в качестве женских в грекоязычной среде. Довольно близкий тюркский эквивалент подыскал финский лингвист и для имени « Κλουκάς » (Külük)⁴⁷², хотя происхождение этого имени по-прежнему остается дискуссионным. Имя « Μουχλῶ » было сопоставлено Й. Микколой с формой « Μοῦγελ »⁴⁷³, зафиксированной в «Хронографии» Иоанна Малалы в качестве имени правившего в VI в. вождя приазовских «гуннов»⁴⁷⁴. Если имя «Мугел» действительно являлось оригинальной формой имени гуннского вождя, известного «Хронографии» Феофана Исповедника (начало IX в.) как «Муагерий» (Μουαγέρις)⁴⁷⁵, примечательно то, что и оно уводит нас в степи Северного Причерноморья и Приазовья.

Особый интерес представляет происхождение имени « Κοσέντζης ». Миккола усматривал в нем тюркское имя « Qoşunçï »⁴⁷⁶. Между тем,

⁴⁷⁰ *Μαϊοροφ Α. Β.* Великая Хорватия... — С. 81–101; *Škegro A.* Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov // *Review of Croatian History*. — Zagreb, 2005. — Vol. 1. — No. 1. — P. 9–28.

⁴⁷¹ *Katičić R.* Ime, podrijetlo i jezik Hrvata (Etnogeneza hrvatskoga naroda) // *Povijest Hrvata*. Knj. I. Srednji vijek. — Zagreb, 2003. — С. 40–42.

⁴⁷² См.: *Mikkola J. J.* *Avarica* // *Archiv für slavische Philologie*. — Berlin, 1927. — Bd. 41. — S. 158–159.

⁴⁷³ *Ibid.* — S. 159.

⁴⁷⁴ *Joannis Malalae Chronographia* / *Rec. L. Dindorf*. — Bonnae, 1831. — P. 431.

⁴⁷⁵ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980. — С. 27.

⁴⁷⁶ См.: *Mikkola J. J.* *Avarica* // *Archiv für slavische Philologie*. — Berlin, 1927. — Bd. 41. — S. 158–159.

как уже давно было замечено в историографии, оно с большей долей вероятности может быть связано со средневековыми каринтийскими косезами — принимавшей участие в интронизации герцога Каринтии социальной группой, корни которой, судя по всему, уходят в эпоху существования карантанского политического образования (VII–IX вв.)⁴⁷⁷. В свете аварского контекста становления хорватской общности представляется весьма вероятной выдвинутая еще Л. Хауптманном гипотеза о связи каринтийских косезов (реконструируемая форма единственного числа — *kaseg*⁴⁷⁸) с кавказскими касогами⁴⁷⁹. В самом названии «касого», служившем в раннее Средневековье обозначением одной из крупнейших протоадыгских общностей Западного Кавказа, отразился, по мнению ряда исследователей, процесс интенсивного взаимодействия горского протоадыгского элемента с тюркоязычными обитателями близлежащих степных районов⁴⁸⁰. Первоначальная касожская идентичность была, согласно данной точке зрения, социальной идентичностью военизированных «братств», на что указывают вероятное происхождение названия «касого» от термина «кош» (в значении «кочевье», «временный лагерь») и его этимологическая и семантическая близость к адыгскому термину «кьошыгъ» («братство»)⁴⁸¹. С исторической

⁴⁷⁷ Обзор мнений см.: *Štih P. Novi pokušaji rješavanja problematike Hrvata u Karantaniji // Etnogeneza Hrvata. — S. 126–127.*

⁴⁷⁸ См.: *Štih P. Novi pokušaji... — S. 126.*

⁴⁷⁹ *Hauptmann, Lj. Seoba Hrvata i Srba // JIČ. — 1937. — Br. 3. — S. 59–61.*

⁴⁸⁰ См.: *Панеш Э.Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). — СПб., 1996. — С. 84–111. О социальной роли кошевых братств см.: Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. — СПб., 1996. — С. 81–90.*

⁴⁸¹ Там же. — С. 103–108. Несколько иначе трактует касожскую идентичность А. К. Аликберов, по мнению которого исходной формой для обозначения касогов (ал-касакийя) в арабских источниках была форма «касак», имевшая тюркскую этимологию («вольные люди»). Обозначение адыгов термином «касак» исследователь объясняет следующим образом: «В Хазарии касакками (казаками) называли свободных людей, зарабатывавших на жизнь военной службой. Адыги, которые сами никогда не именовали себя кашаками или касакками, неоднократно выступали в военных походах совместно с хазарами и асами, вероятно, за определенную плату» (*Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу-Бакр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-хака'ик» (XI–XII вв.). — М., 2003. — С. 186).*

точки зрения, присутствие в составе «хорватской» общности выходцев с территории Северного Кавказа, где около середины VI в. базировались авары, выглядит вполне вероятным, а вопрос об обстоятельствах их интеграции в аварскую социально-политическую организацию, очевидно, должен решаться с учетом взаимосвязей с аварами приазовско-причерноморских тюрков, являвшихся непосредственными соседями касогов.

Памятуя об особенностях структуры этногенетических мифов, мы не можем, разумеется, быть уверенными в том, что конфликт «хорватов» с аварами имел место в действительности. Речь могла идти и о постепенном ослаблении аварской власти, создавшем условия для кристаллизации новой политики на периферии каганата, что могло быть осмыслено хорватской традицией как победа над аварами. При этом, однако, стоит отметить, что сама по себе ситуация конфликта нередко являлась фактором, способствовавшим конституированию нового этнополитического организма. Примечательно, что из письменных источников нам известно о трех такого рода «этногенезах», связанных с обособлением от Аварского каганата тех или иных групп. Так, согласно второй книге «Чудес св. Димитрия Солунского», от аваров отделилась сформировавшаяся на периферии каганата, в районе Сирмия, гетерогенная общность, возглавленная болгарским вождем Кувером⁴⁸². О похожем пути формирования еще одной этнополитической общности — «*gens Winidorum*» — рассказывает и «Так называемая Хроника Фредегара» в известном сообщении о «сыновьях гуннов», восставших против аварских властей⁴⁸³. Если верить известиям «Бревиария» патриарха Никифора (вторая половина VIII в.), «Великая

⁴⁸² Свод. Т. II. — С. 170–171.

⁴⁸³ Свод. Т. II. — С. 366–367. На сходство обстоятельств возникновения раннего хорватского политического образования и «державы» Само указывал, например, словацкий историк Ян Штайнхюбель, отмечая, что обе политики были образованы группами, интегрированными в аварский социум: *Steinhübel J. Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva* // НС. — 1998. — Роç. 46. — Ç. 3. — S. 382–383. Ф. Курта склонен усматривать в рассказе Фредегара о происхождении политики «винидов» легенду жанра «*origo gentis*», призванную объяснить появление нового политического фактора, беспокоившего Австразию Дагоберта: *Curta F. Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: Medieval Gens or «Scourge of God»?* // ЕМЕ. — 1997. — Vol. 6. — P. 148–151. При этом, впрочем, остается неясным, базировался ли рассказ хрониста на этногенетической традиции самих «винидов».

Болгария» Кубрата также была консолидирована как сила, противопоставившая себя аварам⁴⁸⁴. Весьма похожим по своим последствиям, если верить свидетельству императора Константина, был и гораздо более поздний конфликт в Хазарском каганате: согласно 39-й главе трактата «Об управлении империей», кавары, вошедшие в качестве отдельной этнополитической единицы, возглавлявшейся своим «архонтом», в состав венгерского политического объединения Леведии, сформировались как особая общность в результате своего отделения от хазар⁴⁸⁵.

Когда именно могли сложиться условия для формирования на периферии Аварского каганата более или менее самостоятельного политического организма, ставшего ядром будущей хорватской политики? Пытаясь ответить на этот вопрос, невозможно пройти мимо примечательного факта, что император Ираклий, с которым в «византийской версии» ранней хорватской истории связывается появление хорватов в Далмации, был современником оногурского правителя Кубрата/Кровата. В историографии неоднократно подмечалось сходство имени этого правителя в форме, записанной в «Хронографии» Феофана Исповедника (Кроват), с именем легендарного вождя Хорвата/Хрвата из 30-й главы трактата «Об управлении империей» и, соответственно, с самим названием хорватов, из чего иногда даже делались далеко идущие выводы о «булгарском» происхождении хорватов⁴⁸⁶. Вот что сообщает о Кубрате патриарх Никифор:

⁴⁸⁴ Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 153 (текст), 161 (перевод).

⁴⁸⁵ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 163.

⁴⁸⁶ Уже в середине XVIII в. С. Тимон высказал предположение о происхождении названия хорватов от имени Кубрата (Кровата), правителя так называемой «Великой Болгарии» (см. об этом: Šišić F. Povijest Hrvata... — S. 236, bilj. 1). В первой половине XIX в. похожую идею в Хорватии развивал И. Швейар (см. об этом: Mužić I. Hrvati i autohtonost... — S. 425). На этом же основании Г. Ховорт считал пришедших на Балканы хорватов одной из групп тюрков-болгар (Howorth H. The Spread of the Slavs. Part IV. The Bulgarians // The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. — 1882. — Vol. XI. — P. 224). Дж. Б. Бьюри, не связывая напрямую хорватов с историческим Кубратом, тем не менее высказал предположение о том, что имя Кровата было именем древнего эпического героя разных болгарских групп, с одной из которых связано происхождение хорватов (Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). Vol. II. — London, 1889. — P. 275–276). А. Грегар связал приход хорватов на Балканы с восстанием Кувера, о котором

«В это время Куврат, племянник Органы, государь уногундуrow, восстал против хагана аваров и, подвергнуv оскорблениям, изгнал из своих земель бывший при нем от хагана народ. А к Ираклию [Куврат] посылает посольство и заключает с ним мир, который они хранили до конца своей жизни. [В ответ Ираклий] послал ему дары и удостоил его сана патрикия»⁴⁸⁷. Текст Никифора не содержит здесь датировки восстания Куврата и отправки посольства к Ираклию, но на основании хронологии других событий, описываемых в «Бревиарии», в историографии делается вывод, что данные события происходили в период между 634 и 640 гг.⁴⁸⁸ Согласно распространенной в историографии интерпретации данного известия, фигурирующий в приведенном фрагменте правитель уногундуrow Куврат тождественен государю «Великой Болгарии» Коврату, о котором сообщается как в дальнейшем тексте патриарха Никифора, так и в «Хронографии» Феофана Исповедника.

Интересно, что, согласно Никифору, еще до этих событий в Константинополе принял крещение некий «государь народа гуннов» вместе со своими «архонтами», после чего император Ираклий удо-

сообщают «Чудеса св. Димитрия Солунского». Отождествив Куврата с Кубратом и легендарным Хроватом, одним из семи вождей, приведенных, согласно 30-й главе трактата «Об управлении империей», хорватов на Балканы, исследователь выдвинул тезис об образовании в 630-е гг. в результате распада Аварского каганата обширной, хотя, возможно, и довольно эфемерной державы Кровата-Кубрата (*Grégoire H. L' origine et le nom des Croats et des Serbes // Byzantion. — 1944–1945. — Vol. 17. — P. 88–118*). О. Каратай, недавно выдвинувший тезис о тюрко-огурском происхождении хорватов, производит название «хорват» от имени гипотетического огурского вождя VI в., носившего то же имя, что и болгарский вождь Кубрат (*Karatay O. Hırvat Ulusunun Oluşumu: Erken Ortaçağ'da Türk-Hırvat İlişkileri. — Ankara, 2000; Idem. Ogur Connection in the Migration of Croats and Serbs // The Turks / Ed. by O. Karatay et al. — Ankara, 2002. — Vol. I. — P. 553–561; Idem. In Search of the Lost Tribe: The Origins and Making of the Croatian Nation. — Çorum, 2003*).

⁴⁸⁷ «Υπὸ δε τὸν αὐτὸν καιρὸν ἐπανέστη Κοῦβρατος ὁ ἀνεπιὸς Ὀργανᾶ ὁ τῶν Οἰνογοῦνδοῦρων κύριος τῷ τῶν Ἀβάρων χαγάνῳ, καὶ ὃν εἶχε παρ' αὐτὸ τοῦ λαὸν περιυβρίσας ἐξεδίωξε τῆς οἰκείας γῆς. διαπρεβεύεται δε πρὸς Ἡράκλειον καὶ σπένδεται εἰρήνην μετ' αὐτοῦ, ἥνπερ ἐφύλαξαν μέχρι τέλους τῆς ἐαυτῶν ζωῆς· δῶρά τε γὰρ αὐτῷ ἔπεμψε καὶ τῇ τοῦ πατρικίου ἀξίᾳ ἐτίμησεν» (*Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения... — С. 153* (текст), 161 (перевод)).

⁴⁸⁸ Там же. — С. 174.

стоил его саном патрикия⁴⁸⁹. Это событие произошло, возможно, уже в 618/619 г.⁴⁹⁰ Исследователи, считавшие безымянного гуннского вождя правителем болгар, отождествляли его либо с правителем «Великой Болгарии» Кубратом/Кувратом⁴⁹¹, либо с Органой⁴⁹², чьим племянником, по сообщению Никифора, был государь уногундуrow Куврат. Известие патриарха Никифора перекликается также с информацией «Хроники» Иоанна Никиусского (VII в.) о том, что правитель мутанов (гуннов) Кетрадес (Qetrades), племянник Кернаки (Киегнака), был еще в детстве крещен в Константинополе, вырос при императорском дворе и сделался большим другом благодетельствовавшего ему императора Ираклия⁴⁹³. Хотя идентификация обоих вождей по сей день остается дискуссионной, сообщение это нередко наводило исследователей на мысль о тождественности Кетрадеса Кубрату, а Кернаки — Органе⁴⁹⁴.

В историографии неоднократно указывалось на сложность соотнесения традиционной локализации державы Кубрата в Восточном Приазовье с известием о борьбе Куврата с аварами, центр державы которых находился на территории Паннонии. В связи с этим одни исследователи вовсе отрицали тождество уногундурского Куврата и болгарского Коврата, другие же предполагали, что в действительности Куврат боролся не с Аварским, а с Западнотюркским каганатом, который в 630-е гг. также переживал крупные политические потрясения. Однако в последнее время все большую поддержку получает локализация ядра державы Кубрата в степной и лесостепной зоне Украины⁴⁹⁵, базирующаяся главным образом

⁴⁸⁹ Там же. — С. 151.

⁴⁹⁰ Там же. — С. 174.

⁴⁹¹ См.: *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. I. Ч. I. — София, 1994. — С. 85–95.

⁴⁹² См.: *Артамонов М. И.* История хазар. — С. 229–230.

⁴⁹³ *Петров П., Гюзелев В.* Христоматия по история на България. Т. I. — София, 1979. — С. 78.

⁴⁹⁴ См. подробно с обзором мнений: *Артамонов М. И.* История хазар. — С. 221–230; *Петров П.* Образуване на Българската държава. — София, 1981. — С. 118–145.

⁴⁹⁵ См., например: *Науменко В. Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // Хазарский альманах. — Киев; Харьков; М., 2004. — С. 52–76; *Róna-Tas A.* Where was Khuvrat's Bulgharia? // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2000. — Vol. 53. — P. 1–22; *Curta F.* Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. — Cambridge, 2006. — P. 77–79.

на убедительной идентификации в качестве могилы Кубрата погребального комплекса из Малой Перещепины⁴⁹⁶. С известиями патриарха Никифора согласуются и предложенные исследователями расшифровки монограмм на трех перстнях из Перещепинского сокровища. В то время как на двух из них, по версии В. Зайбта, читаются слова «Куврату» и «Куврату патрикию», на третьем, по предположению В. Н. Залесской, прочитывается имя и титул «патрикия Органы»⁴⁹⁷. Правда, и в этом случае доверие к известию патриарха Никифора предполагает считать, что авары и после 560-х гг. имели большую сферу влияния в Восточной Европе, распространяющуюся по крайней мере на причерноморских кутригуров. Основной проблемой становится, таким образом, проблема присутствия аварского контроля в Северном Причерноморье (и Приазовье) после ухода основной части авар с Северного Кавказа в Центральную Европу. Заметим, что прочных оснований считать, что зона аварского контроля ограничивалась исключительно Паннонией и Потисьем, не существует, в связи с чем известия о вражде Куврата с аварами совсем не обязательно считать неправдоподобными.

Сходство сюжетов хорватской этногенетической традиции, рассказа о приходе хорватов, содержащегося в 31-й главе трактата императора Константина, и сообщения патриарха Никифора о Кубрате (во всех трех известиях речь идет о борьбе с аварами), а также датировка прихода хорватов в 31-й главе временем правления Ираклия, современником которого был Кубрат, несомненно, заслуживают самого пристального внимания. Более того, все это делает весьма интригующим упоминавшееся выше совпадение имен легендарного хорватского вождя Хровата, фигурирующего в хорватской этногенетической традиции, и правителя «Великой Болгарии», именуемого в «Хронографии» Феофана Исповедника Крватом.

Можно думать, что образование полиэтничной «антиаварской» державы Кубрата в степях Северного Причерноморья не только совпало по времени, но и, возможно, находилось в какой-то не известной нам связи с социально-политическим кризисом, потрясшим Аварский каганат в 630-е гг. О событиях, происходивших в это время в Аварской державе, подробно рассказывает хроника Фредегара. В ней говорится: «В тот год в царстве аваров, именуемых гун-

⁴⁹⁶ См. подробно: *Залеская В.Н., Львова З.А., Маршак Б.И., Соколова И.В., Фоякова Н.А.* Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. — СПб., 1997.

⁴⁹⁷ Там же. — С. 120–121.

нами, в Паннонии возник сильный раздор, ибо боролись за царскую власть — к кому она должна перейти. Один из аваров, а другой из болгар, собрав множество людей, стали нападать друг на друга. Наконец авары взяли верх над булгарами. Когда болгары были побеждены, то девять тысяч мужчин с женами и детьми, изгнанные из Паннонии, обратились к Дагоберту, прося, чтобы их приняли на жительство в страну франков»⁴⁹⁸. В свое время венгерский исследователь И. Бона сделал попытку связать воедино события аварско-болгарского конфликта в Аварском каганате, описываемые Фредегаром, с информацией патриарха Никифора о восстании Кубрата, предположив, что Кубрат — это и есть тот претендент на каганский престол из болгар, о котором сообщает нам франкский хронист⁴⁹⁹. Если это действительно так, то следовало бы по крайней мере задаться вопросом: не являлись ли первоначальные хорваты («хрваты») сторонниками Кубрата/Кровата, вынужденными после победы его соперника покинуть территорию Аварского каганата?

Этнополитическая ситуация в Карпатской котловине и степях Восточной Европы в период правления императора Ираклия, важная для понимания условий возникновения общности, ставшей впоследствии известной под именем хорватов, едва ли может быть адекватно осмыслена без учета такого фактора, как нестабильность и ситуативная обусловленность групповой идентификации в кочевых империях, заставляющие сомневаться в соответствии реальному положению дел практически любых форм «этнической» категоризации подобных сообществ на страницах письменных источников⁵⁰⁰. Показательно, что, подобно первоначальной

⁴⁹⁸ Так называемая хроника Фредегара [Перевод В. К. Ронина] // Свод. Т. II. — С. 371. События датируются началом 630-х гг. См. комментарий В. К. Ронина: Там же. — С. 392.

⁴⁹⁹ *Bóna I. Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken* // *Studia Turco-Hungarica*. — Budapest, 1981. — Vol. 5. — S. 104–107.

⁵⁰⁰ См., например, недавнюю полемику об истоках и характере средневековой монгольской идентичности, выявившую многофункциональность практик групповой идентификации в империи Чингисхана и трудность их соотнесения с этническими категориями, традиционно использовавшимися по отношению к кочевым обществам в Китае: *Рыкин П. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана* // *Вестник Евразии / Acta Eurasia*. — 2002. — № 1 (16). — С. 48–84; *Скрипникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана*. — Изд. 2-е перераб., доп. и испр. — СПб., 2013. — С. 97–130.

«Хорватии», общность, возглавлявшаяся Кубратом, также не имела стабильного наименования. Патриарх Никифор, именующий восставшего против аваров Куврата «государем уногундуrow», далее сообщает о Коврате, «государе этих племен»⁵⁰¹, очевидно, имея в виду упомянутых им ранее гуннов, болгар и «соплеменных им котрагов». Феофан Исповедник называет Кровата властителем Булгарии и котрагов⁵⁰², упомянув перед этим в едином контексте уногундуrow, болгар и котрагов⁵⁰³. Все перечисленные названия, соотношение которых друг с другом остается неясным, определенно восходят к истории аварского или даже гуннского объединений, где они были интегрированы в иную этнополитическую структуру. Упоминаемый же обоими авторами применительно к объединению Кубрата термин «Великая Болгария» был, несомненно, гораздо более позднего, книжного, происхождения⁵⁰⁴.

В этой связи представляется возможным говорить, разумеется, с должной осторожностью, не только о синхронности, но и об определенной параллельности процессов, происходивших в 630-е гг. в Далмации и Северном Причерноморье, на юго-западных и юго-восточных рубежах Аварского каганата, а также об очевидной заинтересованности в них Византии. Подъем новых воинских элит, обусловленный ослаблением Аварского каната, привел в действие механизмы формирования новых или актуализации и наполнения новым смыслом ранее существовавших идентичностей, таких как «болгары» или «котраги»/«кутригуры». Среди этих идентичностей могла быть и идентичность «хорватов», о характере которой в предшествующий период трудно сказать что-либо определенное⁵⁰⁵. Каким бы ни был характер первоначальной хорватской

⁵⁰¹ *Чичуров И. С.* Византийские исторические сочинения... — С. 162.

⁵⁰² Там же. — С. 60–61.

⁵⁰³ Там же. — С. 60.

⁵⁰⁴ См., например: *Науменко В. Е.* К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата. — С. 62–63.

⁵⁰⁵ В трактате Константина Багрянородного «О церемониях византийского двора» в перечне правителей Кавказа, которые в византийской дипломатической переписке должны были именоваться архонтами, упоминается архонт неких «креватадов» (Κρεβατάδων), именуемый также «креватан» (Κρεβατάν). Судя по контексту, «креватадскую архонтию» следовало бы искать где-то по соседству с Кавказской Албанией и Цанарией. Далее в этом же перечне фигурирует княжество Сарван (Σαρβάν), расположенное, по информации трактата, между Аланией и Цанарией

идентичности, необходимо подчеркнуть, что только с ее политизацией («хорваты» = враги авар), но никак не раньше, открылся путь для становления той этнополитической общности, которая будет известна в Далмации под именем хорватов.

§ 3. Origo gentis Chroatorum II: Хорваты и франки

Хотя в историографии «франкский эпизод» 30-й главы трактата «Об управлении империей» неоднократно подвергался исследовательскому анализу, нацеленному на выявление в нем пресловутого исторического зерна, однако он так и по сей день остался предметом взаимоисключающих суждений. И это неудивительно: какой бы интерпретации изложенного в 30-й главе сюжета не придерживались те или иные исследователи, можно с уверенностью заключить, что как таковой этот сюжет не соответствует историческим реалиям эпохи франкского господства над Далмацией. Этот вывод делается, прежде всего, на основании сопоставления

(*Constantine Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae byzantinae libri II* / E rec. Io. Iac. Reiskii. — Bonnae, 1829. — P. 259). Еще во второй половине XIX в. А. Рамбо считал возможным связать криватадов с хорватами, предки которых, по его мнению, могли обитать на Кавказе (*Rambaud A. L' Empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète. Paris, 1870. P. 510, 525*). Ф. Дворник привлек свидетельство о криватадах и княжестве Сарван в обоснование иранской (сарматской) теории происхождения хорватов и сербов (которых ученый отождествил с жителями Сарвана). По мнению исследователя, часть хорватов, первоначально проживавших в Приазовье, была оттеснена нашествием гуннов к Кавказскому хребту, где они сумели сохранить собственную политическую организацию (*Dvornik F. The Slavs: their early history and civilization. — P. 27–28*). Тезис о тождестве криватадов и хорватов подверг критике в специальной работе А. Грегуар (*Gregoire H. L'origine et le nom des Croates et leur prétendue patrie caucasienne // La Nouvelle Clio. — 1952. — Vol. 4. — P. 322–323; Idem. Le prétendue habitat Caucasiens des Serbes et des Croates // La Nouvelle Clio. — 1953. — Vol. 5. — P. 466–467*), однако предложенное им отождествление криватадов с кабардинцами не выглядит убедительным (см. возражения Ф. Дворника: *Dvornik F. The Slavs: their early history and civilization. — P. 28*). Между тем, в обоснование связи криватадов с хорватами (как и Сарвана с сербами) невозможно привести никаких аргументов, за исключением отдаленного созвучия названий. Этнокультурная принадлежность криватадов и район их проживания на Кавказе остаются невыясненными.

рассказа 30-й главы со сведениями других, более ранних, источников, которые, подтверждая сам факт господства франков над хорватами, осуществлявшегося в разных формах в период с начала IX в. по 878 г., когда к власти в Хорватии пришел византийский ставленник Здеслав (878–879 гг.), не только не упоминают имени Порина, но ничего не сообщают и о таких центральных для рассказа, содержащегося в 30-й главе, событиях, как победа хорватов над франкским войском и принятие ими христианства из Рима.

Историки XVII — первой половины XIX вв., пытаясь примирить друг с другом сведения 30-й главы и информацию имевшихся в их распоряжении источников о хорватских правителях IX ст., считали возможным поместить правление хорватского архонта Порина в период между Владиславом, упомянутым в «Анналах королевства франков» под 821 г. в качестве нового *дукса*, принявшего власть над Далмацией после смерти своего предшественника Борны, и Миславом, непосредственным предшественником хорватского *дукса* Трпимира, правившим в 830-е гг. Впервые подобное решение предложил еще Шарль Дюканж, после которого подобным же образом рассуждали Даниэле Фарлати, Иштван Салади (Stephanus Salagius), Франо Пеячевич, Йосип Микоци и Павел Йозеф Шафарик. Описанные в 30-й главе события хорватской истории (войну с франками и крещение) они ставили, в сущности, в один и тот же период с незначительными расхождениями: между 825 и 832 гг. (Фарлати, Пеячевич, Микоци), между 828 и 835 гг. (Салади), между 825 и 830 гг. (Шафарик)⁵⁰⁶. Подобная датировка, однако, ставила перед исследователями ряд трудно разрешимых вопросов, главными из которых были необходимость объяснить крещение хорватов около 830 г. после того, как они — по сообщению 31-й главы трактата «Об управлении империей» — уже были крещены в правление императора Ираклия, а также согласовать известие о свержении хорватами франкской власти с информацией грамоты Трпимира середины IX в., в интитуляции которой упоминается франкский король Италии Лотарь I (822–844 гг.), очевидно, в качестве верховного сюзерена. Предложенные объяснения выглядели натянутыми и спекулятивными: хорватам якобы пришлось креститься два раза, так как в свое время они будто бы вернулись к язычеству, а после победы над франками и крещения они будто бы снова добровольно признали франкскую власть⁵⁰⁷.

⁵⁰⁶ Обзор мнений см.: Šišić F. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1914. — Sv. 13. — Br. 1. — S. 21–23.

⁵⁰⁷ Ibid.

Неудивительно поэтому, что в середине XIX ст. в работах немецких исследователей Г. Л. Краузе и Э. Дюммлера была предложена новая интерпретация рассказа 30-й главы о борьбе хорватов с франками, согласно которой речь в нем шла не о борьбе с франками далматинских хорватов, а о хорошо известном по источникам восстании против франкской власти Людевита, правителя славян Нижней Паннонии⁵⁰⁸. Кое-что в рассказе 30-й главы действительно перекликается с известиями франкских источников об этом восстании (упоминаемая франкским анналистом со слов Людевита жестокость (*crudelitas*) франкского маркграфа Кадолага, неоднократная отправка в Нижнюю Паннонию большого войска с территории Франкского государства с целью подавления восстания, длительная (пятилетняя) война между франками и славянами). Неудивительно, что данная интерпретация, позволявшая к тому же отождествить Коцилина с фриульским маркграфом Кадолагом (краткой формой имени которого, как было установлено впоследствии, являлась форма *Chozil*), а Пори́на — с правителем Далмации Борной (около 818–821 гг.), показалась удачной многим авторам, а после выхода работ словенских медиевистов Л. Хауптманна и Б. Графенауэра, детализировавших аргументацию в ее пользу⁵⁰⁹, и вовсе стала преобладающей в историографии⁵¹⁰.

К этому необходимо добавить еще одно немаловажное обстоятельство, а именно сходство имени Пори́на и хорватского архонта Порги, при котором, согласно 31-й главе, произошло крещение хорватов священниками из Рима по инициативе императора Ираклия. В этой связи в историографии неоднократно высказывалась мысль, что в обеих главах речь идет об одном и том же

⁵⁰⁸ *Krause H. L. Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I.* — Berolini, 1854. — P. 49–53; *Dümmeler E. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.)* // *Sitzungsberichte der philosophisch–historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften.* — Wien, 1856. — Bd XX. — S. 390–393.

⁵⁰⁹ *Hauptmann Lj. Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastije* // *Zbornik kralja Tomislava.* — Zagreb, 1925. — S. 165–187; *Idem. Mejna grofija spodnjepanonska* // *Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani.* — 1923. — Kn. 1. — S. 344–345; *Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta...* — S. 30–31; *Idem. Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji* // *ZČ.* — 1952–1953. — Letnik VI–VII. — S. 171–190.

⁵¹⁰ Обзор мнений см.: *Ронин В. К. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»* // *ВВ.* — 1983. — Т. 44. — С. 61–63.

правителе. Предполагалось, в частности, что имя Порга могло быть результатом ошибочного написания имени Борна (в греческом тексте: Порва), когда буква «v» вследствие небрежности или невнимательности автора записи могла с легкостью превратиться в букву «γ»⁵¹¹. Это предположение хорошо вписывалось в развивавшееся Графенауэром представление о большей достоверности исходившей от самих хорватов версии хорватской истории, представленной в 30-й главе, по сравнению с версией 31-й главы, проникнутой стремлением возвеличить роль Византии в событиях хорватской истории. Подобная логика побудила исследователя отнести на счет византийской тенденциозности и саму хронологическую привязку правления хорватского архонта Порги ко времени императора Ираклия, что, как казалось, подтверждалось отсутствием информации о крещении хорватов в VII в. в других источниках⁵¹².

Однако, какой бы остроумной ни казалась такая интерпретация, принять ее — значит признать, что хорватская традиция обошлась с реальными историческими событиями весьма вольно. Получается, что она смешала Далмацию, чей правитель Борна, как явствует из франкских источников, был на стороне франков и воевал против Людевита, с восставшей против франков Нижней Паннонией, которая оказалась в составе Хорватии никак не ранее X в. При этом имевшее место в действительности поражение Людевита от франков было заменено в хорватской традиции вымышленной победой над ними хорватов, возглавляемых Борной (!). Более того, из франкских источников известно, что Кадолаг, будто бы тождественный Коцилину, не погиб в сражении, а умер во время восстания от болезни, а Борна, якобы идентичный Порину, скончался еще до подавления восстания Людевита, в 821 г. Наконец, совершенно невероятным выглядит в случае отождествления Порина с Борной принятие хорватами крещения из Рима: известно, что в начале IX в. в Далмации действовали священники из Франкского государства, прежде всего с территории Аквилейского патриархата, не говоря уж о том, что само освобождение хорватов от франкской власти, как уже говорилось выше, произошло лишь в конце 870-х гг.

⁵¹¹ *Hauptmann Lj.* Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva dubrovačkoga zaleđa // Zbornik iz dubrovačke prošlosti Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života. — Dubrovnik, 1931. — S. 19; *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 26.

⁵¹² *Grafenauer B.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 25–28.

От перечисленных противоречий, рождаемых отождествлением Порина с Борной, свободно другое истолкование процитированного фрагмента 30-й главы — то, что было предложено в начале XX в. хорватским историком Фердо Шишичем, отождествившим франкского архонта Коцилина из 30-й главы с Коцелом, правителем так называемого «Блатенского княжества» — франкской политико-административной единицы с центром в Блатнограде на озере Балатон. По мнению Шишича, за фигурой Порина скрывается отнюдь не Борна, а хорватский дукс Бранимир (879–892 гг.), сменивший на престоле Здеслава и получивший в 879 г. для себя и своего народа благословение от папы римского⁵¹³. Из «Истории венециков» Иоанна Диакона (начало XI в.) известно, что за несколько лет до начала правления Бранимира, при Домагое, хорваты совершили военную экспедицию в Истрию, что привело к столкновению с Венецией. Приблизительно в это же время Карломан, претендовавший после смерти Людовика II на трон королевства Италии, был, по сообщению Бертинских анналов, занят войной с «винидами». Ф. Шишич предполагал, что между этими событиями есть связь, так как Карломан, готовясь завладеть Италией, должен был сначала подчинить вассальный по отношению к королевству Италии хорватский дукат⁵¹⁴. Между тем, как впоследствии заметил Графенауэр, против гипотезы Шишича свидетельствует прежде всего то, что в Бертинских анналах, где виниды упоминаются 18 раз, это название всякий раз относилось к западным славянам⁵¹⁵. И хотя у нас нет лингвистических препятствий для отождествления антропонима Коцилин, фигурирующего в 30-й главе, с именем паннонского правителя Коцела, гипотеза Шишича, что Коцел, об обстоятельствах гибели которого ничего не известно, будучи верным вассалом императора, сложил голову в войне с хорватами, на которую его будто бы направил Карломан⁵¹⁶, остается ничем не подтвержденной догадкой. Наконец, если принять гипотезу Шишича, приходится считать а и с тем, что описываемое в 30-й главе крещение хорватов при Порине нельзя считать в собственном смысле слова принятием новой веры, ведь ко времени правления Бранимира хорватская элита уже давно была христианской.

⁵¹³ Šišić F. Genealoški prilozi... — S. 28–48; *Idem*. Povijest Hrvata... — S. 356–360, 386–387.

⁵¹⁴ Šišić F. Genealoški prilozi... — S. 38–41.

⁵¹⁵ Grafenauer B. Vprašanje konca Kocljeve vlade... — S. 178–179.

⁵¹⁶ Šišić F. Genealoški prilozi... — S. 41–42.

Важную роль отождествление Коцилина с Коцелом сыграло и в построениях бельгийского византиниста Анри Грегуара, при том, однако, что предложенная им интерпретация рассказа 30-й главы о борьбе хорватов с франками заметно отличалась от толкования Ф. Шишича. Исходя из того, что в 30-й главе повествованию о взаимоотношениях хорватов с франками предшествует известие о том, как после поселения хорватов в Далмации часть из них переселилась из Далмации в «Иллирик и Паннонию», исследователь счел, что описываемые далее события происходили в Паннонии, а именно в «Блатенском княжестве», где в IX в. последовательно правили Прибина и его сын Коцел. При этом к тождеству «Коцилин = Коцел» А. Грегуар добавил тождество «Прибина = Порин». Получившуюся в результате «перевернутую» картину паннонской истории IX ст. исследователь попытался рационализировать рассуждением, что в тексте 30-й главы Прибина был принят за Коцела, а Коцел за Прибину⁵¹⁷. На то, что подобная экстравагантная позиция ничем не оправдана, еще полвека назад справедливо указал Б. Графенауэр. Не повторяя здесь критических замечаний словенского медиевиста⁵¹⁸, достаточно будет указать на то, что при перенесении описанных в 30-й главе событий из Хорватии в Паннонию противоречия с информацией современных источников о франкской политике на славянском юго-востоке становятся еще более наглядными и резкими, чем в случае со всеми предыдущими толкованиями.

Итак, можно констатировать, что историкам, стремившимся выявить в рассказе 30-й главы о ранней истории хорватов историческое зерно, оставалось лишь закрывать глаза на многочисленные несообразности, выдвигая в качестве генерального объяснения превратности фиксации прошлого в устной передаче (контаминация, эпический анахронизм и т. п.) или намеренное искажение событий в пользу хорватов ввиду вышеназванного толкования, согласно которому именно от самих хорватов эта информация попала ко двору императора. Примечательно, однако, что отправной точкой всех приведенных выше интерпретаций было убеждение в том, что в рассказе 30-й главы отразились, пусть и в весьма деформированном виде, события именно IX ст., когда хорваты в Далмации действительно подчинялись франкам. Между тем в этом же рассказе прямо говорится о том, что хорваты подчинялись фран-

⁵¹⁷ Grégoire H. L'origine et le nom des Croates et des Serbes // Byzantion. — 1945. — Vol. 17. — P. 93–95.

⁵¹⁸ Grafenauer B. Vprašanje konca Kocljeve vlade... — S. 174–176.

кам не только в Далмации, но еще и до своего переселения в Далмацию, когда обитали на прежней родине. Это загадочное известие, смущавшее многих исследователей, было объяснено тем, что автор 30-й главы спроецировал на далекое прошлое современную ему ситуацию, когда «Великая Хорватия» была подвластна Оттону, правителю «Франгии»⁵¹⁹.

Но о каком далеком прошлом могла в данном случае идти речь? Долгое время среди исследователей господствовало убеждение, что хорваты переселились в Далмацию либо в процессе славянской миграции, которая, как традиционно считалось, захлестнула этот регион около 600 г., либо отдельно от других славян, в начале VII в., причем последняя датировка, естественно, основывалась на известии 31-й главы трактата «Об управлении империей», где приход хорватов в Далмацию был отнесен ко времени правления императора Ираклия (610–641 гг.). На то, что подобная убежденность на фоне возобладавшего в историографии признания тенденциозными известий 31-й главы о роли Ираклия в ранней истории хорватов и сербов выглядит нелогичной, в свое время справедливо обратил внимание Л. Маргетич, предпринявший попытку определить, не прибегая к помощи 31-й главы, к какому времени относит переселение хорватов 30-я глава⁵²⁰. Вывод исследователя, согласно которому в 30-й главе, а следовательно, в исторической традиции самих хорватов, их переселение в Далмацию отнесено к концу VIII в., был предопределен тем, что в рассказе 30-й главы переселение хорватов в Далмацию непосредственно предшествовало другим событиям хорватской истории, происходившим во франкский период в истории Далмации, то есть в IX ст.

Отталкиваясь от упомянутого выше отождествления Порина с Борной, историки стали неосторожно использовать сам факт временной близости переселения и крещения хорватов в изображении 30-й главы для обоснования тезиса о приходе хорватов в Далмацию вместе с франками, то есть в конце VIII в. В свою очередь, это даже открыло дорогу для локализации той области, откуда хорваты переселились в Далмацию, на территории зависевшей от франков Карантании⁵²¹, что в принципе противоречит недвусмысленным известиям императора Константина о местоположении «Великой Хорватии».

⁵¹⁹ Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 30.

⁵²⁰ Margetić L. Konstantin Porfirogenet... — S. 11–31.

⁵²¹ См.: Klaić N. O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja... — S. 253–270; Eadem. Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju... — S. 52–53.

Между тем, если отталкиваться от принятой нами методологической посылки, что речь в 30-й главе идет не об отражении реальных событий из истории «народа», а об идеологическом структурировании социального опыта хорватской общности, то позиция, связывающая переселение хорватов с Карлом Великим, совсем не представляется более обоснованной, чем мнение о связи этого переселения с Ираклием. Признание наличия в рассказе 30-й главы своей внутренней логики, отвечавшей идеологическим задачам репрезентации хорватской общности, позволяет понять, почему в рамках хорватской традиции подчинение хорватов франкам было отнесено уже к периоду их появления в Далмации, то есть фактически к тому же времени, когда хорваты воевали с аварами. В данном случае структура нарратива не отражала исторической хронологии событий: переселение и крещение помещались традицией в одну и ту же эпоху не потому, что так оно было на самом деле, а потому, что того требовали задачи «правильной» репрезентации исторического опыта хорватов.

Но кем же в таком случае был хорватский архонт Порин? Разумеется, теоретическая возможность соотнесения этой фигуры с Борной или Бранимиром сохраняется и при взгляде на хорватскую традицию как на структурно организованный миф. Однако коль скоро речь идет о мифе, то открываются и другие возможности для интерпретации. Так, недавно А. Милошевичем была высказана идея, согласно которой Порин представлял собой мифологическую фигуру небесного правителя хорватов. По мнению исследователя, за фигурой Порина в действительности скрывается не кто иной, как Перун, славянский бог грозы⁵²². Думается, что гипотеза Милошевича в гораздо большей степени, чем попытка отождествить Порина с Бранимиром или Борной, вписывается в понимание хорватской этногенетической традиции как структурно организованного мифа, воспроизводящего базовые элементы архаической космогонии с характерным для нее мотивом божественного руководства. Превращение в хорватской исторической традиции языческого бога-громовержца в древнейшего известного по имени хорватского правителя, при котором произошло освобождение хорватов от чужой власти и принятие ими христианства, всецело соответствовало бы в данном случае процессам

⁵²² *Milošević* A. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 127–134.

демифологизации и историзации мифологических сюжетов, за-
свидетельствованным в ранних исторических традициях различ-
ных народов⁵²³.

Правда, может показаться, что препятствие для отождествления Перуна и Порины представляет собой рассказ о переселении и крещении хорватов, содержащийся в 31-й главе трактата императора Константина. Если видеть в этом рассказе византийскую интерпретацию хорватского этногенетического мифа, что, как было отмечено выше, представляется наиболее логичным толкованием, то неминуемо возникает вопрос, может ли быть соотнесен с Перуном фигурирующий в нем архонт Порга. Не претендуя на окончательное решение этого вопроса, ограничимся тем, что обратим внимание на два обстоятельства, каждое из которых теоретически может быть использовано для упрочения высказанной Милошевичем гипотезы. Первое, что необходимо отметить, это упомянутое выше предположение о том, что имя Порга является результатом ошибочного написания имени «Порва».

Второе обстоятельство, которое, на наш взгляд, также следовало бы принять во внимание при обсуждении вопроса о соотношении Порги и Порины, заключается в том, что антропоним Порга обнаруживает сходство с именами ряда божеств, являвшихся по своим функциям аналогами славянского Перуна⁵²⁴. На этом фоне заслуживает особого внимания имя Пурго, засвидетельствованное сербским этнографом Любомиром Печо в фольклорном материале Боснии: по информации данного автора, в некоторых боснийских селах был известен ритуальный возглас «Зове Пурго на орање», который можно было услышать, в частности, после проведения обряда венчания,

⁵²³ О закономерностях демифологизации и историзации (на материале сказаний о первых князьях в славянском средневековом историописании) см.: *Щавелёв А. С.* Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. — М., 2007. — С. 185–194.

⁵²⁴ Помимо имен литовского Перкунаса, латышского Перконса, мордовского Пурьгине(–паза), очевидно, восходящих к имени древнего балтского бога-громовника (см. подробно: *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. — М., 1974. — С. 4–30), стоит обратить внимание и на форму **Pargana*, реконструируемую в качестве имени одного из древнеиранских божеств. См. об этом: *Lajoye P.* There is no «Perun in the Caucasus»... but maybe an ancient Iranian thunder demon // SMS. — 2012. — Vol. XV. — P. 179–184.

когда разжигали огонь⁵²⁵. Исследователи, обращавшие внимание на данную информацию, не сомневались, что речь в данном случае шла именно о Перуне и его функциях, связанных с созданием погодных условий, благоприятных для пахоты⁵²⁶. В связи с этим стоит отметить, что лингвистами давно установлены не только этимологическое и семантическое единство теонимов с основами на **per* — и на **perg-*, но и широкое использование обеих основ в религиозной лексике индоевропейцев, включая славян⁵²⁷.

Итак, гипотеза А. Милошевича, согласно которой под именем Порина скрывается славянское божество Перун, превратившееся в хорватской этногенетической традиции в своего рода небесного правителя хорватов, как кажется, не только хорошо вписывается в характерное для Венской школы антропологическое прочтение легенд жанра «*origo gentis*», но и не встречает серьезных препятствий в наличном историческом материале. На этом фоне излишней видится нам попытка исследователя реабилитировать старинную интерпретацию известного пассажа 31-й главы о договоре хорватов с римским папой, в рамках которой фигурирующее здесь словосочетание «Бог хорватов» рассматривалось как намек на сохранение хорватами еще в середине X в. языческого мировоззрения⁵²⁸. Принять подобную интерпретацию мешает не только большая вероятность того, что первоначальный смысл фразы оказался искажен при переписывании, на что уже давно указал в специальной работе Р. Катичич⁵²⁹, но и содержательное сходство формулы, воспроизведенной в 31-й главе, с фразой из адресованного хорватскому дуксу Бранимиру письма папы Иоанна VIII от 7 июня 879 г. В нем

⁵²⁵ См.: *Кулишић Ш.* Пурго // *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. — Београд, 1970. — С. 249.

⁵²⁶ Там же. — С. 249; *Гейштор А.* Мифология славян. — М., 2014. — С. 77.

⁵²⁷ См.: *Иванов В. В.* К этимологии балтского и славянского названия бога грома // Вопросы славянского языкознания. — М., 1958. — Вып. 3. — С. 110–111. Корень **perg* — усматривается некоторыми исследователями в названии славянских мифологических существ «берегьини» (Там же. — С. 108).

⁵²⁸ См. особенно: *Markotić V.* Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats // *Mandićev zbornik. U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života.* — Rim, 1965. — S. 11–37.

⁵²⁹ *Katičić R.* «Bog Hrvata» u Konstantina Porfirogeneta // *Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956).* — Zagreb, 1985. — S. 237–247. Не встречается «Бог хорватов» и в русском переводе трактата, выполненном Г. Г. Литавриным: здесь Бог вступает в бой *ранее хорватов* (*Константин Багрянородный. Об управлении империей.* — С. 137).

папа выражал желание укрепить Бранимира апостольской добротой, дабы на него снизошли милость и благословение Господа, как и благословение апостолов Петра и Павла и самого папы, чтобы он ощущал себя защищенным от «видимых и невидимых врагов», препятствующих человеческому спасению, и чтобы он «легче одержал желанную победу над врагами»⁵³⁰. Учитывая, что известие 31-й главы о договоре хорватов с папой, по всей видимости, исходило от самих хорватов, то есть являлось элементом устной традиции, велика вероятность того, что в таком причудливом виде запечатлелась в Хорватии память о письме Бранимира, содержание которого, несомненно, было известно в Хорватии не только самому правителю, но и другим представителям хорватской элиты. Могла ли при этом формула «Бог хорватов» быть почерпнута информатором императора от самих хорватов? Могли ли хорваты-христиане в середине X в. воспринимать христианского Бога наподобие своего племенного божества? Думается, что искать ответы на эти вопросы в условиях полного отсутствия каких бы то ни было дополнительных сведений бессмысленно. Излишними представляются нам и приводимые Милошевичем в обоснование своего тезиса ссылки на загадочного лангобардского вождя Перона или славянского бога Свантевича, которые ничуть не усиливают концепции автора и в лучшем случае могут трактоваться как аргумент типа *obscurum per obscurius*⁵³¹.

⁵³⁰ «...ut gratiam et benedictionem dei sanctorumque Petri ac Pauli, apostolorum principis, et nostram super te habens diffusam, a uisibilibus et inuisibilibus hostibus, qui saluti humane insidiari et impedire non cessant, saluus semper ac securus existas, optatamque de inimicis uictoriam facilius possis habere» (CD. Vol. I. — P. 14). На сходство слов папы и фразы из 31-й главы указал еще Ф. Шишич, для которого оно послужило дополнительным аргументом для отождествления Порины с Бранимиром: *Šišić F. Genealoški prilozi... — S. 47–48.*

⁵³¹ Говоря о роли Перуна в качестве небесного правителя хорватов, Милошевич ссылается на источник, в котором, по мнению исследователя, можно обнаружить ближайшую параллель хорватской традиции о Порине. Речь идет о памятнике начала IX в., известном в историографии под названием «История лангобардов в кодексе из Готы» (*Historia Langobardorum codicis Gothani*). В третьей главе данного источника сообщается о том, как лангобарды, еще остававшиеся в то время язычниками, обрели новую родину в Ругиланде и утвердили там «свою веру» (*sua dogma*). Здесь же сообщается о том, что на новой родине ими последовательно правили Годон, Перон и Клаффон («Illo vero tempore exiuit rex Odoacer de Ravenna cum exercitu Alanorum, et venit in Rudilanda, et pugnavit cum Rugiis, et occidit Fewane rege Rugorum, et secum multos captivos in Italia adduxerunt.

Вместе с тем, говоря о возможном присутствии Перуна в хорватской этногенетической традиции, невозможно пройти мимо интереснейшего факта наличия в пределах территории, входившей

Tunc exierunt Langobardi de Pannonia, et venerunt habitaverunt in Rudilanda annos plurimos, et ad suam dogmam perduxerunt. Ante Peronem regnavit Godoin; post Peronem tenuit principatum Langobardorum Claffo» (*Historia Langobardorum codicis Gothani // MGH. Scriptorum rerum Langobardicarum / Ed. G. Waitz. — Hannover, 1878. — P. 8*). Рассматривая данный пассаж, который представляется Милошевичу сюжетно близким хорватскому преданию (освоение новой родины язычниками), исследователь высказывает смелую догадку: в именах Година (*sic*) и Перона, которые, в отличие от Клаффона, не известны другим лангобардским источникам, ему видятся имена языческих богов, германского Одина и славянского Перуна, из чего в этом случае вытекает, что данные вожди были небесными предводителями лангобардов в период их миграции, когда им предположительно приходилось сталкиваться и смешиваться со славофонами. Однако утверждение Милошевича, что Годин (*sic*) и Перон не известны другим лангобардским источникам, справедливо лишь отчасти. Притом что написания имен лангобардских правителей в разных источниках довольно сильно варьировались, Годоин кодекса из Готы без особого труда отождествляется с лангобардским вождем по имени Гудеох, при котором, по сообщению «*Origo gentis Langobardorum*» и «Истории лангобардов» Павла Диакона, лангобарды переселились в Ругиланд. Более того, в Прологе к кодексу Ротари этот король фигурирует как сын своего предшественника — Гильдеоха, также известно двум вышеупомянутым лангобардским источникам жанра «*origo gentis*». Впрочем, даже если Гудеох и не был родственником предшествующего правителя, кажется, нет ни малейших оснований связывать его с Одином. Что касается загадочного Перона, действительно неизвестного по другим источникам, то форма его имени, характерная для представителей лангобардской элиты (см.: *Bystrický P. Longobardski králi 488–572 // Vojenska historia. Časopis pre vojensku historiu, muzejnictvo a archivnictvo. — Bratislava, 2007. — Roč. 11(2). — S. 5–6*), не дает оснований выделять его из ряда лангобардских вождей. В связи с этим в историографии высказывается мнение, что даже в том случае, если Перон не был королем и по этой причине не был зафиксирован в лангобардской традиции, он тем не менее мог быть военачальником, основателем династии или просто предком короля Клаффона (*Ibid. S. 6*). Еще одна параллель, которая представляется показательной Милошевичу, это культ Свантевита на острове Рюген, который, согласно Саксону Грамматику, был почитаем не только славянскими, но и неславянскими вождями как своего рода верховный (небесный) правитель. Однако данную параллель к тому, что *могло бы быть* в Хорватии, нельзя воспринимать как аргумент, что понимает и сам автор, который приводит ее скорее в качестве иллюстрации к своему тезису о славянском небесном правителе.

в раннее Средневековье в состав Хорватии, имени Перун в качестве названия нескольких гор, позволяющего говорить не только о единстве религиозных воззрений славян на огромном пространстве от Средиземного моря до озера Ильмень, но и о важности данного языческого культа конкретно для Хорватии. Так, одна из гор с названием Перун, документально засвидетельствованным уже в 1090 г., расположена в пределах исторической области Полица, протянувшись вдоль моря к юго-востоку от Сплита. Три вершины этой горы, расположенные между селениями Подстрана (на морском побережье) и Жрновница (к северо-западу от горного гребня) носят красноречивые названия Перунско, Перун и Перунич⁵³². Есть основания полагать, что в центральной части Далмации с культом Перуна была связана и еще одна гора: как доказывает Тончи Бурич, название Перун носила одна из вершин горного массива Козьяк к северо-западу от Сплита, в Средние века относившаяся к селению Острог, что в пределах современного Каштел-Лукшича в Каштеле⁵³³. В восточной части полуострова Истрия, в X ст. входившей, как следует из трактата «Об управлении империей», в состав Хорватии, также известна гора Перун: она возвышается над рекой Учкой близ города Мошченице⁵³⁴.

Микрорегиональные исследования архаической славянской топонимики, осуществленные в местах расположения указанных горных вершин, позволили во всех трех случаях (Жрновница, Каштел-Лукшич, Мошченице) выявить целые сакральные ландшафты⁵³⁵, в которых, по мнению исследователей, отражены элементы так называемого основного мифа индоевропейцев в его славянском варианте, интерпретированном в свое время В. В. Ивановым и В. Н. Топоровым

⁵³² *Katičić R. Božanski boj – tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine.* – Zagreb, 2008. – S. 285–299.

⁵³³ *Burić T. Perunovo brdo (monte Borun) – prilog poznavanju poganske slavenske toponimije u Kaštelima // SHP. Ser. III.* – 2011. – Sv. 38. – S. 59–82.

⁵³⁴ Есть основания полагать, что с культом Перуна связано и название горы Перунцовац близ Грачишча неподалеку от Пазина в центральной части Истрии. См.: *Levak M. Slaveni vojvode Ivana...* – S. 66–67. *Katičić R. Božanski boj...* – S. 116, 247, 304–305. В Боснии также зафиксировано несколько мест с названием Перун: *Katičić R. Božanski boj...* – S. 116–117.

⁵³⁵ Сакральный комплекс близ Жрновницы: *Katičić R. Božanski boj...* – S. 285–299; *Pleterski A. Kulturni genom: Prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe.* – Ljubljana, 2014. – S. 302–320. Сакральный комплекс в Каштеле: *Burić T. Perunovo brdo...* – S. 59–82. Сакральный комплекс близ Мошченице: *Katičić R. Božanski boj...* – S. 301–312.

как миф о борьбе Перуна с Велесом⁵³⁶. Это позволило хорватским исследователям говорить о присутствии на территории раннесредневековой Хорватии не только культа Перуна, но и культа другого славянского божества — Велеса, в качестве следов почитания которого в рамках данной интерпретации рассматриваются указывающие на будто бы присущий Велесу змеиный облик топонимы, расположенные в низменных местах. К непосредственным отражениям имени Велеса в хорватской топонимике относят при этом название полуострова Велес близ Нового Винодольского⁵³⁷.

Как хорошо видно в случае с почитанием Перуна на Руси в X в., это славянское божество определено ассоциировалось в этот период с князем и его дружиной⁵³⁸, став в результате религиозной ре-

⁵³⁶ *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. — М., 1974. Троичная модель организации славянских сакральных ландшафтов, соответствующая данному мифу, выявлена словенским археологом А. Плетерским: *Pleterski A. The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // Światowit. — 1995. — Vol. 40. — S. 113–143; Idem. Struktura tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // ZČ. — 1996. — Letnik 50. — Št. 2. — S. 163–185; Idem. Kulturni genom... — S. 115–129.* Об аналогичных структурах в Хорватии как в составе упомянутых святилищ (Жрновница, Мошченице), так и в целом ряде других мест, где они были недавно выявлены, см. подробно: *Belaj V., Belaj J. Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije. — Zagreb, 2014.*

⁵³⁷ *Katičić R. Vožanski boj... — S. 313–326.*

⁵³⁸ См.: *Аничков Е. В.* Язычество и древняя Русь. — М., 2003. — С. 317–321; *Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. — М., 1994. — С. 417–419; *Он же.* Язычество Древней Руси. — М., 2013. — С. 454–455. Связь культа бога-громовника с выдвиганием воинских элит и политогенетическими процессами, как кажется, просматривается и на материале средневековой истории мордвы-эрзи. Так, представляет интерес имя эрзянского князя (князя) Пургаза (первая половина XIII в.), которое еще в XIX в. иногда сопоставлялось с именем хорватского архонта Порги. В историографии имя мордовского князя производят от имени мордовского бога грома Пурьгине(–паза), чей культ, аналогичный культу Перуна, обычно рассматривается как результат весьма древних контактов финноязычных предков мордвы с балтами. См., например: *Петрухин В. Я.* Женитьба Громовержца. Балтийско-финские мифологические параллели и проблемы начальной этнической истории балтов, финнов и славян // Он же. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М., 2011. — С. 21–26. Мордовский фольклор сохранил представление о Пурьгине(–пазе) как о небесном владыке, могучем воине и защитнике мордвы. См.: *Петрухин В. Я.* Мифы финно-угров. — М., 2005. — С. 308–310.

формы князя Владимира главным богом официального пантеона создававшейся киевским правителем огромной многоплеменной державы⁵³⁹. Таким образом, культ Перуна, по крайней мере на определенном историческом этапе социального развития славян, имел функции, схожие с функциями германского Одина, покровителя воинов, который засвидетельствован в качестве небесного правителя и основателя династий во многих раннесредневековых источниках, включая как этногенетические предания, так и генеалогии⁵⁴⁰. Поэтому нам представляется, что идентификация Порина с Перуном, предложенная Милошевичем, не просто усиливает идею, что хорватский этногенез в целом следует рассматривать как постепенную трансформацию воинской группы в полноценную этнополитическую общность (*gens*)⁵⁴¹, что в этом случае находилось бы в полном соответствии с теорией этногенеза Венской школы, но и способствует пониманию того, как это в сущности происходило.

Эпический характер описания взаимоотношений хорватов с франками в 30-й главе трактата «Об управлении империей» (структурно близкого при этом описанию отношений хорватов с аварами) не оставляет сомнений в том, что оппозиции «хорваты — франки» принадлежала важная роль в самосознании хорватской элиты, а память о былом подчинении франкам прочно держалась еще в середине X в., составляя, таким образом, элемент «локального знания». То, что при этом в источниках, относящихся ко времени франкского господства над Далмацией, мы не находим упоминаний об описываемой в 30-й главе войне хорватов с франками, не должно нас удивлять. Ведь победоносная война хорватов с франками — это не столько реальное событие, сколько структурный элемент, изначальное деяние, открывшее дорогу конституированию во франкской Далмации самостоятельного

⁵³⁹ См.: *Васильев М. А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. — М., 1998. — С. 201–266; *Zaroff R.* Organized pagan cult in Kievan Rus'. The invention of foreign elite or evolution of local tradition? // SMS. — 1999. — Vol. II. — P. 47–76; *Клейн Л. С.* Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — СПб., 2004. — С. 147–151.

⁵⁴⁰ См.: *Moisl H.* Anglo-Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. — 1981. — Vol. 7. — P. 215–248; *Wolfram H.* Origo et religio... — P. 45–47.

⁵⁴¹ См. об этом: *Алимов Д. Е.* Хорватская идентичность... — С. 103–106.

этнополитического организма. Не исключено, что политическая эмансипация воинской элиты далматинского хинтерланда, выражавшаяся в этнополитической консолидации хорватской общности и кристаллизации локальных центров власти, сопровождалась и борьбой среди местных сильных родов. Подобную мысль позволяет высказать недвусмысленное сообщение, содержащееся в тексте 30-й главы, но почему-то не обращавшее на себя внимания в историографии. При описании хорватского восстания здесь говорится: «Не в силах вынести этого от франков, хорваты восстали против них, *перебив архонтов, которых те им поставили* (курсив наш. — Д. А.)»⁵⁴². В связи с этим представляется совершенно логичным, что процесс закрепления за элитами далматинского хинтерланда группового названия «хорваты», несомненно, существовавшего задолго до появления франков в Далмации, протекал не сам по себе, а был обусловлен стремительно меняющимися властными отношениями. Иными словами, именно консолидация местной элиты, сопровождавшаяся ее самоопределением по отношению к франкам, стимулировала процесс создания гентильной общности — «*gens Chroatorum*».

Заметим, что хорватский случай находит аналогии в процессах, происходивших в рассматриваемый период на других варварских окраинах созданной Карлом Великим империи. Ослабление единства империи при преемниках Карла Великого, при относительно далеко зашедших к середине IX ст. процессах усвоения варварами франкских политических институтов, создавало условия для появления на ее окраинах гентильных королевств, успешно адаптировавших имперское наследие к нуждам локального вторичного политогенеза. В этом смысле политическое и территориальное оформление хорватского гентильного королевства может быть, при всех возможных оговорках, касающихся локальных особенностей, поставлено в один ряд с образованием королевства Памплоны при Иньиго Аристе (824–851/852 гг.) на юго-западных рубежах империи Каролингов, в Пиренеях, или с оформлением на северо-западе империи, в Арморике, Бретонского королевства в правление Номинное (831–851 гг.) и Эрспное (851–857 гг.)⁵⁴³.

⁵⁴² *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 130.

⁵⁴³ На сходство хорватского и бретонского политогенеза в IX в. обратил внимание Н. Будак: сильная власть хорватского дукса в середине IX в. при сохраняющемся формальном сюзеренитете Каролингов напомнила исследователю ситуацию в Бретани, а также в лангобардском герцогстве

Ближайшую аналогию тому, что происходило в Хорватии, как кажется, являет собой Бретань. Социальный ландшафт Бретани к началу IX в. характеризовался высокой степенью социально-политической децентрализации, выражавшейся в отсутствии на заселенных бриттами территориях Арморики ясных признаков иерархической организации власти при доминировании в разные периоды тех или иных вождей и связанных с ними воинских групп⁵⁴⁴. При этом бритты, особенно в восточной части Арморики, веками тесно взаимодействовали с франками, чему особенно благоприятствовали такие обстоятельства, как власть бриттов над округой Ванна и создание франками так называемой Бретонской марки, включившей в свой состав Ваннское графство. Вследствие этого создавалась ситуация, когда импульсы к централизации и установлению властной иерархии в землях Бретани давали не только сами бритты, заинтересованные в успешном противостоянии франкам, но и франки, пытавшиеся выстроить в Бретани стабильную и лояльную им властную структуру, делая при этом ставку на тех или иных могущественных людей из числа самих бриттов. Кульминацией процессов такого рода можно считать превращение в период междоусобиц во Франкском государстве, последовавших после смерти Людовика Благочестивого, бритта Номиное — ваннского графа, в свое время сделанного Людовиком (в результате своего рода компромисса с бриттами, прежде неоднократно восстававшими против франков) своего рода наместником императора в Бретани (*missus imperatori*), — в самостоятельного гентильного правителя (*dux Brittonum*).

Как показала Дж. Смит на основе изучения нарративных источников бретонского происхождения — житий местных святых, конструирование бретонской гентильной идентичности и формирование

Беневенто в правление Арехиса II (758–787 гг.) (*Budak N. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek / Gl. ur. F. Šanjek. — Zagreb, 2003. — S. 74–75*). На наш взгляд, аналогия с Бретанью может быть еще более углублена с учетом ряда обстоятельств (см. ниже).

⁵⁴⁴ По словам Дж. Смита, реконструировавшей властные отношения в Бретани в начале IX в. на основании грамот монастыря Редон — важного церковного центра, расположенного на франкско-бретонском рубеже, «доминирующим впечатлением, оставляемым существующими источниками, является впечатление отсутствия ясной иерархии власти» (*Smith J. M. H. Province and empire: Brittany and the Carolingians. — Cambridge, 1992. — P. 30*).

этногенетического мифа происходило именно в IX ст., то есть в эпоху, когда находившаяся в процессе этнополитической консолидации общность остро нуждалась в идеологической репрезентации своего единства в ситуации противостояния с франками. Именно тогда вместо расплывчатых географических формулировок (вроде «Британии» и «Франки»), присутствовавших в ранней бретонской агиографии, появляются такие понятия, как страна бриттов (*patria Brittonum*), формируется четкое представление о миграции из Британии в Арморикку как «изначальном деянии» (если использовать упоминавшуюся выше терминологию Вольфрама), а фигура одного из бриттских вождей, правившего в VI в., трансформируется в образ легендарного родоначальника Бретонского королевства⁵⁴⁵.

Отталкиваясь от аналогии с Бретанью, можем ли мы конкретизировать контекст, в котором в истории Далмации произошел решающий сдвиг, открывший дорогу для превращения подконтрольного франкам далматинского дуката в хорватское гентильное королевство? Думается, что гипотетически это можно сделать. Дело в том, что в истории Далмации IX ст., достаточно хорошо документированной современными источниками, существует одна явная лакуна. А именно в источниках не прослеживается никакой связи между наследником дукса Борны Владиславом, первый и последний раз упомянутым в «Анналах королевства франков» под 821 г., и предшественником Трпимира Миславом, упомянутым под 839 г. венецианским хронистом Иоанном Диаконом. Между тем именно на этот период приходится важная административная реформа в управлении юго-востоком империи Каролингов — реорганизация в 828 г. Фриульской марки в виде разделения ее на четыре административные единицы, управлявшиеся графами⁵⁴⁶. После этой реорганизации франкский контроль над Далмацией определенно ослаб, чему, скорее всего, в немалой степени способствовала и почти одновременная болгарская экспансия в Нижней Паннонии⁵⁴⁷.

⁵⁴⁵ *Smith J. M. H.* Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier // *Integration und Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter* / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger. — Wien, 2002. — S. 170–176.

⁵⁴⁶ Сообщения об этом содержатся в «Анналах королевства франков» и анонимном «Жизнеописании Людовика». См.: *Documenta*. — P. 333.

⁵⁴⁷ *Margetić L.* Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // *NZ*. — 1988. — God. XLI (1). — S. 231; *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 187.

В связи с этим наше внимание должно быть обращено и на ставшую весьма заметной в 830–840-е гг. военную активность славян на Адриатике. Даже если не придавать в данном контексте большого значения таким фактам, как описываемые венецианским историком Иоанном Диаконем нападение неретвлянских славян на венецианских купцов, произошедшее в 834/835 г.,⁵⁴⁸ и предпринятая в 839 г. дожем Петром Традонигом (Пьетро Традониго) экспедиция против «Склавении», очевидно, имевшая своей целью обеспечить безопасное плавание венецианцев по Адриатике и завершившаяся заключением мирных договоров с Миславом и неретвлянским вождем Дружаком⁵⁴⁹, свидетельство так называемого пакта Лотаря — грамоты 840 г., содержащей текст договора венецианцев с городами Италии и Истрии, подвластными Лотарию I, не оставляет сомнений в том, что уже в этот период военные акции славян были гораздо более масштабными, чем обычные пиратские нападения на торговые корабли. Так, один из пунктов договора предусматривал оказание военной помощи флотом (очевидно, со стороны венецианцев) в случае нападения «племен славян» (*generationes Sclavorum*) на города⁵⁵⁰. Прямое известие о такого рода нападении, случившемся в 846 г., содержит Хроника Иоанна Диакона: в этот год славяне разорили город Каорле (*castrum Caprulense*) в стране венецианцев⁵⁵¹. О том, что военная активность славян затрагивала в этот период не только прибрежные поселения венецианцев и истрийских романцев, но и внутренние районы Фриуля, свидетельствует и современный событиям источник — «История» Андрея Бергамского, где сообщается

⁵⁴⁸ «Circa hoc tempore Venetici, negotii causa dum de Benevento revertabantur, a Narantanis Sclavis capti, pene omnes interfecti sunt» (Documenta. — P. 335; *Giovanni Diacono*. Istorìa Veneticorum. — P. 122).

⁵⁴⁹ «Iste namque tercio sui ducatus anno Sclavieniam bellicosis navibus expugnatum adivit. Sed ubi ad locum qui vocatur sancti Martini curtis perveniret, pacem cum illorum principe Muisclavo nomine firmavit. Deinde pertransiens ad Narrantanas insulas cum Drosaico, Marianorum iudice, similiter fedus instituit, licet minime valeret et sic postmodum ad Veneciam reversus est» (Documenta. — P. 335–336; *Giovanni Diacono*. Istorìa Veneticorum. — P. 123–124).

⁵⁵⁰ *Margetić L.* Ugovor Mletaka i italskih gradova... — S. 217.

⁵⁵¹ «Circa haec tempora Sclavi venientes ad Veneticorum loca expugnanda, Caprulensem tantummodo castrum depredaverunt» (Documenta. — P. 363; *Giovanni Diacono*. Istorìa Veneticorum. — P. 126).

о том, что лангобарды терпели много несчастий от нападений «народа славян» (*gens Sclavorum*), пока император (Людовик Благочестивый) не сделал Эберхарда правителем Фриульской марки⁵⁵². О борьбе Эберхарда со славянами, в которых логичнее всего видеть именно славян Далмации, свидетельствует и его современник ирландский поэт Седулий Скотт, который в стихотворении, специально адресованном Эберхарду, восхваляя его воинскую доблесть, замечает, что перед ним трепещет и сарацин, и «воинственный славянин»⁵⁵³. Подобная военная активность славян во Фриуле, которую было бы весьма трудно представить в правление верного франкского вассала Борны и его преемника Владислава, взошедшего на престол в 821 г. «с согласия императора», очевидно, указывает на серьезные изменения политической ситуации, повлекшие за собой резкое ослабление, если не полное исчезновение франкского контроля в хинтерланде Далмации.

О том, что в середине IX в. хорватский правитель все еще номинально являлся вассалом франков, свидетельствует интитуляция грамоты Трпимира, где говорится, что грамота была издана в правление в Италии «благочестивейшего Лотаря, короля франков...»⁵⁵⁴. Однако, насколько можно судить, эта зависимость отнюдь не препятствовала усилению могущества хорватского правителя. Так, находившийся в 846–848 гг. при дворе Трпимира бенедиктинский проповедник Готшалк в одном из своих сочинений упоминает о том, что Трпимир вступил в войну «против народа греков и их патрикия» (*contra gentem Grecorum et patricium eorum*) и одержал

⁵⁵² «*Multa fatigatio Langobardi et oppressio a Sclavorum gens sustinuit, usque dum imperator Foroiulanorum fines Ebherardo principem constituit*» (Documenta. — P. 364; Andreae Bergomatis Historia // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum / Ed. G. Waitz. — Hannover, 1878. — P. 226).

⁵⁵³ «*Te tremit armipotens Sclavus, Saracenus et hostis*» (Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. II (801–1000). — Ljubljana, 1906. — S. 150–151).

⁵⁵⁴ «*Regnante in Italia piissimo Lothario, Francorum rege...*» (CD. Vol. I. — S. 4). Л. Маргетич, отмечая, что король Италии Лотарь, являвшийся также императором франков, после 833 г. всегда именовался «императором августом», склонен усматривать глубокий смысл в том, что в грамоте Трпимира он выступает как король, а не как император. Исследователь связывает это обстоятельство со стремлением Трпимира показать свою самостоятельность, что, по мнению исследователя, выразилось также в формуле «*dux Chroatorum iuvatus munere divino*» (Margetic L. [Rec.] I. Goldstein. Hrvatski rani srednji vijek — Dodatak // HZ. — 1995. — God. XLVIII. — S. 227–228).

над ними победу⁵⁵⁵. Притом что, согласно распространенному мнению, война Трпимира с «греками» происходила в районе Сплита⁵⁵⁶, в историографии высказывались различные мнения относительно того, кто конкретно выступает в этом известии под именем «народа греков». Возможно, это были силы одного из далматинских городов, подчиненных Византии — Сплита, Трогира или — что более вероятно — Задара⁵⁵⁷. Для нас в данном случае не так существенно, какие конкретно «греки» потерпели поражение от Трпимира. Важно то, что Трпимир сумел одержать победу над могущественным неприятелем. В пользу высокой степени самостоятельности Хорватии при Трпимире свидетельствует и сам факт пребывания Готшалька при дворе хорватского правителя. Готшалек, подвергавшийся преследованиям за свое учение о преопределении, в 846 г. покинул Фриуль, где он находился некоторое время при дворе маркграфа Эберхарда, и направился в Далмацию. Интересно, что это произошло после того как Рабан Мавр направил письмо Эберхарду, в котором сообщал о серьезных заблуждениях Готшалька⁵⁵⁸.

⁵⁵⁵ *Ivanišević M. Povijesni izvori.* — S. 64.

⁵⁵⁶ *Katić L. Saksonac Gottschalk...* — S. 13–15; *Rapanić Ž. Solinska epizoda...* — S. 99, 110.

⁵⁵⁷ Обзор мнений см., например: *Budak N. Prva stoljeća Hrvatske.* — S. 72–73. Л. Маргетич предположил, что Трпимир воспрепятствовал распространению византийской власти из Задара, в котором незадолго до этого, по мнению исследователя, была учреждена феода, на другие далматинские города и в первую очередь Сплит (*Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu...* — S. 50–51; *Idem. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata.* — S. 146). Считая упомянутого Готшальком патрикия, с которым воевал Трпимир, стратигом феоды, Л. Маргетич, таким образом, отверг традиционную датировку основания феоды Далмации эпохой правления Василия I. Ср.: *Ферлуга J. Византиска управа у Далмацији.* — Београд, 1957. — С. 66–67; *Goldstein I. Hrvati, hrvatske zemlje i Bizant.* — Zagreb, 2003. — S. 30. Стратигом считал упомянутого Готшальком патрикия и Т. Живкович, склоняясь, однако, к еще более ранней датировке основания феоды Далмации. Исследователь усматривал в упомянутом в «Анналах королевства франков» под 821 г. «префекте провинции» Иоанне стратига, который, в отличие от своего предшественника, дукса Павла, распространял свою власть уже не только на Задар, но и на другие далматинские города (*Живковић Т. Тактикон Успенског...* — С. 34–35). Между тем, в свете информации грамоты Трпимира о дружественных взаимоотношениях Трпимира со Сплитом, участие Сплита в военных действиях против хорватского правителя кажется маловероятным.

⁵⁵⁸ *Ivanišević M. Povijesni izvori.* — S. 34–35.

В связи с этим Н. Клаич, напоминая, что фриульский маркграф был зятем императора Людовика Благочестивого, заметила, что Готшалк, отправившись ко двору хорватского правителя, сделал это, «очевидно, с убеждением, что там он найдет хорошую защиту», и что Трпимир, принимая у себя Готшалка, также должен был чувствовать себя уверенно по отношению к своему сюзерену⁵⁵⁹.

Еще одним свидетельством возросшего могущества Хорватии является содержащееся в 31-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» известие о победе хорватского правителя над вторгшимся в Хорватию болгарским ханом Борисом. Император сообщает: «Но и болгары не ходили войной против хорватов, кроме архонта Булгарии Михаила Бориса, который, отправясь против них для войны и не будучи в силах добиться успеха, заключил с ними мир, одарив при этом хорватов и получив дары от них»⁵⁶⁰. Очевидно, что хорватским архонтом, отразившим нападение болгар, был Трпимир, современник Бориса. Дальнейший комментарий Константина Багрянородного о том, что хорваты никогда не платили пакта болгарам⁵⁶¹, несмотря на очевидную политическую подоплеку, продиктованную необходимостью изобразить хорватов народом, преданным василевсу⁵⁶², по всей видимости, соответствуют действительности. Свидетельство императора Константина о войне Бориса с хорватами может рассматриваться и как показатель распространения власти хорватского правителя в середине IX в. далеко вглубь континентальной части позднеантичной провинции Далмации.

⁵⁵⁹ *Klaić N. Povijest Hrvata... — S. 227.* Подобным же образом рассуждает и Н. Будак, по мнению которого «появление Готшалка на хорватском дворе во время, когда его преследовал почти весь Запад, — ясный показатель степени политической самостоятельности Трпимира» (*Budak N. Prva stoljeća Hrvatske. — S. 21*).

⁵⁶⁰ *Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 139.*

⁵⁶¹ «Однако эти самые хорваты никогда не платили пакта болгарам, хотя обе стороны частенько доставляли друг другу дары из благорасположения» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 139*).

⁵⁶² Перед рассказом о победе хорватского правителя над болгарским император Константин сообщает: «[Знай], что архонт Хорватии сначала, то есть с царствования василевса Ираклия, подвластен как слуга василевсу ромеев и никогда не подчинялся архонту Булгарии» (*Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 139*).

Находило ли возросшее могущество Хорватии какое-либо отражение в репрезентации правителя? В своей дарственной грамоте Трпимир неизменно фигурирует под титулом «*dux*», что само по себе никак не отличает его от предшественников. Вместе с тем здесь он впервые выступает под титулом «дукса хорватов» (*Tirpimirus dux Chroatorum*), недвусмысленно указывающим на гентильную легитимацию его власти⁵⁶³. Под титулом «*dux*» Трпимир фигурирует и в надписи, высеченной на алтарной преграде церкви основанного им монастыря в Рижинице под Клисом⁵⁶⁴. С одной стороны, можно согласиться с заключением Н. Клаич, что эта надпись — «первое и бесспорное свидетельство того, каким титулом пользовался хорватский князь, когда на латинском языке хотел обозначить объем своей власти»⁵⁶⁵. С другой стороны, следует также отметить, что во времена Трпимира термин «*dux*» уже не был единственным обозначением особы хорватского правителя. Так, примечательное титулование хорватского правителя мы встречаем на страницах Евангелиария из Чивидале, на которые неизвестный аквилейский автор вписывал имена прибывавших сюда паломников. Трпимир обозначен здесь как «*dominus*» («господин», «владыка»). Причем это обозначение сопровождает имя хорватского правителя и тогда, когда Трпимир фигурирует самостоятельно (*domno*

⁵⁶³ CD. Vol. I. — S. 5.

⁵⁶⁴ Часть надписи на арке алтарной преграды гласит: «PRO DVCE TREPIME[ro...]» (Hrvati i Karolinzi. Dio II. — S. 329–330).

⁵⁶⁵ *Klaić N. Povijest Hrvata...* — S. 231. В историографии второй половины XIX в. высказывались мнения, что древнейшими хорватскими эквивалентами латинскому обозначению «*dux*» (также как и греческому «архонт», как именовались хорватские правители VII–X вв. в византийских источниках) являлись термины «великий жупан» или «бан» (см.: *Rački F. Odlomci iz državnoga prava hrvatskoga za narodne dynastie.* — Beč, 1861. — S. 54–57; *Smičiklas T. Poviest Hrvatske. D. I.* — Zagreb, 1882). Конечно же, оба этих мнения являются обычными догадками. Высказывавшееся уже Ф. Рачким и распространенное в современной историографии мнение о том, что древнейшим хорватским обозначением правителя был славянский термин «князь», основывается на свидетельствах позднейших источников, освещавших реалии XI–XII вв., а также на аналогии с другими славянскими странами. См.: *Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća // Rad JAZU.* — 1888. — Knj. 91. — S. 126–127; *Goldstein I. O latinskim i hrvatskim naslovima hrvatskih vladara do početka 12. stoljeća // HZ.* — 1983. — God. XXXVI (1). — S. 141–163.

Trpimiro)⁵⁶⁶, и тогда, когда он упоминается как отец другого паломника — Петра (*Petrus filius domno Tripemero*)⁵⁶⁷. Это тем более примечательно, что титулы при именах паломников в Чивидальском евангелиарии встречаются крайне редко, а обозначение «*dominus*» стоит перед именами императора Карла III Толстого (881–887 гг.) и императорского канцлера Лиутварда Верчельского⁵⁶⁸.

Наконец, стоит обратить внимание и на то, что Готшалък, рассказывая о военном столкновении Трпимира с «народом греков», именует хорватского правителя «королем славян» (*Tripemirus rex Sclavorum*)⁵⁶⁹. Как это именование соотносится с титулом «*dux*»? Преобладающим в историографии является мнение, что применение Готшалком к Трпимиру термина «*rex*» всего-навсего отражает широко распространенную в раннее Средневековье практику использования этого обозначения по отношению к разного рода «варварским» правителям вне зависимости от того, каков был их официальный титул. При этом еще Л. Катич обратил внимание на то, что подобное именование Трпимира в сочинении Готшалъка хорошо соотносится с упоминанием в его же стихотворном послании, адресованном монаху Ратрамну, неких «варварских стран» (*barbara regna*), где, по словам Готшалъка, пребывают люди из числа тех, кому он направляет свои письма⁵⁷⁰: одним из этих «варварских королевств», по суждению Л. Катича, вполне могла являться хорошо знакомая Готшалъку страна хорватов⁵⁷¹. И все же, несмотря на то, что именование Трпимира «королем славян» не соответствовало его официальному титулу, в качестве которого, очевидно, употреблялось обозначение «*dux Chroatorum*», использование Готшалком, в течение продолжительного времени находившимся при дворе хорватского дукса, термина «*rex*» вряд ли было сугубо «техническим». Думается, стоит согласиться с Т. Василевским, который, отмечая «литературный» характер

⁵⁶⁶ MMFH. Vol. III. — P. 332; Hrvati i Karolinzi. Dio I. — S. 290.

⁵⁶⁷ MMFH. Vol. III. — P. 333; Hrvati i Karolinzi. Dio I. — S. 291.

⁵⁶⁸ MMFH. Vol. III. — P. 333.

⁵⁶⁹ Hrvati i Karolinzi. Dio I. — S. 295

⁵⁷⁰ *Gottschalk of Orbais*. Ad Rathramnum // <http://gottschalk.inrebus.com/lat002.html> (дата обращения: 01.12.2015).

⁵⁷¹ См.: *Katić L.* Saksonac Gottschalk... — S. 11, bilj. 22; *Wasilewski T.* Geneza tytułu «Rex Chroatorum» // PS. — 1967. — Т. XVII. — S. 150–153; *Понин В.К.* Славяне в латинской литературе VII — начала IX веков // СС. — 1986. — № 3. — С. 45.

понятия «*rex*» в сочинении Готшалька, вместе с тем допускал, что, в соответствии с давней практикой применять это обозначение к «выдающимся» политическим фигурам, термин «*rex*» и здесь обозначал не просто властителя, а властителя «самостоятельного или могущественного»⁵⁷².

Итак, можно сделать вывод, что превращение «дуката Далмации и Либурии» в хорватское «гентильное королевство» ко времени правления Трпимира стало свершившимся фактом. Значение этой эволюции для развития и утверждения хорватской идентичности трудно переоценить. Тем важнее было бы ответить на вопрос о том, с какими *внутренними* процессами могла быть связана такая перемена. Любопытная интерпретация политической ситуации, сложившейся после 828 г. в самой Далмации, была в свое время предложена Л. Маргетичем. Исходя из того, что при первом упоминании Борны в «Анналах королевства франков» он был назван правителем гудусканов (*dux Guduscanorum*), вероятнее всего, населявших область Гацка в хинтерланде Либурии, а Мислав и Трпимир располагали владениями в центральной части Далмации — в окрестностях Сплита и Трогира, исследователь предположил, что в промежуток между 821 и 839 гг. в Хорватии имел место переход власти от одного рода к другому⁵⁷³. Оставляя пока в стороне вопрос о титуловании Борны правителем гудусканов, которое, на наш взгляд, не следует рассматривать как указание на источник его власти⁵⁷⁴, заметим, что идею Маргетича делает привлекательной сам факт наличия двух областей ранней хорватской потестарности, формирование которых, насколько можно судить, не было синхронным. В то время как в районе Книнского поля, судя по материалам раскопок, уже около 800 г. концентрировалась хорватская воинская элита, политически связанная с франками, в приморской части Далмации, между реками Крка и Цетина, то есть как раз на территории, тяготевшей к Трогиру и Сплиту, не удалось обнаружить воинских захоронений с предметами франкского

⁵⁷² Wasilewski T. Geneza tytułu «Rex Chroatorum». — S. 160.

⁵⁷³ Margetić L. Ugovor Mletaka i italskih gradova... — S. 231–232; *Idem*. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države... — S. 144–147; *Idem*. O Borni, vojvodi Gačana // Prošlost obvezuje: Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije: Zbornik biskupa Mile Bogovića / Ur. F.E. Hoško. — Rijeka, 2004. — S. 92–93.

⁵⁷⁴ См. об этом в главе III.

вооружения, столь характерных для Книнского поля и области Равни Котари, тяготевшей к Задару⁵⁷⁵.

Между тем именно вблизи Трогира и Сплита во второй трети IX в. фиксируются хорватские центры власти — Клис под Сплитом, впервые упомянутый в грамоте Трпимира как «двор» (*curtis*) Мислава⁵⁷⁶, Биячи под Трогиром — место, где были обнародованы грамоты Трпимира и Мунцимира⁵⁷⁷, а также «двор св. Мартина» (*sancti Martini curtis*), упомянутый Иоанном Диаконом как место заключения мира между Миславом и дуксом (дожем) венециков Петром Традоником⁵⁷⁸. Более того, именно на территории Каштеланско-

⁵⁷⁵ См.: *Milošević A. Karoliniški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 116–117.*

⁵⁷⁶ «...ex curte nostra, que Clisa dicitur...» (CD. Vol. I. — S. 5).

⁵⁷⁷ В грамоте Трпимира указывается, что она была дана «в месте, которое называется Биячи»: «Actum in loco, qui dicitur Biaci...» (CD. Vol. I. — S. 5). Здесь же перед церковью св. Марты в 892 г. была обнародована и грамота Мунцимира: «Actum est in Biaci ante fores ecclesiae sanctae Martae martirae...» (CD. Vol. I. — S. 24). Открытые археологами рядом с церковью св. Марты остатки античных строений, использовавшиеся в раннее Средневековье, вместе с происходящими из данного комплекса скульптурными деталями позволяют говорить о существовании в Биячи резиденции хорватского правителя, близкой по своим функциям другим дворцовым комплексам каролингской Европы. См.: *Marasović T. Bijaći u svjetlu proučavanja ranosrednjovjekovnih vladarskih rezidencija // SHP. Ser. III. — 1999. — Sv. 26. — S. 331–359.*

⁵⁷⁸ Несмотря на дискуссионность вопроса о том, где точно следует локализовать двор св. Мартина, учитывая то обстоятельство, что дождливый мир с Миславом, сразу отплыл к неретвлянам, владения которых начинались за рекой Цетиной, вряд ли можно сомневаться в том, что *curtis* располагался где-то поблизости от Сплита. Наиболее убедительным вариантом локализации куртиса остается, на наш взгляд, его привязка к церкви Св. Мартина в Подстране (в приморской части Полицы), предложенная еще Ф. Шишичем: *Šišić F. Povijest Hrvata... — S. 328, bilj. 22.* В пользу данной локализации свидетельствует, прежде всего, расположение данного храма, упоминаемого уже в 1080 г., неподалеку от морского побережья и близость к неретвлянским землям. Подробную аргументацию в пользу того, что в раннее Средневековье полицкое приморье контролировалось хорватскими правителями, а не неретвлянами, как иногда ошибочно считалось в историографии, см.: *Laušić A. Pripadnost i uloga srednjovjekovnih Poljica u vrijeme hrvatskih narodnih vladara // RZHP. — 1989. — Sv. 22. — S. 23–30; Margetić L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih*

го поля между Трогиром и Сплитом, а, вероятно, также к востоку от Сплита — в приморской части Полицы, между реками Жрновница и Цетина, находились в IX ст. и земельные владения хорватских правителей, из которых они делали свои пожалования церкви.

Так, по сообщению грамоты Трпимира, в которой говорится о пожалованиях хорватского правителя Сплитской церкви в ответ на помощь, оказанную сплитским архиепископом при строительстве монастыря в Рижинице⁵⁷⁹, архиепископ попросил хорватского дукса закрепить за церковь св. Георгия в Путале — небольшом селении, располагавшемся на обращенных к морю склонах Козьяка (в границах Каштел-Сучурца в Каштеле), — все ее земельные владения и сервов. При этом сообщается, что данная церковь была освящена предшественником Трпимира Миславом, который и даровал ей названные владения⁵⁸⁰. В этой же грамоте, помимо Путаля, упоминаются и еще два места, где сплитский архиепископ, по словам источника, делал приобретения и получал пожалования от хорватского дукса — Лажани (в границах Каштел-Камбеловца в Каштеле) и Тугари (на обращенных к морю склонах горной гряды Мосор в Полице)⁵⁸¹. Как явствует из текста грамоты, Трпимир не только подтвердил права Сплитской архиепископии на все названные участки земли и проживавших на них сервов⁵⁸², но и сделал новое

odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad HAZU. — 2003. — Knj. 487. — S. 56–74.

⁵⁷⁹ Привлекая сведения данного источника, касающиеся церкви св. Георгия в Путале и земельных владений Мислава и Трпимира, мы исходим из того, что они относятся к древнейшему слою памятника. См.: *Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu* (CD I, 3–8) // *Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu*. — Split, 1993. — God. 30. — Br. 1. — S. 48; *Matijević Sokol M. 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira* // *100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8.–12. listopada 2002. / Odgovorni ur. D. Komšo*. — Zagreb, 2010. — S. 13–14.

⁵⁸⁰ «...ut [...] detis ecclesie beati Georgii in loco, qui dicitur Putalio, omnia que obtinet possessionum, seruos quidem et ancillas, que Mislauo duce ipsam ecclesiam, cum dedicata uidetur et ab ipso supradicto duce donis ditatam simili modo et priuilegii censura» (CD. Vol. I. — S. 5). О селении Путьаль см.: *Burić T. Villa sancti Georgii de Putalio* // *SHP. Ser. III*. — 1984. — Sv. 14. — S. 305–324.

⁵⁸¹ CD. Vol. I. — S. 5.

⁵⁸² Из текста грамоты как будто следует, что еще Мислав передал построенную им церковь вместе с землями и работающими на них сервами Сплитской архиепископии. Однако текст грамоты в завершающей части петиции не вполне ясен, так как при глаголе «*detis*» одновременно наличествуют два

земельное пожалование в пользу Сплитской церкви, выделив для этого участок королевской территории (*territorium regale*), которая, судя по контексту, также располагалась где-то в пределах Каштеланского поля⁵⁸³. Наличие в указанных районах, входивших в раннее Средневековье в состав Приморской (Клишской) жупании⁵⁸⁴, участков королевской земли, принадлежавшей Трпимировичам, а позднее перешедшей в руки новой династии Арпадов, фиксируется и более поздними источниками XI–XIII вв.⁵⁸⁵

косвенных дополнения: архиепископ Петр просит Трпимира подтвердить «в пользу названной матери-церкви» (*ut in fatam matrem ecclesiam*), то есть Сплитской архиепископии, дарения, сделанные «церкви святого Георгия» (*ecclesie beati Georgii*). Более того, в более поздней грамоте дукса Мунцимира (892 г.), подтверждающей дарения Трпимира в пользу Сплитской архиепископии, прямо говорится о передаче Трпимиром храма св. Георгия Сплитской церкви, тогда как дукс Мислав не упоминается вовсе (CD. Vol. I. — S. 23). Филологический анализ О. Перич дал основания говорить о наличии в тексте петиции грамоты Трпимира двух языковых слоев, причем та фраза петиции, где упоминается Сплитская архиепископия, по всей видимости, относится к младшему слою: *Perić O. Jezični slojevi Trpimirove isprave // Жива антика. — Скопје, 1984. — Год. 34. — Св. 1–2. — С. 168–169*. Это обстоятельство дает, как нам представляется, дополнительное основание, чтобы принять конъектуру М. Барады, в свое время предложившего вместо «*ecclesie*» читать «*ecclesiam*» (*detis ecclesiam beati Georgii*), из чего следовало бы, что церковь св. Георгия передал Сплитской архиепископии все-таки Трпимир, а не Мислав. См.: *Barada M. Dvije naše vladarske isprave // Croatia sacra. — 1937. — Vol. VII. — S. 33–35; Klaić N. O Trpimirovoj darovnici kao diplomatskom i historijskom dokumentu // VAHD. — 1960. — Sv. LXII. — S. 121–122*.

⁵⁸³ CD. Vol. I. — S. 5.

⁵⁸⁴ Н. Клаич отрицала достоверность известий грамоты Трпимира о владениях архиепископа в Тугари, ссылаясь на то, что в Супетарском картулярии тугаране выступали в качестве свидетелей, что, конечно, было бы невозможно в том случае, если бы они были принадлежащими архиепископу сервами (*Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — Zagreb, 1975. — S. 237*). На излишнюю прямолинейность подобного умозаключения указал Ю. Марушич, отметив, что во времена Трпимира название Тугари могло прилагаться к местности, а не к конкретному селению (*Marušić J. B. O poljičkim Tugarima u Trpimirovoj darovnici i supetarskom kartularu // Crkva u svijetu. — 1974. — Sv. 9. — Br. 1. — S. 97–101*).

⁵⁸⁵ См.: *Barada M. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom zakonu. — Zagreb, 1952. — S. 23–26; Ančić M. Od vladarske curtis do gradskoga kotara. Bijaći i crkva sv. Marte od početka 9. do početka 13. stoljeća // SHP. Ser. III. — 1999. — Sv. 26. — S. 195–212*.

Вопрос, почему земли Трпимировичей концентрировались именно на территории Клишской жупании, остается открытым. Думается, что экспансия хорватов в приморскую зону едва ли могла сразу превратить обширную территорию от Трогира до Сплита в пользовавшуюся особым статусом «королевскую землю»⁵⁸⁶. Более вероятным представляется первоначальное закрепление здесь отдельных родов, подобных тем «*generationes Sclavorum*», что так беспокоили франков в 840 г. Не был ли Мислав в таком случае представителем одного из таких родов, сумевшего в свое время закрепиться на ближайших подступах к Сплиту и Трогиру?

Если перенос власти из одного центра в другой действительно имел место, то, пожалуй, стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство — посвящение церкви, которую воздвиг Мислав, св. Георгию, чей культ в процессе христианизации славянского мира нередко выступал в качестве своеобразной христианской замены почитания Перуна. Выше уже отмечалось, что в местностях неподалеку от Сплита локализуются два сакральных ландшафта, связанных с почитанием Перуна (в Полице и Каштеле). Примечательно, что оба святилища оказываются, таким образом, в пределах того самого района, где находились земельные владения Мислава и Трпимира. О том, что в данном районе культ св. Георгия, скорее всего, был непосредственно связан с культом Перуна, свидетельствует и существование сразу двух посвященных св. Георгию церквей на горе Перун над Жрновницей (на восточном склоне горного гребня над Верхней Подстраной и на вершине Перунско)⁵⁸⁷.

Суммируя сказанное, позволим себе высказать догадку, что эпизод хорватской традиции, повествующий о борьбе хорватов с франками, мог являться отражением некоего неизвестного нам по другим источникам конфликта между профранкской элитой из области Книна и какого-либо могущественного рода из района Каштели, где в том или ином виде сохранялись славянские языческие традиции. По крайней мере, подобное развитие событий вполне отвечало бы обрисованной выше логике процесса хорватского

⁵⁸⁶ Так, М. Анчич склонен записывать всю территорию от Трогира до Сплита в состав куртиса хорватского правителя, полагая, что именно этим объясняется отсутствие здесь воинских захоронений: хорватский дукс, по мнению исследователя, не делил свою власть на этой территории с воинским слоем и родовой аристократией: *Ančić M. Od vladarske curtis do gradskoga kotara...* — S. 205–210.

⁵⁸⁷ *Pleterski A. Kulturni genom...* — S. 304–305.

«этногенеза». Суть этого процесса заключалась в том, что, подобно тому, как это происходило с рождением «*gentes*» в германском мире, путь для становления хорватской гентильной общности в Далмации открылся с политизацией названия «хорват», то есть с превращением хорватской групповой идентичности в идентичность правящего слоя особой политической единицы. Анализ хорватской этногенетической традиции, зафиксированной в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империй», с учетом исторического контекста Далмации VII–IX вв., воссоздаваемого по другим источникам, позволяет выделить в этом процессе два важных этапа. Первый из них определялся политической эмансипацией первоначальных носителей имени «хорват» от Аварского каганата, а второй — усвоением ими этнического дискурса, пришедшего из Франкского государства, что позволило им представить себя в качестве «народа хорватов».

ГЛАВА III. ХОРВАТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Методологические трудности, стоящие перед исследователем этнической истории в раннее Средневековье, далеко не исчерпываются контроверзой двух основных подходов к пониманию феномена этничности — примордиализма и конструктивизма. Едва ли можно признать праздным вопрос о том, насколько вообще корректно считать раннесредневековые групповые идентичности этническими. В последние десятилетия историками неоднократно подчеркивалась та роль, какую в становлении этнического дискурса в «варварской» Европе сыграли представители интеллектуальной элиты, образованные индивидуумы, вписавшие варварские групповые идентичности в те представления о «народах», которые были унаследованы ими еще от античной этнографии. Воздействие античной этнографии и Священного Писания на формирование этнического дискурса в раннесредневековой Европе, действительно, велико. Но значит ли это, что сами варвары, по крайней мере те, что не попали под влияние античного наследия и еще не были обращены в христианство, не знали деления на этнические общности? Подобно первым этнографам, начавшим в свое время описывать малоизвестные или вовсе неизвестные дотолде европейцам народы Африки и Нового Света, исследователи раннего Средневековья сталкиваются с огромным количеством групповых идентичностей, в чем-то напоминающих современные этнические идентичности. Как и этнографы, историки часто записывали обладавшие этими идентичностями общности в число «племен», понимая под этим термином раннюю форму этнической общности. Между тем эти идентичности могли означать принадлежность к родственным коллективам, локальным общинам, языковым общностям, социальным и профессиональным группам, политическим формированиям и т.п. Разграничить эти идентичности на практике, отделив этническую идентичность от неэтнической, представляется во многих случаях исключительно сложным, если вообще возможным. Основная причина кроется, как кажется, в синкретичности самосознания

людей домодерных обществ, его семантической недифференцированности⁵⁸⁸.

Подобная ситуация побуждает некоторых исследователей по возможности отказываться от использования терминов «этнос» и «этнический» применительно к раннесредневековым общностям, предпочитая им терминологию, заимствованную из раннесредневековых источников. Одними из таких терминов становятся используемое в раннесредневековых латиноязычных текстах понятие «gens» и производный от него термин «гентильный». Как в свое время показал Р. Венкус, *gentes* являли собой гетерогенные общности, политически, социально и идеологически конструируемые на основе воинской группы, сплотившейся вокруг харизматического вождя. Идеологически конституирующим элементом такой общности была вера в общее происхождение, что очень сближает эти общности с тем, что обычно понимается под этносом. Вместе с тем социальная, политическая и «этническая» (то есть основанная на вере в общее происхождение) идентичность были здесь практически неотделимы друг от друга. Поэтому целесообразно именовать такие общности не этническими, а этнополитическими, используя термин, устоявшийся в отечественной социальной антропологии.

Между тем этнополитические организмы были отнюдь не единственными типами общностей, существовавших в варварской Европе. Помимо родственных коллективов и локальных общин, несомненно, существовали и другие общности, соотношение которых с тем, что мы вкладываем сейчас в понятие этнической группы, является во многих случаях совершенно неясным. Дискуссионным остается и вопрос о том, насколько сами гентильные идентичности как «этнические» идентичности раннего Средневековья являлись продуктом развития собственно варварского бесписьменного общества, а насколько — следствием структуризации варварских групповых идентичностей в рамках восходящего к античности «книжного» дискурса образованных авторов письменных памятников. Наконец, не до конца ясно также и то, являлись ли *gentes* универсальной формой «этнического» развития в варварской Европе. Несомненно то, что, подобно германским *gentes*, так называемые славянские «племена» или «племенные союзы» кочевников также могут быть отнесены в большом числе случаев к разряду этнополитических организмов.

⁵⁸⁸ Калинин И.К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. — М., 2000. — С. 46–47.

Вопрос, однако, заключается в том, насколько схожи или различны были в этих общностях основополагающие скрепы социальной коhezии, обеспечивавшие их устойчивость. Все три обозначенные проблемы имеют непосредственное отношение к рассмотрению характера хорватской этнополитической общности — «*gens Chroatorum*».

§ 1. Проблема «протохорватов»

В ряду вопросов, относящихся к проблематике формирования хорватского этнополитического организма, перед исследователями, прежде всего, возникал вопрос о том, что представляла собой *в социальном смысле* общность первоначальных носителей имени «хорват» на момент ее первого появления на территории Далмации. В числе ответов на этот вопрос, предлагавшихся в историографии, долгое время доминировало определение данной общности как «племени». Так, уже Ф. Рачки считал, что появившиеся на Балканах хорваты «этнографически составляли только одно племя», которое генетически делилось на пять или семь «племен» в соответствии с числом легендарных хорватских предводителей, фигурирующих в 30-й главе трактата «Об управлении империей»⁵⁸⁹.

Традиционное для историографии конца XIX — первой половины XX в. представление о том, что наличие в Хорватии XII–XIV вв. родственных коллективов знати, в отношении которых славянские источники использовали термин «племя», а латинские — *genus, generatio*, является свидетельством длительного сохранения здесь славянских «родоплеменных» порядков, еще в середине XX в. признано устаревшим. Во избежание терминологической путаницы исследователи предлагали использовать в отношении этих родственных коллективов такие термины, как «братство», «патронимия», «сегментированная семейная община» и т. п.⁵⁹⁰, хотя в каждом

⁵⁸⁹ Rački F. Hrvatska prije XII. vieka glede na zemljišni obseg i narod // Rad JAZU. — 1881. — Knj. 57. — S. 130–131.

⁵⁹⁰ См. подробно: Mandić O. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. — S. 225–236; Ефремов Е. А. Патронимия у хорватов в XI — первой четверти XIII в. // УЗ ВЛГПИ. — 1963. — Вып. 22. — С. 10–22; Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. — С. 176–197; Акимова О. А. Развитие этнического самосознания хорватов в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М., 1989. — С. 140–141.

конкретном случае правомерность их использования оставалась предметом дискуссий. Самым важным, однако, является то, что засвидетельствованные в Хорватии формы родственной организации знати были в принципе характерны для ряда стран Европы в эпоху классического Средневековья⁵⁹¹, а потому едва ли могут рассматриваться как прямое продолжение социального ландшафта VII–IX вв. Правда, вопрос о времени и обстоятельствах складывания хорватских «племен» до сих пор остается нерешенным⁵⁹². В пользу возможности их весьма древнего происхождения, современного появлению славян на Балканах, справедливо приводится факт большой устойчивости названий «племен», нередко остававшихся неизменными на протяжении ряда веков⁵⁹³.

Если «племена» XII–XIV вв., то есть по сути разного рода родственные коллективы, представляют собой более или менее ясные формы социальной организации, о которых можно судить на основании современных им источников, то в отношении того, что Ф. Рачки назвал «этнографическим племенем» хорватов, сказать подобное никак нельзя. Несмотря на это обстоятельство, взгляд, согласно которому хорваты представляли собой именно славянское «племя» или даже одно из нескольких славянских «племен», пришедших на Балканы и принявших затем общее имя хорватов, был не только широко представлен в историографии второй половины XIX в., но и прочно вошел в историографию следующего XX ст. Одни авторы при этом считали хорватов частью славянских «племен», расселявшихся на Балканах еще со времен аварского завоевания и постепенно освободившихся из-под власти аваров, другие же полагали, что хорватские «племена» пришли в Далмацию позднее других славян, которых они освободили от аварского владычества⁵⁹⁴. В послевоенной историографии раннее хорватское политическое образование в Далмации стали

⁵⁹¹ См. особенно: *Karbić D.* Hrvatski plemićki rod i običajno pravo. Pokušaj analize // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. — 1998. — Sv. 16. — S. 73–117.

⁵⁹² *Jurković I.* Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj i gospodarska moć // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. — 2006. — Sv. 24. — S. 25–69.

⁵⁹³ См.: *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. — С. 194–197.

⁵⁹⁴ Обзор мнений см.: *Niederle L.* Slovanské starožitnosti. D. II. — Praha, 1906. — S. 251–262; *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 236–265.

именовать «племенным союзом»⁵⁹⁵, намекая таким образом на то, что в его составе существовали некие «племена», будь то компоненты того конгломерата, который под именем хорватов появился в Далмации, или некие славянские общности, застигнутые хорватами уже в процессе занятия «новой родины»⁵⁹⁶. С этого же времени в историографии прочно закрепилось мнение, остающееся и до сих пор довольно популярным, что появление хорватов в Далмации было второй волной славянского расселения на этой территории, причем на Балканах оказалась часть уже давно существовавшего к тому времени хорватского «племени»⁵⁹⁷. Отвечая на вопрос, к какому времени следует относить сложение славянского «племени» хорватов, исследователи, отталкиваясь

⁵⁹⁵ См., например: *Бабич В.* Хрватске земље у ранофеудално доба // Историја народа Југославије. Књ. I. — Београд, 1953. — С. 169.

⁵⁹⁶ См., например: *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания... — С. 168–170.

⁵⁹⁷ См. основополагающие работы, в которых раннесредневековые хорватские группы и топонимы, образованные от названия «хорват», интерпретировались как следы миграций частей некогда единого «племени»: *Niderle L.* Slovanske starožitnosti. D. II. — S. 263–271; *Klaić V.* Hrvati i Hrvatska. Ime Hrvat u povijesti slavenskih naroda. — Split, 1991 (переиздание книги 1930 г.); *Grafenauer B.* Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // ZČ. — 1950. — Št. 4. — S. 45–47; *Idem.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 33–38, 42–44; *Barada M.* Hrvatska diaspora i Avari // SHP. Ser. III. — 1952. — Sv. 2. — S. 7–17; *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. T. II. — Warszawa, 1964. — S. 182–200. В новейшей историографии концепцию существования древнего славянского племени хорватов отстаивает польский исследователь К. Фокт, считая, что хорваты (наряду с сербами и дулебами) принадлежат к древнейшему слою славянских этнических общностей. См. подробно: *Fokt K.* Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy Słowiańszczyzny // Wędrówka i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu / Red. M. Salamon, J. Strzelczyk. — Kraków, 2010. — S. 269–289. В российской историографии похожие идеи высказывал А. А. Горский. Выступив против использования понятия «племя» в отношении возникших на территориальной основе славянских общностей VIII–IX вв., исследователь, однако, считал правильным именовать «племенами» хорватов, сербов и дулебов, в каковых он усматривает древние «праславянские» общности, распавшиеся в период славянских миграций (см.: *Горский А. А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. — СПб., 2011. — С. 152).

от популярной гипотезы об иранском происхождении названия «хорват», указывали, как правило, на период славянизации ираноязычного населения в Восточной Европе, протекавший задолго до появления хорватов на берегах Адриатики⁵⁹⁸.

Однако, наряду с давней традицией рассматривать первоначальную хорватскую общность в качестве славянского «племени», в историографии уже более ста лет сохраняет свои позиции и несколько иной взгляд на ее характер. Развивая тезис В. Клаича о том, что пришедшие в Далмацию хорваты составили господствующий социальный слой в созданном ими политическом образовании⁵⁹⁹, и/или отталкиваясь от неславянского происхождения самого имени хорват, некоторые исследователи стали рассматривать хорватов в качестве общности, глубоко отличной от земледельцев-славян по своему социальному характеру. Одни авторы писали при этом о воинственном хорватском племени, своего рода «народе-войске», чья эффективная военная организация позволила ему победить аваров и установить свою прочную власть над населением Далмации, другие всячески подчеркивали то обстоятельство, что, по их мнению, появившиеся в Далмации хорваты являли собой не столько «племя» в традиционном смысле слова, сколько воинский контингент.

Симптоматично, что подобным образом рассуждали не только упомянутые выше творцы готской теории, но и сторонники иранского, адыгского и тюркского происхождения хорватов: почти все они полагали, что пришедшие издалека воинственные ратники-хорваты установили свою власть над славянами Далмации. Особенно активно развивал эту теорию словенский медиевист Л. Хауптманн, нарисовавший впечатляющую картину хорватской истории в период, предшествовавший появлению хорватов на Балканах. Отталкиваясь от иранской этимологии названия «хорват»,

⁵⁹⁸ См., например: *Седов В. В.* Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. — М., 1987. — С. 20; *Он же.* Славяне: Историко-археологическое исследование. — М., 2002. — С. 192–193, 236–237, 484–493; *Майоров А. В.* Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы.* 2006. — СПб., 2006. — С. 40–73; *Он же.* Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. — СПб., 2006. — С. 80–173.

⁵⁹⁹ *Klaić V.* Hrvatska plemena od XII. do XVI. stoljeća // *Rad JAZU.* — 1897. — Кпј. 130. — С. 1–85.

Хауптманн связывал раннюю историю хорватов с антами, которых на основании адыгских преданий, собранных знаменитым кабардинским просветителем Шорой Ногмовым (1794–1844 гг.), считал предками черкесов (адыгов). Приход антов, родственных им адыгов-касогов, а также политически связанных с ними ираноязычных хорватов в Восточную, а затем и в Центральную Европу Хауптманн связывал с экспансией гуннов, будто бы поставивших кавказских воинов надзирать над земледельцами-славянами на западных границах своей империи. На основе главным образом информации лангобардского историка Павла Диакона о стране *Anthaiß*, где лангобарды столкнулись с гуннами, Хауптманн пришел к заключению, что Антская «держжава», возникшая после распада в середине V в. Гуннской империи, охватывала на западе земли современной Силезии. После распада антского союза, который Хауптманн вслед за Йозефом Марквартом отождествил с легендарной державой «Валинана», упоминаемой ал-Масуди (X в.), под ударами аваров, хорваты, жившие на Висле со времен гуннов, оказались, по мнению словенского историка, под аварской властью, но затем восстали, сбросили аварское господство и устремились на юг⁶⁰⁰.

Оставляя в стороне все рискованные исторические построения, присутствующие в предложенной Хауптманном схеме хорватской истории, такие, например, как образование антами в Восточной Европе огромной «державы Валинана» или участие хорватов в эпических битвах, описанных в «Саге о Хервёре», отметим главное: хорваты, по Хауптманну, были прежде всего воинами, которые не только подчиняли славян своей власти, но и оставались в качестве господствующего социального слоя в созданных ими политических организациях⁶⁰¹. Подобная трактовка социальной роли хорватов стала в историографии не менее популярной, чем «славянофильская» модель «славянского племени». Так, она была с энтузиазмом воспринята хорватским востоковедом Степаном Сакачем, который, видя в хорватах воинственную орду ираноязычных кочевников, еще более удревнил их историю, отождествив «протохорватов» с народом *Harahvati*, населявшим в середине I тыс.

⁶⁰⁰ *Hauptmann Lj.* Kroaten, Goten und Sarmaten // *Germanoslavica*. – Brno, 1935. – Vol. 3. – S. 95–127, 315–353; *Idem.* Seoba Hrvata i Srba // *JiC*. – 1937. – Br. 3. – S. 30–61.

⁶⁰¹ См. особенно: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata. – S. 86–127; *Idem.* Karantanska Hrvatska // *Zbornik kralja Tomislava*. – S. 297–317; *Idem.* Podrijetlo hrvatskoga plemstva // *Rad HAZU*. – 1942. – Knj. 273. – S. 19–112.

до н. э. персидскую провинцию Арахозию на территории современного Афганистана⁶⁰². Мобильными воинскими отрядами считал пришедших на Балканы хорватов (а также сербов) и словенский этнолог Нико Жупанич, с той лишь разницей, что приписал хорватам не иранское, а «алародийское» (в реальности адыгское) происхождение, отождествив их с хариматами, некогда обитавшими на Северном Кавказе⁶⁰³. Наконец, словенский филолог Я. Келемина,

⁶⁰² *Sakač S.K.* O kavkasko-iranskom podrijetlu Hrvata // *Život*. — Zagreb, 1937. — Knj. VIII. — S. 1–25 *Idem.* Historijski razvoj imena «Hrvat» od Darija I. do Konstantina Porfirogeneta // *Život*. — Zagreb, 1942. — Knj. XXIII. — S. 3–21; *Idem.* The Iranian Origins of the Croats According to C. Porphyrogenitus // *The Croatian Nation in its Struggle for Freedom and Independence*. — Chicago, 1955. — P. 30–46. Теория С. Сакача о происхождении хорватов из древнего Ирана представляет ныне сугубо историографический интерес, однако заданное им направление поисков хорватов среди древних народов Ближнего Востока до сих пор встречает сочувствие у некоторых авторов. В неспециализированной литературе можно, например, встретить утверждение о происхождении хорватов из царства Митанни (XVI–XIII вв. до н. э.), предполагающее отождествление «протохорватов» с хурритами. См., например: *Marčinko M.* Tragovima hrvatskog imena // *Gavran Z.* Moja Hrvatska. Zemljom kroz prostor i vrijeme. — II. izd. — Zagreb, 1993. — S. 19–20. Справедливости ради следует заметить, что подобные «далеко идущие» реконструкции, основанные на априорном представлении о существовании хорватов как единой этнической или квазиэтнической общности задолго до появления группового названия «хорват» в источниках, имеют такое же право на существование, как и более привычные современному читателю рассуждения о славянском племени хорватов, пришедшем на берега Адриатики с территории Галиции. Ни тот, ни другой взгляд не подтверждаются письменными источниками. Об иранской теории происхождения хорватов см. подробно: *Guldescu S.* History of Medieval Croatia. — P. 33–43; *Gluhak A.* Porijeklo imena Hrvat; *Košćak V.* Irska teorija o podrijetlu Hrvata // *Etnogeneza Hrvata*. — S. 110–116. Из новых работ, отстаивающих иранское происхождение хорватов, см.: *Čurić M.N.* Staroiransko podrijetlo Hrvata. — Zagreb, 1991; *Vidović M.* Hrvatski iranski korijeni. — Zagreb, 1991; *Tko su i odakle Hrvati — revizija etnogeneze*. — Zagreb, 1993; *Staroiransko podrijetlo Hrvata: Zbornik simpozija*, Zagreb, 24. lipnja 1998. / ur. Z. Tomičić, A. — Ž. Lovrić. — Zagreb, 1999.

⁶⁰³ *Županić N.* Bela Srbija // *Narodna starina*. — Zagreb, 1922. — Knj. I. — Br. 2. — S. 107–118; *Idem.* Srbi Plinija i Ptolemeja. Pitanje prve pojave Srba na svetskoj pozornici sa historijskog, geografskog i etnološkog stanovišta // *Zbornik radova posvećen Jovanu Цвијићу povodom tridesetpetogodišnjice naučnog rada od prijatelja i saradnika*. — Београд, 1924. — С. 555–587; *Idem.* Prvobitni Hrvati // *Zbornik kralja Tomislava*. — Zagreb, 1925. — S. 291–296; *Idem.*

полемизируя со сторонниками готской теории, высказал мнение о том, что первоначальные хорваты были господствующей над славянами социальной группой тюрко-аварского происхождения⁶⁰⁴. Хотя в послевоенной историографии тезис о присутствии в средневековой Хорватии социального дуализма, обусловленного происхождением верхнего социального слоя от хорватов-завоевателей, подвергся справедливой критике как не учитывавший важных факторов социальной динамики⁶⁰⁵, социальный облик первоначальных носителей имени «хорват» и характер их взаимоотношений со славянами, поселившимися в Далмации около 600 г., так и не были в должной мере прояснены, о чем ярко свидетельствует возобновление в хорватской историографии полемики по этому вопросу в 1970-е гг.⁶⁰⁶

Впрочем, называя первоначальных хорватов «племенем» или «воинской группой», исследователи далеко не всегда конкретизировали, чем именно одно отличается от другого. В этой связи показательна дискуссия, разгоревшаяся в историографии вокруг фразы из 29-й главы трактата Константина Багрянородного. При описании того, как в 860-е гг. склавинии Далмации были привлечены византийцами к борьбе с арабами в Италии, император Константин сообщает: «...хорватов (τους Χρῶβátους) и прочих славянских архонтов (Σκλαβάρχοντας) перевезли в Лагувардию на собственных своих судах жители крепости Раусий»⁶⁰⁷. В то время как Л. Хауптманн привлекал это известие в доказательство своей теории социального дуализма, согласно которой хорваты были господствующим слоем

Harimati. Studija k problemu prvobitnih Hrvatov // Etnolog. — Ljubljana, 1926/1927. — Leto I. — S. 131–138; *Idem*. The Serb Settlement in the Macedonian Town of Srbčište in the VIIth century and the Ethnological and Sociological Moment in the Report of Constantinus Porphyrogenites concerning the Advent of Serbs and Croats // Etnolog. — Ljubljana, 1928. — Leto II. — S. 26–35; *Idem*. Prvi nosilci etničnih imen Srb, Hrvat, Čeh in Ant // Etnolog. — Ljubljana, 1928. — Leto II. — S. 74–79.

⁶⁰⁴ Kelemina J. Popa Dukljanina «Libellus Gothorum» (I–VII). Studija o starogermanskih spominih v naši zemlji // Etnolog (Ljubljana). — 1939. — Knj. XII. — S. 15–35.

⁶⁰⁵ См. об этом: Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — Zagreb, 1975. — S. 75–83.

⁶⁰⁶ См.: Klaić N. Povijest Hrvata... — S. 147–148; Beuc I. Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena // Radovi Instituta za hrvatsku povijest. — Zagreb, 1976. — Sv. 8. — S. 107–110.

⁶⁰⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 117/118.

в землях, освобожденных ими от аваров⁶⁰⁸, Б. Графенауэр настаивал на том, что данную фразу следует читать иначе: «...хорватских и прочих славянских архонтов...»⁶⁰⁹. При этом исследователями не учитывалось, что на страницах раннесредневековых источников название правящей элиты могло в зависимости от ситуации и распространяться, и не распространяться на все население соответствующей политики⁶¹⁰, что соответствовало характеру средневекового этнического дискурса, в рамках которого носителем этнических свойств была в первую очередь элита⁶¹¹.

⁶⁰⁸ См.: *Hauptmann Lj.* Karantanska Hrvatska. — S. 314–315.

⁶⁰⁹ См. материалы полемики: *Grafenauer B.* [Rec.:] Ljudmil Hauptmann. Hrvatsko praplemstvo // ZČ. — 1951. — Letnik V. — S. 375; *Idem.* Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // HZ. — 1952. — God. V (1–2). — S. 31; *Hauptmann L.* Popravek // ZČ. — 1954. — Letnik VIII. — S. 174; *Grafenauer B.* Odgovor // ZČ. — 1954. — Letnik VIII. — S. 175–176; *Hauptmann Lj.* Replika // ZČ. — 1955. — Letnik IX. — S. 201–202; *Grafenauer B.* Sklabarhontes = «gospodarji Slovanov» ili «slovanski knazi» // ZČ. — 1955. — Letnik IX. — S. 202–219.

⁶¹⁰ Ср., например, показательную ситуацию с полисемантической понятию «gens Francorum» в условиях королевства / королевств Меровингов: *Goetz H.* — *W.* Gens, kings and kingdoms: the Franks // *Regna et gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the transformation of the Roman world* / Ed. by H. — *W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl; with the collaboration of S. Kaschke.* — Leiden; Boston, 2003. — P. 334–337. По наблюдениям А. А. Горского, основанным на данных русско-византийских договоров X в., наименование «русь» в эту эпоху использовалось как в узком (для обозначения знати), так и в широком (для обозначения народа) значении, чему не мешало даже наличие этнокультурных различий между норманнами и славянами (*Горский А. А.* Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати // *Социальная идентичность средневекового человека.* — М., 2007. — С. 228–230).

⁶¹¹ На «политический» характер хорватской идентичности в Средневековье в своей книге, посвященной идентичностям, существовавшим в Хорватии до XIX в., справедливо указывает Дж. Файн: *Fine J. V. A.* When ethnicity did not matter in the Balkans: a study of identity in pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the medieval and early-modern periods. — *Ann Arbor*, 2006. — P. 44–46, 50–54, 79–84. Однако, не учитывая то обстоятельство, что сам по себе этнический дискурс в том виде, в каком он существовал в Средние века, зачастую имел сугубо «политический» характер, исследователь приходит к некорректному противопоставлению друг другу «политической» хорватской и «этнической» славянской идентично-

Лишь в самое последнее время в историографии стал проявляться взгляд на первоначальную хорватскую общность как на аналог раннесредневековых германских «gentes», понимаемых при этом под влиянием исследовательских результатов Р. Венкуса не как гомогенные родовые организмы, а как гетерогенные этнополитические общности⁶¹². Кажется бы, в рамках данной концепции традиционно использовавшееся в историографии противопоставление «племя — воинский контингент» может показаться достаточно условным, если даже не лишенным смысла. Однако, хотя подобное понимание формирования этнополитических организмов раннесредневековой Европы распространилось в науке уже относительно давно⁶¹³, к так называемым «славянским племенам», к числу которых, как мы видели выше, часто относили и древнейших хорватов, оно и сейчас порой применяется с серьезными оговорками. Это отсылает нас к двум остающимся все еще актуальными вопросам — об универсальности модели этногенеза Венкуса и об общественном строе так называемых «ранних славян».

Нам представляется справедливой наметившаяся в последнее время точка зрения, согласно которой гентилизм был свойством далеко не всех, а лишь отдельных германских «gentes», таких, например, как готы, лангобарды, бургунды⁶¹⁴. В этом смысле гентилизм следует понимать никоим образом не как германский тип этничности, а как один из способов формирования этничности в раннесредневековой Европе, обусловленный социальными процессами эпохи Великого переселения народов. Собственно говоря, подобная точка зрения на гентилизм уже давно присутствует в историографии. В качестве примеров можно назвать аваров, этническую историю

сти, на что справедливо обращает внимание Н. Будаk: *Budak N. Kako se doista s jugonostalgičarskih pozicija može negirati hrvatska povijest ili o knjizi Johna V. A. Fine Ml. When Ethnicity did not Matter in the Balkans. A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods*, Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006. 652 str. // RZHP. — 2009. — Knj. 41. — S. 488–489.

⁶¹² Ančić M. U osvjetlovanje novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // Hrvati i Karolinzi. Dio I. — Split, 2000. — S. 77.

⁶¹³ См. об этом: *Pohl W. Conceptions of Ethnicity...* — P. 39–49; *Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–555.* — Cambridge, 1997. — P. 13–42.

⁶¹⁴ См.: *Bowlus C. R. Ethnogenesis models and the Age of Migrations: a critique* // *Austrian History Yearbook.* — 1995. — Vol. XXVI. — P. 147–164.

которых с позиций Венской школы детально рассмотрел Вальтер Поль⁶¹⁵, а также ранних венгров, в исследовании этносоциального развития которых венгерский ученый Енё Сюч использовал понятие гентилизма⁶¹⁶. Показательно, однако, что и авары, и венгры были этнополитическими организмами, сформировавшимися в населенном кочевниками степном поясе Евразии. Значит ли это, что к «племенам», образовавшимся в земледельческом мире славян, концепция гентилизма неприменима?

Нетрудно заметить, что распространенное в историографии представление о том, что славянские «племена» догосударственной эпохи принципиально отличались по своему характеру от германских, базируется главным образом на характере славянских «племенных» названий: большая их часть либо указывает на географическую среду обитания, либо имеет патронимический характер, намекая на происхождение от родственной группы⁶¹⁷. Казалось бы, подобные названия хорошо соотносятся с общепринятыми в историографии представлениями об эгалитарном социальном устройстве земледельческих славянских общин, не способствовавшем формированию групповой идентичности на основе самоназвания элитного слоя. Выстраивая логику развития групповой идентичности в акефальном обществе, В. Поль сформулировал концепцию «славянского типа этничности», акцентировав внимание на глубинном различии в становлении этничности у германцев и славян⁶¹⁸. В этом же русле рассуждал и Д. Тржештик, предостерегая от уподобления славянских «племен» германским «gentes» эпохи великих миграций⁶¹⁹.

⁶¹⁵ Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. — München, 1988.

⁶¹⁶ О концепции гентилизма Енё Сюча см.: Свак Д. «Досовременная нация» в венгерской историографии // Две империи — много национальностей. Материалы венгерско-российского научного семинара (25 июня 2007 г., Санкт-Петербург). — Будапешт, 2007. — С. 14–17. См. также: Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // Finno-Ugrica. — 2000. — № 1. — С. 7–9.

⁶¹⁷ См. обзор: Горский А. А. Славянское расселение... — С. 135–154.

⁶¹⁸ Pohl W. Conceptions of ethnicity... — P. 45–46

⁶¹⁹ Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. — Praha, 2001. — S. 10. Словенский исследователь П. Штих, напротив, свободно использует концепцию Р. Венкуса, объясняя возникновение этнополитических организмов альпийских славян: Štih P. Plemenske in državne tvorbe zgodnjega srednjega veka na slovanskem naseljenem prostoru v Vzhodnih Alpah // Slovenci in država. — Ljubljana, 1996. — S. 24–26.

Однако название «хорваты» не было связано ни с географией, ни с патронимами и, более того, имело неславянское происхождение. Кроме того, как в свое время осторожно отметил С. Гульдеску, кажется любопытным, что хорваты — это чуть ли не единственный «славянский народ», обладавший в раннее Средневековье «преданием» о своем переселении в места нынешнего проживания⁶²⁰. Оставляя в стороне вопрос о точности данной формулировки, позволим себе согласиться с ее автором в главном: рассказ о поселении хорватов в Далмации, содержащийся в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», действительно, ставит перед нами вопросы, актуальные для изучения типологии этногенеза в раннесредневековой Европе, ведь, как мы могли убедиться выше, хорватская этногенетическая традиция обнаруживает структурное сходство с теми легендами типа «*origo gentis*», которые фигурируют в раннесредневековых источниках применительно к ряду германских общностей эпохи Великого переселения народов.

Может ли хорватский гентилизм служить свидетельством неславянского характера хорватской этничности, или его следует понимать как закономерный социальный продукт миграции со свойственным этому процессу выдвиганием на передний план — в том числе и в процессах групповой идентификации — воинского дружинного элемента? В свое время Х. Ловмяньский, размышляя над путями формирования так называемых «больших племен» в славянском мире, предположил, что в условиях славянских миграций и колонизации новых пространств закрепить название старого «большого племени» на новом месте, образовав новое «большое племя» со старым названием, могли только хорошо организованные воинские группы⁶²¹. Подобным же образом рассуждает и М. Анчич, полагая, что под хорватами и сербами Константина

⁶²⁰ «It does appear curious that the Croats alone, of all supposedly Slavic peoples, should possess a saga or, indeed, several sagas, of the period of their migration to their present habitat» (*Guldescu S. History of Medieval Croatia.* — P. 53). Хотя данное обстоятельство показалось автору любопытным, оно не удостоилось с его стороны подробного комментария, возможно, потому, что для Гульдеску хорваты, пришедшие в Далмацию, были народом готско-аланского происхождения, который, подобно остготам, вестготам, лангобардам, вандалам и прочим «варварским народам» эпохи Великого переселения, обрел новую родину в Средиземноморье.

⁶²¹ *Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e.* T. IV. — Warszawa, 1970. — S. 41.

Багрянородного следует разуть правящие слои соответствующих политий, состоявшие из знатных родов⁶²².

Как показал предпринятый нами в предшествующей главе анализ хорватской этногенетической традиции, есть веские основания рассматривать первоначальных носителей названия «хорваты» как общность, тесно связанную с этнокультурной средой кочевников Евразии, представленной в Центральной Европе той эпохи Аварским каганатом. Помимо неславянского, очевидно иранского, происхождения названия «хорват», на это указывают неславянские, в том числе алтайские, имена семи легендарных хорватских вождей, перечисленные в 30-й главе трактата «Об управлении империей» при описании миграции хорватов и, безусловно, являвшиеся элементом хорватской этногенетической традиции. Более того, сам по себе акцент хорватской традиции на борьбе хорватов с аварами позволяет поддержать давно наметившуюся в историографии идею о том, что первоначальные хорваты не являлись этнической общностью, а представляли собой социальный слой Аварского каганата.

Насколько нам известно, впервые данную идею высказал австрийский ученый Отто Кронштайнер, который, опираясь главным образом на характер размещения топонимов, произведенных от названия «хорват», в восточно-альпийском регионе, предположил, что носители названия «хорват» выполняли функции пограничной стражи Аварского каганата⁶²³. Данная мысль, поддержанная Х. Вольфрамом⁶²⁴, а впоследствии Н. Будаком⁶²⁵, получила особое развитие в трудах В. Поля, приписавшего социальному слою хорватов важную роль в этногенетических процессах на бывших окраинах каганата, ушедших после 626 г. из-под аварского

⁶²² *Ančić M.* U osvjet novog doba... — S. 74–80; *Idem.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani... — S. 243–244.

⁶²³ *Kronsteiner O.* Gab es unter den Alpen slaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Bd 24. — Wien, 1978. — S. 137–157.

⁶²⁴ *Wolfram H.* Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien. — Wien; Köln, 1979. — S. 9.

⁶²⁵ *Budak N.* Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. T. 1. / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 129–136; *Idem.* Prva stoljeća Hrvatske. — S. 11–12, 67–69.

контроля⁶²⁶. В то же время О. Прицак, в соответствии со свойственным этому исследователю представлением о внутренней организации *Pax Avarica*⁶²⁷, рассматривал аварских хорватов в качестве аланского клана, игравшего важную роль в Аварском каганате благодаря своим торговым и политическим функциям⁶²⁸. Наконец, относительно недавно Л. Маргетич предпринял попытку обосновать гипотезу, согласно которой первоначальные хорваты представляли собой военно-политическую элиту Аварского каганата в так называемый «среднеаварский» период (630–670-е гг.). Отталкиваясь от старинной идеи о происхождении названия «хорват» от имени болгарского вождя Кубрата/Кровата, позволившей Л. Маргетичу вслед за А. Грегуаром связать с восстанием Кубрата внутренний кризис, разразившийся в Аварском каганате в 630-е гг., исследователь впервые широко использовал в рассмотрении данного вопроса выводы археологов, отмечающих наличие сходных черт в материальной культуре кочевнических элит Подунавья среднеаварского периода и Поднепровья периода существования державы Кубрата. Последнее обстоятельство стало одним из оснований для сформулированной Л. Маргетичем гипотезы, согласно которой при Кубрате/Кровате произошло не только высвобождение болгар из-под власти аваров, но и распространение его политического влияния внутри Карпатской котловины, ознаменовавшееся утверждением у власти новой военной элиты — «хорватов» (людей Кровата), сохранявших свои позиции до 670-х гг., а затем оттесненных на окраины Аварского каганата (в том числе в Далмацию) новой волной пришельцев с востока⁶²⁹.

⁶²⁶ Pohl W. Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I. / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. — Wien, 1985. — S. 293–298; *Idem.* Die Awaren... — S. 261–268; *Idem.* Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata. — S. 86–96.

⁶²⁷ См.: Pritsak O. The Slavs and the Avars // *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*. Vol. XXX. Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. — Spoleto, 1983. — P. 353–435.

⁶²⁸ Pritsak O. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // *Počeci kršćanskog i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća*. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 30. studenog — 5. prosinca 1985. — Split, 1990. — S. 23–39.

⁶²⁹ Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // *RZHP*. — 1995. — Vol. 28. — S. 19–56; *Idem.* Dolazak Hrvata. — Split, 2001. — S. 185–216.

В этой связи обращают на себя особое внимание появившиеся в историографии попытки связать с аварским социально-политическим контекстом и истоки таких славянских групповых названий, как «сербы» и «дулебы», которые в историографии традиционно относят к числу древнейших славянских «племенных» названий. Подобно названию «хорват», эти названия имели неславянское происхождение и встречались в раннее Средневековье в разных уголках Центральной Европы, испытавших в свое время более или менее сильное аварское воздействие. Если в случае с сербами была высказана гипотеза, согласно которой данная общность сложилась на основе одного из иранских харизматических кланов, игравших важную роль в Аварском каганате благодаря контролю над торговлей⁶³⁰, то в отношении дулебов — общности, носившей название германского происхождения, — недавно была предпринята попытка увязать их истоки с германоязычным населением каганата, испытавшим структурирующее воздействие аварской социально-политической организации⁶³¹. Значит ли это, что появление в славянском мире квазиэтнических социальных идентичностей, близких по своему характеру гентильным идентичностям германских элит эпохи Великого переселения народов, является в большинстве случаев аварским или по крайней мере неславянским наслідием в процессе этносоциального развития славян?

Аварский контекст становления ранних славянских потестарных институтов обычно иллюстрируется в историографии предположительно аварским происхождением такого важного славянского социального термина, как «жупан»⁶³². Однако если славянская социальная терминология остается предметом дискуссий в силу наличия у таких слов, как «жупан», «бан» или «пан», конкурирующих вариантов этимологии, то археологические материалы недвусмысленно свидетельствуют о воздействии аварских традиций на репрезента-

⁶³⁰ *Pritsak O.* The Slavs and the Avars. — P. 417–423; *Idem.* Kroatien und Kroaten... — S. 30–31.

⁶³¹ *Кибинь А. С.* От Ятвязи до Литвы: Политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X–XIII веках. — М., 2012. — С. 39–42; *Он же.* Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. — СПб., 2014. — С. 157–165.

⁶³² В данном контексте см., например: *Петрухин В. Я., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004.

цию славянских элит. Так, в литературе неоднократно обращалось внимание на то, что элементы позднеаварских поясных гарнитур так называемого «блатницкого» стиля, характерные для элитных захоронений Среднего Подунавья конца VIII – первой половины IX в. («блатницко-микульчицкий горизонт»), начинают появляться в сочетании с дорогостоящими предметами франкского вооружения в один и тот же период как на южных рубежах бывшего Аварского каганата – в Далмации, так и на его северной периферии – в долине реки Моравы и на западе Словакии⁶³³. Похожие процессы формирования культурно связанных с аварскими традициями местных элит происходили на окраинах каганата и раньше: на это указывают, например, археологические материалы из Моравии и Карантании⁶³⁴.

Таким образом, все указывает на то, что сам по себе образ культурно монолитного «славянства», будучи в значительной степени порождением националистического дискурса XIX ст., с трудом находит подтверждение в исторических реалиях VII–IX вв. В этой связи особую актуальность приобретает высказываемый в последнее время в историографии тезис о важной роли аварской социально-политической инфраструктуры в процессе «славянизации». Так, Д. Джино для объяснения ключевых социальных процессов, разворачивавшихся в «темные века» в Далмации, прибегает к понятию «аварского культурного континуума». По мнению исследователя, «аварский культурный континуум» не только обеспечил условия для языковой славянизации жителей Далмации, но и способствовал распространению в Далмации характерного для Дунайского бассейна культурного габитуса, признаваемого извне за славянский⁶³⁵. Понятно, что в рамках представлений об «аварском культурном континууме» вопрос о том, были ли хорваты славянами или нет, отчасти теряет смысл⁶³⁶. Однако совсем не утрачивает

⁶³³ См., например: *Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250.* – Cambridge, 2006. – P. 130–131, 143.

⁶³⁴ См.: *Daim F. Archaeology, ethnicity and the structures of identification: the example of the Avars, Carantanians and Moravians in the eighth century // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2).* – Leiden, 1998. – P. 71–93.

⁶³⁵ *Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... – P. 161–174.*

⁶³⁶ Заметим, что подобная же эволюция происходит в последнее время и с использованием понятия «германский», которое современные медиэвисты, занимающиеся эпохой Великого переселения народов, все

своего значения другая проблема — проблема характера хорватской групповой идентичности в Аварском каганате. Думается, что пролить свет на этот вопрос способно рассмотрение различных хорватских групп, существовавших за пределами Далмации и зафиксированных в раннесредневековых источниках, а также сопоставление характера хорватской идентичности в Далмации и за ее пределами.

§ 2. Хорваты за пределами Далмации

Имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники позволяют говорить о существовании между 800 и 1000 гг. в разных местах Европы нескольких групп, именовавшихся хорватами. Помимо далматинских хорватов, это две хорватские группы в Восточных Альпах — на землях позднейших Каринтии и Штирии, так называемые карпатские хорваты в Восточных Карпатах, а также хорватская группа или даже две группы, находившиеся по соседству с чехами и мораванами. Возможно, что к перечисленным древнейшим хорватским группам следовало бы добавить также таинственных дуклянских хорватов, упоминания о которых в источниках относятся к XI–XIII вв. Что касается топонимов, образованных от названия «хорват», то привлекаться к локализации хорватских групп, на наш взгляд, могут лишь те из них, которые зафиксированы в раннесредневековых источниках, тогда как привлечение (в качестве сугубо вспомогательного материала) остальных топонимов требует как минимум специальных оговорок⁶³⁷. При этом, разумеется, необходимо учитывать, что топонимы, образованные от названия «хорват», фиксируют хорватские поселения, обособленные от основных хорватских групп или находящиеся на их границах с нехорватскими группами⁶³⁸.

чаще заключают в кавычки. См. об этом: *Goetz H.-W. Regna and gentes: Conclusion // Regna et gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms... — P. 600–602.*

⁶³⁷ В пользу большей осторожности в использовании топонимов, образованных от названия «хорват», говорит и основанное на древнейших зафиксированных источниками формах этого названия предположение Р. Катичича, согласно которому форма «хрваты» (хрвате) была более древней, тогда как форма «хорваты» распространилась позднее: *Katičić R. Ime, podrijetlo i jezik Hrvata (Etnogeneza hrvatskoga naroda) // Povijest Hrvata. Knj. I. Srednji vijek. — Zagreb, 2003. — S. 40–42.*

⁶³⁸ См. об этом: *Łowmiański H. Początki Polski. T. II. — S. 182–183.*

К сожалению, характер имеющихся в нашем распоряжении известных источников не всегда позволяет понять, какой именно смысл вкладывается в них в понятие «хорваты», вследствие чего необходимо соблюдать большую осторожность при учете такого рода свидетельств для получения интересующей нас общей картины хорватской идентичности. Это замечание в первую очередь касается дискуссионной проблемы присутствия хорватов в Дуклянском княжестве⁶³⁹. Упоминания о хорватах на территории Дукли в XI ст. можно встретить в нескольких византийских источниках XI–XIII вв.⁶⁴⁰ Так, в продолжении «Обозрения истории» Иоанна Скилицы при описании вспыхнувшего в 1072 г. на территории византийской провинции Болгарии восстания против византийской власти, поддержанного дуклянским правителем Михаилом Воиславичем, который послал на помощь восставшим своего сына Константина Бодина, подданные Михаила и Бодина именуются сначала «народом сербов, которых и хорватами называют», а в дальнейшем тексте — просто хорватами⁶⁴¹. Другой византийский историк, Никифор Вриенний, при описании тех же событий говорит о том, что против Византии действовали хорваты и дукляне⁶⁴². Наконец, более поздний византийский автор Никита Хониат (XIII в.), повествуя о том, как сербский правитель Стефан Неманя

⁶³⁹ Обзор историографии вопроса см. в работах: *Babuš B.* Хрватске земље у ранофеудално доба // Историја народа Југославије. Књ. I. — Београд, 1953. — С. 225–226; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — 2. izd. — Zagreb, 1975. — S. 19–20; *Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował J. Leśny.* — Warszawa, 1988. — S. 140; *Radojević D.* Smisao sporova nekih istoričara oko izvora za staru crnogorsku istoriju // *Ars.* — Cetinje, 1987. — Br. 1. — S. 41–46; *Leśny J.* Studia nad początkami Serbskiej monarchii Nemaniczków (połowa XI — koniec XII wieku). — Wrocław, 1989. — S. 23–26, przyp. 44.

⁶⁴⁰ Обзор этих свидетельств см. в работах: *Kovachević J.* Од досельења Словена до краја XII вијека // Историја Црне Горе. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. — Титоград, 1967. — С. 299–300; *Mandić D.* Crvena Hrvatska... — S. 173–201; *Rotković R.* Kraljevina Vojislavljevića: najstarija crnogorska država XI–XII vijeka. Izvori i legende. — Podgorica, 1999.

⁶⁴¹ «τὸ τῶν Σέρβων ἔθνος οὗς δὴ καὶ Χρῳάτας καλοῦσι» (ВИИНЈ. Т. III / Приредили Г. Острогорски, Ф. Баришић. — Београд, 1966. — С. 177). Подобную же формулу («народ хорватов, которых некоторые называют и сербами») позднее воспроизводит и Иоанн Зонара (XII в.), опиравшийся при описании этих событий на труд Продолжателя Скилицы.

⁶⁴² ВИИНЈ. Т. III. — С. 237–241.

в 1180-е гг. распространял свою власть на приморские области, сообщает, что он «начал завоевывать Хорватию и присваивать себе власть над Котором»⁶⁴³.

Перечисленные известия византийских авторов нередко рассматривались в историографии как свидетельства присутствия на территории Дукли хорватского населения или даже хорватской принадлежности самих дуклян⁶⁴⁴. В то же время выдвигались и аргументы против такой их интерпретации. Думается, что в случае с известиями Продолжателя Скилицы следует согласиться с доводами исследователей, что византийский автор в данном случае просто не различал сербов и хорватов, из чего следует, что его этническая номенклатура едва ли отражала реально существовавшие в Дукле групповые идентичности⁶⁴⁵. Определение «сербы, именуемые хорватами» следует рассматривать не как отражение этнической ситуации в Дукле, а как ситуативное обозначение, к которому прибегает византийский автор, нуждаясь в том, чтобы определить в этнических категориях подданных Михаила Воиславича. При этом Продолжателю Скилицы, как и другим византийским авторам, называвшим жителей Дукли не только дуклянами, но и, к примеру, «далматами» и «трибалами»⁶⁴⁶, совсем необязательно приписывать сознательное пренебрежение некими реальными этнонимами: как и во многих раннесредневековых политических организациях, в Дукле просто могла отсутствовать стабильная групповая идентичность, подходящая для репрезентации ее в качестве этнической. В таких обстоятельствах поиск «истинной» этнической принадлежности дуклянской элиты следовало бы считать бесплодным и бессмысленным занятием. Памятуя об этом, упоми-

⁶⁴³ Аналогичное сообщение содержится в позднейшем труде Феодора Скутариота. См.: *Ковачевућ J.* Од досельења Словена до краја XII вијека // Историја Црне Горе. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. — Титоград, 1967. — С. 300.

⁶⁴⁴ См. особенно: *Klaić V.* Hrvati i Hrvatska... — S. 29–38; *Štedimlija S. M.* Crvena Hrvatska. — Zagreb, 1937. — S. 25–28; *Mandić D.* Crvena Hrvatska... — S. 173–201; *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti... — S. 212–216; *Idem.* Dolazak Hrvata // HZ. — 1987. — God. 40 (1). — S. 381–382.

⁶⁴⁵ См. особенно: *Ковачевућ J.* Од досельења Словена до краја XII вијека. — С. 299.

⁶⁴⁶ Обзор определений, прилагавшихся к жителям Дукли в средневековых источниках, см., например, в книге: *Rotković R.* Kraljevina Vojislavljevića XI–XII vijeka. Izvori i legende. — Podgorica, 1999.

нения хорватов в известиях Никифора Вриенния и Никиты Хониата также можно было бы счесть ситуативными обозначениями, хотя при внимательном их рассмотрении видно, что упоминаемых ими хорватов и Хорватию и вовсе не обязательно привязывать к Дукле⁶⁴⁷.

Вместе с тем в нашем распоряжении есть собственно дуклянский источник, в котором Дукля прямо и недвусмысленно именуется Хорватией. Речь идет о Летописи попа Дуклянина, где при описании административного деления «готско-славянского» королевства (9-я глава), установленного легендарным королем Светопелеком, часть территории Приморья, протянувшаяся от Далмы, места проведения созванного королем собора, до некоего города Бамбалоны, отождествляемого в летописи с Диррахием, именуется «Красной» (Червонной) Хорватией (*Croatia Rubea*)⁶⁴⁸. Червонная Хорватия упоминается также в 28-й главе летописи, где рассказывается о том, как король Тишемир со своим сыном Прелимиром вели войну «против бана, правившего в Превалитанской области» (*contra banum qui Praevalitanam regionem regebat*), так как он в свое время отложился от «готско-славянского королевства». Летописец сообщает о том, что Прелимир победил бана, в результате чего «завладел всей Червонной Хорватией» (*cepit totam Croatiam Rubeam*)⁶⁴⁹.

Так как в историографии место проведения описываемого в летописи собора — *planities Dalmae* — долгое время отождествлялось с Дуваньским полем на территории современной Боснии и Герцеговины (в раннее Средневековье входившим в состав упоминаемой в 30-й главе трактата «Об управлении империей» Хливненской жупании Хорватии), то в состав Червонной Хорватии нередко записывали не только Дуклю, но и другие славянские княжества, расположенные вдоль побережья Адриатики — Травунию, Конавле, Захумье. Более того, предполагаемое вхождение этих княжеств в состав Червонной Хорватии рассматривалось некоторыми авторами — в соответствии с откровенно примордиалистским

⁶⁴⁷ См.: *Kovacević J.* Од досельења Словена до краја XII вијека. — С. 299–300.

⁶⁴⁸ «Item ab eodem loco Dalmae usque Bambalonam civitatem, quae nunc dicitur Dyrachium, Croatiam Rubeam vocavit, quae et superior Damatia dicitur» (ЛПД. — С. 306). В «Хорватской хронике» при описании этого административного разделения термин «Червонная Хорватия» не используется.

⁶⁴⁹ GRS. Vol. I. — P. 114.

пониманием этноса — как доказательство их будто бы хорватской этнической принадлежности⁶⁵⁰.

Между тем, как уже отмечалось выше, популярная в историографии привязка летописного топонима «*planities Dalmae*» к Дуваньскому полю, то есть к району древнего города Дельминий (*Delminium*)⁶⁵¹, некогда являвшегося центром народа далматов, давших название Далмации, вызывает большие сомнения⁶⁵². Данная идентификация, основывавшаяся, по сути, на созвучии названий Далмы и Дельминия, предполагала и соответствующую локализацию области Дельмина (*regio Delmina*), фигурирующей в «Истории архиепископов Салоны и Сплита» Фомы Сплитского. В сочинении сплитского архидиакона Дельмина упоминается несколько раз. Так, сообщая со ссылкой на Исидора Севильского о том, что Далмация получила свое название от древнего города Дельмис (*Delmis*), архидиакон Фома указывает на то, что точное местоположение этого города остается не вполне ясным, однако тут же добавляет, что «в верхней части» (*in superioribus partibus*) Далмации есть область, именуемая Дельминой, где «показывают древние стены», и что «рассказывают, что там, по преданию, и находился город Дельмис»⁶⁵³. В другом месте своего сочинения, рассказывая о возрождении церковной жизни на землях, занятых славянами, Фома Сплитский упоминает появление «на востоке» дельмитанского епископа, а «на западе» — епископа Сисака (античной Сисции)⁶⁵⁴. Наконец, обозначая границы Хорватского королевства в правление Степана Держислава (969–997 гг.), Фома Сплитский сообщает, что на востоке границы эти достигали Дельмины с городом Дельмис,

⁶⁵⁰ См. особенно: *Klaić V. Hrvati i Hrvatska...* — S. 18–57; *Štedimlija S.M. Crvena Hrvatska...*; *Mandić D. Crvena Hrvatska...* Из новых работ с похожим пониманием этнической принадлежности Дукли см.: *Crnković N. Hrvati za narodnih vladara. Puti i stranputice.* — Novalja, 2007. — S. 149–180.

⁶⁵¹ О Дельминии и проблемах его локализации см.: *Škegro A. Dalmion / Delmion i Delminium — kontroverzje i činjenice* // ОА. 1999–2000. Vol. 23–24: *Sportula dissertationum Marino Zaninović dicata.* — S. 395–403.

⁶⁵² На необоснованность такой локализации указывал еще Н. Банашевич, считавший летописную Далму вымышленным местом, которое следовало бы располагать значительно южнее Дельминия, на устанавливаемой по другим источникам границе Нижней и Верхней Далмации (*Banashewiћ H. Летопис попа Дукљанина и народна предања.* — Београд, 1971. — С. 30–31).

⁶⁵³ *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. — С. 25.

⁶⁵⁴ Там же. — С. 43.

«где имеется одна церковь, которую освятил блаженный Герман, епископ Капуанский, о чем свидетельствует надпись на ней»⁶⁵⁵.

В историографии на основании сходства топонимов все эти сообщения традиционно привязывались к Дельминию, где в Средние века действительно существовала епископская кафедра⁶⁵⁶, причем упоминание Фомой исторического лица — Германа, епископа Капуи (516–540 гг.) — даже позволяло связать освящение местной церкви с путешествием этого епископа в Константинополь в составе посольства папы Гормизда в 519 г.⁶⁵⁷ Между тем, по убедительному суждению Людвиг Штайндорфа, упоминаемую Фомой Сплитским при описании местонахождения Дельмины «верхнюю часть» Далмации следовало бы соотносить с термином «верхняя Далмация» (*Dalmatia superior*), как в Средневековье нередко называлась крайняя южная часть Далмации, включая побережье современной Черногории⁶⁵⁸. С такой локализацией, как показал немецкий исследователь, хорошо соотносятся и все прочие свидетельства Фомы Сплитского о Дельмине: так, упоминаемое сплитским архидиаконом при описании границ Хорватского королевства при Степане Держиславе вхождение в состав Хорватии «Маронии» (Неретвлянской земли) и Хумского княжества делает практически невозможным прохождение восточной границы Хорватии в районе Дувна, в то время как маршрут папского посольства 519 г., высадившегося с корабля в Авлоне (Влёра) и далее двигавшегося через Скампу (Эльбасан) и Лихнид (Охрид) в направлении Фессалоники, также

⁶⁵⁵ Там же.

⁶⁵⁶ Популярный в историографии тезис о существовании Дуваньской епископии еще в поздней античности оспорил А. Шкегро: *Škegro A. Je li rimski Delminij bio biskupsko sjedište? // PP. — 2000. — Sv. 19. — S. 9–85; Idem. Tobožnja Delminijska biskupija // OA. — 2007. — Vol. 31. — S. 283–302.*

⁶⁵⁷ См. историографию вопроса: *Škegro A. Je li rimski Delminij bio biskupsko sjedište? — S. 15–16.*

⁶⁵⁸ *Steindorff L. Tumačenje riječi Dalmatia... — S. 151–152.* О понятии «Верхняя Далмация», использовавшемся в XI–XII вв. для обозначения территории от Дубровника до реки Бояны, см.: *Barada M. Dalmatia Superior // Rad JAZU. — 1949. — Knj. 270. — S. 93–113.* Традиция включать в Далмацию территорию современной Черногории и Албании с городом Диррахий (Дуррес) засвидетельствована в источниках раннего Средневековья: *Basić I. Dalmatinski biskupi na crkvenom saboru u Hijereji 754. godine // Spalatumque dedit ortum. Zbornik povodom desete godišnjice Odsjeka za povijest Filozofskog fakulteta u Splitu / Uredili I. Basić, M. Rimac. — Split, 2014. — S. 178–182.*

едва ли способствовал тому, чтобы епископ сумел освятить церковь в Дувно, весьма отдаленном от территории Албании⁶⁵⁹. Все указывает на то, — делает справедливый вывод Штайндорф, — что Дельминой в тексте Фомы Сплитского именовалась какая-то местность на территории Дукли, по всей вероятности, район древнего города Диоклеи⁶⁶⁰. В свете данной локализации Дельмины Фомы Сплитского, а следовательно, и Далмы Летописи попа Дуклянина становится гораздо более понятным и содержащееся в летописи сообщение о том, что король Светопелек был похоронен в церкви св. Марии в Диоклее (*in civitate Dioclitana*)⁶⁶¹.

Таким образом, Червонной Хорватией в тексте Летописи попа Дуклянина, скорее всего, именовалась часть Дукли от Диоклеи до Диррахия, что хорошо согласуется и с использованием летописцем по отношению к данной территории термина «Верхняя Далмация», которым в Средневековье нередко обозначалась именно приморская часть Дукли⁶⁶². Заметим, что подобная локализация Червонной Хорватии снимает и возникавшее при привязке Далмы к Дуваньскому полю противоречие между сведениями 9-й главы летописи, где Червонной Хорватией называется область от Далмы до Диррахия, и 28-й главы летописи, где Червонная Хорватия, по сути, отождествляется с Превалитанской областью⁶⁶³. Что же касается приморских территорий к северо-западу от Дукли, включая упоминавшиеся выше славянские княжества Травунию, Конавле и Захумье, то при таком толковании получается, что они включались летописцем в Белую Хорватию (*Croatia Alba*).

Соответствовала ли подобная этническая/географическая номенклатура реальным идентичностям? Отвечая на данный вопрос, необходимо иметь в виду, что само «готско-славянское» королевство — это «изобретенная традиция», конструкция, в рамках которой летописец снабдил Дуклянское королевство богатой историей,

⁶⁵⁹ *Steindorff L.* Tumačenja riječi Dalmatia... — S. 153–154. Посольство, двигавшееся из Рима, пересело на корабль в Брундизии на юго-востоке Италии: *Škegro A.* Je li rimski Delminij bio biskupsko sjedište? — S. 16.

⁶⁶⁰ *Steindorff L.* Tumačenja riječi Dalmatia... — S. 155.

⁶⁶¹ ЛПД. — С. 308.

⁶⁶² См.: *Пухуера С.М.* Поријекло назива «Црвена Хрватска» // ИЗ. — 1958. — Год. XI. — Књ. XIV. — Св. 1–2. — С. 180–183.

⁶⁶³ На это (мнимое) противоречие уже обращалось внимание в историографии. См., например: *Ковачевић Ј.* Од досељенја Словена до краја XII вијека. — С. 300.

приписав ему прошлое остготского королевства Амалов (V–VI вв.) и Великой Моравии времени правления Святополка (870–894 гг.)⁶⁶⁴. Таким же плодом идеологического конструирования,

⁶⁶⁴ В историографии неоднократно предпринимались попытки интерпретировать «готско-славянское» королевство как отражение неких реалий раннего Средневековья. Показательно, однако, что эти реалии представлялись разным исследователям совершенно по-разному: в «готско-славянском» королевстве усматривали якобы существовавшее в «темные века» в хинтерланде Далмации некое варварское политическое образование во главе с готской династией (Й. Рус, И. Мужич), хорватское королевство Будимира, которое в середине VIII в. будто бы охватывало пространство от Винодола до Влёры (Д. Мандич), хорватскую «тетрархию» VII–VIII вв., якобы состоявшую из Карантании, Посавской Паннонии, Далмации и Эпира (В. Кошчак), и даже «патримониальное королевство» Святополка, который, перед тем как стать правителем Великой Моравии, будто бы правил в Боснии (И. Боба). Последнее предположение представляется совершенно фантастическим, так как связано с неоправданным пересмотром общепринятой локализации ядра Великой Моравии. Впрочем, и остальные концепции, общей чертой которых является опора на внутреннюю хронологию летописи (по указанным в ней срокам правления королей) и объявление имен св. Кирилла и Светопелека результатом более позднего редактирования первоначального текста, являют собой не более чем остроумные попытки рационализировать летописный образ «готско-славянского» королевства, поместив его в тот период истории Иллирика («темные века»), информация о котором в современных источниках крайне скудна. Соответственно, эти попытки не только не имеют сколько-нибудь солидной опоры в современных источниках, в которых не содержится никаких намеков на существование большого варварского королевства в хинтерланде Далмации, но и, как кажется, совсем не учитывают ретроспективно устанавливаемого характера местных политических организмов VII–VIII вв., не обладавших возможностями для политической интеграции столь обширных пространств. Более рациональными предстают на этом фоне попытки разглядеть в образе «готско-славянского» королевства исторические реминисценции более поздних эпох, когда в западной части Балканского полуострова стали складываться крупные державы, имевшие контакты с важнейшими политическими и церковными центрами Средиземноморья. В первую очередь, это относится к сюжету о соборе на поле Далмы, где, по сообщению летописи, произошла коронация Светопелека королевской короной в присутствии представителей римского папы и византийского императора. В историографии этот сюжет пытались соотнести с коронацией или контактами с Римом хорватских правителей Томислава в 925 г. (И. Кукулевич, Ф. Рачки), Петра Крешимира IV в 1057 г. (Л. Елич) или — что выглядит более логичным — дуклянского правителя Михаила

очевидно, нацеленного на обоснование древнего происхождения и легитимизацию дуклянской церковной организации во главе с архиепископским центром в Баре, как уже неоднократно отмечалось в историографии, является и подробно описываемый в летописи собор в Далме⁶⁶⁵. В этой связи едва ли стоит удивляться наличию в державе Светопелека «идеальной четырехчастной структуры»⁶⁶⁶, которая в представлении летописца отвечала административной и церковной организации римских времен.

Вместе с тем сам по себе термин «Червоная Хорватия», использованный летописцем в одном ряду с понятием «Белая Хорватия», впервые зафиксированным (правда, в другом значении) еще в трактате императора Константина, вполне мог иметь более древнее происхождение. В случае, если какие-то «красные хорваты» действительно жили в Дукле (то есть на территории современных

в 1077 г. (Л. Штайндорф). Ключевой проблемой таких интерпретаций является вопрос, почему эти события, если они, действительно, отразились в тексте летописи, оказались запечатлены в ней в столь причудливом виде. Ответ, согласно которому информация об этих событиях подверглась искажению в устной передаче, уже давно перестал удовлетворять исследователей. В результате чаша весов в историографии стала склоняться в пользу интерпретации «готско-славянского» королевства как литературной фикции или идеологически мотивированной конструкции (что не исключает, что за самими фигурами отдельных «готско-славянских» королей могли скрываться реальные правители, некогда властвовавшие в том или ином славянском княжестве). Хотя такая интерпретация «готско-славянского» королевства уже давно присутствует в историографии (см., например: *Радојковић Б.* Држава краља Светопелека и његових потомака // ИЗ. — Год. XV. — Књ. XIX. — Св. 3–4. — С. 399–435), вопрос о том, с какими именно историческими обстоятельствами связано появление подобной «изобретенной традиции», остается предметом дискуссий.

⁶⁶⁵ См.: *Mošin V.* Uvod // *Ljetopis Popa Dukljanina*. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika» / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. Hrvatski prijevod latinske redakcije: S. Mencinger i V. Štefanić. — Zagreb, 1950. — S. 11–36; *Пуцхера С.* Казивање о Сабору на Дувањском пољу према историји // ИЗ. — 1959. — Год. XII. — Књ. XVI. — Св. 3–4. — С. 32–36; *Банашевић Н.* Летопис попа Дукљанина... — С. 31–33; *Steindorff L.* Die Synode auf der Planities Dalmae. Reichseinteilung und Kirchenorganisation im Bilde der Chronik des Priesters von Dioclea // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. — Wien, 1985. — Bd. 93. — S. 279–324; *Lešny J.* Wstęp. — S. 45–52; *Margetić L.* Poruka i datacija Ljetopisa Popa Dukljanina // ССР. — 1998. — Год. XXII. — Br. 41. — S. 1–30.

⁶⁶⁶ См. о ней: *Steindorff L.* Tumačenja riječi Dalmatia... — S. 155.

Черногории и северной Албании), их название, которое в рамках цветового обозначения сторон света следовало бы интерпретировать как «южные хорваты»⁶⁶⁷, может быть гипотетически связано с их размещением к югу от Аварского каганата. К этому предположению остается только добавить, что топонимы, очевидно, образованные от названия «хорват», зафиксированы на территории современных Албании, Македонии, Греции⁶⁶⁸. Таким образом, не исключено, что и в этом уголке Балкан некогда существовала хорватская групповая идентичность, которая, по всей видимости, так и не смогла перерасти в идентичность самостоятельного этнополитического организма.

На пространстве, некогда входившем в состав Карантанского княжества, источниками X в. засвидетельствовано наличие небольшого «хорватского округа» (*pagus Crouati*), локализованного исследователями в районе между верхним течением реки Глан и горным массивом, отделяющим долину Глана от долины реки Вимитцбах, где засвидетельствованы также топонимы, происходящие от названия «хорват»⁶⁶⁹. На территории Штирии в верхнем течении реки Мур локализуется еще одна хорватская группа, следы существования которой отразились в упоминании в грамоте второй половины XI в. некой «хорватской десятины» (*decima ad Chrowat*), а также в маркирующих границы этой группы топонимах, произведенных от слова «хорват»⁶⁷⁰. Есть основания полагать, что в середине VIII в. этот район, как и «хорватский округ» на территории Каринтии, также входил в состав Карантанского княжества⁶⁷¹.

⁶⁶⁷ См. подробно: *Županić N.* Značenje barvnega atributa...

⁶⁶⁸ См.: *Košćak V.* O nekim pitanjima hrvatske povijesti... — S. 216, bilj. 23; *Mandić D.* Hrvatski Sabor na Duvanjskom polju god. 753. // *Idem.* Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. — Rim, 1963. — S. 159.

⁶⁶⁹ См.: *Grafenauer B.* Hrvati u Karantaniji // *HZ.* — 1958–1959. — God. XI–XII. — S. 211, 214–216 (карта); *Štih P.* Novi pokušaji rješavanja problematike Hrvata u Karantaniji // *Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak.* — Zagreb, 1995. — S. 137. Хорватский округ упоминается в грамотах 954, 961, 979 и 983 гг.: *Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos.* Kn. II (801–1000). — Ljubljana, 1906. — Br. 401, 407, 466, 513.

⁶⁷⁰ См.: *Grafenauer B.* Hrvati u Karantaniji. — S. 211, 214–216 (карта); *Štih P.* Novi pokušaji... — S. 138.

⁶⁷¹ Данный вывод делается на основе локализации в районе Верхнего Мура церкви *ad Undrimas*, одного из первых христианских храмов, освященных, по сообщению трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870 или 871 г.), в Карантании хорепископом Модестом в середине VIII в.

В отличие от Далмации, где хорватская поселенческая структура в районе Книна дала начало самостоятельному политическому организму, вследствие чего первоначальная хорватская идентичность трансформировалась в гентильную, в Восточных Альпах ничего подобного не наблюдалось. Несмотря на предпринимавшиеся в историографии попытки приписать карантанским хорватам ведущую роль в создании карантанской политической организации⁶⁷² или локализовать в Карантании исходный пункт миграции хорватов на Балканы⁶⁷³, с определенностью можно говорить только

См.: *Kos M. Conversio Vagoariorum et Carantanorum.* — Ljubljana, 1936. — S. 22–23. Недавно традиционное чтение соответствующей фразы трактата было пересмотрено А. Плетерским, включившим данную местность в состав отдельного от Карантании гипотетического славянского княжества Либурии (*Pleterski A. Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov // ZČ.* — 1996. — Letnik 50. — Št. 4. — S. 520–528), что для наших целей не является принципиальным. О Либурии см. дальнейшую дискуссию: *Štih P. O vojvodskem stolu in Liburniji ter o metodi in znanstveni korektnosti neke razprave // ZČ.* — 1997. — Letnik 51. — Št. 1. — S. 113–120; *Pleterski A. Lepi, grdi, zli. O metodih, Liburniji, Karantaciji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih // ZČ.* — 1998. — Letnik 52. — Št. 2. — S. 232–242.

⁶⁷² Согласно концепции Л. Хауптманна, хорваты, будучи освободителями альпийских славян от аварской власти, стали господствующим слоем карантанской политики, сохранившем о себе память в институте косезов. См.: *Hauptmann Lj. Karantanska Hrvatska // Zbornik kralja Tomislava.* — Zagreb, 1925. — S. 297–314; *Idem. Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu.* — Ljubljana, 1954. Критику данной концепции см.: *Grafenauer B. Ustoličevanje koroških vojvod in država karantanskih Slovencev.* — Ljubljana, 1952. — S. 320–383; *Idem. Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod // Naša sodobnost.* — 1955. — Letnik 3. — Št. 11–12. — S. 1125–1146; *Idem. Hrvati u Karantaciji.* — S. 217–229.

⁶⁷³ См.: *Kunstmann H. Wer waren die Weisskroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos? // Die Welt der Slaven.* Bd 29 (1). — S. 111–122; *Klaić N. O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ZČ.* — 1984. — Letnik 38. — S. 253–270; *Eadem. Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju u djelu De administrando imperio cara Konstantina VII. Porfirogeneta // SHP. Ser. III.* — 1985. — Sv. 15. — S. 31–60. Критику данной концепции см.: *Štih P. Karantanija = stara domovina Hrvatov? // ZČ.* — 1987. — Letnik 41. — S. 529–549; *Idem. Novi pokušaji... — S. 133–139; Kahl H.-D. Der Staat der Karantanen: Fakten, Thesen und Fragen zu einer frühen slawischen Machtbildung im Ostalpenraum (7.–9. Jh.).* — Ljubljana, 2002. — S. 300–305; *Fokt K. Biali Chorwaci w Karantanii // Studenckie zeszyty historyczne.* — Kraków, 2004. — S. 11–22.

о наличии в окруженных горными хребтами речных долинах Восточных Альп двух небольших районов, где были сконцентрированы носители хорватской групповой идентичности.

Северные хорватские группы, одна из которых обычно локализуется в историографии к северо-востоку от Восточных Карпат, на территории современного украинского Прикарпатья (Галиция и Северная Буковина), а другая — на территории восточной Чехии и/или на соседних территориях Польши, нередко рассматривались исследователями в контексте проблемы так называемой Белой или Великой Хорватии, страны, описываемой в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей» в качестве прародины хорватов, переселившихся на Балканы. Между тем, как уже отмечалось выше, все указывает на то, что под именем «Великой Хорватии» в трактате императора Константина выступает современное ему Чешское государство, которое в середине X в. охватывало обширные пространства, включая и те, на которых другие источники локализуют хорватов. Полагая в связи с этим, что использовать информацию Константина Багрянородного в качестве отправной точки для локализации северных хорватов было бы неправильно⁶⁷⁴, мы ограничимся при рассмотрении их географического расположения сведениями других источников.

К концу IX в. относится первое упоминание о группе хорватов, локализуемой в Центральной Европе по соседству с чехами и мораванами. В сделанных королем Уэссекса Альфредом Великим в 890-е гг. дополнениях к переведенной им же «Хорографии» Павла Орозия упоминаются «*Horigthi*» или «*Horothi*», восточные соседи далеминцев, соседствующих на севере с сербами, а на северо-востоке — с Моравией⁶⁷⁵. В позднейших источниках хорваты в этом регионе

⁶⁷⁴ В этой связи мы считаем необходимым согласиться с суждением польского исследователя К. Фокта, справедливо указавшего на то, что именование державы Болеслава I Хорватией в трактате императора Константина совершенно необязательно увязывать с локализацией тех или иных хорватских групп. По мнению исследователя, держава Пржемысловичей была названа в трактате императора Константина Хорватией из-за того, что далматинские хорваты выводили оттуда свое происхождение (*Fokt K. Chorwacja północna — między rzeczywistością, hipotezą i legendą // AAC. — 2003. — Т. 38. — S. 147–150*).

⁶⁷⁵ ММФН. — 1969. — Vol. III. — P. 337; *Labuda G. Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. — Warszawa, 1961. — S. 66*. Подробный разбор известия см.: *Havlík L.E. Slované v anglosaské chorografii*

упоминаются неоднократно. Так, в написанном на старославянском языке Житии св. Вацлава X в. содержится известие о бегстве в 929 г. в страну хорватов («в Хръваты») Драгомиры, матери чешского князя Вацлава, убитого своим братом Болеславом. По сообщению источника, предпринятые Болеславом поиски Драгомиры (очевидно, в стране хорватов) оказались безуспешными⁶⁷⁶. Данное известие не оставляет ни малейших сомнений в существовании еще в первой трети X в. особой хорватской политики, расположенной по соседству с Чешским княжеством и, видимо, находившейся в какой-то зависимости от Пржемысловичей⁶⁷⁷. Еврейская «Книга Иосиппон» середины X в. помещает между мораванами (*Mw.woh*) и сербами (*Swrbjn*) народ *Krw.tj*⁶⁷⁸, который может быть с уверенностью соотнесен с хорватами Альфреда Великого и Жития св. Вацлава⁶⁷⁹. Об этой же этнополитической общности, очевидно, сообщается и в сочинении арабского автора ал-Масуди «Золотые копи и россыпи самоцветов» середины X в., где народ «х.р.ватин» упоминается между мораванами (*м.права*) и народом «*сасин*», под которым, согласно наиболее убедительным гипотезам, скрываются либо чехи, либо немцы (саксы)⁶⁸⁰.

Как видно, во всех перечисленных источниках под хорватами, судя по контексту упоминания этого имени, фигурирующего в одном ряду с именами мораван, сербов и чехов, неизменно подразумевается конкретная этнополитическая единица, расположенная где-то по соседству с этнополитическими общностями мораван, лужицких сербов и чехов⁶⁸¹. Единственный источник, позволяю-

Alfréda Velikého // Vznik a počátky Slovanů. — 1964. — R. 5. — S. 53–85; *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. — S. 142–152.

⁶⁷⁶ Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile / Vyd. J. Vajs. — Praha, 1929. — S. 27, 42.

⁶⁷⁷ См.: *Łowmiański H.* Początki Polski. Т. II. — S. 158–160.

⁶⁷⁸ Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy / Wyd. F. Kupfer, T. Lewicki. — Warszawa, 1956. — S. 172; Книга Иосиппон / пер. В. Я. Петрухина, Я. Д. Эйделькинда // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. — М., 2009. — С. 173.

⁶⁷⁹ Подробнее см.: *Flusser G.* Zpráva o Slovanech v hebrejské kronice // ČsČH. — 1947–1948. — R. 48–49. — S. 238–241.

⁶⁸⁰ ММФН. — 1969. — Vol. III. — S. 406. Об идентификации народа «сасин» с обзором мнений см.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. — М., 2002. — С. 64–65, 86.

⁶⁸¹ В историографии высказывалось мнение, что именно эта хорватская группа фигурирует в «Повести временных лет» под именем белых хорватов

ший более точно локализовать данную хорватскую группу, — это дошедшая до нас в составе «Чешской хроники» Козьмы Пражского грамота 1086 г., подтверждающая границы Пражского епископства. Как уже давно было установлено, этот источник содержит фрагменты более ранней грамоты 973 г. с подробным описанием границ основанного тогда Пражского епископства⁶⁸². При перечислении общностей, проживавших в пограничных территориях пражского диоцеза, здесь говорится: «Далее к северу пределы таковы: пшоване, хорваты и другие хорваты, зласане, требоване, побаране, дедошицы вплоть до срединного леса, где проходят границы мильчан»⁶⁸³. Уже давно было замечено, что в приведенной фразе грамоты был нарушен географический порядок перечисления групп. В то время как пшоване, действительно, локализируются к северу (точнее — к северо-востоку) от Праги, ряд «зласане — требоване — побаране — дедошицы», судя по локализации упомянутых здесь общностей, предполагает обратный порядок перечисления — с востока на запад⁶⁸⁴. Это обстоятельство, как казалось, создавало большие трудности для локализации упомянутых здесь хорватов и других хорватов. С одной стороны, ничто не мешало допустить, что они жили к северо-востоку от пшован в пределах Чешской котловины⁶⁸⁵, с другой стороны, измененный порядок

при описании расселения славянских племен. См.: *Havlík L. Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka (Světorylka) (K problematice vzájemných vztahů středoevropských Slovanů v 9. století) // Slovanské Štúdie. III. Príspevky k medzislovenským vzťahom v československých dejinách. — Bratislava, 1960. — S. 44–45.* Однако, как уже отмечалось в предшествующей главе, упоминание в летописи в одном ряду с хорватами и сербами хорутан (карантанцев) склоняет к тому, чтобы считать данное известие относящимся к далматинским хорватам, чья страна фигурирует под именем Белой Хорватии в Летописи попа Дуклянина.

⁶⁸² Подробнее см.: *Королюк В.Д.* Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского // КСИС. — 1960. — Вып. 29. — С. 3–23; *Turek R.* Listina Jindřicha IV. iz dubna 1086 (DH IV 390) a její teritoria // SA. — 1975. — T. 22. — S. 69–122.

⁶⁸³ «Deinde ad aquilonem hi sunt termini: Pssouane, Chrouati et altera Chrowati, Zlasane, Trebouane, Pobarane, Dedosize usque ad mediam silvam, qua Milcianorum occurrunt termini» (MMFH. Vol. III. — P. 245).

⁶⁸⁴ См.: *Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. — S. 173.

⁶⁸⁵ Так, по мнению Л. Нидерле, хорваты, упомянутые в грамоте первыми, проживали в северо-восточной Чехии, в то время как другие хорваты населяли территории в Силезии, будучи отделены от чешских

перечисления групп позволял локализовать по-крайней мере других хорватов к востоку от Зласан, что хорошо соотносилось с двумя другими популярными в историографии локализациями северной Хорватии — в Малой Польше⁶⁸⁶ и в Верхней Силезии⁶⁸⁷. Было также высказано мнение, согласно которому упоминаемые вслед за другими хорватами общности — это «племена», из которых состояли названные здесь «другие хорваты». В согласии с такой интерпретацией соответствующий фрагмент грамоты следовало бы

хорватов Орлицкими горами: *Нидерле Л.* Славянские древности / пер. с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. — М., 2010. — С. 162, 624. Представление о проживании хорватов в восточной Чехии и о существовании там в IX–X вв. особого Хорватского княжества стало впоследствии весьма распространенным в историографии. См., например: *Klaić V.* Hrvati i Hrvatska... — S. 65–66; *Vach M.* Čeští Chorvátí // *ČsČH.* — 1949. — R. 50. — S. 131–150; *Šimek E.* Důdlebi, Volyňané, Lučané, Čeští Chorváté a Čechové. Sjednocení dnešní České země a vznik českého národa // *SA.* — 1948. — T. I. — S. 349–366. Между тем, как показал Х. Ловмянский, теория о существовании чешских хорватов основывается не столько на информации источников, сколько на их молчании относительно «племенной» принадлежности восточной Чехии, в то время как территория упомянутых в грамоте 1086 г. пшован могла простираться до лесных массивов на границе Чешской котловины (*Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. — S. 177, ргузр. 544; 179). Расположение топонимов, образованных от названия хорват, на территории Чешской котловины, также не позволяет подкрепить гипотезу о Хорватском княжестве в восточной Чехии: два топонима в форме *Charvátce* зафиксированы на реке Огрже в северо-западной Чехии, топоним *Charvátska Stráň* — на юге Чехии и только один топоним *Charvátce (Charvátce)* — к северо-востоку от Праги в районе Млада-Болеслава. См. об этом: *Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. — S. 199–200.

⁶⁸⁶ См. детальную разработку малопольской локализации белых хорватов: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata // *Zbornik kralja Tomislava.* — Zagreb, 1925. — S. 86–127; *Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. — S. 142–181.

⁶⁸⁷ Так, Л. Пержих локализовал в Силезии белых хорватов Константино-Багрянородного: *Peřich L.* Slezsko, přehled národnostního vývoje. — Praha, 1945. — S. 37–71. Я. Бакала считал наиболее обоснованной локализацию хорватов на верхней Одре: *Bakala J.* Severní Chorvati a Slezsko (Přispěvek k zeměpisu a etnicitě středoevropských Slovanů v 9. a 10. století) // *Slezský sborník.* — 1967. — T. 65. — Č. 3. — S. 364–379. К сожалению, нам осталась недоступной новейшая работа исследователя по данной теме: *Bakala J.* Bílí Chorvati v proměnách raněstředověké Evropy: laboratoř netřetřžitého enigmatu. — Opava, 2004.

читать так: «Пшоване, хорваты и другие хорваты: зласане, требоване, побаране, дедошицы...»⁶⁸⁸.

Нетрудно заметить, что в основе и локализации хорватов в Малой Польше, и их отождествления с силезскими «племенами», перечисленными в грамоте 1086 г., лежит априорное представление о существовании в раннее Средневековье хорватской этнической общности, более широкой, чем отдельные этнополитические организмы. Между тем наличие подобной иерархии идентичностей не только не доказуемо, но и находится в откровенном противоречии с информацией источников. Так, две из упоминаемых в грамоте групп, гипотетически относимых к названным здесь «другим хорватам», убедительно отождествляются (по созвучию названий и району проживания) с общностями, упоминаемыми в IX в. «Баварским географом». Это зласане, вероятно, идентичные шлензанам (*Sleenzane*) «Баварского географа», и дедошицы, название которых заставляет вспомнить упоминаемых «Баварским географом» дадошешан (*Dadosesani*)⁶⁸⁹. В отношении шлензан и дадошешан в «Баварском географе» приводится информация о числе располагаемых ими крепостей⁶⁹⁰, что позволяет считать их не просто общностями людей, обладающими общим названием, а особыми политическими единицами. В этой связи идея о принадлежности ряда перечисленных в грамоте 1086 г. групп к хорватам выглядит по меньшей мере натянутой, ведь, судя по известиям Альфреда Великого, «Книги Иосиппон», Жития св. Вацлава, ал-Масуди, проживавшие в рассматриваемом регионе хорваты в IX–X вв. также представляли собой отдельную этнополитическую единицу. При этом следует отметить, что сочинение короля Альфреда, не говоря

⁶⁸⁸ См.: *Šebánek J.* Slezsko a české země v 9. – 13. století // Slezsko, český stat a česká kultura. — Opava, 1946. — S. 29–30; *Havlík L.* Územní rozsah Velkomoravské říše... — S. 43–47. В последнее время на этом же основании появилась попытка идентифицировать «других хорватов» грамоты с карпатскими хорватами, базирующаяся на локализации упомянутых будто бы хорватских «племен» зласан, требован и побаран в верховьях рек Западный Буг и Стрый. См.: *Воїтович Л.В.* Карпатські хорвати... — С. 113–119; *Он же.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э... — С. 21–26. Подобная локализация строится главным образом на отождествлении приссан (*Prissani*) «Баварского географа» со зласанами грамоты 1086 г., превращаемыми при этом автором в засан — «племя», живущее на реке Сан.

⁶⁸⁹ См.: *Havlík L.* Územní rozsah Velkomoravské říše... — S. 43–47.

⁶⁹⁰ *Назаренко А.В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. — М., 1993. — С. 13.

уже о других источниках, относится либо к более позднему периоду, чем время составления «Баварского географа», либо приблизительно современно ему⁶⁹¹, вследствие чего возможность выделения шлензан и дадошешан из состава хорватского этнополитического организма следовало бы отвергнуть.

В связи с этим встает вопрос, почему в грамоте 1086 г. выделена группа «других хорватов», подразумевающая странное соседство двух общностей с одинаковыми названиями. В свое время Л. Нидерле было высказано мнение, что подобное разделение может объясняться географическим расселением хорватов: в то время как одна группа хорватов проживала на северо-востоке Чехии, другая группа находилась уже в Силезии, будучи отделенной от других хорватов горным хребтом⁶⁹². Понятно, что речь в данном случае идет скорее о догадке, так как прочных оснований для такой интерпретации нет. Однако сама по себе попытка поиска решения в географической изолированности двух хорватских групп друг от друга представляется нам перспективной. При этом следует принять во внимание то, что, несмотря на устойчивую локализацию хорватов в источниках по соседству с чехами и мораванами, пространство для поисков в этом районе особой этнополитической единицы в действительности довольно сужено. Как показал Д. Тржештик, есть серьезные основания полагать, что в пределах Чешской котловины в IX в. существовало только одно «племя» — чехи (*gens Voetanorum*), единственная этнополитическая общность на этой территории, фигурирующая в современных событиям франкских источниках IX в.⁶⁹³ В связи с этим в вопросе о локализации

⁶⁹¹ Относительно датировки «Баварского географа» в пределах IX ст. высказывались различные мнения. Недавно А. В. Назаренко датировал памятник 870-ми гг., связав его составление с пребыванием в монастыре Райхенау св. Мефодия. См. подробно с обзором предшествующей литературы: Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники... — С. 7–13; Он же. Русь и Германия в IX–X вв. // ДГВЕ. — 1991. — М., 1994. — С. 35–41, 53–61; Он же. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. — М., 2001. — С. 51–70.

⁶⁹² Нидерле Л. Славянские древности. — С. 162, 624.

⁶⁹³ Таким образом, исследователь поставил под сомнение не только позднейшую традицию Хроники Козьмы Пражского, но и распространенную в историографии интерпретацию в качестве «племен», то есть особых этнополитических единиц, целого ряда общностей, которые были перечислены в грамоте 1086 г. См.: Тржештик Д. České kmeny... — S. 136–138.

хорватов складывается своего рода патовая ситуация: в то время как исследователи, принимавшие во внимание перечень «племен» в «Баварском географе», затруднялись найти место для хорватов на территории Силезии⁶⁹⁴, концепция Д. Тржештика предполагает необоснованность поисков хорватов на территории Чешской котловины. Не претендуя на окончательное разрешение данного вопроса, мы, однако, считаем единственным выходом из тупика признание того, что в случае с хорватами речь идет о сравнительно небольших общностях, населявших территории в чешско-силезском пограничье, то есть поблизости от Судетских гор. Если допустить, что обе хорватские группы занимали территории вблизи Судет, открывается возможность и для объяснения причины изменения порядка перечисления общностей в Пражской грамоте. Видимо, причина заключалась в том, что автор перечня предпочел сразу вслед за хорватами, соседствовавшими на юго-востоке с пшеванами, указать другую группу с таким же названием, также находившуюся в пограничье Пражского диоцеза, но не примыкавшую непосредственно к хорватам — соседям пшеван. Это позволило четко отделить одних хорватов от других, подчеркнув вместе с тем, что обе хорватские группы входили в зону церковной юрисдикции Праги, и избежав при этом нежелательной путаницы, которая бы могла возникнуть, если бы разные хорватские группы были упомянуты в перечне отдельно друг от друга в соответствии со своим географическим расположением. Видимо, в отличие от хорватов, соседствовавших на юге с пшеванами, другие хорваты находились на определенном расстоянии от них и соседствовали на севере не с дедошицами, а со зласанами, что и побудило автора перечня поменять порядок перечисления групп. Уточнить локализацию обеих групп в районе Судет можно, таким образом, исходя из локализации пшеван и зласан. Хорваты, которые проживали к северо-востоку от пшеван и должны были быть южными соседями дедошицов, вероятнее всего, занимали пространство, примыкавшее с севера к горному массиву Крконоше, в то время как хорваты — южные соседи зласан должны были жить к северу от Орлицких гор⁶⁹⁵.

⁶⁹⁴ См.: *Widajewicz J. Państwo Wiślan. — Kraków, 1947. — S. 21; Łowmiański H. Początki Polski. T. II. — S. 150–151.*

⁶⁹⁵ Заметим, что именно в указанных районах находятся две горные котловины, представляющие собой весьма удобное пространство для расселения небольших групп, — Еленягурская котловина к северу от хребта Крконоше и Клодзкая котловина за Орлицкими горами.

Менее вероятной, учитывая локализацию зласан, следует считать встречающуюся в историографии локализацию хорватов в верхнем течении Одры⁶⁹⁶, то есть на территории Чешской Силезии, однако исключать такой вариант было бы, разумеется, неосторожно. В этом случае других хорватов грамоты 1086 г. следовало бы разместить к югу от упоминаемых в «Баварском географе» ополян (*Opolini*) и голеншицов (*Golensizi*) на территории, примыкающей к горному массиву Есеники.

В «Повести временных лет» хорваты дважды упоминаются в ряду славянских этнополитических единиц Восточной Европы (в так называемом этнографическом введении и под 907 г.), неизменно следуя сразу после вятичей, очевидно, замыкающих собой при перечислении восточную группу «племен», и перед дулебами, которые вместе с упоминаемыми далее уличами или уличами и тиверцами относятся к западной группе⁶⁹⁷. Данные известия, так же как и сообщение этого же источника о походе на хорватов киевского князя Владимира⁶⁹⁸, подразумевают существование особой хорватской этнополитической единицы. Где она размещалась? В историографии на этот вопрос отвечали по-разному. Так, сторонники малопольской локализации белых хорватов трактата Константина Багрянородного неоднократно предпринимали попытки локализовать хорватов «Повести временных лет» на территории Малой Польши, что позволяло поместить летописных хорватов на территорию, тождественную тому пространству, где эти же авторы размещали хорватов, которых мы выше обозначили как силезских⁶⁹⁹. Между тем данную локализацию невозможно принять главным образом из-за вытекающего из нее представления о хорватской принадлежности вислян, необоснованно подразумевающего наличие в раннее Средневековье иерархии «племенных» идентичностей. В свое время польский

⁶⁹⁶ См.: *Bakala J.* Severní Chorvati a Slezsko... — S. 364–379.

⁶⁹⁷ ПВЛ. — С. 10, 16.

⁶⁹⁸ ПВЛ. — С. 54. Локализация хорватов в Прикарпатье позволяет согласовать летописное известие о походе Владимира на хорватов, помещенное под 992 г., с информацией Хильдесхаймских анналов о том, что в 992 г. польскому князю Болеславу угрожала война с Русью. См. об этом: *Майоров А. В.* Великая Хорватия... — С. 167–168.

⁶⁹⁹ См.: *Hauptmann Lj.* Dolazak Hrvata; *Łowmiański H.* Początki Polski. T. II. — S. 142–181; *Wasilewski T.* Dulebowie — Łędzianie — Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // PH. — 1976. — Т. 67. — Zesz. 2. — S. 181–194.

исследователь Януш Котлярчик, отталкиваясь от порядка перечисления племен в «Повести временных лет», где хорваты упоминаются сразу после вятичей, предложил локализовать «восточных хорватов» в верхнем течении Дона⁷⁰⁰. Однако, несмотря на кажущуюся логичность, данная локализация также представляется неприемлемой: этнополитическая ситуация в бассейне Дона, хорошо известная по материалам восточных, в том числе хазарских источников, практически исключает возможность существования здесь «незамеченной» хорватской этнополитической единицы.

Остается, таким образом, констатировать, что из всех предложенных в науке локализаций летописных хорватов наиболее аргументированной является локализация хорватов на территории современной Западной Украины — в Прикарпатье и Верхнем Поднестровье⁷⁰¹. При этом, однако, следует отметить, что границы

⁷⁰⁰ *Kotlarczyk J.* Siedziby Chorwatów wschodnich // ААС. — 1971. — Т. XII. — Fasc. 1–2. — С. 160–188. Данная локализация была впоследствии поддержана польским ученым Г. Лябудой, не нашедшим места для хорватов в Прикарпатье: *Labuda G.* Studia nad początkami państwa polskiego. — Poznań, 1988. — Т. II. — С. 193–200. В пользу локализации хорватов в верховьях Дона и Донца высказывается и К. Фокт, по мнению которого локализация хорватов в данном регионе позволяет заполнить лакуну на этнополитической карте славянского мира, устанавливая племенное название для безымянных донских славян (*Fokt K.* Chorwacja północna... — С. 139, 150).

⁷⁰¹ См.: *Войтович Л.* Слідами білих хорватів // Літопис Червоної Каліни. — 1993. — № 5–6. — С. 2–50; *Он же.* «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Збірник наукових статей. Т. 1. — Львів, 1998. — С. 49–79; *Он же.* Князівства карпатських хорватів // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Матеріали Міжнародної наукової конференції. 30–31 березня 2001 року. — Львів, 2001. — С. 195–210; *Он же.* Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). Вип. 4. — Київ, 2004. — С. 105–132; *Он же.* «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? Продовження дискусії // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 8. — Дрогобич, 2004. — С. 38–45; *Он же.* Карпатские хорваты // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. — 2005. — Вып. 1. — С. 133–146; *Он же.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э. Начальные этапы формирования государственности // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы. — СПб., 2006. — С. 6–39; *Он же.* Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis*. Т. 2. 'Ρομαιοί: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. — Харьков, 2013. — С. 71–101; *Тимошук Б. О.* Східні хорвати // Матеріали і дослідження

территории, контролировавшейся в Прикарпатье хорватами, остаются неясными⁷⁰². В частности, у нас нет оснований включать в подвластную хорватам территорию земли Закарпатской Украины⁷⁰³, как это нередко делалось и продолжает делаться в историографии исходя из априорных представлений о хорватах как предках местного восточнославянского населения⁷⁰⁴. Столь же безосновательным представляется и включение в число хорватских «племенных» центров польского Пшемысля (летописного Перемышля), противоречащее недвусмысленной информации «Повести временных

з археології Прикарпаття і Волині. — Львів, 1995. — Вип. 6. — С. 214–218; *Михайлина Л. П.* Літописні хорвати у вітчизняній і зарубіжній історіографії // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — 1998. — Т. 1. — С. 102–115; *Он же.* Населення Верхнього Попруття VIII–X ст. — Чернівці, 1997; *Овчинников О. Г.* Східні хорвати на карті Європи // Археологічні студії. — Київ; Чернівці, 2000. — Вип. 1. — С. 152–162; *Филипчук М.* Державотворчі процеси в Українському Прикарпатті у VIII–X ст. // Вісник Інституту археології. — Львів, 2006. — Вип. 1. — С. 58–70; *Майоров А. В.* Великая Хорватия... — С. 166–173.

⁷⁰² Гипотетически с карпатскими хорватами могут быть связаны топонимы *Chirwatowa Wola* (местность в верховьях Вислоки близ Дукельского перевала через Карпаты, впервые упомянутая в 1366 г.) и *Horwaty* между верховьями Сана и Днестра. Об этих топонимах см.: *Łowmiański H.* *Początki Polski*. Т. II. — S. 195–199.

⁷⁰³ На территории к востоку от Карпат в позднейшее время были зафиксированы три топонима в форме *Horvathi*, однако все они расположены в районе верхнего течения Горнада. По мнению Х. Ловмянского, эти «племенные» по своей форме топонимы могут быть связаны с миграцией хорватов с севера на юг в аварскую эпоху (*Łowmiański H.* *Początki Polski*. Т. II. — S. 411–412). С данной гипотезой солидаризировался Я. Котлярчик, указав на расположение данных топонимов к югу от Дукельского перевала, к северу от которого фиксируется такой же архаичный «племенной» топоним *Chirwatowa Wola* (*Kotlarczyk J.* *Siedziby Chorwatów wschodnich*. — S. 171). Хотя, как будет показано ниже, мы не можем разделить распространённого мнения о хорватской миграции с севера на юг, следует согласиться с тем, что данные топонимы не могут служить основанием для включения в состав Карпатской Хорватии территории к западу от Карпатских гор.

⁷⁰⁴ См., например: *Пемяк С. І.* Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття в VI–XIII ст. — Київ, 1980. — С. 162–165; *Войтович Л. В.* Карпатські хорвати... — С. 122–125; *Пон Д. И.* Раннефеодальные государства Центральной Европы и подкарпатские русины // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. — М.; Братислава, 2009. — С. 235–236.

лет» о том, что город этот был завоеван князем Владимиром в 981 г. в результате похода на «ляхов»⁷⁰⁵. Очевидно, что следует с большим вниманием отнестись к тем сложностям локализации хорватов в Галичине, которые побуждали некоторых исследователей помещать хорватов «Повести временных лет» в бассейне Дона или считать, что в древнерусской летописи и вовсе шла речь не о восточноевропейских, а о силезских хорватах⁷⁰⁶, тем самым записывая последних в число акторов древнерусской истории. Важнейшей из этих сложностей является известие, содержащееся в 37-й главе трактата императора Константина Багрянородного, посвященной печенегам, о том, что печенеги непосредственно соседствовали с лендзянами⁷⁰⁷. В этой связи представляется, что территория

⁷⁰⁵ Л. В. Войтович локализует в районе Пшемесья «хорватское племя засан», существование которого исследователь пытается обосновать на основе информации грамоты 1086 г. о границах Пражского епископства: *Войтович Л. В.* Карпатські хорвати... — С. 113–119; *Он же.* Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н. э... — С. 21–26; *Он же.* Повертаючись до хорватів... — С. 80–81. С подобной локализацией солидаризируется и В. Ляска: *Ляска В.* Між Прагою, Києвом та Гнезно. *Zeriuane/zuireani* «Географа Баварського»: до проблеми етнопотестарних структур Волині у ранньому Середньовіччі // *Княжа доба: історія і культура.* — 2014. — Вип. 8. — С. 16–17. Между тем речь идет о цепи неоправданных допущений, каковыми, на наш взгляд, являются и превращение зласан (вместе с требованиями и побаранами) в хорватов на основе соответствующего понимания фразы, где фигурируют «другие хорваты» (см. выше), и превращение зласан в «засан».

⁷⁰⁶ Данную гипотезу высказывает украинский исследователь С. Конча, полагая, что силезские хорваты могли быть воинами на службе киевского князя Олега и что князь Владимир, ведя военные действия на западе, мог достигать восточных областей расселения силезских хорватов (*Конча С.* Білі хорвати і населення Українського Прикарпаття у IX–XI ст. // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка.* — Українознавство. 2011. — Вип. 15. — С. 6–11). Хотя подобные далекие контакты исключать было бы нельзя, на наш взгляд, такая гипотеза является гораздо более натянутым толкованием летописных известий, нежели традиционная локализация хорватов в Прикарпатье.

⁷⁰⁷ По словам трактата, печенежская «фема Иавдиергим соседит с подплатежными стране России местностями, с ультинами, дровленинами, лензанинами (то есть с уличами, древлянами и лендзянами. — Д. А.) и прочими славянами» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 157). При этом граница печенегов с лендзянами может быть еще точнее установлена благодаря зафиксированному в XVI в. топониму

хорватской этнополитической общности в Прикарпатье была гораздо уже той, что нередко приписывается ей в современной украинской историографии, и максимально приближенной к Карпатскому хребту⁷⁰⁸.

Первое упоминание имени «хорват» на территории Прикарпаття, возможно, относится еще к IX в., если правильно отождествление с именем хорватов города *Дж.р.ват* в «стране сакалиба», упоминаемого в так называемой «Анонимной записке о народах Восточной Европы», арабском источнике IX ст., дошедшем до нас в более или менее полных изложениях позднейших авторов⁷⁰⁹. Согласно распространенному мнению, название города «*Дж.р.ват*» (в «Худуд ал-Алам» — *Х.р.даб*, у Гардизи — *Дж.рав.т*, у ал-Марвази — *Х.ж.рат*⁷¹⁰), в котором, согласно сообщению «Анонимной записки» живет *Св.т.м.л.к* и происходит торг, воспроизводит с некоторым искажением название «хорват»⁷¹¹. Хотя филологически соответствующая интерпретация признается вполне обоснованной и гораздо более приемлемой, чем попытки отождествления назван-

«*Silva Peczyngarum*», обозначавшему «болотистый лес между Стрвяжем, верхним Днестром и Луквой» ([*Флоря Б.Н.* Комментарий] // *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. — С. 390).

⁷⁰⁸ Ср. новейшие попытки сузить ареал лендзян в Западной Украине, разместив на «свободной» территории хорватов: *Войтович Л.В.* Повертаючись до хорватів... — С. 70–71; *Ляска В.* Між Прагою, Києвом та Гнезно... — С. 44–48. На наш взгляд, учитывая приоритетность сведений императора Константина о печенежско-лендзянском соседстве, следовало бы поступить как раз наоборот.

⁷⁰⁹ В историографии авторство «Анонимной записки» приписывается либо Ибн Хордадбеху, либо ал-Джайхани, либо их неизвестному предшественнику. Содержащийся в «Анонимной записке» рассказ о славянах, в котором сообщается о городе *Дж.р.ват*, приведен в «Книге дорогих ценностей» Ибн Русте (начало X в.), персидском сочинении «Худуд ал-‘Алам» (вторая половина X в.), трудах Гардизи (XI в.), ал-Бакри (XI в.), ал-Марвази (конец XI — начало XII в.) и других восточных авторов. Из новейших работ об «Анонимной записке» см.: *Калинина Т.М.* Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГВЕ. 1991. — М., 1994. — С. 220–221; *Мишин Д.Е.* Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. — М., 2002. — С. 50–60, 84–86; *Калинина Т.М.* Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГВЕ. 2001. — М., 2003. — С. 204–216.

⁷¹⁰ См.: *Калинина Т.М.* Арабские источники... — С. 223.

⁷¹¹ Обзор мнений см.: *Калинина Т.М.* Арабские источники... — С. 223.

ного города с Краковом или Киевом⁷¹², такое толкование вызывает возражения ряда исследователей. Во-первых, город с названием «Хорват» не фигурирует ни в одном другом источнике. Во-вторых, центр Моравского государства, где правил Святополк, очевидно фигурирующий в «Анонимной записке» под именем *Св.т.м.л.к*⁷¹³, как известно, находился на значительном удалении от Восточных Карпат. Более того, как показал Д. Тржештик, известия «Анонимной записки» могут быть соотнесены со сведениями источников о внутреннем устройстве Моравского государства. Так, например, описание трехдневного торгового собрания, совершающегося вблизи от резиденции правителя, может быть сопоставлено с известием Раффельштеттенского таможенного устава начала X в. о «торге

⁷¹² См.: *Новосельцев А. П.* Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. [2-е издание] // ДГВЕ. 1998. — М., 2000. — С. 300.

⁷¹³ Если одни исследователи в имени правителя «страны сакалиба» «*Св.т.м.л.к*» видели титул верховного правителя (восточных) славян «Свиет-малик», то другие усматривали в нем собственное имя правителя Великой Моравии Святополка (870–894 гг.). Обзор мнений см.: *Мишин Д. Е.* Сакалиба... — С. 59–60; *Калинина Т. М.* Интерпретация некоторых известий о славянах... — С. 213–215. См. также: *Lewicki T.* S-w-nt-b-lk arabskiej «Relacji anonimowej» (2 poł. IX w.) i jego «zastępcą» // *Liber Josepho Kostorzewski octogenario a veneratoribus dicatus.* — Wrocław, 1968. — S. 363–376. Как было недавно специально отмечено, последняя интерпретация выглядит гораздо более предпочтительной, так как форма «Свиет-малик» не только не вполне соответствует грамматике арабского языка, но и предполагает существование у славян титула правителя, не фигурирующего ни в одном другом источнике. См.: *Калинина Т. М.* Интерпретация... — С. 214–215. Кроме того, нельзя не признать справедливым замечание о том, что Киев, где, согласно некоторым авторам, базировался восточнославянский «Свиет-малик», во второй половине IX в. уже находился под контролем русов, четко отделяемых в «Анонимной записке» от «сакалиба» (см.: *Тржештик Д., Достал Б.* Великая Моравия и зарождение Чешского государства // *Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.).* — М., 1991. — С. 104, примеч. 57). В предшествующий же период времени Киев едва ли являлся центром самостоятельного политического образования, находясь на периферии сферы политического контроля хазар. См. об этом: *Петрухин В. Я.* Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений в Восточной Европе IX в. // *Тюркологический сборник. 2003–2004.* — М., 2005. — С. 166–184; *Он же.* Русь и Хазария: к оценке исторических взаимосвязей // *Хазары.* — Иерусалим; М., 2005. — С. 69–100.

мораван» (*mercatus Marahorum*)⁷¹⁴, что позволило Д. Тржештику отождествить *Дж.р.ват* «Анонимной записки» с поселением Микульчице, одной из так называемых «агломераций предгородского типа»⁷¹⁵, изученных археологами на территории Моравии в узком смысле слова⁷¹⁶.

В связи с этим неизбежно возникает вопрос: не является ли описание города «Дж.р.ват» описанием одного из собственно моравских поселений? К отрицательному ответу на данный вопрос склоняют некоторые немаловажные обстоятельства в тексте самой «Анонимной записки», недавно отмеченные Д. Е. Мишиным в качестве свидетельств в пользу локализации города *Дж.р.ват* к востоку от Карпат. К их числу следует отнести упоминание реки под названием Дуба (в тексте Гардизи) или Рута (в «Худуд ал-Алам» и у Марвази), которая течет по «стране сакалиба» или — согласно другому чтению — в ее направлении. Эта река с большой долей вероятности может быть идентифицирована с Прутом или Дунаем⁷¹⁷. «Страна сакалиба», согласно автору «Анонимной записки», располагалась к северу от венгров, которые в этот период времени проживали в Этелькёзе, что также указывает на расположение города *Дж.р.ват* в Верхнем Поднестровье⁷¹⁸. Кроме того, в пользу того, что славяне, о которых идет речь в «Анонимной записке», проживали именно к востоку, а не к западу от Карпат, свидетельствует то, что «автор, попавший к сакалиба от венгров из Этелькузу, ни словом не упоминает о горах или о пути через горы»⁷¹⁹. Предположение о нахождении города *Дж.р.ват* к востоку от Карпат может

⁷¹⁴ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков... — С. 64.

⁷¹⁵ См., например: Бялекова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. — М., 1985. — С. 117–118.

⁷¹⁶ См.: *Trh Moravanů* — *ústředni trh staré Moravy* // ČsČN. — 1973. — Р. 21. — S. 869–894. Впрочем, как недавно заметил Л. Полачек, локализацию торгового мораван в Микульчице, исходя из результатов многолетних археологических раскопок, нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть: *Poláček L. Ninth-century Mikulčice: the «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning. — Berlin, 2007. — P. 520.*

⁷¹⁷ См.: Мишин Д. Е. Сакалиба... — С. 56.

⁷¹⁸ Там же. — С. 56–57.

⁷¹⁹ Там же. — С. 60.

быть согласовано и с результатами археологических раскопок. Так, именно в прикарпатском регионе Украины археологами открыты крупные поселенческие комплексы, включая гигантское Стольское городище на реке Колоднице на севере рассматриваемого ареала (Николаевский район Львовской области), открытое О. Корчинским⁷²⁰, и гнездо поселений у села Ревно на юге (в верховьях Прута в северной Буковине), открытое Б. А. Тимощуком⁷²¹. В украинской археологической литературе оба этих комплекса претендуют на отождествление с городом *Дж.р.ват* и статус «столицы» Карпатской Хорватии⁷²². Единственный остающийся пока без удовлетворительного ответа вопрос, существенно осложняющий идентификацию «*Дж.р.ват* = Хорват», заключается в том, почему автор «Анонимной записки» размещает в этом «городе» резиденцию моравского правителя Святополка. Популярной в историографии гипотезы о зависимости карпатских хорватов от Великой Моравии для объяснения данного факта явно недостаточно⁷²³.

⁷²⁰ См.: Корчинський О. Городище-гігант в передгір'ях Українських Карпат // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — М., 1987. — Т. 3. — С. 11–15; *Он же*. Мегаполіс давніх хорватів на верхньому Дністрі // Актуальні напрямки дослідження Лемківщини: історія, статистика, говір. Матеріали IV Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 3–5 травня 2008 р.). — Ужгород, 2008. — С. 225–245; *Он же*. Ранньосередньовічне місто на Верхньому Дністрі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — Львів, 2008. — Вип. 12. — С. 267–282.

⁷²¹ См.: Тимощук Б. О. Слов'янські гради Північної Буковини. — Ужгород, 1975; *Он же*. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. — М., 1990. — С. 55–62; *Он же*. Восточные славяне. От общины к городам. — М., 1995. — С. 165–175; Михайлина Л. П. Населення Верхнього Попруття VIII–X ст. — Чернівці, 1997; Возний І. Історія досліджень та етапи формування давньоруських міст X–XIII ст. у межиріччі Верхнього Сирету та Середнього Дністра // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — Львів, 2005. — Вип. 9. — С. 298–302; Томенчук Б. Історична топографія і фортифікація Ревнянського торгово-стратегічного центру на прутському перехресті транс'європейських шляхів // Археологічні студії. — Київ; Чернівці, 2014. — Вип. 5. — С. 278–288.

⁷²² См., например, применительно к Стольскому городищу: Корчинський О. Городище-гігант... — С. 15. Применительно к комплексу у села Ревно см., например: Возний І. Історія досліджень... — С. 302.

⁷²³ Данный вопрос был специально рассмотрен Г. В. Вернадским, выдвинувшим на основании информации «Анонимной записки» гипотезу о хорватском происхождении правящей моравской династии:

На основании рассмотрения географического размещения альпийских, силезских и карпатских хорватов можно прийти к выводу, что все они находились в местностях, расположенных поблизости от горных массивов. Также можно констатировать, что все местности, где зафиксированы указанные хорватские группы, находились за пределами Карпатской котловины⁷²⁴, территория которой контролировалась или по крайней мере могла беспрепятственно контролироваться аварами. Объяснить подобное размещение хорватских групп тем, что хорваты выполняли некие военные функции на границах каганата или контролировали важные торговые пути, как это предлагалось некоторыми

Vernadsky G. Great Moravia and White Chorvatia // Journal of American Oriental Society. — 1945. — Vol. 65. — P. 257–259. Похожее мнение спустя полвека высказал и К. Фокт: по мнению исследователя, полагающего, что в «Анонимной записке» название «хорват» отнесено к Моравии, хорватская идентичность могла играть важную роль в державе Святополка: *Fokt K. Chorwacja rójnosna... — S. 146–147.* Стоит ли говорить, что в обоих случаях речь идет о недоказуемых догадках.

⁷²⁴ Правда, в пределах Карпатской котловины встречаются топонимы, образованные от названия хорват. Помимо упоминавшихся топонимов вблизи Горнада, следует отметить топонимы в форме *Horvathi*, один из которых фиксируется на реке Ипель, а два других — в венгерском комитате Зала к западу от озера Балатон, а также топоним в форме *Choraczko* под Братиславой. Х. Ловмянский склонен связывать эти изолированные топонимы со средневековыми поселениями военнопленных, однако не исключает появления хорватских топонимов вблизи Балатона в связи с предполагаемой им миграцией хорватов с севера на юг в аварскую эпоху (*Łowmiański H. Początki Polski. T. II. — S. 411*). Два топонима в форме *Charvaty* зафиксированы также в верхнем течении реки Моравы в районе Оломоуца. По мнению Х. Ловмянского, их также можно связать с поселениями пленных хорватов (чешских или малопольских), которые могли появиться в Моравии в результате военной экспансии моравских или чешских правителей (*Łowmiański H. Początki Polski. T. II. — S. 199–200*). Понятно, что позднее время фиксации всех этих топонимов позволяет высказывать лишь догадки относительно обстоятельств их возникновения. Многочисленные топонимы, образованные от названия «хорват», зафиксированы в позднесредневековых источниках на территории Славонии. Их появление, несомненно, связано с колонизацией этой территории далматинскими хорватами, активно происходившей в правление венгерско-хорватских королей из династии Арпадов. См.: *Petković D. Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji prema nekoliko primjera u diplomatskim izvorima od 13. do 15. stoljeća // SHP. Ser. III. — 2006. — Sv. 33. — S. 250–264.*

сторонниками «аварской модели» хорватского этногенеза, представляется в связи с этим довольно затруднительным. Вместе с тем нельзя не принять во внимание и то, что хорваты занимали пространства, географически не очень удаленные от Карпатской котловины, причем силезские хорваты занимали территории к северо-западу от нее, карпатские — к северо-востоку, альпийские и далматинские — к юго-западу. Подобное размещение не кажется случайным: одним из объяснений ему в рамках описанной выше «аварской модели» хорватского «этногенеза» может служить предположение о том, что первоначально хорваты вместе с аварами занимали территорию внутри Карпатской котловины, однако по каким-то причинам покинули ее, укрывшись от аваров за близлежащими горными массивами.

Как известно, в истории Аварского каганата были случаи массового исхода из каганата групп, оппозиционно настроенных к власти кагана. Так, по сообщению «Так называемой Хроники Фредегара», в результате борьбы аваров с булгарами пределы каганата была вынуждена покинуть болгарская группа, возглавляемая вождем Алциоком. По сообщению хрониста, «когда булгары были побеждены, то девять тысяч мужчин с женами и детьми, изгнанные из Паннонии, обратились к Дагоберту, прося, чтобы их приняли на жительство в страну франков»⁷²⁵. Важно отметить, что численность болгарской группы в данном случае близка численности такого традиционного подразделения кочевнического войска, как «тьма»⁷²⁶, а само имя Алциок (*Alciocus*) удачно интерпретируется исследователями как тюркское военно-социальное обозначение «alti oq» («шесть стрел»)⁷²⁷. Согласно известиям «Чудес св. Димитрия Солунского», против аварской власти восстал также наместник сирмийской области Кувер. При этом в источнике вполне определенно говорится об исходе группы Кувера из каганата и о преследовании мятежников аварским войском: «Когда об этом узнал сам хаган, он начал их преследовать, и они столкнулись в пяти или шести битвах, и во всех он уступил им. Тогда, обратившись в бегство вместе с оставшимся его народом, он ушел на север во внутренние области. Кувер же, перейдя с победой упомянутую

⁷²⁵ «Так называемая Хроника Фредегара» [Перевод В. К. Рони-на] // Свод. Т. II. — С. 371.

⁷²⁶ На это справедливо обратил внимание Б. Графенауэр, прямо называющий отряд Алциока «туменом»: *Grafenauer B. Nekaj vprašanj...* — S. 91.

⁷²⁷ *Pohl W. Die Awaren...* — S. 184.

реку Дунай, вместе с указанным всем народом пришел в наши пределы и захватил Керамисийское поле»⁷²⁸.

Если допустить, что носители хорватской групповой идентичности оказались на занимаемых ими в IX–X вв. территориях вследствие произошедшего в период существования Аварского каганата их исхода с территории Карпатской котловины, вызванного конфликтом с аварской властью, то их географическое размещение, реконструируемое по данным письменных источников, покажется отнюдь не менее логичным, чем в случае принятия традиционной точки зрения, согласно которой хорваты расселились по Европе вследствие аварского давления на прикарпатских славян или под эгидой аваров. Так, в предлагаемую модель хорошо вписывается место расположения древнейшей хорватской политики в Далмации вблизи горного пояса, отделявшего подконтрольную аварам Посавскую Паннонию от прилегающих к византийским городам приморских областей. Симптоматично и то, что компактные хорватские группы в Восточных Альпах занимали территории, находившиеся в составе Карантании, политического организма, вероятно, уже в середине VII в. неподконтрольного Аварскому каганату⁷²⁹. Что касается силезских и карпатских хорватов, то их появление в этих краях вследствие миграции с юга — через Моравские ворота и северные карпатские перевалы (Верецкий и/или Дукельский⁷³⁰) соответственно — представляется ничуть не менее

⁷²⁸ Чудеса св. Димитрия Солунского [Перевод О. В. Ивановой] // Свод. Т. II. — С. 171.

⁷²⁹ Согласно интерпретации М. Коса, разделяемой ныне большинством исследователей, именно Карантания упоминается в «Так называемой хронике Фредегара» под именем «марки винидов» (*marca Vinidorum*), где, по сообщению данного источника, длительное время находился Алциок с остатками булгар, спасшимися от массового истребления, которому булгары, покинувшие в 630-е гг. Аварский каганат, подверглись в подконтрольной франкам Баварии. См.: *Kos M. O bolgarskem knezu Alcioku in slovenskem knezu Valuku // Šišićev zbornik. — Zagreb, 1929. — S. 251–256.* Концепцию, отстаивающую непрерывное существование независимой от аваров карантанской политики со времен Валлука до 820-х гг., в обобщенном виде см., например: *Štih P. Karantanci — zgodnjesrednjeveško ljudstvo med Vzhodom i Zahodom // ZČ. — 2007. — Letnik 61. — Št. 1–2. — S. 47–58.*

⁷³⁰ О вероятном использовании Верецкого перевала в аварскую эпоху см.: *Łowmiański H. Początki Polski. Т. II. — S. 350–351, 364–365.* О хорватских топонимах на линии Дукельского перевала см. выше.

возможным, чем в результате миграции на запад и юго-запад из Прикарпатья⁷³¹.

Как упоминалось выше, еще А. Грегуар, а позднее и Л. Маргетич считали возможным связывать обстоятельства появления хорватов в Далмации с описанным в «Так называемой хронике Фредегара» аварско-булгарским конфликтом 630-х гг., ознаменовавшим начало среднеаварского периода. Слабым местом концепции А. Грегуара, как уже отмечалось в историографии, является отождествление Кубрата с Кувером, которое противоречит внутренней хронологии «Чудес св. Димитрия Солунского»⁷³². В свою очередь, гипотезу Л. Маргетича о господстве в Аварском каганате в 630–670-е гг. «хрватов», то есть «людей Кровата», затруднительно согласовать с известиями хроники Фредегара, где прямо говорится о победе аваров над болгарами в ходе разгоревшегося в каганате внутреннего конфликта. Непонятными являются и причины предполагаемого Л. Маргетичем вытеснения «хрватов» на окраины каганата новыми волнами кочевников в 670-е гг., ведь, согласно распространенному мнению, исходным пунктом этой новой миграции были земли прежней державы Кубрата⁷³³.

⁷³¹ С движением хорватов через Моравские ворота на северо-запад теоретически может быть связано появление зафиксированных в источниках XI в. двух хорватских топонимов у реки Заале (*Chruwati* близ Галле, *Curbate/Grawat* близ Вайсенфельса) (см. о них, например: *Pantelić S. Najstarija povijest Hrvata*. — Mainz, 1993. — S. 24). Х. Ловмянский рассматривал данные топонимы в качестве следов походов аварского кагана Баяна против короля франков Сигиберта I в 560-е гг. (*Łowmiański H. Początki Polski*. Т. II. — S. 345), что, на наш взгляд, с трудом объясняет появление постоянных хорватских поселений у франкской границы. Между тем привязка расселения хорватов к внутреннему кризису в Аварском каганате в 630-е гг. позволяет предложить более логичное истолкование. В 630-е гг. по реке Заале (или поблизости от нее) проходила граница между подконтрольной франкам Тюрингией и страной сербов, вождь которых Дерван, по сообщению Фредегара, отвергнув зависимость от Меровингов, присоединился к державе Само. Согласно этому же источнику, в 630-е гг. имели место частые вторжения «винидов» в Тюрингию (Свод. Т. II. — С. 370–373; *Ронин В. К.* Комментарий // Там же. — С. 391). Допустимо высказать догадку, что в политике Дервана хорватские беженцы могли использоваться в качестве пограничных воинских контингентов. Понятно, что данный вопрос не может полноценно рассматриваться без обращения к проблеме локализации державы Само, что не входит в задачи настоящей книги.

⁷³² См. комментарий О. В. Ивановой: Чудеса св. Димитрия Солунского // Свод. Т. II. — С. 206.

⁷³³ См. об этом: *Pohl W. Die Awaren...* — S. 283–284.

Вместе с тем общий ход мыслей данных исследователей, предполагающий поиск корней хорватского «этногенеза» в исторических обстоятельствах среднеаварского периода, представляется нам весьма перспективным. Так, сопоставляя информацию византийских источников о Кубрате с рассказом Константина Багрянородного о приходе хорватов в Далмацию, мы вполне можем допустить, что создание державы Кубрата (Кровата?) в Северном Причерноморье было связано с появлением на исторической сцене хорватов, которые, по информации императора Константина, находились во враждебных отношениях с аварами. Географическое размещение хорватских групп вблизи гор, окружавших контролируемую аварами Карпатскую котловину, позволяет думать, что именно социально-политическая динамика Аварского каганата сыграла решающую роль в образовании этих групп. Отталкиваясь от этого обстоятельства, мы можем высказать предположение, что не только формирование первоначальной хорватской общности в Далмации, но и появление других хорватских групп в Европе (в Восточных Альпах, Силезии, Прикарпатье) было связано с крупным кризисом, потрясшим Аварский каганат в 630-е гг. Это, в свою очередь, наводит на мысль, что сама по себе хорватская идентичность, по крайней мере в среднеаварский период, имела политическую природу, указывая на «диссидентский» статус ее носителей по отношению к центральной аварской власти, контролировавшей пространство внутри Карпатской котловины. При этом, однако, следует подчеркнуть, что эта ранняя «политическая» хорватская идентичность, существование которой предполагается нами на основе ретроспекции, функционировала, очевидно, только во внутриаварском контексте. Этим обстоятельством, очевидно, и следует объяснять отсутствие упоминаний о хорватах в письменных источниках VII–VIII вв., включая и упоминавшуюся хронику Фредегара.

§ 3. Групповые идентичности Далмации: проблема соотношения

Долгое время в историографии считалось, что уже в VII в. варварская «стихия» поглотила все пространство будущей Далматинской Хорватии, лежащее за пределами прибрежных городов Задара, Трогира и Сплита, которые подобно близлежащим к ним островам Адриатического моря сохранили свое романское население и оста-

вались под номинальной византийской властью. Однако в археологической литературе последних лет (Н. Якшич, А. Милошевич, Ж. Рапанич) все сильнее звучит тезис о сохранении в VII–VIII вв. в прибрежной зоне Далмации, там, где впоследствии будут размещаться властные центры хорватской политики (Нин, Клис, Биячи), общин автохтонного населения, которые, вопреки господствовавшим прежде представлениям, далеко не сразу оказались под властью пришедших на Балканы варваров, будь то славяне или хорваты⁷³⁴.

Эта важная констатация побуждает локализовать первоначальное хорватское ядро в удаленных от моря местностях далматинского хинтерланда. Но где именно? Исследователи, пытавшиеся дать ответ на этот вопрос, обычно прибегали к методу ретроспекции. Так, выше уже упоминалась позиция И. Мужича, склонного локализовать древнейшее хорватское ядро в горных районах северо-запада Далмации в исторических областях Лика, Гацка и Крбава. Основывая свою локализацию главным образом на известном сообщении Фомы Сплитского о том, что «Хорватия — это горная страна, соседствующая с Далмацией с севера», Мужич полагает, что подобное определение местности, где первоначально обосновались хорваты (в составе «готско-славянских» воинских групп, появившихся здесь, согласно Мужичу, в середине VI в.), отвечало бы и свидетельству 30-й главы трактата «Об управлении империей» об особой области Хорватии, охватывающей Лику, Гацку и Крбаву и управляемой баном⁷³⁵. Однако наличие в составе

⁷³⁴ Обзор релевантной археологической литературы см.: *Bilogriović G. Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija o razdoblju 7–9. stoljeća // RZNP. — 2010. — Knj. 42. — S. 40–42.* Гипотеза, согласно которой пришлый элемент (славяне и хорваты) первоначально базировался на некотором удалении от побережья Адриатики в хинтерланде Далмации, в несколько ином контексте была также высказана И. Голдштейном, обратившим внимание на географию археологических находок VII–VIII вв., атрибутируемых пришедшим в Далмацию славянам. См.: *Goldstein I. Bizant na Jadranu. — Zagreb, 1992. — S. 129, 143–146; Idem. Hrvatski rani srednji vijek. — S. 123–129.*

⁷³⁵ *Mužić I. Hrvati i autohtonost... — S. 56–60, 256–259, 282–283.* С территорией внутренней части Либурии, расположенной за горным массивом Велебит, связывала район первоначального проживания хорватов и Н. Клаич, пересмотрев в одной из своих последних работ свою прежнюю позицию по этому вопросу: *Klaić N. Poganska Stara ili Vela Hrvatska... S. 56–61.* Развивая данный тезис, И. Мужич попытался усилить его с помощью известий о «Белой Хорватии» (белых хорватах), содержащихся

Хорватии области, находившейся под управлением бана, совершенно не обязательно истолковывать тем, что в древности именно здесь обитали хорваты. Скорее, напротив, наличие такой области может быть интерпретировано как остатки некой потестарной структуры, в свое время подчиненной хорватами. Что же касается содержания понятия «Хорватия» в труде Фомы Сплитского, то оно в принципе хорошо вписывается в существовавшие в ту эпоху представления о соотношении Далмации как приморья и Хорватии как хинтерланда, но едва ли дает основания для более узкой локализации последней.

Не более убедительной, чем попытка опереться в локализации хорватского ядра на информацию Фомы Сплитского, представляется нам и попытка использования в этих же целях сведений о «нобилях двенадцати родов королевства Хорватии» (*nobiles duodecim generationum regni Croatiae*), фигурирующих в знаменитом средневековом хорватском документе «*Pacta Conventa*» или «*Qualiter*», который содержит текст договора, будто бы заключенного в 1102 г. между хорватскими нобилями и венгерским королем Коломаном, принятым ими в качестве нового короля Хорватии⁷³⁶. Долгое время в хорватской историографии господствовало убеждение, что «двенадцать родов» представляют собой сохранившуюся до XII в. этносоциальную общность, ведущую свое происхождение чуть ли не со времен появления хорватов в Далмации, что побуждало считать перечисленные в договоре хорватские роды компонентами

в «Хорватской хронике» и «Повести временных лет» (где белые хорваты, как уже отмечалось выше, упоминаются в одном ряду с сербами и хорутанами). По мнению исследователя, сведения этих источников позволяют говорить о том, что первоначальный район обитания хорватов (именуемый в трактате «Об управлении империей» Великой или Белой Хорватией) размещался на Балканах, а именно в горной части Либурии, откуда хорваты в правление Карла Великого переселились в приморскую Далмацию: *Mužić I. Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska // SHP. Ser. III. — 2010. — Sv. 37. — S. 259–292*. С построениями исследователя невозможно согласиться, ведь о том, что Белая (Великая) Хорватия была первоначальной территорией проживания хорватов до их переселения в Далмацию, сообщается только в трактате «Об управлении империей», где область проживания белых хорватов определена достаточно ясно. Попытки И. Мужича проблематизировать локализацию белых хорватов трактата «Об управлении империей» (поставив, например, под вопрос отождествление «Багиварии» с Баварией) неубедительны.

⁷³⁶ *Šišić F. Priručnik izvora... — S. 527–528.*

древнейшего «хорватского ядра»⁷³⁷. В рамках данной логики локализация земельных владений этих родов на карте средневековой Хорватии означала определение исходной точки расселения хорватов в Далмации.

Несмотря на то, что уже более полувека назад в трудах Н. Клаич было подробно обосновано мнение, согласно которому социально-политическая институция «двенадцати родов» возникла в XIV в. (этой эпохой датируется дошедший до нас список документа) как результат консолидации нижнего слоя хорватских племичей⁷³⁸, некоторые исследователи по-прежнему считают информацию документа «*Pacta Conventa*» релевантной для локализации и реконструкции социального облика первоначального «хорватского ядра». Так, недавно М. Анчич, справедливо подвергнув критике уходящее корнями в историографию второй половины XIX в. представление о том, что колыбелью хорватской государственности была область вблизи Трогира и Сплита⁷³⁹, высказал мнение, что древнейшее ядро хорватского этнополитического организма размещалось в северной Далмации в районе Биограда, где во второй половине XI в. находился важный центр Хорватского королевства. Основанием для данной гипотезы послужило то, что именно в этом районе концентрировались земельные владения «двенадцати родов королевства Хорватии», перечисленных в договоре с Коломаном. Данное рассуждение М. Анчич подкрепил наблюдением, что в позднее Средневековье пространство между Нином, Книном и Скрадином нередко именовалось «*Hrvati*». Наконец, в обоснование своей локализации «хорватского ядра» М. Анчич приводит и археологические данные, а именно составленную А. Милошевичем карту воинских погребений каролингского периода в Далмации, свидетельствующую об отсутствии таких погребений в округе Сплита и Трогира⁷⁴⁰.

⁷³⁷ Литература, посвященная памятнику, весьма обширна. См. новейший критический обзор историографии: *Margetić L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža)* // Rad HAZU. — 2003. — Knj. 487. — S. 112–131.

⁷³⁸ *Klaić N. Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske* // HZ. — 1959. — God. XI–XII. — S. 14–64.

⁷³⁹ Это представление основывалось на известиях грамот Трпимира и Мунцимира и открытии археологических памятников, связанных с расположенными здесь резиденциями хорватских дуксов.

⁷⁴⁰ *Ančić M. Što «svi znaju» i što je «svima jasno»*. *Historiografija i nacionalizam*. — Zagreb, 2008. — S. 31–50.

Соглашаясь с важностью археологических данных для локализации древнейшего «хорватского ядра», зададимся вопросом: как соотносятся эти данные со свидетельствами письменных источников о родственных коллективах хорватской знати? В историографии, посвященной так называемым хорватским «племенам» (родственным коллективам), уже обращалось внимание на то, что наибольшая устойчивость такого рода «племенной» организации фиксируется именно в горных районах северо-запада Хорватии, что, по всей видимости, связано с распространением здесь скотоводческого хозяйства, способствовавшего консервации архаичных форм родственной организации⁷⁴¹. Однако ничто не говорит нам о том, что именно эти родственные коллективы стали основой древнейшей хорватской социально-политической организации. Самое большее, о чем мы можем говорить в этой связи, это то, что скотоводам было проще, чем земледельцам, включаться в военную организацию. Красноречивые примеры влахов и арванитов (албанцев), проживавших в горных районах на юге и юго-западе Балкан и активно вовлекавшихся в XI–XIV вв. в византийскую военную организацию, позволяют допустить, что в случае с хорватами могло иметь место похожее развитие в условиях распространения на Далмацию в IX ст. франкской военно-административной системы.

Не считая возможным категорически отвергать гипотезу М. Анчича, все же подчеркнем, что на сегодняшний день наиболее обоснованным вариантом локализации древнейшего «хорватского ядра» является его размещение в районе Книна, ведь именно здесь (в Бискупии) в начале IX в. производились погребения представителей правящего рода политического организма, кристаллизовавшегося тогда в Далмации. Нельзя не заметить, что в стратегическом отношении район Книна, то есть пространство между верховьями рек Зрманя и Цетина, ограниченное с севера Динарским и Велебитским горными хребтами, в большей степени, чем какая-либо другая область далматинского хинтерланда, подходил к роли центра варварского политического образования. Изолированное положение книнского района относительно мест концентрации аварской элиты, ближайшие из которых локализуются по археологическим данным главным образом на территории позднеримской провинции Сирмийская Паннония, создавало благоприятную ситуацию

⁷⁴¹ См.: *Бромлей Ю.В.* Становление феодализма в Хорватии. — М., 1964. — С. 194.

для кристаллизации здесь небольшой варварской политики, независимой от Аварского каганата. Вместе с тем этот район был привлекателен выгодным географическим положением и наличием развитой дорожной инфраструктуры, восходящей к римским временам. Римские трассы соединяли располагавшийся здесь римский военный лагерь Бурнум с важнейшими центрами Далмации — Салоной, Ядером (Задаром) и Сенией⁷⁴², позволяя книнской элите распространить свой контроль не только на земли далматинского приморья между Зрманей и Цетиной, но и на территорию Либурнии⁷⁴³.

Разумеется, само по себе понятие «хорватского ядра» в данном случае весьма условно, ведь археологические материалы говорят нам не об идентичности, а о первичном очаге потестарности, из которого впоследствии развилась хорватская политика. Для того, чтобы иметь возможность говорить о соотношении этого ядра с реальными процессами групповой идентификации, необходимо обратиться к сведениям франкских письменных источников, начинающих подробно освещать ситуацию в Далмации уже после попадания этой территории под франкскую власть. «Анналы королевства франков» свидетельствуют о том, что в первой четверти IX в. на землях бывшей римской провинции Далмации существовало политическое образование, во главе которого стоял правитель по имени Борна. Упомянутый в тексте «Анналов» несколько раз в связи с описанием событий 818–823 гг., Борна обозначается анналистом сначала как «*dux Guduscanorum*»⁷⁴⁴, затем как «*dux Dalmaciae*»⁷⁴⁵ и наконец — как «*dux Dalmatiae atque Liburniae*»⁷⁴⁶.

Уже во второй половине XIX в. был сформулирован принятый затем многими последующими авторами тезис, провозглашавший Борну первым исторически засвидетельствованным хорватским правителем. Тогда же появилось и мнение о том, что Борне принадлежит особая заслуга в деле формирования хорватской государственности: последовательное именование этого правителя

⁷⁴² *Budimir M. Arheološka topografija Kninske općine // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini. (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 15).* — Zagreb, 1992. — S. 27–28.

⁷⁴³ На это обстоятельство справедливо обращает внимание И. Мужич: *Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 2. dopunjeno izd. — Split, 2007. — S. 170.*

⁷⁴⁴ ARF. — P. 149; Documenta. — P. 320.

⁷⁴⁵ ARF. — P. 151; Documenta. — P. 322.

⁷⁴⁶ ARF. — P. 155; Documenta. — P. 325.

разными титулами на страницах «Анналов» было объяснено тем, что, пройдя путь от вождя небольшого «племени» до властителя Далмации и Либурнии, Борна стал создателем единого Хорватского государства⁷⁴⁷. Между тем, принимая во внимание то обстоятельство, что, сообщая о Борне, «Анналы» ни разу не упоминают имени хорватов, современные авторы, как правило, демонстрируют бóльшую осторожность в истолковании статуса Борны, предпочитая не именовать его хорватским правителем и довольствуясь воспроизведением присущей самому источнику терминологии⁷⁴⁸.

Как же соотносились друг с другом дукат Борны и древнейшая хорватская полития? Впервые Борна упоминается под 818 г. в сообщении «Анналов королевства франков» о прибытии в Геристальскую резиденцию Людовика Благодетельного посольств от различных народов: «Были там и от других народов послы, а именно от ободритов и от Борны, дукса гудусканов, и от тимочан, которые недавно отложились от болгар и к нашим пределам примкнули, как и от Людевита, дукса Нижней Паннонии...»⁷⁴⁹. Хотя Борна выступает в данном сообщении как правитель неких гудусканов (*dux Guduscanorum*)⁷⁵⁰,

⁷⁴⁷ Данный тезис был аргументирован М. С. Дриновым (*Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X веке.* — М., 1876. — С. 37). И. Н. Смирнов также писал, что «Борна из мелкого жупана сделался князем всей Далмации» (*Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне.* — Казань, 1879. — С. 22).

⁷⁴⁸ См., например: *Budak N. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek.* — Zagreb, 2003. — S. 70.

⁷⁴⁹ «Erant ibi et aliarum nationum legati, Abotritorum videlicet ac Bornae ducis Guduscanorum, et Timocianorum, qui nuper a Bulgarorum societate desciverant et ad nostros fines se contulerant, simul et Liudeviti, ducis Pannoniae inferioris...» (ARF. — P. 149; Documenta. — P. 320).

⁷⁵⁰ Примечательно, что при описании этих же посольств в «Жизнеописании Людовика» анонимного автора (Астронома), несомненно, опиравшегося в данном случае на текст «Анналов королевства франков», имя дукса Борны опущено: «Praeterea aliarum aderant missi nationum, Abotritorum videlicet et Goduscanorum et Timotianorum...» (*Anonymus. Vita Hludowici imperatoris // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte / Hrsg. von R. Rau. Bd. I.* — Berlin, 1958. — S. 306). Данное обстоятельство, очевидно, следует объяснять присущим Астроному стремлением к логичности изложения, вероятно, побудившим его указать в своем тексте только названия самих народов, как того и требует вводная фраза. О посольстве от Людевита Астроном говорит отдельно: «Sed et Liuteviti rectoris inferioris Pannoniae ibidem aderant missi...» (Ibid. — S. 306). О манере изложения

в содержащемся в этом же источнике под 819 г. известии о битве между войсками Борны и Людевита на реке Купе говорится о том, что Борна, именуемый здесь дуксом Далмации, в первом сражении был покинут гудусканами и едва спасся благодаря своим преторианцам⁷⁵¹, под которыми, скорее всего, имелись в виду его дружинники⁷⁵². Здесь же сообщается о том, что после того как гудусканы вернулись домой, они были снова подчинены Борной⁷⁵³.

То обстоятельство, что Борна назван во франкских анналах именно правителем гудусканов, а не хорватов, как можно было бы ожидать исходя из места действия описываемых событий, заслуживает самого пристального внимания. В историографии гудусканов обычно локализовали на территории области Гацка, которая под названием «Гουτζησκά» упоминается в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» в числе трех хорватских областей (Крбава, Лика и Гацка), находившихся под управлением хорватского бана⁷⁵⁴. Лингвистическая безупречность

материала Анналов Астрономом см.: *Ронин В.К.* Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // СВ. — 1983. — Вып. 46. — С. 165–183; *Сидоров А.И.* Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб., 2006. — С. 110–113. В связи с этим трудно согласиться с мнением М. Анчица, предложившего ввести в рассматриваемый фрагмент Анналов запятую перед словом «Guduscanorum», отделив тем самым дукса Борну от гудусканов (см.: *Ančić M.* Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. — 1998. — Sv. 40. — S. 30–31). В Анналах перечисляются посольства от народов, в то время как о посольстве от Людевита, дукса Нижней Паннонии, здесь, так же как и в тексте Астронома, говорится отдельно, после слов «simul et». Представляется поэтому, что Астроном в данном случае в точности следовал смыслу того, о чем говорилось в «Анналах», однако сделал изложение более связным.

⁷⁵¹ «Borna vero, dux Dalmaciae, cum magnis copiis ad Colapium fluvium Liudewito ad se venienti occurens, in prima congressione a Guduscanis deseritur; auxilio tamen praetorianorum suorum protectus, evasit» (ARF. — P. 151; Documenta. — P. 322).

⁷⁵² См. подробно: *Katičić R.* Pretorijanci kneza Borne // SHP. Ser. III. — 1990. — Sv. 20. — S. 74–83.

⁷⁵³ «Guduscani domum regressi, iterum a Borna subiguntur» (ARF. — P. 151; Documenta. — P. 322).

⁷⁵⁴ «Боян их владеет Кривасой, Лицей и Гуциской» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 133).

гипотезы, связывающей этноним гудусканов (*Guduscani*) с названием области Гуциска/Гацка⁷⁵⁵, действительно, позволяет считать данную локализацию наиболее обоснованной⁷⁵⁶. В связи с этим кажется весьма привлекательной мысль, что особый статус этих областей в составе раннесредневековой Хорватии, выражавшийся в их управлении баном, был связан с тем, что именно здесь находился район проживания гудусканов⁷⁵⁷. А именно это могло бы рассматриваться как указание на то, что еще в середине X в. гудусканы сохраняли какую-то форму автономии, а территория их проживания рассматривалась как особая область Хорватского государства.

Локализация района проживания гудусканов в Гацке была одним из оснований, по которым в историографии было отвергнуто встречавшееся в работах авторов XVII — первой половины XIX в. (И. Лучич, И. Х. Энгель, П. Шафарик) чтение процитированного выше фрагмента анналов, согласно которому Борна был правителем не только гудусканов, но и тимочан, населявших бассейн реки Тимок на востоке современной Сербии. Запятую после слова «*Guduscanaoim*» считали нужным ввести уже исследователи XIX ст. (К. Цойс, Э. Дюммлер, Ф. Рачки), причем Ф. Рачки убедительно аргументировал такой шаг удаленностью района

⁷⁵⁵ *Katičić R.* Pretorijanci kneza Borne. — S. 68.

⁷⁵⁶ См. очерки историографии вопроса: *Krznarić M.* Gačani i knez Borna // Grad Otočac. — Otočac, 2003. — Sv. 7. — S. 49–70; *Gračanin H.* Guduskani / Guduščani — Gačani: promišljanja o etnonimu Gačani i horonimu Gacka u svjetlu ranosrednjovjekovnih narativa i suvremenih historiografskih tumačenja // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 49–68; *Kranjčević M.* O Gackoj (prilog jezičnom i povijesnom istraživanju pojma pokrajine i rijeke Gacke) // Grad Otočac. — Otočac, 1998. — Sv. 4. — S. 121–125; *Idem.* Regija Gacka od samih početaka u hrvatskoj povijesti pa sve do suvremenosti // Gacka u srednjem vijeku. — S. 311–317.

⁷⁵⁷ *Babuš V.* Хрватске земље у ранофеудално доба // Историја народа Југославије. Књ. I: До почетка XVI века / Ред. Б. Графенауер, Д. Перовић, Ј. Шидак. — Београд, 1953. — С. 168; *Klaić N.* Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — 2. izd. — Zagreb, 1975. — S. 279; *Filipec K.* Guduscani 9. stoljeća između kneza Borne i kneza Ljudevita // Gacka u srednjem vijeku. — S. 78. При этом кажется вполне вероятным, что первоначальная Гацка охватывала пространство более широкое, чем позднейшая область, носившая это имя, то есть распространялась также и на Лик, и на Крбаву. См. об этом: *Pavičić S.* Seobe i naselja u Lici (Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. 41. Antropogeografska istraživanja. Vol. III). — Zagreb, 1962. — S. 15–16.

проживания гудусканов, локализованного в Гацке, от мест обитания тимочан, а также всем дальнейшим повествованием анналов, где между Борной и тимочанами не прослеживается никакой связи⁷⁵⁸.

Предпринятые в последнее время в хорватской историографии попытки оспорить локализацию гудусканов в Гацке не выглядят особенно убедительными. Так, гипотеза Д. Карбича, согласно которой гудусканов следует локализовать в районе Брибира, помимо чисто внешнего сходства названий гудусканов и протекающей в упомянутом районе реки Гудучи, исходит из соображения, что, в отличие от Гацки, где археологически не выявлено сколько-нибудь заметных очагов потестарности, Брибир представлял собой укрепленный позднеантичный центр, весьма подходивший для размещения здесь резиденции варварского правителя⁷⁵⁹. В справедливости утверждения о «пригодности» Брибира для исполнения функций властного центра, действительно, не приходится сомневаться, однако вряд ли этого достаточно для пересмотра лингвистически более корректной версии о происхождении названия гудусканов от Гацки⁷⁶⁰. Кроме того, как будет показано ниже, отношения между гудусканами и Борной заставляют усомниться в том, что он являлся именно гудусканским гентильным вождем. Еще менее убедительной выглядит попытка В. Сокола интерпретировать название «гудусканы» как обозначение какой-то части

⁷⁵⁸ См. комментарий Ф. Рачкого: *Documenta*. — P. 322. Попытку оспорить правильность принятого большинством исследователей чтения предпринял в середине XX в. С. М. Прванович, связавший этноним гудусканов с названием римского поселения *Guduscum* в восточной Сербии, где зафиксированы и похожие славянские топонимы (*Prvanović Sv. M. Ko je bio hrvatski knez Borna (Da li je poreklom iz Istočne Srbije)? // Rad JAZU. Knj. 311. — Zagreb, 1957. — S. 301–310*). Построение это крайне шатко, особенно труднообъяснима предполагаемая исследователем миграция гипотетических сербских гудусканов в горную Хорватию (см.: *Antoljak S. Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom? // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. — Скопје, 1967. — Кн. 19. — С. 130–134; Novaković R. Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji. — Beograd, 1985. — S. 71–80*).

⁷⁵⁹ *Karbić D. Zlatni vijek Bribira // Hrvatska revija. — 2007. — God. VII. — Br. 2. — S. 12*. Гипотеза Д. Карбича была поддержана Н. Будаком: *Budak N. Hrvatski vladari. Knezovi, kraljevi, biskupi. — Zagreb, 2013. — S. 35*.

⁷⁶⁰ См. об этом: *Gračanin H. Guduskani / Gudušćani — Gačani: promišljanja o etnonimu Gačani i horonimu Gacka... — S. 58*.

хорватов, будто бы происходящее от слова «гать»⁷⁶¹. Подобная интерпретация названия гудусканов, по сути, предполагает, что речь идет о ситуативном, обиходном обозначении группы (отражающем будто бы свойственную ей практику устройства гатей через болотистые местности), что не учитывает политического характера гудусканской групповой идентичности, выступающей в источнике как гентильная. Если учесть, что вероятной этимологией названия области Гацка является его происхождение от праславянского слова «*gъdъ*» («лес»), то название «гудусканы» («гачане») может быть успешно интерпретировано как обозначение жителей «лесной» земли⁷⁶². Впрочем, не следовало бы сбрасывать со счетов и иную этимологию названий «гудусканы» и «Гацка», предложенную в свое время Я. Келеминой. По мнению словенского лингвиста, оба названия произведены либо от славянского **gъtъ* («гот») с прибавлением славянского суффикса, либо напрямую от готского прилагательного **gutisk* («готский»)⁷⁶³. В этом случае название гудусканов следовало бы трактовать как обозначение жителей «готской» земли.

Как же именование Борны «дуксом гудусканов» в известии аналов, содержащемся под 818 г., соотносится с другими обозначениями этого правителя, фигурирующими далее в том же источнике? Если абстрагироваться от нюансов, встречающиеся в историографии толкования можно свести к следующим вариантам: 1) в 818 г. Борна был только правителем гудусканов, лишь впоследствии расширив свою власть на другие области будущего Хорватского государства⁷⁶⁴; 2) будучи правителем гудусканов, Борна одновременно

⁷⁶¹ *Sokol V.* Starohrvatska ostruga iz Brušana u Lici. Nekirani povijesni aspekti prostora Like — problem banata // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 2008. — Vol. 23. — S. 185–187; *Idem.* Gacka u IX. stoljeću // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 30–33.

⁷⁶² *Katičić R.* Filološka razmatranja... — S. 85.

⁷⁶³ *Kelemina J.* Goti na Balkanu // Časopis za zgodovino in narodopisje. — Maribor, 1932. — Leto XXVII. — S. 121–122.

⁷⁶⁴ *Дринов М. С.* Южные славяне и Византия в X веке. — М., 1876. — С. 37; *Смирнов И. Н.* Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. — Казань, 1879. — С. 22; *Antoljak S.* Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom? — С. 137; *Beuc I.* Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena. — S. 112; *Bogović M.* Od kneza Gačana do Mikule u Otočcu // Gacka u srednjem vijeku. — S. 12–13. Оригинальностью отличалась позиция Р. Новаковича, считавшего, что Борна не только был, но и оставался правителем гудусканов, так

являлся одним из князей полицентричного хорватского «племенного объединения»⁷⁶⁵; 3) Борна был правителем хорватов, верховную власть которого в 818 г. признавали гудусканы⁷⁶⁶; 4) Борна изначально был наместником Далмации, поставленным франками управлять завоеванной территорией, на которой среди прочих общностей проживали гудусканы⁷⁶⁷; 5) Борна был правителем хорватов, так как гудусканами франки называли хорватов или какую-то часть хорватского населения (локальную группу)⁷⁶⁸.

Отвечая на вопрос, какой из перечисленных трактовок статуса Борны следует отдать предпочтение, необходимо исходить из того, что в «Анналах королевства франков» гудусканы неизменно

как управлял будто бы лишь небольшой частью Далмации, включавшей в свой состав современные Лику, Гацку, Крбаву и Кордун (*Новаковић Р.* Тезе за расправу о кнезу Борни // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. — Београд, 1971. — Књ. 37. — Св. 3–4. — С. 170–188; *Он же.* Где се налазила Србија од VII до XII века. — Београд, 1981. — С. 23–38). См. справедливую критику этих построений: *Goldstein I.* Ponovno o Srbima u Hrvatskoj u 9. stoljeću. HZ. — 1984. — God. XXXVII (1). — S. 238–241.

⁷⁶⁵ Считая Борну одним из князей полицентричного хорватского объединения, Р. Катичич трактовал определение «*dux Guduscanorum*» как «гентильную» легитимацию, племенную основу власти Борны, пояснив при этом, что речь идет о первичном уровне легитимации правителя. По мнению исследователя, каждый из князей хорватского объединения «...имел и свою гентильную легитимацию, более узкую и подчиненную целостности полицентричного гентильного княжества, в которое она включалась» (*Katičić R.* Pretorijanci kneza Borne. — S. 69).

⁷⁶⁶ *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания... — С. 173; *Тржешттик Д.* Возникновение славянских государств... — С. 81; *Анčić М.* Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. — S. 27–41; *Dümmler E.* Über die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern (795–907) // Archiv für die Kunde österreichen Geschichtsquellen. — Wien, 1853. — Bd X. — S. 25; *Idem.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien... — S. 388; Documenta. — P. 320 (комментарий Ф. Рачкого); *Krause H. L.* Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I. — Berolini, 1854. — P. 18–21; *Lowmiański H.* Początki Polski. T. IV. — S. 271; *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 310, bilj. 25; *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy... — S. 97–101.

⁷⁶⁷ *Budak N.* Hrvati u ranom srednjem vijeku. — S. 70.

⁷⁶⁸ *Klaić N.* Poganska Stara ili Vela Hrvatska... — S. 49–62; *Mužić I.* Goti ili Sklavi... — S. 54–61; *Idem.* Hrvati i autohtonost... — S. 56–60, 256–259, 282–283; *Idem.* Doseljenje, smještaj i pokrštavanje Hrvata... — S. 32–41, 48–54; *Sokol V.* Starohrvatska ostruga iz Brušana u Lici... — S. 185–187.

выступают как общность, являющаяся субъектом политической и военной активности. Мы видим, к примеру, что они самостоятельно оставили Борну во время войны с Людевитом и вернулись домой, после чего Борне пришлось их снова покорять. Неудивительно поэтому, что в сообщении о посольствах ко двору Людовика Благочестивого гудусканы выступают в одном ряду с ободритами и тимочанами и причисляются к общностям, по отношению к которым используется термин *natio*, каковым во франкской историографии обозначались, как правило, самостоятельные этнополитические организмы. Следовательно, необходимо сразу отвергнуть интерпретацию титула «*dux Guduscanorum*» в качестве частной «племенной» легитимации Борны как главы полицентричного «племенного» объединения. Никаких иных «племен», помимо хорватов и гудусканов, на подвластной Борне территории Далмации просто не существовало. Попытка представить гудусканов в качестве локальной группы хорватов, всецело основанная на предположении о будто бы географическом характере самого названия «гудусканы», на этом фоне также выглядит несостоятельной. Каким бы ни было происхождение названия «гудусканы», решающим для нас является то, что на страницах анналов они неизменно выступают в качестве особой этнополитической единицы.

В связи с вопросом о характере власти Борны над гудусканами важен конфликт, возникший между ними и дуксом Далмации во время его войны с Людевитом. Мотивы поведения гудусканов остаются при этом неясными. Показательно, что анонимный автор «Жизнеописания Людовика» (Астроном), опиравшийся в своем описании событий, связанных с восстанием Людевита, на «Анналы королевства франков», затрудняясь определить причины поступка гудусканов, предположил, что дело здесь в «неверности» (*perfidia*) или «страхе» (*timor*)⁷⁶⁹, употребив тем самым стереотипную лексику, неоднократно использовавшуюся во франкской анналистике при описании причин антифранкских мятежей «народов», инкорпорированных в империю Каролингов⁷⁷⁰.

⁷⁶⁹ «Sed Borna, Goduscanorum perfidia an timore desertus incertum...» (*Anonymus. Vita Hludowici imperatoris.* — P. 308; *Documenta.* — P. 322).

⁷⁷⁰ Ср., например, с неверностью (*perfidia*) бретонцев, послужившей, согласно «Анналам королевства франков», причиной восстаний 818 и 824–826 гг. См. об этом: *Smith J. M. H. Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier // Integration and Herrschaft. Ethnische Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger.* — Wien, 2002. — S. 179–180.

В связи с этим следует согласиться с замечанием М. Анчи-ча, что мы едва ли можем считать Борну гентильным правителем гудусканов, так как подобный его статус затруднительно согласовать с фактом неповиновения его власти со стороны той самой *gens*, от которой должна была исходить легитимация его как правителя⁷⁷¹. Как уже отмечалось выше, на территории бывшей римской провинции Далмации археологическими раскопками обнаружено достаточно большое количество предметов франкского оружия и воинского снаряжения раннего каролингского периода. В этой связи необходимо отметить, что в районах, где локализуется область расселения гудусканов, находки предметов вооружения и воинского снаряжения чрезвычайно скудны. Так, на сегодняшний день можно говорить только об одной находке каролингского меча (находка с Гацкого поля)⁷⁷². Также в воинском погребении на некрополе Горица близ Странче в Винодоле обнаружена пара характерных для каролингской эпохи стремян. Наконец, совсем недавно еще одно похожее стремя было случайно обнаружено в районе древней римской трассы между Личской Есеницей и Дабаром⁷⁷³. К этим единичным предметам каролингского снаряжения следует добавить также спорадические находки бронзовых элементов ремней с территории Лики и Подвелебитского Приморья⁷⁷⁴, украшенных в манере, характерной для так называемого блатницкого стиля, распространенного среди воинских элит поставарского пространства как на юге, так и на севере Карпатской котловины. Относительно того, как и когда эти детали поясов попали на рассматриваемые территории, можно лишь строить догадки. Разумеется, скудость археологических материалов, связанных с воинской культурой, может объясняться и недостаточной археологической изученностью данного района. В то же время нельзя не признать, что предпринимавшиеся в историографии попытки локализовать в завелебитской области Далмации первоначальное

⁷⁷¹ Ančić M. Od karolińškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. — S. 37.

⁷⁷² См.: Simoni K. Neobjavljeni okovi i jezičci nakitnog stila Blatnica iz Arheološkog muzeja u Zagrebu // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1986. — Sv. XIX. — S. 222–224; Tomičić Ž. Arheološka slika ranoga srednjeg vijeka na prostoru međuriječja Drave, Dunava i Save // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 157–158.

⁷⁷³ См.: Kolak T., Šušnjić D. Novi ranosrednjevjekovni nalazi iz Gacke // Gacka u srednjem vijeku. — S. 83–94.

⁷⁷⁴ См.: Tomičić Ž. Arheološka slika... — S. 157–158.

хорватское ядро⁷⁷⁵ или центр политики Борны, откуда он впоследствии тем или иным образом переместился в район Трогира и Сплита⁷⁷⁶, представляются на этом фоне весьма натянутыми.

Если таким образом допустить, что Борна был книнским правителем, в подчинении которого находились гудусканы, то привлечение им ополчения гудусканов к походу против Людевита представляется вполне логичным: область их проживания располагалась не очень далеко от района военных действий. Исходя из того обстоятельства, что в битве у реки Купы с уходом гудусканов Борна едва спасся, причем лишь благодаря своим «преторианцам», можно предположить, что ополчение из других районов возглавляемого им политического образования либо вовсе не участвовало в этом сражении, либо играло гораздо меньшую роль, чем войско гудусканов и дружинники. Судя по контексту повествования, повторное подчинение Борной оставивших его войска и возвратившихся домой гудусканов произошло вскоре после битвы, в связи с чем нельзя исключать, что и эта акция была также осуществлена дружинниками Борны⁷⁷⁷. По всей видимости, и в сообщении «Анналов королевства франков» о том, что Борна совершал нападения на появившиеся в его землях войска Людевита «с отборным отрядом» (*cum delecta manu*)⁷⁷⁸, подразумеваются именно дружинники⁷⁷⁹.

Однако если Борна не являлся правителем гудусканов, то каков тогда был источник его власти? Был ли он гентильным вождем соседствовавшего с гудусканами (хорватского) этнополитического организма или он являлся франкским наместником завоеванной Карлом Великим части Далмации? Геостратегическое положение Книна на южных рубежах Аварского каганата делает весьма вероятным уча-

⁷⁷⁵ См.: *Mužić I.* Goti ili Sklavi... — S. 54–61; *Idem.* Hrvati i autohtonost... — S. 56–60, 256–259, 282–283; *Idem.* Doseljenje, smještaj i pokrštavanje Hrvata... — S. 32–41, 48–54; *Idem.* Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 3. dopunjeno izd. — Split, 2011. — S. 139–156.

⁷⁷⁶ См.: *Margetić L.* Ugovor Mletaka i italskih gradova... — S. 231–232; *Idem.* Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države... — S. 144–147; *Idem.* O Borni, vojvodi Gačana. — S. 87–101; *Dzino D.* Becoming Slav, becoming Croat... — P. 185–187.

⁷⁷⁷ *Katičić R.* Pretorijanci kneza Borne. — S. 74.

⁷⁷⁸ «...cum delecta manu nunc a tergo nunc a latere insistens Liudewiti copias et noctu et interdium, quacumque poterat, laceravit neque eum in sua provincia inpune versari permisit» (ARF. — P. 153; Documenta. — P. 322–323).

⁷⁷⁹ См., например: *Ферлуза J.* Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // ЗРВИ. — 1968. — Књ. XI. — С. 62.

стие книнских ратников в войнах Карла Великого с аварами, а многочисленные находки на территории Далмации фрагментов позднеаварских поясных гарнитур блатницкого типа вполне могут быть интерпретированы как военные трофеи, добытые книнскими воинами в войнах с аварами⁷⁸⁰. В связи с этим заслуживает внимание гипотеза Ф. Шишича, локализовавшего на территории, находившейся под управлением бана, район проживания подвластных хорватскому правителю аваров, о которых сообщается в 30-й главе трактата императора Константина⁷⁸¹. Гипотеза Ф. Шишича получила развитие в работах Н. Клаич, интерпретировавшей хорватский «банат» как остаток аварской политической организации, надолго переживший коллапс ядра каганата, лежавшего в Карпатской котловине⁷⁸².

Несмотря на явную нехватку аргументов в пользу данной гипотезы, по сути, основывающейся лишь на вероятном аварском происхождении титула «бан» (βοάνος) и зафиксированных на северо-западе Далмации топонимах с корнем «обг», предположительно образованных от славянского названия аваров («обры»), сама по себе идея о связи хорватского баната с подчиненной хорватам группой представляется более приемлемой, чем попытка локализовать здесь первоначальное хорватское ядро. Ведь в противном случае оно находилось бы за пределами территории, где обнаружены как упоминавшиеся выше погребения правящей элиты, так и древнейшие эпиграфические памятники с названием «хорват» (см. ниже). Что касается возможности иных, неалтайских этимологий для слова «бан», на которую часто ссылаются противники гипотезы об аварском происхождении хорватского баната, то следует подчеркнуть, что в трактате императора Константина, где впервые зафиксирован этот титул, оба раза фигурирует форма «боян» (βοάνος, βοεάνος), которая, очевидно, является более древней, чем форма «бан», из которой неправомерно исходят противники алтайской этимологии, выводя ее из иранских или германских языков⁷⁸³.

⁷⁸⁰ См.: *Milošević A.* Karolinški utjecaji... — S. 128; 124, 137; *Sokol V.* Arheološka baština i zlatarstvo. — S. 124, 136–137.

⁷⁸¹ *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 678–680.

⁷⁸² См.: *Klaić N.* Poganska stara ili Vela Hrvatska... — S. 52–56; *Eadem.* Srednjovjekovna Bosna: Politički položaj bosanskih vladara do Tvrtkove krunidbe. — Zagreb, 1989. — S. 22–28.

⁷⁸³ Обзор мнений см.: *Mužić I.* Hrvatska povijest... — S. 283–286. В. Сокол предпринял попытку связать появление баната с франкской экспансией в регионе, отрицая таким образом даже опосредованную связь баната

И хотя вполне можно согласиться с прозвучавшей в историографии критикой попыток связывать с аварами многочисленные топонимы с корнем «obrg», вполне допускающих иную этимологию⁷⁸⁴, очевидно, что данный пункт для гипотезы о связи далматинских аваров с хорватским банатом отнюдь не имеет решающего значения.

Предположение, высказанное нами в предшествующей главе, согласно которому хорваты в середине X в. могли называть «аварами» некую подчиненную ими группу в Далмации, позволяет примирить гипотезу Ф. Шишича о локализации далматинских «аваров», упоминаемых в 30-й главе трактата «Об управлении империей», на территории Лики, Гацки и Крбавы с локализацией гудусканов в этом же районе. Приписывание гудусканам аварской идентичности со стороны хорватов могло быть продиктовано не просто антиаварским характером хорватской самоидентификации, но и конкретными историческими обстоятельствами, а именно возможной связью гудусканов с аварской политической организацией, на вероятное существование которой указывает сохранение здесь аварского титула «бан». Как показал Н. Лабус, именно в контексте силового противостояния Франкского государства и Аварского каганата логичнее всего рассматривать произошедшее в 799 г. близ Тарсатики в приморской части Либурнии убийство фриульского маркграфа Эрика, о котором сообщается в «Анналах королевства франков»⁷⁸⁵. Следовательно, территория позднеантичной провинции Либурнии, во внутренней части которой находилась гудусканская полития, играла немаловажную роль в период борьбы франков с аварами. В этом случае подчинение гудусканов политическому центру, располагавшемуся в районе Книна, осуществленное Борной или кем-то из его предшественников, могло быть не просто актом экспансии одного «вождества» против другого, а предпринятой франкскими союзниками операцией против связанной с Аварским каганатом политии в хинтерланде Либурнии.

Думается, что предположение о санкционированной франками территориальной экспансии книнской политии позволяет понять, почему первый засвидетельствованный во франкских источниках

с аварской политической организацией: *Sokol V. Starohrvatska ostruga iz Brušana u Lici...* — S. 185–186; *Idem. Gacka u IX. stoljeću.* — S. 33.

⁷⁸⁴ См.: *Suić M. Ocjena radnje L. Margetića...* — S. 98; *Mužić I. Bijeli Hrvati...* — S. 273.

⁷⁸⁵ *Labus N. Tko je ubio vojvodu Erika? // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru.* — Zadar, 2000. — Sv. 42. — S. 1–16.

местный правитель, сначала упомянутый в тексте «Анналов королевства франков» как вождь гудусканов (*dux Guduscanorum*) — далматинской общности, наиболее близко расположенной к франкским владениям, впоследствии выступает как территориальный правитель — «дукс Далмации» (*dux Dalmatiae*) и «дукс Далмации и Либурнии» (*dux Dalmatiae atque Liburniae*). Занятие книнскими войнами участков прибрежной зоны Далмации, где еще проживало романское население, одновременно означало расширение сферы франкского политического контроля, осуществлявшегося на этих землях фриульским маркграфом. Понятно поэтому, что, с точки зрения франков, более значимым, чем гентильная легитимация Борны, был его статус правителя Далмации и Либурнии, то есть областей, оформившихся как особые территориальные единицы еще во времена Римской империи. Это позволяет думать, что хорватская полития обрела свою территориальную конфигурацию не в результате процесса борьбы между конкурирующими вождествами (наличие которых и вовсе остается под вопросом), а в силу интеграции данного пространства в рамках франкской программы «*renovatio imperii Romani*».

Организации управления на территории, находившейся в первой четверти IX ст. под властью «дукса Далмации» Борны, по крайней мере в том виде, в каком она предстает во франкских источниках, не позволяет отыскать никаких признаков промежуточного уровня политической иерархии, которые можно было бы рассматривать в качестве следов существования более локального по своим масштабам этапа политической интеграции местных общин⁷⁸⁶.

⁷⁸⁶ Некоторую сумятицу в этот вопрос внесла лишь предложенная в хорватской историографии локализация в верховьях реки Уны града сербского вождя, к которому бежал восставший против франкской власти посавский правитель Людевит после очередного вторжения в Посавскую Паннонию франкских войск. По сообщению «Анналов королевства франков», Людевит, покинув свою столицу Сисак, бежал «к сербам, о каковом народе говорится, что он населяет большую часть Далмации», и, будучи принят «одним из их князей», убил его, завладев «его градом» («*Exercitus de Italia propter Liudewiticum bellum conficiendum in Pannoniam missus est, ad cuius adventum Liudewitus, Siscia civitate relicta, ad Sorabos, quae natio magnam Dalmatiae partem optinere dicitur, fugiendo se contulit, et uno ex ducibus eorum a quo receptus est per dolum interfecto, civitatem eius in suam redegit dicionem*») (ARF. — P. 158; Documenta. — P. 327). Исходя из соображения, что Людевит должен был бежать из Сисака, следуя по античной трассе, проходившей вдоль берега Уны, Н. Клаич, а вслед за нею

И. Голдштейн считали возможным локализовать упомянутый в источнике сербский град в верховьях Уны, где в XIV в. было засвидетельствовано существование общины Срб. Так как подобная локализация сербского града выводит его далеко за пределы «архонтии» Сербии, описанной в трактате императора Константина, помещая его на территорию Далматинской Хорватии, то исследователи, склонявшиеся к такой локализации, были вынуждены говорить о небольшой изолированной сербской группе (*Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — S. 211–212; Goldstein I. Ponovno o Srbima u Hrvatskoj u 9. stoljeću // HZ. — 1984. — God. XXXVII (1). — S. 235–246; Idem. Hrvatski rani srednji vijek. — S. 295–297*). Против отождествления фигурирующего в Анналах сербского града с Србом выступил Р. Катичич, сославшись на то, что такая небольшая группа сербов не могла населять большую часть Далмации и у нее не могло быть несколько князей, как о том говорится в тексте Анналов (*Katičić R. Pretorijanci kneza Borne. — S. 67*). Предпринимавшиеся в историографии попытки объяснить это противоречие выглядели весьма натянутыми. Так, В. Сокол предположил, что Срб был ошибочно связан франкским анналистом с сербами, исходя из сходства названий (*Sokol V. Gaska u IX. stoljeću. — S. 39*). Таким же натянутым толкованием представляется и ранее высказанное нами мнение, когда, некритично приняв отождествление сербского града из Анналов с позднейшим Србом, мы предположили, что в тексте Анналов могли быть объединены сведения о маленьком сербском вождестве на Уне и располагавшейся вдаль от него большой сербской политике (*Алимов Д. Е. Политика Борны: Gentes и Herrschaft в Далмации в первой четверти IX века // SSBP. — 2011. — № 1 (9). — С. 120, примеч. 99*). Думается, что в связи с наличием указанного логического противоречия, необходимо отбросить идею о существовании какого бы то ни было сербского града или вождества на Уне и вернуться к старинному толкованию, согласно которому Людевит бежал из Посавья на территорию современной Боснии, северо-восточная часть которой входила в состав «архонтии» Сербии, как о том (применительно к X в.) сообщается в трактате «Об управления империей». Как недавно показал Т. Живкович, суммировав аргументы в пользу данной интерпретации, такое толкование сообщения Анналов не только хорошо соответствует географическому расположению Сербии, описанному в трактате Константина Багрянородного, но и вообще выглядит гораздо более логичным: Людевиту следовало бы бежать не к своим противникам в Далматинскую Хорватию (куда в конечном счете должна была привести его римская дорога вдоль Уны), а в неподвластную франкам Сербию. См.: *Живковић Т. О северним границама Србије у раном средњем веку // Зборник Матице српске за историју. — 2001. — Књ. 63–64. — С. 12–14; Živković T. The origin of the Royal Frankish Annalist's information about the Serbs in Dalmatia // Споменика академика Симе Ђирковића. — Београд, 2011. — С. 392–396.*

Данную картину не в состоянии поколебать и материалы археологических раскопок. В то время как территориальная распространённость характерных групп артефактов, таких как предметы франкского вооружения и воинского снаряжения, хорошо маркирует территорию, находившуюся под контролем или по крайней мере политическим влиянием книнской элиты, кажется, что ничто в археологических материалах не указывает на существование даже на сравнительно далеких от Книна территориях хинтерланда, входивших, по информации 30-й главы трактата Константина Багрянородного, в X в. в состав Хорватии, каких-либо конкурирующих с Книном очагов потестарности.

Правда, в историографии в качестве первичных единиц социально-политической интеграции славянского населения на территории Далмации нередко рассматривались жупы и/или жупании, фигурирующие в позднейших источниках, включая трактат Константина Багрянородного «Об управлении империей», в качестве территориальных сегментов не только Хорватии, но и других южнославянских политических организмов⁷⁸⁷. В соответствии с популярным в историографии представлением, согласно которому до IX в. хорватские жупаны были связаны с родоплеменной организацией славянского общества⁷⁸⁸, такие территориальные единицы,

⁷⁸⁷ Именно термин «жу́па» вследствие своего широкого распространения среди (южных) славян традиционно рассматривается в историографии в качестве оригинального славянского обозначения такого рода территориальной единицы, вследствие чего многие исследователи не склонны проводить никаких различий между жупами и территориальными единицами Хорватии и Неретвлянской земли, которые перечислены в 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей» и именуются при этом «жупаниями» (ζουπανία). В качестве обозначения хорватских территориальных единиц термин «жу́па» (*župa, zupa*) широко используется начиная с XI в.

⁷⁸⁸ См., например: *Rački F.* Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća // Rad JAZU. — 1884. — Knj. 70. — S. 185–190; 1888. — Knj. 91. — S. 128–144; *Lanović M.* Ustavno pravo Hrvatske narodne države // Rad JAZU. — 1938. — Knj. 265. — S. 194–197; 1939. — Knj. 266. — S. 26–28; *Mandić O.* Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj // HZ. — 1952. — God. V. — S. 277–284; *Suić M.* Marafor — Maricus — Župan // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 15). — Zagreb, 1992. — S. S. 52–53; *Smiljanić F.* Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 186–190; *Idem.* O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // PP. — 2007. — Sv. 33. — S. 33, 38–39.

как жупании и/или жупы, рассматривались как формы социальной интеграции, характерные для родоплеменной эпохи и предшествовавшие возникновению княжеств-«архонтий». При этом названия отдельных жуп давали исследователям почву для рассуждений об участии в колонизации Далмации наряду с хорватами некоторых других славянских «племен». В первую очередь это относится к названию жупы Бужани, которое в хорватской историографии нередко связывалось с «племенем» бужан⁷⁸⁹, упоминаемых в «Повести временных лет» в качестве славянских поселенцев на реке Буг и, видимо, известных также «Баварскому географу» (*Busani*)⁷⁹⁰.

Новейшая попытка выявить на территории Далмации следы славянских «племен» принадлежит хорватскому историку М. Анчичу, нарисовавшему на основании данных топонимики картину расселения в Далмации целого ряда славянских «племен» (точнее — их мигрировавших осколков), которые, по мнению исследователя,

⁷⁸⁹ Как указание на присутствие в составе хорватов, переселившихся в Далмацию, «племени» бужан в историографии нередко рассматривалось и наличие среди имен легендарных хорватских вождей, упомянутых в 30-й главе трактата «Об управлении империей», имени «княгини» Буги. См.: *Klaić V. Građa za topografiju ličko-krbavske županije u srednjem vijeku // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1902. — Sv. 6. — Br. 1. — S. 15; Idem. Crvena Hrvatska i Crvena Rusija // Hrvatsko kolo. — Zagreb, 1927. — Knj. VIII. — S. 128–129; Šišić F. Povijest Hrvata... — S. 278; Gušić B. Naseljenje Like do Turaka // Lika u prošlosti i sadašnjosti. — Karlovac, 1973. — S. 33–34. В. Клаич считал возможным связывать с бужанами также пару топонимов на территории Хливненской жупании (Бушко блато и Бужанин-град), производимых зафиксированным здесь в позднейшее время народным преданием от имени легендарной «королевы Буги» (Бужанки, Бужаны). По мнению историка, как топонимы, так и предание о королеве Буге могут свидетельствовать о происхождении «племени» хливнян от будто бы переселившихся сюда в свое время бужан (*Klaić V. Građa za topografiju i historiju Hlivanjske županije i grada Hlivna // Vjesnik Hrvatskog arheološkog društva. Nova serija. — Zagreb, 1928. — Sv. 15. — S. 15, 24*). Между тем гораздо более вероятной является связь этих названий с дославянским топонимом (оронимом), известным в римское время как *mons Bulsinius*. См.: *Jurković I. Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj, posjedi i gospodarska moć // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zaveda za povijesne i društvene znanosti HAZU. — 2006. — Sv. 24. — S. 42.**

⁷⁹⁰ ПВЛ. — С. 10; *Назаренко А. В.* Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков... — С. 13, 25 (комментарий).

прибыли сюда во время франко-аварских войн под предводительством гентильного вождя сильнейшей в этом племенном конгломерате общности — хорватской⁷⁹¹. Исследователь не только поддержал старинную идею о связи названия жупы Бужани с племенем бужан, но и, основываясь на упоминании во франкских источниках топонима *Hliuni* в землях полабского племени ободритов⁷⁹², высказал мнение, что название хорватской жупании Хливно берет свое начало от одного из «малых племен» или одной из «родовых общин» ободритов, будто бы принявших участие в переселении в Далмацию вместе с хорватами⁷⁹³.

Излишне говорить, что такие реконструкции, всецело основанные на созвучии названий, носят характер ничем не подтверждаемых источниками догадок, в то время как само по себе наличие подобных созвучий в славянской языковой среде совсем не обязательно объяснять миграциями населения. Существенным, напротив, является тот факт, что названия хорватских жупаний и жуп в своем подавляющем большинстве произведены от местных далматинских топонимов и гидронимов, воспринятых славянами от автохтонного населения. Внутренняя структура хорватских жупаний, перечисленных в трактате императора Константина, как и жуп, фигурирующих в более поздних источниках, их размеры и соотношение друг с другом — все позволяет говорить о том, что устройство этих территориальных единиц было ориентировано на сохранившуюся позднеантичную инфраструктуру⁷⁹⁴. Учитывая упомянутое выше отсутствие в Далмации признаков соперничающих вожеств, более вероятным представляется такой вариант социально-политического устройства, при котором надлокальная интеграция не приводила к формированию территориально очерченных административных единиц или политий, существование которых предполагало бы наличие ярко выраженных иерархических структур во главе с вождями. Речь, таким образом, могла

⁷⁹¹ Ančić M. U osvit novog doba... — S. 74–80, 90–95.

⁷⁹² По сообщению «Анналов королевства франков», помещенному под 795 г., «[Карл] вступил с войском в Саксонию и дошел до реки Эльба, до места, называемого Хлиуни (*Hliuni*), где тогда был убит саксами Витцин, король ободритов (*Witzin Abodritorum rex*)...» (Свод. Т. II. — С. 467 (перевод В. К. Ронина)).

⁷⁹³ Ančić M. U osvit novog doba... — S. 76.

⁷⁹⁴ См. подробно: *Smiljanić F. Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata. — S. 178–192.*

идти о такой модели социально-политической организации, которая в прежней историографии не вполне адекватно именовалась племенным союзом, а в настоящее время, под влиянием соответствующих антропологических концепций, все чаще именуется гетерархией⁷⁹⁵. Гетерархический вариант социального устройства славянских общин в Далмации представляется тем более вероятным, что ясно читаемая привязка хорватских жупаний и жуп к античным территориальным единицам может быть истолкована как результат естественной адаптации пришлого населения к сложившейся в автохтонной среде земледельческой инфраструктуре.

То, что Борна не именуется во франкских источниках правителем хорватов (*dux Chroatorum*), едва ли было простой случайностью: вероятно, хорватская идентичность еще не воспринималась в это время франками как гентильная. Вместе с тем именно с периодом франкской власти над Далмацией связаны первые известные нам упоминания названия «хорват». Древнейшее из них относится, возможно, еще к самому началу IX в., если верна соответствующая датировка надписи, содержащей слово «[Chro]ATORV(m)», на фрагменте алтарной преграды, происходящей из церкви св. Марты в Биячи⁷⁹⁶. Как явствует из грамот Трпимира (середина IX в.)⁷⁹⁷ и Мунцимира (892 г.)⁷⁹⁸, надписи на алтарной преграде с именем Бранимира (879 — около 892 гг.) из Шопота близ Бенковца⁷⁹⁹, а также надписи на фрагменте алтарной преграды из Кулы Атлагича, вероятно относящейся к эпохе правления Бранимира или Мунцимира⁸⁰⁰, название «хорват» в середине — второй половине IX в.

⁷⁹⁵ О том, как «работает» гетерархически организованный социум, см. иллюстративный очерк Дж. Д. Хилла о кельтских обществах Британии I тыс. до н.э. *Hill J. D. How did British Middle and Late pre-Roman Iron Age societies work (if they did)? // Atlantic Europe in the First Millennium B. C.: Crossing the divide / Ed. by T. Moore and X. — L. Armada. — New York, 2011. — P. 242–263.*

⁷⁹⁶ «[...Chro?]ATORV(m) ET IVPA[nus(-ano?)...]» (*Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... — S. 52*). См. также: *Milošević A. Prva ranosrednjovjekovna skulptura iz crkve Sv. Marte u Bijačima // SHP. Ser. III. — 1999. — Sv. 26. — S. 256–257*).

⁷⁹⁷ «...Tirpimir, dux Chroatorum...» (CD. Vol. I. — S. 4).

⁷⁹⁸ «...Muncimiro, diuino munere iuuatus Croatorum dux...» (CD. Vol. I. — S. 23).

⁷⁹⁹ «+BRANIMIRO COM[es] DVX CRUATORv(m) COGIT[avit...]» (*Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... — S. 166*).

⁸⁰⁰ «[...Chroa]TORV(m) F[ecit(?)...]» (*Delonga V. Latinski epigrafički spomenici... — S. 194*). Предположительно датировать данную надпись

определенно являлось элементом официального титула местного правителя: «*dux Chroatorum*», «*dux Cruatorum*». В грамоте Трпимира в связи с описанием территории, на которую распространялась юрисдикция Сплитской церкви, было впервые засвидетельствовано сложившееся к этому времени понятие «королевства хорватов» (*regnum Chroatorum*)⁸⁰¹. При этом, однако, необходимо принять во внимание и устойчивое использование в хорватской политике IX в. названия «славяне» (*Sclavi*): в надписях, высеченных на архитравах алтарных преград церквей в Нине⁸⁰² и в Ждрапне близ Скрадина⁸⁰³, хорватский правитель Бранимир именуется «дуксом славян» (*dux Sclavorum*).

Свидетельства существования в IX в. таких понятий, как «*dux Chroatorum*» и «*regnum Chroatorum*», традиционно рассматривались в историографии как показатель того, что по крайней мере к середине IX в. в Далмации уже сложилась хорватская этнополитическая общность. Однако, как заметил Д. Джино, титул дукса хорватов был «скорее результатом процесса политической софистики в Далмации, а именно интеграции в каролингские политические структуры, чем отражением уже существующей хорватской этничности в IX в.»⁸⁰⁴. С этим замечанием трудно не согласиться, если понимать его в том смысле, что само представление о хорватах как об общности, возглавляемой собственным правителем (*dux Chroatorum*) и давшей название стране (*regnum Chroatorum*), то есть как об этнополитической общности *par excellence*, могло сложиться только в период вхождения книнской политики в сферу влияния франков (около 800–878 гг.), когда свойственный письменной культуре этнический дискурс мог быть усвоен местной элитой.

880–890-ми гг. позволяет другой, очевидно, происходящий из этой же церкви, фрагмент алтарной преграды, на котором высечено имя Будимира, возможно, тождественного одному из двух носивших данное имя жупанов, упомянутых в грамоте Мунцимира 892 г. См.: *Delonga V. Latinski epigrafički spomenici...* — S. 189–195.

⁸⁰¹ CD. Vol. I. — S. 5.

⁸⁰² «[...t]EMPORIBUS DOM(i)NO B[ra]NNIMERO DUX SLCAORUM [...]ORIT HU[...] [sc. opus]» (*Delonga V. Latinski epigrafički spomenici...* — S. 207).

⁸⁰³ «[Br]ANIMERO DVCE(m) CLAVITNORV(m) EGO PRISTI[na] IVPANVS C[...]» (*Ibid.* — S. 252).

⁸⁰⁴ *Дзино Д.* «Становится славянином», «становится хорватом»... — С. 54.

Тем более показательным выглядит на этом фоне то обстоятельство, что ни во франкских нарративных памятниках, описывающих ситуацию в Далмации, ни в адресованных в Хорватию письмах римских пап, ни в каких-либо иных источниках внешнего по отношению к хорватской политике происхождения название «хорват» не употребляется на протяжении всего IX ст. Извне к общности, правящий слой которой уже именовал себя «хорватами», вплоть до X в. применялись только названия «*Sclavi*» и — в редких случаях — «*Dalmatini*». Одно из наиболее ярких свидетельств такого положения дел содержится в упоминавшемся выше сообщении «Анналов королевства франков», помещенном под 817 г., о территориальных спорах, возникших между «славянами» (*Sclavi*) и «романцами» (*Romani*) в процессе разграничения в Далмации сфер политического контроля между Франкским государством и Византией⁸⁰⁵. Как видно, одна из спорящих сторон, в которой есть все основания видеть хорватов, представляется в данном источнике просто как «славяне» или — судя по тому, что выше здесь говорилось о том, что византийский посол Никифор прибыл к императору Людовику Благочестивому «по делам далматинцев» (*pro Dalmatinorum causa*) — как «славяне-далматинцы». Данная интерпретация, предложенная Р. Катичичем, подкрепляется фразой из анонимного «Жизнеописания императора Людовика», где при описании этих же событий говорится о «пределах далматинцев, романцев и славян»⁸⁰⁶, что позволяет считать понятие «далматинцы» общим обозначением всех жителей Далмации, невзирая на их политическую или языковую принадлежность⁸⁰⁷. Очевидно, название

⁸⁰⁵ ARF. — P. 145; Documenta. — P. 317.

⁸⁰⁶ «...de finibus Dalmatorum Romanorum et Sclavorum» (Documenta. — P. 318).

⁸⁰⁷ *Katičić R. Filološka razmatranja...* — S. 87. Подобную интерпретацию понятия «далматинцы» оспаривает И. Мужич, настаивающий на том, что далматинцами именовались автохтонные жители внутренней части Далмации, а именно потомки древних далматов. Подобным же образом исследователь трактует термин «*Dalmatini*», фигурировавший в известных по актовому материалу титулах хорватских правителей X–XI вв. См. подробно: *Mužić I. Hrvati i autohtonost...* — S. 249–283. Между тем, в свете огромного хронологического разрыва между последними сообщениями о далматах и первыми упоминаниями далматинцев, а также ввиду различия социально-политических контекстов функционирования данных идентичностей, предложенная И. Мужичем интерпретация не выглядит убедительной. Более адекватным представляется в данном случае подход

Dalmatini может быть интерпретировано как искусственное книжное обозначение, хорошо укладывающееся в характерное для каролингского возрождения воспроизведение античной этнической и географической номенклатуры⁸⁰⁸.

Еще одно яркое свидетельство того, какие «стратегии различения» использовались применительно к жителям Далмации в рамках франкского этнического дискурса, заключено в известиях о своем пребывании в Далмации бенедиктинского монаха-проповедника Готшалка, находившегося между 846 и 848 г. во владениях хорватского дукса Трпимира. Описывая в одном из своих сочинений столкновение Трпимира с «народом греков», Готшалк называет хорватского правителя «королем славян» (*Tripemirus rex Sclavorum*)⁸⁰⁹. В другом своем сочинении (трактате «О предопределении») Готшалк, описывая ситуацию с именованнием носителей высшей власти (короля и императора) в локальном латинском говоре Далмации, использует такие понятия, как «далматинцы» или, точнее, далматинские люди (*homines Dalmatini*) и «латины», то есть латинские люди (*homines Latini*)⁸¹⁰. В свое время первый исследователь соответствующего фрагмента Л. Катич интерпретировал его в том смысле, что под «*homines Dalmatini*» в тексте сообщения подразумевались жители той части Далмации, которая была подконтрольна хорватскому правителю, то есть преимущественно славяне или хорваты, в то время как «*homines Latini*» — это романские жители прибрежных далматинских городов, зависимых от Византии⁸¹¹. Однако, как стало ясно впоследствии, этот фрагмент

Д. Джино, который рассматривает понятие «далматинцы» как обобщающее обозначение, соответствовавшее представлению о позднеантичной области (*patria*) Далмация и актуализировавшей это представление каролингской политической организации. См.: *Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat...* — P. 200.

⁸⁰⁸ См.: *Budak N. Identities in early medieval Dalmatia (seventh — eleventh century) // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. — Turnhout, 2008. — P. 233; Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat...* — P. 200.

⁸⁰⁹ *Hrvati i Karolinzi. D. I.* — S. 295.

⁸¹⁰ «Item homines Dalmatini, perinde idem similiter homines Latini Graecorum nihilominus imperio subiecti, regem et imperatorem communi locutione per totam Dalmatiam, longissimam revera regionem, inquam, et imperatorem, regnum et imperium vocant» (Ibid. — S. 295).

⁸¹¹ Перевод Л. Катича: «Таким же образом и далматинцы (*homines Dalmatini*), а также схожим образом и латиняне (*homines Latini*), хотя

по смыслу был слишком тесно связан с остававшимся неизвестным Л. Катичу и другим исследователям предыдущим фрагментом сочинения Готшалка, где в похожих выражениях описывалось аналогичное речевое поведение других романских жителей — венециков, которых Готшалк также именуется латинами⁸¹². Сопоставив оба отрывка, Ж. Рапанич недавно показал, что фраза Готшалка имеет существенно иной смысл. А именно, далматинцы не противопоставляются здесь латинам, а, напротив, определяются как люди, «тоже являющиеся латинами», то есть носителями латинского языка⁸¹³. Таким образом, несмотря на факт своего пребывания при дворе хорватского правителя и — как следствие этого — хорошее знакомство с местными реалиями, Готшалк предпочел именовать этнополитическую общность, во главе которой стоял Трпимир, «славянами», а не хорватами, а романоязычных жителей Далмации предпочел именовать «далматинцами», очевидно, следуя в обоих случаях обозначениям, привычным для франков.

Интересно также, что в адресованных в Хорватию письмах папы Иоанна VIII (872–882 гг.), несмотря на то, что, судя по эпиграфическим памятникам, в эпоху Бранимира название «хорват» уже прочно вошло в титул хорватского дукса, хорватские правители Домагой, Здеслав и Бранимир ни разу не именуются правителями хорватов. В обращении к ним папа либо ограничивается указанием

они подчинены империи греков, короля и императора в обыденной речи по всей Далмации, поистине очень протяженной области, говорю, и императора, королевством (*regnum*) и царством (*imperium*) называют» (*Katić L. Saksonac Gottschalk... — S. 25–26*).

⁸¹² «Все венецики, которые же суть проживающие в море общинами латины, своего владыку, то есть императора греков, не называют владыкой, но владычеством» («*Omnēs Venetici qui sunt uidelicet intra mare degentes in ciuitatibus homines Latini dominum suum id est imperatorem Graecorum nequaquam vocant dominum sed dominationem*»). Соответствующий фрагмент текста был впервые введен в оборот в работе М. Д. Грмека: *Grmek M. D. Dva filozofa, Gottschalk i Hasdai Ibn Šaprut, o Hrvatima u vrijeme narodnih vladara // Prilozi za istraživanje hrvatske filozofske baštine. — Zagreb, 1994. — God. XX. — Br. 1–2 (39–40). — S. 439.*

⁸¹³ Перевод Ж. Рапанича: «Таким же образом и далматинские люди, схожим образом люди латинские, и все же подчиненные империи греков, по всей Далмации, поистине очень протяженной области, говорю, в обыденной речи короля и императора называют королевством (*regnum*) и царством (*imperium*)» (*Rapanić Ž. Kralj Trpimir, Venecijanci i Dalmatinci u traktatu teologa Gottschalka iz Orbaisa // PP. — 2013. — Sv. 44. — S. 40*).

имени того или иного правителя и его статуса (*dux, comes*), либо называет их правителями славян⁸¹⁴.

Определение «славяне» и производные от него широко использует в своем сочинении и венецианский хронист Иоанн Диакон, когда сообщает о событиях, происходивших на восточном берегу Адриатики, в том числе в хорватском дукате, в IX ст. Так, весьма показательны дважды использованное им понятие «Склавения», под которой, по всей вероятности, следует понимать обобщенную «страну славян» на восточном берегу Адриатики, а не некую конкретную политию. На такое понимание термина указывает контекст его использования при описании бегства сына дожа Агнелла Партечипацио (811–827 гг.) Иоанна, находившегося в изгнании в Задаре со времени прихода к власти в Венеции его брата Юстиниана (827–829 гг.). По словам Иоанна Диакона, Иоанн «бежал сначала в Склавению, а оттуда в Италию, в город Бергамо»⁸¹⁵. Очевидно, похожим образом следует трактовать и другое упоминание венецианского хрониста о «Склавении» — при описании экспедиции венецианского флота к восточному берегу Адриатики в 839 г. Эта экспедиция, предпринятая дожем Петром Традони-ко против «Склавении», увенчалась заключением мирных договоров с «их (то есть славян) правителем» Миславом, известным нам по грамоте Трпимира в качестве непосредственного предшественника знаменитого хорватского дукса, а также с еще одним славянским правителем — Дружаком⁸¹⁶. Дружак фигурирует здесь как вождь неких «поморян» (*iudex Marianorum*), притом, судя по контексту, «поморяне» эти были частью более широкой общности, которая многократно упоминается в Хронике Иоанна Диакона под

⁸¹⁴ CD. Vol. I. — S. 10, 12.

⁸¹⁵ «Unde factum est ut Iohannes, qui apud Iateram exulabat, fuga lapsus, primum Scлавенияm, deinde ad Italiam, ad Bergami civitatem, pervenit» (*Giovanni Diacono. Istoria Veneticorum*. — P. 114). Комментируя этот фрагмент, Ф. Борри справедливо говорит о «ментальных картах»: *Borri F. Gli Istriani e i loro parenti. Φράγγοι, Romani e Slavi nella periferia di Bisanzio // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. — 2010. — Bd. 60. — S. 13–14.

⁸¹⁶ «Iste namque tercio sui ducatus anno Scлавенияm bellicosis navibus expugnaturum adivit. Sed ubi ad locum qui vocatur sancti Martini curtis perveniret, pacem cum illorum principe Muisclavo nomine firmavit. Deinde pertransiens ad Narrantanas insulas cum Drosaico, Marianorum iudice, similiter fedus instituit, licet minime valeret et sic postmodum ad Veneciam reversus est» (*Giovanni Diacono. Istoria Veneticorum*. — P. 123–124).

именем славян с «островов Неретвы», неретвлянских славян или просто неретвлян⁸¹⁷. Все указывает на то, что Иоанн Диакон, а точнее использованный им более ранний источник, был хорошо осведомлен о политической географии Далмации, однако, ввиду отсутствия в этот период стабильных групповых идентичностей, использовал обобщенное понятие «Склавения» для обозначения совокупности славянских политических организмов. Восприятие восточного побережья Адриатики как «славянской страны», очевидно, не было исключительной особенностью «Истории венециков» или использованных в ней источников. Так, одним из наиболее ранних примеров подобного восприятия, почти одновременных окончательному установлению франкской власти над Далмацией, вероятно, является упоминание «славянского побережья» (*littora Sclavorum*) в «Морских стихах» (*Versus Marini*) Амалария из Меца, написанных вскоре после предпринятого им в 814 г. морского путешествия из Константинополя в Италию⁸¹⁸.

⁸¹⁷ Помимо Иоанна Диакона, так называемые «неретвляне» были хорошо известны Константину Багрянородному под именем аренданов или «паганов» (именуемых так ввиду их долгой приверженности язычеству). Неретвлянам, занимавшим, по словам императора Константина, пространство между реками Цетина и Неретва, а также несколько островов Адриатики (Брач, Хвар, Вис, Корчула), целиком посвящена 36-я глава далматинского досяе, в которой император Константин, верный своей схеме истории Далмации, говорит об их происхождении от сербов. Как видно, и Иоанн Диакон, и император Константин умели отделять неретвлян от хорватов, что позволяет думать, что неретвляне были отдельной этнополитической общностью или представляли собой конгломерат небольших политий, воспринимаемый как нечто целое лишь извне. Так или иначе, все указывает на то, что стабильной групповой идентичности в землях неретвлян не существовало. Нет веских оснований и говорить о наличии у неретвлян единой (пусть и достаточно рыхлой) политической организации. Из новых работ о неретвлянах см.: *Живкович Т.* Неретльани — пример разматривания идентитета у раном среднем веку // ИЧ. — 2012. — Кь. 61. — С. 11–25.

⁸¹⁸ Трирский епископ Амаларий, возглавлявший в 813–814 гг. франкское посольство в Константинополь, вспоминает в стихах, как на обратном пути из византийской столицы он со спутниками старался держаться «подальше от земли, подальше от славянского берега» (*procul a terra, Sclavorum littora lingue*). Выше он сообщал о том, что им пришлось «спасаться от мавров и остерегаться диких славян» (*fugias Mauros, metuas Sclavos rigidosque*). По мнению Т. Ведриша, специально проанализировавшего

Интересно, что даже в тех случаях, когда Иоанн Диакон писал о событиях, происходивших в IX в. непосредственно в хорватском дукате, он использовал только обозначение «славяне», во все не упоминая о хорватах. Так, сообщая о смерти хорватского дукса Домагоя в 876 г., Иоанн Диакон называет этого правителя, активно противостоявшего Венеции, «худшим дуксом славян» (*Sclavorum pessimus dux*)⁸¹⁹. Показательно и сообщение о приходе к власти в Хорватии Здеслава, потомка Трпимира (878 г.), в котором хорватская полития именуется «дукатом славян» (*Sclavorum ducatus*)⁸²⁰. Наконец, извещая о свержении Здеслава Бранимиром (879 г.), Иоанн Диакон именует последнего «неким славянином» (*quidam Sclavus*)⁸²¹.

Интересно, однако, что повествуя о событиях следующего, десятого столетия, в том числе тех, современником которых он сам являлся, Иоанн Диакон свободно использует название «хорваты», которое впервые встречается в его хронике при описании событий 912 г. в выражении «границы хорватов» (*Chroatorum fines*)⁸²². Н. Будак справедливо объясняет это тем, что в источниках, которые были использованы венецианским хронистом при описании событий предшествующего, девятого века, название «хорваты» просто-напросто не встречалось⁸²³. В документах папской канцелярии название «хорват» также начинает использоваться лишь

соответствующие фрагменты поэмы Амалария, несмотря на то, что путники плыли из Константинополя, огибая берега Греции, после чего вошли в воды Адриатики, скорее всего, под «славянским берегом» имелось в виду именно адриатическое побережье, так как упоминание о нем непосредственно предшествует описанию высадки путников в Италии. См. подробно: *Vedriš T. Još jedan franački teolog u Dalmaciji: Amalarije iz Metza i njegovo putovanje u Carigrad 813. godine // HZ. — 2005. — God. LVIII. — S. 7–8.*

⁸¹⁹ «Dehinc mortuo Domogoi, Sclavorum pessimo duce, domnus Ursus dux et Johannes suus filius cum Sclavis pacem et concordiam iniit» (Documenta. — P. 366).

⁸²⁰ «His diebus Sedesclavus, Tibimiri ex progenie, imperiali fultus presidio Constantinopolim veniens, Sclavorum ducatum arripuit, filiosque Domogoi exilio trussit» (Documenta. — P. 373).

⁸²¹ «His diebus quidam Sclavus nomine Brenamir interfecto Sedesclavo ipsius ducatum usurpavit» (Documenta. — P. 374).

⁸²² Documenta. — P. 388.

⁸²³ *Budak N. Identities in early medieval Dalmatia... — P. 236.*

начиная с X в., как о том свидетельствуют письмо папы Иоанна X, адресованное «королю хорватов» Томиславу и захумскому правителю Михаилу (около 925 г.), и другие документы сплитских соборов 925–928 гг., дошедшие до нас в составе «Большой истории Салоны»⁸²⁴.

В каком же соотношении друг с другом находились в Далмации IX ст. хорватская и славянская идентичности? Традиционно славянская идентичность раннесредневековых хорватов объяснялась в историографии либо тем, что эта идентичность была изначально свойственна группе, ставшей впоследствии в Далмации известной под именем хорватов, либо ее восприятием в результате ассимиляции так называемых «протохорватов» более многочисленными славянами, уже поселившимися в Далмации в период, последовавший за прорывом дунайского лимеса и падением Салоны. В обоих случаях следовало бы допустить, что немалая часть населения Далмации обладала в VII–IX вв. собственной стабильной идентичностью, базировавшейся не на политической принадлежности, а на языковой общности.

Подобная интерпретация славянской идентичности в хорватской политике стала в последнее время также подвергаться сомнению под влиянием новых взглядов на характер самой славянской этничности. Так, Л. Маргетич склонен трактовать не только хорватскую, но и славянскую идентичность как идентичность воинского слоя⁸²⁵. В попеременном использовании хорватско-

⁸²⁴ «dilecto filio Tamisclao, regi Crouatorum, et Michaeli, excellentissimo duci Chulmorum» (CD. Vol. I. — P. 34). Ср. также выражения «епископ хорватов» (*episcopus Croatorum*), «король и знать хорватов» (*rex et proceres Croatorum*) в постановлениях первого Сплитского собора 925 г., «земля хорватов» (*terra Croatorum*) в письме папы Льва VI, подтверждающем постановления второго Сплитского собора 928 г., и т. п. (CD. Vol. I. — P. 32–39).

⁸²⁵ Формирование воинского слоя «склавинов» Л. Маргетич относит к эпохе Гуннской державы, полагая, что гунны именовали «саклавами» (от тюркского *saqla* — «надзирать») подвластный им слой воинов, поставленный надзирать над гетерогенными группами, входившими в состав «империи» Атилы (*Margetić L. Etnogeneza Slavena // Rad HAZU. — 2005. — Knj. 492. — S. 89–143*). Понятно, что в данном случае Л. Маргетич несколько модифицирует известную теорию О. Прицака, согласно которой склавины первоначально называли не народ, а социально-профессиональную общность — воинов-рабов, использовавшихся булгарами, а затем аварами в их противостоянии с Византией (*Pritsak O. The Slavs and the Avars. — P. 353–435*). Впрочем, вопрос о происхождении

го и славянского имени в титулатуре хорватских правителей второй половины IX в., а также в известиях Иоанна Диякона о происходившей в 878–879 гг. борьбе за престол (свержение сыновей Домагоя Здеславом и последующее свержение Здеслава Бранимиром)⁸²⁶ Л. Маргетич усматривает отражение борьбы между представителями двух элит — хорватской и славянской, закончившейся на рубеже IX–X вв. окончательной победой хорватов⁸²⁷. Еще одно толкование славянской идентичности, расходящееся с традиционной языковой парадигмой, предполагает уже неоднократно упоминавшаяся концепция Ф. Курты, согласно которой появление в письменных источниках обозначения «склавины» было вызвано потребностью дать название «сложной конфигурации» общностей, которые вследствие подъема новых варварских элит заявили о себе на дунайском лимесе Византии. Признание термина «склавины» собирательным обозначением автоматически снимает необходимость объяснять стабильный характер славянской идентичности эгалитарным устройством славянских общин, как это делал В. Поль, или, вслед за О. Прицаком, считать склавинов сугубо профессиональной общностью. Славянская этничность просто перестает в этом случае быть тем «особым типом этничности», каким она неизбежно становится при сопоставлении укorenившегося

и первоначальном содержании термина «склавин» в данном случае не так уж и важен. Важно то, что Л. Маргетич отнюдь не отождествляет хорватов со славянами, полагая, что речь шла о соперничавших друг с другом элитах.

⁸²⁶ «His diebus Sedesclavus, Tibimiri ex progenie, imperiali fultus presidio Constantinopolim veniens, Scavorum ducatum arripuit, filiosque Domogoi exilio trussit» (Documenta. — P. 373). «His diebus quidam Sclavus nomine Brenamir interfecto Sedesclavo ipsius ducatum usurpavit» (Documenta. — P. 374). Сообщение Иоанна Диякона о том, что Здеслав, свергнувший сыновей Домагоя, был потомком (сыном?) Трпимира, а также информация о наличии у Трпимира еще двух сыновей — Петра, имя которого встречается в Чивидальском евангелии, и Мунцимира (Мугимира), правившего после Бранимира, позволяет думать, что приход к власти Домагоя, фигурирующего в источниках начиная с 865 г., то есть сразу после Трпимира, также не был мирным. См. подробно: Šišić F. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji. — S. 1–18; *Idem*. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. — S. 345, 360–363.

⁸²⁷ *Margetić L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad HAZU. — 2003. — Knj. 487. — S. 55–56.*

в историографии представления о ранних славянах как носителях стабильной и объемлющей чуть ли не всех членов общества этнической идентичности, основанной на языковом единстве, с исключительно подвижной и текучей картиной гентильных идентичностей, наблюдаемой в западной части Европы⁸²⁸.

Позиция Ф. Курты оказала влияние на Д. Джино, впервые рассмотревшем в данном методологическом ключе проблему славянизации Далмации. Считая осуществленную Ф. Куртой «деконструкцию славянской этничности» «превосходной стартовой точкой для новой оценки происхождения средневековых славянских идентичностей в Иллирике», Д. Джино безоговорочно принимает трактовку понятия «славяне», использовавшегося в раннесредневековых источниках, как идентичности, сконструированной ориенталистским дискурсом образованных авторов, хотя допускает при этом то, что на восприятие ими варварской реальности могли оказать влияние некоторые общие элементы культурного габитуса, присущие «славянам»⁸²⁹. Подтверждение правоты такого видения славянской идентичности исследователь склонен усматривать и в приведенных выше свидетельствах раннесредневековой хорватской эпиграфики. В том, что в донаторских надписях представители хорватской знати в большинстве случаев либо просто ограничивались указанием имени и титула, либо определялись через хорватскую идентичность, исследователь готов видеть свидетельство того, что славянская идентичность не была изначально свойственна группе, называвшей себя хорватами. Более того, исследователь не видит оснований и для того, чтобы считать, что славянами называло себя простое население, подвластное хорватским правителям, полагая, что в этот ранний период термин «славяне» все еще представлял собой «колониальную псевдоэтническую перцепцию» внешних наблюдателей, а не самоназвание⁸³⁰.

Важную роль в восприятии ситуации в Далмации исследователями постмодернистского направления играет факт ошибочного написания слова «славяне» (*Clavitni* вместо *Sclavi*) в надписи

⁸²⁸ Curta F. The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube region... — P. 346.

⁸²⁹ Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... — P. 42. См. также написанную Д. Джино рецензию книги Ф. Курты: Dzino D. Varljivi tokovi slavenskih identiteta: F. Curta, «The making of the Slavs» // Diadora. — 2007. — Sv. 22. — S. 385–392.

⁸³⁰ Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... — P. 201.

с именем дукса Бранимира из Ждрапня. Комментируя высказанное нами мнение о том, что в случае с надписями, содержащими титул Бранимира, хорватами и славянами именовалась одна и та же этнополитическая общность⁸³¹, Ф. Курта высказал мнение, что использование названия «славяне» в надписи из Ждрапня, сделанной от имени жупана Приштины, было обусловлено не сложившейся традицией самоидентификации, а только необходимостью обозначить статус донатора, жупана Приштины, и дукса Бранимира для не-хорватской латиноязычной аудитории. По словам Ф. Курты, то обстоятельство, что жупан Приштина в надписи, сделанной от своего имени, ошибся в названии народа, к которому он предположительно принадлежал, а не, скажем, в обозначении своего титула, является аргументом в пользу того, что название «хорваты» было принято в процессе идентификации элитой, нуждавшейся в идеологическом утверждении своей власти⁸³². Похожим образом звучит и рассуждение Д. Джино: не отделяя надпись из Ждрапня, сделанную от имени жупана Приштины, от надписи из Нина, сделанной от имени аббата Теудеберта, исследователь полагает, что обе они, как творение рук людей, связанных с латинской культурой и, возможно, не являвшихся хорватами, отражают использование обозначения «славяне» в качестве этнического стереотипа. Констатируя в целом, что причина появления в надписи формы *Clavitni* остается неясной, исследователь, однако, высказывает возможность еще одной интерпретации: слово *Clavitni* могло быть названием родственного коллектива, из которого мог происходить Бранимир, свергнувший в 879 г. своего предшественника Здеслава, представителя рода Трпимира⁸³³.

⁸³¹ Алимов Д. Е. «Переселение» и «крещение»... — С. 109.

⁸³² Curta F. The making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 158–159.

⁸³³ Название *Clavitni* напомнило исследователю название раннесредневековой хорватской области и жупании Хливно, жители которой («хливняне») фигурируют в латинских источниках как *Cleoni*, *Chleuini*, *Chleuliani*, *Cleluliani* и т. п. (Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat... — P. 198–199). Суждение Джино, основанное на отдаленном созвучии названий, носит, разумеется, характер обычной догадки. Представление о существовании хорватского «племени» хливнян, высказанное еще В. Клаичем (*Klaić V. Građa za topografiju i historiju Hlivanjske županije...* — S. 13–24), всецело является историографической конструкцией (см.: *Jurković I. Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića...* — S. 40–45).

Итак, отказ от априорного и слабо согласующегося с современной антропологической парадигмой видения славянской идентичности как этнической идентичности, изначально присущей всему славяноязычному населению, влечет за собой либо интерпретацию славянской идентичности в Далмации в контексте социально-политических перемен, происходивших в Аварском каганате, либо признание понятия *Sclavi*, использовавшегося в Далмации, элементом внешней стереотипизации, обусловленной «ориенталистской» перспективой очагов письменной цивилизации в отношении варварской этничности. Однако для предпочтения того или иного варианта ответа на вопрос о характере славянской идентичности необходимо исследование данной темы в гораздо более широких исторических и географических рамках, что далеко выходит за рамки настоящей книги.

Подводя итог нашему рассмотрению хорватской идентичности, уместно снова вернуться к тому факту, что в хорватской этногенетической традиции, отраженной в 30-й главе трактата «Об управлении империей», франки, так же как и авары, представляются врагами хорватов, над которыми хорваты одержали победу в длительной войне. Как было отмечено нами в предшествующей главе, это обстоятельство позволяет думать, что репрезентация хорватов в качестве «народа» отвечала политическим интересам хорватской элиты и происходила не столько благодаря франкам, сколько вопреки им. Кажется, что рассмотренный нами материал о групповой идентификации в Далмации в IX в. серьезно подкрепляет эту мысль. То, что во франкских источниках поставарские элиты Далмации, включая тех, кто станет затем известным под именем хорватов, вплоть до X ст. скрывались под такими расплывчатыми определениями, как «славяне» (*Sclavi*) и «далматинцы» (*Dalmatini*), соответствовавшими этнографическим представлениям образованных франкских авторов, указывает на незаинтересованность франков в хорватской идентичности, какие бы причины такая незаинтересованность не имела.

Конечно, в подобном поведении франкских авторов был силен элемент консервативной традиции, заставившей, например, Готшалка именовать дукса хорватов Трпимира «королем славян» (*rex Sclavorum*), но очевидно и то, что процесс стабилизации хорватской групповой идентичности, превращения ее в гентильную в полном смысле слова, был весьма длительным, заметно уступая в своих темпах процессу становления на территории, где впоследствии

оформится «королевство хорватов» (*regnum Chroatorum*), надлокальной политической организации⁸³⁴. Как известно, середина и вторая половина IX в. стали временем большой политической активности хорватских правителей, таких как Трпимир (около 840–864 гг.), Домагой (865–878 гг.) и Бранимир (879–892 гг.), — активности направленной на утверждение самостоятельности возглавлявшейся ими политики. Эта активность, несомненно, должна была требовать соответствующего идеологического обоснования. В связи с этим представляется совершенно логичным, что процесс закрепления за элитами далматинского хинтерланда группового названия «хорваты», несомненно, существовавшего задолго до появления франков в Далмации, протекал не сам по себе, а был обусловлен стремительно меняющимися властными отношениями. Иными словами, именно консолидация местной элиты, сопровождавшаяся ее самоопределением по отношению к франкам, стимулировала процесс создания гентильной общности — «*gens Chroatorum*». Заимствуя у франков вместе с прочим культурным багажом развитый этнический дискурс, хорватская элита дистанцировалась от каролингских политических структур в том числе и через этнические категории.

⁸³⁴ В то же время мы считаем чересчур прямолинейным толкование Дж. Файна, согласно которому отсутствие в Хронике Иоанна Диякона названия «хорваты» и обозначений ряда других «*gentes*» Далмации в связи с событиями IX в. объясняется слабостью местной политической организации и недостаточной степенью интегрированности жителей восточного побережья Адриатики в состав Хорватии и соседних с нею политических организмов (*Fine J. V. A. When ethnicity did not matter in the Balkans... — P. 41*). Не говоря уж о том, что исследователь в данном случае объективистски трактует этнические обозначения, использованные венецианским хронистом, как отражение реальной этнической ситуации, не учитывая в должной степени их дискурсивную природу, следует подчеркнуть, что формирование гентильной идеологии и тем более ее дальнейшее распространение едва ли могут быть отнесены к числу объективных показателей социально-политического развития.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Посавская Паннония: хорваты или славяне?

Посавским княжеством именуется в историографии политический организм, существовавший в IX в. в бассейне реки Сава на пространстве южной части Паннонии, ограниченном с севера рекой Драва, а с юга — горным массивом Динарских Альп, то есть на территории современной северо-восточной Хорватии. В поздней античности эта территория была заключена в рамки двух провинций — Посавской Паннонии и Второй Паннонии. Посавская Паннония, административный центр которой размещался в Сисции (ныне Сисак), охватывала пространство от реки Сутлы, гор Жумберка и среднего течения Купы на западе, где проходила граница с провинцией Внутренний Норик, до, как предполагается в историографии, горных массивов в центральной части Славонии и реки Врбас на востоке, где проходила граница со Второй Паннонией. Северным рубежом провинции, скорее всего, являлась река Драва, отделявшая Посавскую Паннонию от Первой Паннонии. По Драве до ее впадения в Дунай, а затем по самому Дунаю шла также северная граница Второй Паннонии, центр которой размещался в крупном городе Сирмий (ныне Сремска-Митровица), являвшимся в эпоху домината столицей всего паннонского диоцеза. Южная граница Второй Паннонии продолжала в восточном направлении линию границы Посавской Паннонии, однако на ее восточном участке (за рекой Дриной), возможно, следовала по Саве либо несколько южнее Савы, выходя к реке уже ближе к месту ее впадения в Дунай⁸³⁵.

Паннонские провинции, уже в IV в. превратившиеся в районы расселения варварских групп, получивших статус федератов империи, в конце IV — первой половине V в. утратили многое из своей прежней инфраструктуры и даже лишились значительной части романского населения. Важным рубежом в этом смысле стала экспансия гуннов, которые, расселившись в качестве федератов на землях

⁸³⁵ *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovekovlju... — S. 49–54.

Первой Паннонии и Валерии, в 442 г. овладели Сирмием и поставили под свой контроль Вторую Паннонию⁸³⁶. Гуннский период в истории Паннонии сменился готским: приобретаю статус федератов, остготы, основная масса которых, как считается, поселилась во Второй Паннонии, постепенно распространили свое влияние также на Посавскую Паннонию и районы к северу от Дравы⁸³⁷. Последний раз позднеантичная номенклатура была воспроизведена в период вхождения указанных территорий в состав Остготского королевства в первой половине VI в. Так, готский представитель носил титул комита Далмации и Савии (*comes Dalmatiarum et Saviae*), а с присоединением к Остготскому королевству Второй Паннонии появился еще один специальный чиновник — комит Сирмийской Паннонии (*comes Pannoniae Sirmiensis*)⁸³⁸. Несмотря на то, что в интересующий нас период существования Посавского княжества в источниках применительно к Паннонии будет использоваться уже иная территориальная номенклатура, связанная с франкской реорганизацией поставарского пространства, именно границы позднеримских территориальных единиц ввиду своей относительной четкости могут служить удобной отправной точкой для ориентации.

В 30-й главе трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей», вслед за рассказом о переселении хорватов со своей прародины — Белой Хорватии — в Далмацию, содержится следующее известие: «От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Иллириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося лишь посольствами с архонтом Хорватии»⁸³⁹. Именно под влиянием данного известия, в котором под «Иллириком и Паннонией», как удалось доказать исследователям, подразумевалась область, более

⁸³⁶ См. подробно: *Gračanin H.* Huni i Južna Panonija // *Scrinia Slavonica*. — 2005. — Vol. 5. — S. 22–34; *Idem.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 69–76.

⁸³⁷ См. подробно: *Gračanin H.* Goti i Južna Panonija // *Scrinia Slavonica*. — 2006. — Vol. 6. — S. 90–113; *Idem.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 77–102.

⁸³⁸ *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 96–97; *Matijašić R.* Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici... — S. 170–173.

⁸³⁹ «Ἀπὸ δὲ τῶν Χρῳβάτων, τῶν ἐλθόντων ἐν Δελματία, διεχωρίσθη μέρος τι, καὶ ἐκράτησεν τὸ Ἰλλυρικὸν καὶ τὴν Παννονίαν· εἶχον δὲ καὶ αὐτοὶ ἄρχοντα αὐτεξούσιον, διαπεμπόμενον καὶ μόνον πρὸς τὸν ἄρχοντα Χρῳβατίας κατὰ φιλίαν» (*Константин Багрянородный.* Об управлении империей. — С. 130 (текст), 131 (перевод)).

или менее соответствующая бывшей римской провинции Посавская Паннония, то есть той территории, на которой в IX в. существовало Посавское княжество⁸⁴⁰, в историографии в свое время распространилось представление о хорватской «племенной» принадлежности Посавского княжества, нередко именовавшегося вследствие этого «Посавской Хорватией».

Между тем полное отсутствие сведений о присутствии хорватов в Паннонии в IX в. в современных данной эпохе источниках указывает на то, что известие трактата «Об управлении империей» едва ли может являться адекватным отражением событий эпохи появления хорватов в Далмации⁸⁴¹. Признание в историографии

⁸⁴⁰ Обоснование такой локализации с обзором историографии см.: *Margetić L. Konstantin Porfirogenet...* — S. 26–29.

⁸⁴¹ Из числа современных сторонников тезиса о хорватской этнической принадлежности Посавского княжества следует выделить В. Сокола, предпринявшего попытку выдвинуть в его обоснование некоторые новые аргументы. Так, исследователь обратил внимание на известие написанного Константином Багрянородным «Жизнеописания Василия I», свидетельствующее, по его мнению, о проживании хорватов в Паннонии. Большое значение придавал автор и топонимам с корнем «хорват» в Славонии, чье распределение по карте свидетельствует, по его мнению, об ее изначально хорватском населении. Наконец, об этнокультурном единстве населения Далмации и Посавской Паннонии свидетельствуют, по мнению автора, также материальная культура и антропологические черты местного населения в раннее Средневековье (*Sokol V. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva.* — 1990. — Sv. 14. — S. 193–195). На наш взгляд, ни один из этих аргументов не имеет решающей силы. Известие «Жизнеописания Василия I», где хорваты упоминаются в числе «скифов», обитающих «в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях» (*Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Перевод, статья, комментарии Я. Н. Любарского.* — СПб., 1992. — С. 122), лишь отражает бытовавшее в Константинополе в середине X в. представление о расселении хорватов, запечатленное и в трактате «Об управлении империей». Встречающиеся на территории Славонии топонимы, образованные от названия «хорват», ввиду своей поздней фиксации в источниках (в XIII–XIV вв. и позднее) не могут служить надежным индикатором раннего присутствия здесь хорватов, а их распространение может быть интерпретировано в рамках представления о постепенной колонизации данного региона хорватами (семейными и родовыми группами), благоприятные условия для которой наступили после прихода к власти в Хорватском королевстве династии Арпадов (*Petković D. Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji...* — S. 250–264). Что касается элементов мате-

данного обстоятельства создало почву для появления принципиально иной интерпретации процитированного фрагмента. Так, еще более полувека назад Б. Графенауэр высказал мнение, что в приведенном известии отразилась политическая ситуация, сложившаяся в правление в Хорватии Томислава (около 910–928 гг.), когда политическое образование, существовавшее в Посавье, было присоединено к Хорватии, но, возможно, сохранило при этом автономный статус, позволявший иметь собственного правителя⁸⁴². Такая интерпретация вызвала критику со стороны других исследователей, посчитавших затруднительным согласовать представление о Среднем Посавье как части Хорватии в X ст. со словами автора 30-й главы о правившем в Иллирике и Паннонии самовластном архонте. Так, по мнению Л. Маргетича, терминология, относящаяся к статусу «архонта» хорватов, переселившихся в «Иллирик и Паннонию», позволяет заключить, что речь в этом сообщении шла о правителе самостоятельного политического образования и что в нем отразилось положение, существовавшее в Посавье не в правление Томислава, а в более ранний период⁸⁴³. В результате такого рода рассуждений появилась гипотеза о том, что во второй четверти IX ст. Посавское княжество, сохраняя политическую обособленность, тем не менее оказалось под неким влиянием соседней Хорватии⁸⁴⁴,

риальной культуры и антропологических характеристик населения, то эти данные не могут рассматриваться в качестве релевантных при обсуждении вопроса об этнической идентичности.

⁸⁴² См.: *Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta... — S. 30; Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — S. 139–140, 278–279.*

⁸⁴³ *Margetić L. Konstantin Porfirogenet... — S. 26–29, 55–56.* Развивая данную мысль, М. Суич пошел еще дальше: отталкиваясь от того, что термины, характеризующие взаимные отношения двух архонтов, указывают не просто на дружественные отношения, а на равноправный союз (*foedus aequum*) двух политических образований, исследователь делал вывод, что данное известие отражает ситуацию, предшествовавшую не только эпохе правления Томислава, но и времени господства франков. Это будто бы подтверждается и использованием имперфекта в выражении «имели... архонта» (*Suić M. Ocjena radnje L. Margetića... — S. 93–95*).

⁸⁴⁴ Гипотеза, согласно которой в 830-е гг. Посавское княжество сумело добиться независимости и от болгар, и от франков в результате поддержки со стороны Хорватии, что будто бы и нашло отражение в известии 30-й главы, была выдвинута Л. Маргетичем (*Margetić L. Srednjovjekovna Slavonija — jedno od vrela hrvatske državnosti // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. — 1995. — Vol. 45. — Br. 2. — S. 139–140*). Данное построение

что, однако, невозможно подтвердить сведениями других источников.

Недавняя попытка М. Матиевич-Сокол и В. Сокола привлечь к рассмотрению вопроса о хорватском этническом и политическом пространстве в IX в. информацию о границах Далмации, содержащуюся в дополнениях Альфреда Великого к «Хорографии» Орозия⁸⁴⁵, также не представляется оправданной. Каковы бы ни были границы Далмации Альфреда Великого, речь в этом источнике идет о сугубо географическом понятии, и отождествление его с конкретной политией (хорватским дукатом), подразумевающее существование обширного государства, простиравшегося от Адриатики до Дуная и Дравы, не кажется нам сколько-нибудь убедительным.

Наконец, недавно появилась еще одна интерпретация известия 30-й главы трактата «Об управлении империей» о переселении части хорватов в «Иллирик и Паннонию», согласно которой в этом сообщении будто бы отразился санкционированный франками при-

весьма шатко, так как является следствием интерпретации статуса дукса Ратимира, предположительно правившего в Посавье, в качестве самостоятельного правителя. Логичнее считать, что Ратимир, во владения которого, после того как там появился неугодный франкам политический изгнанник Прибина, вторгся с войском баварский префект, был франкским вассалом. См.: *Gračanin H.* Bugari, Franci i južna Panonija u 9. stoljeću. Reinterpretacija povijesnih izvora // Hrvati i Bugari kroz stoljeća: Povijest, kultura, umjetnost i jezik. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog u Zagrebu i Đakovu, 23. – 24. rujna 2010. / Uredili D. Karbić i T. Luetić. – Zagreb, 2013. – S. 12–14.

⁸⁴⁵ См.: *Matijević Sokol M., Sokol V.* Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira. – II. dopunjeno izd. – Zagreb, 2005. – S. 19–34; *Sokol V.* Južna Hrvatska i Dubrovnik prema ranim povijesnim geografijama // Izdanja HAD. – 2010. – Sv. 26. – S. 256–258. По мнению названных авторов, под Далмацией Альфреда Великого, простирающейся до Болгарии и Дуная (*Hister*), следует понимать Хорватию. Р. Катичич, показав, что в источнике речь все же идет не о Дунае, а об Истрии (*Histria*), согласился с указанными авторами в том, что Хорватия при Бранимире могла достигать пределов Болгарии, отметив, однако, что политическая ситуация в Посавье остается неясной. См.: *Katičić R.* Dalmatia u zemljopisu Alfreda Velikoga // SHP. Ser. III. – 2003. – Sv. 30. – S. 77–98. Т. Ведриш указывает на размытость понятия Истрии в раннесредневековых текстах, позволяющую считать возникновение пуганицы весьма вероятным: *Vedriš T.* Histria i Hister kasnoantičkih i ranosrednjovjekovnih geografa: prilog raspravi o spomenu Istre i Dalmacije u zemljopisu Alfreda Velikoga // Histria. Godišnjak Istarskog povijesnog društva. – 2012. – Vol. 2. – No. 2. – S. 55–114.

ход к власти в Посавье правящего рода из Хорватии⁸⁴⁶. При этом, однако, автор данной гипотезы, Х. Грачанин, специально подчеркнул, что в известии о переселении части хорватов в «Иллирик и Паннонию» следует, прежде всего, усматривать идеологически обусловленную нарративную конструкцию, призванную объяснить присутствие хорватской власти в Среднем Посавье⁸⁴⁷. На наш взгляд, само по себе признание того, что в случае с известием о переселении в «Иллирик и Паннонию» мы имеем дело с нарративной конструкцией, призванной объяснить ситуацию, современную написанию 30-й главы, делает излишними спекуляции о присутствии хорватов или хорватской власти в Посавской Паннонии до X в., тем более что любые построения о хорватском влиянии на данный регион до X в. или приходе сюда хорватской элиты остаются ничем не подтверждаемыми догадками. При этом, несмотря на наличие в тексте сообщения характерной византийской терминологии («Иллирик и Паннония», «самовластный архонт»), нельзя исключать того, что в своей основе данное известие восходило к представлениям самих хорватов⁸⁴⁸, которые воспроизводил автор 30-й главы, описывая раннюю хорватскую историю. Эти представления, очевидно, отражали притязания хорватской элиты на власть над данным регионом.

В пользу такой интерпретации сообщения 30-й главы о хорватском княжестве в «Иллирике и Паннонии» свидетельствует, на наш взгляд, и присутствие похожего сюжета в другом месте трактата «Об управлении империей», а именно в 38-й главе, посвященной истории «турок» (венгров). Описывая столкновение, произошедшее в результате прихода в древнюю страну венгров в бассейне Дона — Леведию — разбитых хазарами печенегов, император Константин сообщает: «Когда же меж турками и пачинакитами, тогда

⁸⁴⁶ По мнению Х. Грачанина, вскоре после франкского вторжения в Посавье и бегства Ратимира, франки, стремившиеся к стабилизации политического положения в Нижней Паннонии, поставили во главе княжества представителя преданной франкам хорватской элиты (*Gračanin H.* «Od Hrvata pak koji su stigli u Dalmaciju odvojio de jedan dio i zavladao Ilirikom i Panonijom»: *Razmatranja uz DAI* c. 30, 75–78 // *Povijest u nastavi*. — Zagreb, 2008. — Vol. VI. — No. 11 (1). — S. 72–74; *Idem.* *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju...* — S. 178–180).

⁸⁴⁷ *Gračanin H.* *Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju...* — S. 180–181.

⁸⁴⁸ *Margetić L.* *Konstantin Porfirogenet...* — S. 13, 81.

называвшимися кангар, состоялось сражение, войско турок было разбито и разделилось на две части. Одна часть поселилась к востоку, в краях Персии, — они и ныне по древнему прозвищу турок называются савартами-асфалами, а вторая часть поселилась в западном краю вместе с их воеводой и вождем Леведией, в местах, именуемых Ателкузу, в которых ныне проживает народ пачинакитов»⁸⁴⁹. Подробно рассказав затем о контактах венгров с хазарами и избрании Арпада, сына воеводы Алмоша, архонтом турок, император Константин сообщает об очередном переселении венгров, на сей раз из Этелькёза в Карпатскую котловину, завершая свой рассказ известием о контактах современных ему венгров со своими сородичами, поселившимися в свое время в Персии: «Через некоторое время пачинакиты, напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом. Поэтому турки, блуждая в поисках земли для поселения, явившись, прогнали обитателей Великой Моравии и поселились в их земле, где и живут теперь турки по сей день. С тех пор турки не испытывали войны от пачинакитов. *К вышеупомянутому же народу турок, который поселился к востоку, в краях Персии, эти турки, живущие к западу, только что названные, и поныне посылают торговцев и навещают их и часто доставляют от них к себе ответные послания* (курсив наш. — Д. А.)»⁸⁵⁰.

В соответствии с господствующим в историографии мнением, согласно которому в основе рассказа 38-й главы о ранней истории венгров лежит венгерская этногенетическая традиция, данное известие обычно рассматривалось как свидетельство осознания древними венграми своей общности с ушедшими на восток савартами (сабирами?)⁸⁵¹. В то же время было обращено внимание на то, что присутствующие в данном известии название «Персия» и ориентация «восток — запад» имеют явно византийское происхождение⁸⁵². Таким образом, подобно рассказу об отделении части хорватов, где фигурирует понятие «Иллирик и Паннония», сюжет о савартах, по-видимому, отражавший идеологические притязания венгерской элиты на родство с могущественными савартами (сабирами?), подвергся определенной обработке в Константинополе. Очевидное

⁸⁴⁹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 158, 160 (текст), 159, 161 (перевод).

⁸⁵⁰ Там же. — С. 160, 162 (текст), 161, 163 (перевод).

⁸⁵¹ См. подробно: Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. — М., 1997. — С. 146–167.

⁸⁵² Там же. — С. 146, 166.

сходство хорватского и венгерского сюжетов в таком элементе, как поддержание контактов и обмен посольствами между отколовшимися частями некогда будто бы единых «народов», позволяет усматривать в нем, прежде всего, нарративную конструкцию.

Итак, в нашем распоряжении нет заслуживающей доверия информации о проживании хорватов в Посавской Паннонии применительно к периоду до X ст. Какова же была этнополитическая ситуация в Посавской Паннонии в IX в.? Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к сведениям современных франкских источников. В сообщении «Анналов королевства франков» под 818 г. о прибытии ко двору Людовика Благочестивого послов от разных «народов» (*nationes*) Людевит, глава политического образования, расположенного в южной части Паннонии, фигурирует как «дукс Нижней Паннонии» (*dux Pannoniae inferioris*)⁸⁵³. Похожим образом — как правитель Нижней Паннонии (*rector inferioris Pannoniae*) — Людевит именуется в сообщении об этом же событии в «Жизнеописании Людовика» анонимного автора, известного в историографии как Астроном⁸⁵⁴. Таким образом, в обоих источниках Людевит определяется как правитель территории, а не глава какой бы то ни было этнополитической общности. Обозначение Людевита в сообщении о посольствах ко двору Людовика Благочестивого по своему характеру вполне согласуется с теми определениями, которые даются при описании последовавшего затем конфликта Людевита с франками. Так, сообщая под 819 и 820 гг. о борьбе с Людевитом далматинского дукса Борны и франков⁸⁵⁵, «Анналы королевства франков» называют возглавляемое Людевитом образование «его областью» («*regio sua*», «*sua provincia*», «*regio eius*»)⁸⁵⁶, а при описании тех же событий в анонимном «Жизнеописании Людовика» фигурирует «земля Людевита» (*Liudeviti terra*)⁸⁵⁷.

⁸⁵³ «...et Liudeviti, ducis Pannoniae inferioris...» (ARF. — P. 149; Documenta. — P. 320).

⁸⁵⁴ «...et Liuteviti, rectoris inferioris Pannoniae...» (Documenta. — P. 320).

⁸⁵⁵ ARF. — P. 151; Documenta. — P. 324.

⁸⁵⁶ Documenta. — P. 322–323. В этой связи нам трудно согласиться с мнением В. К. Ронина, объяснявшего подобные обозначения применением анналистом к славянам Посавья господствовавших на Западе представлений о патримониальном характере монархической власти (*Ронин В. К.* Славянская политика... — С. 19).

⁸⁵⁷ Ibid. — P. 324.

Следующим по времени упоминанием об особом политическом организме в южной части Паннонии является известие трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870/871 г.), где фигурирует «область дукса Ратимира» (*regio Ratimari ducis*). Упоминание о ней содержится при описании конфликта, возникшего в 830-е гг. между франкским наместником на востоке — баварским префектом Ратбодом — и находившимся в его владениях Прибиной, изгнанным из Нитры: «Тем временем возник между ними некий раздор, так что Прибина, убоившись, бежал со своими людьми в страну Болгарию, и сын его Коцел бежал вместе с ним. А спустя немного времени, он из Болгарии пришел в область дукса Ратимира. И в это же время Людовик, король баваров, послал Ратбода с большим войском, чтобы устранить дукса Ратимира. Тот, разуверившись в своей возможности защищаться, обратился в бегство со своими людьми, с теми, кто избежал гибели. А вышеназванный Прибина остался и пересек со своими людьми реку Сава, где, принятый комитом Салахоном, примирился с Ратбодом»⁸⁵⁸.

Мнение о том, что «область Ратимира» территориально соответствовала политическому организму, прежде возглавлявшемуся Людевитом, стало господствовать в хорватской историографии еще со времен Ф. Шишича, заключившего, что Ратимир был болгарским вассалом, правившим с 829 г. в западной и центральной части Посавской Паннонии, в то время как Восточная Славония и Срем находились в это время под непосредственным управлением болгар⁸⁵⁹. Однако процитированное выше сообщение не дает оснований для того, чтобы утверждать это со всей определенностью. Распространившееся в историографии убеждение в том, что восточные области «земли Людевита», то есть восточная Славония и Срем, находились в это время под властью болгар, основывается

⁸⁵⁸ «Interim exorta est inter illos aliqua dissensio, quam Priwina timens fugam iniit in regionem Vulgariam cum suis, et Chozil filius eius cum illo. Et non multo post de Vulgariis Ratimari ducis adiit regionem. Illoque tempore Hludowicus rex Bagoariorum misit Ratbodum cum exercitu multo ad exterminandum Ratimarum ducem. Qui diffissus se defendi posse, in fugam versus est cum suis qui caedem evaserunt. Et praedictus Priwina substitit et cum suis pertransiuit fluwium Sawa, ibique susceptus a Salachone comite pacificatus est cum Ratbodo» (ММФН. Vol. III. — P. 312). Сообщение о походе Ратбода против Ратимира содержится в «Больших Зальцбургских анналах», а также в «Анналах Св. Руперта Зальцбургского» под 838 г. (ММФН. Vol. III. — P. 312).

⁸⁵⁹ *Šišić F. Povijest Hrvata... — S. 324.*

главным образом на известиях франкских источников о вторжениях болгар в паннонские земли: по сообщению «Анналов королевства франков», в 827 г. болгары проплыли по реке Драве, опустошив земли славян, «сидевших в Паннонии», и заменив их вождей (*duces*) своими управителями (*rectores*)⁸⁶⁰, в то время как Фульдские анналы сообщают об ответном франкском походе в 828 г., а также о новом вторжении болгар по реке Драве в 829 г.⁸⁶¹ Между тем о политических последствиях для Посавской Паннонии этих военных действий, так же как и о том, какое значение для судеб данного региона имели болгарские посольства, прибывавшие в Восточно-Франкское королевство в 832 и 845 гг., источники не сообщают, вследствие чего вопрос о том, где после 827 г. проходила франко-болгарская граница, менялась ли она и, если менялась, то как, остается неясным. В связи с этим мы считаем справедливым замечание Х. Грачанина о большей вероятности того, что Ратимир был не болгарским, а франкским вассалом, так как крайне сомнительно, чтобы франки допустили существование глубокого болгарского клина, врезавшегося между подконтрольными им землями Далмации и Паннонии⁸⁶².

Боснийский историк М. Хаджияхич обратил внимание на то, что в ходе описания вторжения Ратбода во владения Ратимира в источнике сообщается о переходе Прибиной, оставшимся на территории Ратимира, реки Савы. Следовательно, рассуждает Хаджияхич, княжество Ратимира располагалось южнее Савы, а потому речь в зальцбургском трактате шла не о посавском, а о боснийском правителе⁸⁶³. Мнение о расположении «страны Ратимира» южнее Савы высказывалось также хорватским исследователем В. Соколом, предположившим, что Ратимир правил в современной

⁸⁶⁰ «Bulgari quoque Sclavos in Pannonia sedentes misso per Dravum navali exercitu ferro et igni vastaverunt et expulser eorum ducibus Bulgaricos super eos rectores constituerunt» (ARF. — P. 173; Documenta. — P. 333).

⁸⁶¹ AF. — P. 25–26; Documenta. — P. 333–334.

⁸⁶² *Gračanin H.* Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 178.

⁸⁶³ *Hadžijahić M.* Povijest Bosne u IX i X stoljeću. — Sarajevo, 2004. — S. 173–175. Другие аргументы исследователя в пользу локализации княжества Ратимира в Боснии, основанные на отождествлении этого князя с Ратомиром из Летописи попа Дуклянина, являются сугубо спекулятивными. См.: *Алимов Д.Е.* [Рец.:] *Hadžijahić M.* Povijest Bosne u IX i X stoljeću. Sarajevo, 2004 // SSBP. — 2007. — № 1/2. — С. 132–140.

сербской части Посавины южнее Савы, то есть прямо к югу от Сирмия⁸⁶⁴. Вместе с тем прочного вывода о локализации страны Ратимира в Боснии или Сербии на основании одного лишь известия о переходе им реки Савы делать, конечно, нельзя: Прибина в период военных действий мог просто отступить в район реки Купы в юго-западной части Посавского княжества. Именно так — движением навстречу Ратбоду из Покупья — объясняет известие о переходе Прибиной Савы Х. Грачанин⁸⁶⁵. Итак, судя по всему, «страна Ратимира» действительно могла территориально в большей или меньшей степени совпадать со «страной Людевита», а могла располагаться и южнее савско-дравского междуречья, к примеру, на территории Боснийской Посавины. Для нас, однако, важно то, что речь в любом случае шла о южной части Карпатской котловины.

Ситуация в южной части Паннонии после изгнания франками Ратимира в 838 г. остается в значительной степени неясной. В свое время Ф. Шишичем было высказано мнение о том, что территория междуречья Дравы и Савы была со временем присоединена к образованной к северу от Дравы политико-административной единице «Нижняя Паннония» с центром в Блатнограде (*urbs Paludarium/Mosaburg*) на озере Блатно (Балатон), управлять которой франки поставили Прибину, в свое время бежавшего из Нитры. При этом исследователь основывался главным образом на сомнительном отождествлении с наследником Прибины Коцелом «франкского архонта Коцилина», упоминаемого в трактате византийского императора Константина Багрянородного «Об управ-

⁸⁶⁴ Sokol V. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću... — S. 194.

⁸⁶⁵ Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 176. Еще одна попытка пересмотреть традиционную локализацию страны Ратимира в Посавской Паннонии была предпринята Н. Будаком, предположившим, что страна Ратимира находилась к северу от графства, возглавляемого Салахоном, то есть где-то между Крайной и Каринтией (*Budak N. Slavic ethnogeneses in modern Northern Croatia // Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. — Ljubljana, 2000. — S. 398*). Данная локализация не выдерживает критики: как справедливо замечает Грачанин, невозможно допустить ни того, чтобы страна славянского князя оказалась расположенной между франкскими графствами, ни того, чтобы зона болгарского контроля тянулась до территории современной Словении (*Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 196*).

лени империей»⁸⁶⁶. Между тем имеющаяся информация о территориях, находившихся под контролем Прибины (прежде всего, актовъй материал, где называются места строительства храмов), не содержит намеков на то, что его власть распространялась на земли, расположенные южнее Дравы⁸⁶⁷. Лишь в одной из грамот содержится информация о выделении Людовиком Немецким Прибине в 846 г. 100 мансов земли на реке *Valchau*⁸⁶⁸, которую Ф. Шишич отождествлял со Слобоштиной, именуемой *Wolko* в грамоте 1235 г., в центральной части Славонии⁸⁶⁹, а Л. Хауптманн (вслед за Л. Нидерле) — с Вукой в восточной Славонии⁸⁷⁰. Интересно, что передача Прибине земель на реке *Valchau* произошла на следующий год после прибытия к Людовику Немецкому болгарского посольства, о чем под 845 г. сообщают Фульдские анналы⁸⁷¹. Это обстоятельство дало основание Хауптманну предположить, что болгары, желая обеспечить себе свободу рук в борьбе с Византией, уступили в 845 г. Восточно-Франкскому королевству будто бы занятые ими еще в 827 г. восточную Славонию и Срем, где, таким образом, через посредство Прибины франки начали проводить колонизацию, необходимую для обустройства пограничной территории⁸⁷². Другие исследователи указывали на то, что упомянутая в грамоте река могла соответствовать реке, впадающей в озеро Нойзидлер-Зе, или Валицке, притоку Залы, причем, исходя из большей близости этих рек к владениям Прибины, считали данную идентификацию гораздо более предпочтительной⁸⁷³.

На наш взгляд, веским аргументом в пользу того, что если не вся территория Посавского княжества, то по крайней мере область

⁸⁶⁶ См.: *Šišić F. Genealoški prilozi...* — S. 41–42; *Idem. Povijest Hrvata...* — S. 342–344. Критику данного отождествления см. в работе Б. Графенауэра: *Grafenauer B. Vprašanje konca Kocljeve vlade...* — S. 176–188.

⁸⁶⁷ См. подробно: *Havlík L. E. Panonie ve světle franských pramenů 9. století. Ke konfrontaci pramenů s novějším řešením některých otázek // SA.* — 1970. — Vol. 17. — S. 1–36.

⁸⁶⁸ *Gradivo. Kn. II.* — S. 109.

⁸⁶⁹ *Šišić F. Povijest Hrvata...* — S. 342–344, bilj. 49.

⁸⁷⁰ *Hauptmann L. Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave SAZU. Znanstveno društvo za humanistične vede.* — Ljubljana, 1923. — Kn. 1. — S. 350.

⁸⁷¹ *AF.* — P. 35.

⁸⁷² *Hauptmann L. Mejna grofija spodnjepanonska.* — S. 350.

⁸⁷³ Обзор мнений см.: *Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju...* — S. 181–182.

Срема контролировалась Прибиной, а затем его наследником Коцелом, является информация Паннонского жития св. Мефодия о том, что папа поставил Мефодия сирмийским архиепископом («на стол святого Андроника») именно по просьбе Коцела⁸⁷⁴. Инициатором поставления Мефодия на кафедру в Сирмий Коцел выступает и в «Повести временных лет», в помещенной под 898 г. летописной статье о деятельности Кирилла и Мефодия⁸⁷⁵, восходящей, согласно утвердившейся в историографии гипотезе А. А. Шахматова, к так называемому «Сказанию о преложении книг на славянский язык»⁸⁷⁶. Наконец, в известном письме папы Иоанна VIII, адресованном славянскому князю Мутимиру (*Montemero duci Sclavinicae*) (873 г.), скорее всего, тождественному сербскому «архонту» Мутимиру, фигурирующему в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей»⁸⁷⁷, содержится призыв к князю признать над своим княжеством церковную власть паннонского архиепископа⁸⁷⁸, что, скорее всего, подразумевает непосредственное соседство Сербского княжества и Паннонской архиепископии Мефодия⁸⁷⁹. На фоне этих недвусмысленных известий

⁸⁷⁴ ММФН. Vol. II. — P. 147.

⁸⁷⁵ ПВЛ. — С. 16.

⁸⁷⁶ См.: Шахматов А. А. Сказание о преложении книг на словенский язык // Jagić-Festschrift. Zbornik u slavu Vatroslava Jagića. — Berlin, 1908. — S. 171–188.

⁸⁷⁷ Константин Багрянородный. Об управлении империей. — С. 143–145. Мутимир правил с 860-х гг. до 891/892 г. (см. комментарий Е. П. Наумова с литературой вопроса: Там же. — С. 380–381).

⁸⁷⁸ Documenta. — P. 367–368.

⁸⁷⁹ Hauptmann L. Mejna grofja spodnjepanonska. — S. 348–349. Вопрос о том, где правил Мутимир, к которому обращался папа Иоанн VIII, долгое время являлся предметом дискуссии, в ходе которой некоторыми исследователями даже высказывалось мнение, что письмо было обращено к неизвестному по другим источникам посавскому правителю. Между тем и датировка письма, и географическое расположение Сербии во второй половине IX в. позволяют без особого труда идентифицировать Мутимира из папского письма именно как сербского правителя. См. обзоры историографии вопроса: Koščak V. Pripadnost istočne obale Jadrana... — S. 320–322; Margetić L. Srednjovjekovna Slavonija... — S. 141–143; Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 188–189. Об историческом контексте письма Иоанна VIII Мутимиру см. из последних работ: Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија I. — Београд, 2014. — С. 276–278; Komatina P. The Church

распространенное в историографии представление о том, что Сирмий в то время контролировали болгары и его политическая принадлежность не имела значения для Мефодия как для титулярного епископа, не выглядит убедительным.

Под 884 г. в Баварском продолжении Фульдских анналов впервые упоминается еще один славянский правитель из южной части Паннонии — дукс Браслав. Этот правитель, который, по словам анналиста, управлял «королевством между реками Дравой и Савой» (*regnum inter Dravo et Savo flumine*), прибыл в Тулльн, где в это время остановился франкский император Карл III Толстый, и присоединился к его вооруженной свите⁸⁸⁰. В том же источнике, в сообщении о путешествии в 892 г. франкских послов в Болгарию с целью убедить болгар не продавать соль мораванам, можно встретить еще одно обозначение интересующего нас политического организма — «королевство Браслава» (*regnum Brazlavonis*)⁸⁸¹. Наконец, на страницах Евангелиария из Чивидале вписаны имена паломников, прибывших, согласно автору данной записи, из «земли Браслава» (*de terra Brasclauo*)⁸⁸². Относительно подробная информация Фульдских анналов о Браславе позволяет с уверенностью считать его правителем Посавской Паннонии, то есть той области, которой в первой четверти IX в. управлял Людевит, а позднее, возможно, Ратимир⁸⁸³. В историографии сам факт правления Браслава

in Serbia at the time of Cyrilo-Methodian mission in Moravia // Cyril and Methodius: Byzantium and the world of the Slavs. International scientific conference. — Thessaloniki, 2015. — P. 713–716.

⁸⁸⁰ «Postea veniente Brazlavoni duce, qui in id tempus regnum inter Dravo et Savo flumine tenuit sui que miliciae subditus adiungitur, rex per Carentam in Italia perrexit...» (AF. — P. 113; Documenta. — P. 379).

⁸⁸¹ «Послы же, не имея возможности следовать по суше из-за засад дукса Святополка, были проведены из королевства Браслава по реке Одра до Купы и оттуда, плаванием по течению реки Савы, в Болгарию» («Missi autem propter insidias Zwentibaldi ducis terrestre iter non valentes habere de regno Brazlavonis per fluvium Odagra usque ad Gulpam, dein per fluenta Save fluminis navigio in Bulgaria perducti») (AF. — P. 121–122; Documenta. — P. 380).

⁸⁸² MMFH. Vol. III. — S. 331.

⁸⁸³ Альтернативная локализация страны Браслава в исторической области Крайна в Словении, предложенная М. Анчичем, основывается на чтении процитированной выше фразы (см. примеч. 881) о путешествии франкских послов в Болгарию, согласно которому послы вышли из страны Браслава (*de regno Brazlavonis*), двигаясь по реке Одра. В соответствии с таким чтением делается вывод о том, что дальнейшее путешествие послов

в междуречье Дравы и Савы нередко рассматривался как свидетельство непрерывного существования Посавского княжества на протяжении IX ст. как особой политической единицы⁸⁸⁴. Между тем, если принять мнение, что Посавская Паннония в середине IX в. находилась под контролем правителей Блатнограда, то нельзя исключить и того, что первоначальный географический контур княжества Браслава объяснялся тем, что земли к северу от Дравы были к тому времени заняты моравским правителем Святополком⁸⁸⁵. Получив в 896 г. от императора Арнульфа территорию Нижней Паннии к северу от Дравы с центром в Блатнограде (*urbs Paludarum*)⁸⁸⁶, где некогда правил Коцел, Браслав соединил в своих руках управление обширными территориями Паннии к югу и северу от Дравы, по сути, став ключевой фигурой в обороне франкского востока от венгров.

по Купе и Саве происходило уже за пределами княжества Браслава. См.: *Ančić M. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. — S. 32–33.* Данная интерпретация была справедливо раскритикована Грачаниным, указавшим на то, что фразу следует понимать как описание путешествия из страны Браслава в Болгарию. Ср. перевод: «Послы же, не имея возможности следовать по суше из-за засад дукса Святополка, были проведены из королевства Браслава в Болгарию по реке Одра до Купы, а оттуда плаванием по течению реки Савы». Такой перевод вкуче с известием Фульдских анналов о передаче Арнульфом Браславу в 896 г. Паннонского дуката, расположенного к северу от Дравы, что было бы бессмысленным в случае расположения его княжества на территории Крайны, делает локализацию княжества Браслава в Посавской Паннии наиболее логичной. См.: *Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 196–197.*

⁸⁸⁴ См. особенно: *Grafenauer B. Vprašanje konca Kocljeve vlade... — S. 187.*

⁸⁸⁵ Согласно распространенному в историографии мнению, Святополк с начала 880-х гг. контролировал земли Паннии к северу от Дравы. В обоснование данного тезиса приводится, в частности, упомянутое выше известие Фульдских анналов о путешествии в Болгарию франкских послов, которые из-за засад Святополка были вынуждены плыть по реке Саве (см. подробно: *Havlík L. E. Územní rozsah Velkomoravské říše... — S. 67–72*). Согласно другой точке зрения, данное известие не дает оснований говорить о прямой власти Святополка в Паннии, а лишь свидетельствует о досягаемости этого района для моравских отрядов (см., например: *Gračanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju... — S. 191*).

⁸⁸⁶ «Stipantibus denique isdem in partibus inter se conflictibus imperator Pannoniam cum urbe Paludarum tuendam Brazlavoni duci suo in id tempus commendavit» (AF. — P. 130; Documenta. — P. 381).

Итак, не только Людевит, но и другие южнопаннонские владетели — Ратимир, Браслав — выступают во франкских источниках как территориальные правители, не имевшие никакой гентильной легитимации. Это обстоятельство сближает Посавское княжество с другими политическими организмами, существовавшими в IX в. на территории Карпатской котловины — Паннонским (Блатенским) и Нитранским княжествами. При этом, однако, следует сразу отметить, что в так называемом Паннонском (Блатенском) княжестве никакой «племенной» идентичности не было и не могло быть по определению, так как данная политико-административная единица с центром в Блатнограде (*urbs Paludarium/Mosaburg*) на озере Блатно (Балатон), именовавшаяся во франкских источниках «Нижней Паннонией» (*Pannonia Inferioris*), была создана «сверху», франками, при реорганизации паннонского пространства около 840 г. и по своей сути являлась франкским пограничным графством (*comitatus*)⁸⁸⁷, в котором проводилась политика колонизации⁸⁸⁸. Более показательным поэтому представляется сопоставление Посавского княжества с Нитранским княжеством, как принято именовать в историографии политическую единицу, располагавшуюся на территории западной части современной Словакии к югу от Карпатских гор с центром в Нитре⁸⁸⁹.

Трактат «Обращение баваров и карантанцев», описывая изгнание около 833 г. Моймиром Прибины из Нитры, где, как выясняется из дальнейшего повествования, он имел «владение» (*proprietas*), не прилагает к первоначальной политике Прибины никакого

⁸⁸⁷ Štíh P. Priwina: slawischer Fürst oder frankischer Graf? // Ethnogenese und Überlieferung. Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung / Hrsg. von K. Brunner und B. Merta. — Wien; München, 1994. — S. 209–222; Klika M. Pannonia as a space and the importance of Pribina in the integration process of the Pannonian area into the Frankish empire // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. — Bratislava; Zagreb, 2013. — P. 49–59.

⁸⁸⁸ По сообщению трактата «Обращение баваров и карантанцев» (870/871 г.), подробно освещающего ситуацию в этом политическом организме, Прибина, став править в Блатнограде, начал «собирать со всех сторон народы» (*circumquaque populos congregare*) (ММФН. Vol. III. — P. 312).

⁸⁸⁹ Об истории княжества см. подробно: Steinhübel J. Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva // НС. — 1998. — Roč. 46. — No. 3. — S. 369–416; Idem. Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia. — Bratislava, 2004.

этнического обозначения и даже не именует Прибину князем⁸⁹⁰. Ни один из источников не сообщает нам названия «племени», которое можно было бы соотнести с Нитранской землей. На этом фоне предпринятая словацким историком Я. Штайнхюбелем попытка рассматривать Нитранскую землю как «племенное княжество» неких нитраван, название которых было будто бы произведено от имени реки (по аналогии с мораванами)⁸⁹¹, представляется совершенно безосновательной.

Вместе с тем едва ли можно оспорить другой утвердившийся в историографии тезис — о том, что Нитранская земля, завоеванная Моймиром, превратилась в своего рода удельное владение в составе Моравии, передававшееся представителям правящего моравского рода. При описании большой франкской кампании против моравского князя Ростислава в 869 г., сообщается о вторжении Карломана в «королевство Святополка» (*regnum Zuentibaldi*), очевидно, соответствовавшее Нитранской земле⁸⁹². «Королевство

⁸⁹⁰ MMFH. Vol. III. — P. 310–312. То обстоятельство, что в источнике говорится о конфликте Моймира с Прибиной, а не с некоей этнополитической общностью, создавало благоприятную почву для появления в историографии гипотез о принадлежности Прибины к моравскому княжескому роду, о конфликте, произошедшем между родственниками или по крайней мере представителями одной и той же политической структуры. Обзор мнений см.: *Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871.* — Praha, 2001. — S. 131. Между тем действия моравского правителя легче всего объяснить обыкновенной территориальной экспансией.

⁸⁹¹ *Steinhübel J. Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva.* — S. 398.

⁸⁹² «Nec minus Carlmannus regnum Zuentibaldi nepotis Rastizi igne et gladio depopulabatur» (MMFH. Vol. I. — S. 101). Аргументация в пользу отождествления «королевства Святополка» с Нитранской политией суммирована Я. Штайнхюбелем, согласно которому именно в Нитре, после заключения в 870 г. франками Святополка, на престол местными жителями был возведен Славомир. Основным аргументом является посвящение Вихинга в епископы Нитры в 880 г. См.: *Steinhübel J. Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva.* — S. 410–411; *Idem. Nitrianske kniežatstvo...* — S. 127–128. Локализация «королевства Святополка» между Дунаем и Тисой, предложенная Тору Сенга (*Senga T. La situation géographique de la Grand Moravie et les Hongrois conquérants // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* — 1982. — Bd. 30. — S. 533–540; *Idem. Morávia bukása és hofolágló magyarok // Századok.* — 1983. — Vol. 117. — P. 307–345) была подвергнута критике Д. Тржештиком как основывающаяся на ошибочной интерпретации М. Вахом известия из «*Traditio Peretsundae*» Фрейзингского епископства, в котором упоминается кампания

Святополка» упоминается и далее, в сообщении о признании Святополком сюзеренитета Карломана в 870 г.⁸⁹³ Как отдельный правитель Святополк фигурирует также в адресате буллы папы Адриана II «Gloria in excelsis Deo», текст которой цитируется в 8-й главе Паннонского Жития св. Мефодия⁸⁹⁴.

Как видно, при обозначении Нитранского княжества франкские авторы, так же как и в случае с политическими организациями южной Паннонии, апеллировали не к «племеню», а к правителю. Вероятное отсутствие в Нитранской земле особой «племенной» идентичности объясняет отсутствие в письменных источниках этнического противопоставления Моравии и Нитранской земли при ясном политическом размежевании. Более того, в Хронике Регинона Прюмского (X в.) при сообщении о войнах Людовика Немецкого со славянами упоминается кампания против моравских «стран» (*Marahensium regna*)⁸⁹⁵, под которыми в историографии склонны понимать владения Ростислава и Святополка. Это свидетельство ясно показывает, что с точки зрения франков обе страны составляли одну этнополитическую единицу (*gens*).

В обоснование существования особого «племеню» в Нитранской земле в историографии нередко приводились сведения «Баварского географа». В нем, помимо мораван Моравского княжества (*Marharii*), фигурируют еще одни загадочные «мораване» (*Merehani*)⁸⁹⁶, в которых некоторые исследователи предпочитали усматривать жителей Нитранской земли⁸⁹⁷, иногда объясняя появление при этом двух синонимичных, но не совсем схожих по форме названий разновременностью собранной в источнике информации⁸⁹⁸. Между тем даже при такой интерпретации данное свидетельство доказывает не существование в Нитранской земле особого «племеню», а как раз обратное: распространение имени

Карломана (*Třeštík D. Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. — Praha, 2001. — S. 287–288*). Тем не менее сама по себе возможность того, что власть Святополка охватывала Среднее Потисье еще до 870 г., не может быть полностью исключена.

⁸⁹³ «Zuentibald nepos Rastizi propriis utilitatibus consulens se Carlmanno una cum regno, quod tenebat, tradidit» (MMFH. Vol. I. — S. 102).

⁸⁹⁴ MMFH. Vol. II. — S. 147–148.

⁸⁹⁵ MMFH. Vol. I. — S. 136.

⁸⁹⁶ MMFH. Vol. III. — S. 287.

⁸⁹⁷ Из последних работ см., например: *Steinhübel J. Velká Morava na polces-te od kmeňa ku štátu // Forum Historiae. — 2014. — Vol. 8. — No. 2. — S. 77–78.*

⁸⁹⁸ Обзор мнений см.: *Třeštík D. Vznik Velké Moravy... — S. 288–292.*

мораван на Нитранскую политию. Впрочем, еще более вероятным объяснением появления в тексте «Баварского географа» двух моравских «племен» является отождествление второго из них с другими «мораванами» — известным византийцам славянским «племенем», локализуемым на территории современной Сербии⁸⁹⁹.

Отдельного комментария заслуживает также информация петиции баварских епископов, адресованной папе Иоанну IX (900 г.), где фигурирует некий не названный по имени «народ» (*gens*), который мог населять Нитранскую землю. В этом документе баварские епископы протестовали против учреждения новой церковной организации в Моравии в 899 г., так как, с их точки зрения, эта территория должна принадлежать церковной юрисдикции диоцеза Пассау. Епископы обращали внимание папы на тот факт, что его предшественник Иоанн VIII, посвящая в 880 г. в епископы (Нитры) Вихинга, направил его не на территорию Пассауского диоцеза, а к некоему новообращенному народу (*in quandam neophitam gentem*), который был покорен Святополком и обращен им в христианство⁹⁰⁰. Исследователи по-разному отвечали на вопрос, где следует локализовать новообращенный народ, упомянутый в петиции. В то время как одни авторы были склонны идентифицировать его с вислянами, чей правитель, как явствует из Паннонского жития св. Мефодия, был подчинен Святополком и обращен в христианство, другие помещали загадочное племя в район Потисья, завоеванный Святополком между 880 и 882 гг. Наконец, существует интерпретация, отталкивающаяся от факта поставления Вихинга епископом именно в Нитру и рассматривающая новообращенный народ как жителей самой Нитранской земли или прилегающих территорий восточной Словакии⁹⁰¹.

Интерпретация, согласно которой новообращенный народ следует идентифицировать с жителями Нитранской земли, предпо-

⁸⁹⁹ См.: *Пириватрић С.* Византијска тема Морава и «Моравије» Константина VII Порфирогенита // ЗРВИ. — 1997. — Књ. 36. — С. 198–199; *Vedriš T.* Gdje žive Mirmidonci? Prilog raspravi o značenju pojmov Mirmidones i Marab u zadarskoj legendi o prijenosu moći sv. Krševana // PP. — 2011. — Sv. 41. — S. 57–58.

⁹⁰⁰ «Antecessor vester Zuentibaldo duce impetrante Vuichingum consecravit episcopum et nequaquam in illum antiquum Patauensem episcopatum eum transmisit, sed in quandam neophitam gentem, quam ipse dux bello domuit et ex paganis christianos esse patravit» (MMFH. Vol. III. — S. 235).

⁹⁰¹ Обзор мнений см.: *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy... — S. 278–279.

лагает несоответствие между свидетельством петиции и реальной ситуацией, ведь Нитранская земля стала частью Моравского княжества еще в 830-е гг., при Моймире I, а не при Святополке. В связи с этим было высказано мнение, что на составителей документа, связавших поставление Вихинга с покорением какого-то языческого народа Святополком, повлияло то обстоятельство, что Нитра в свое время была центром вышеупомянутого «королевства Святополка»⁹⁰². Однако подозревать баварских епископов в такого рода ошибке можно лишь в том случае, если другие варианты решения проблемы выглядят неприемлемыми. Между тем посвящение Вихинга в епископы Нитры, самого важного моравского центра к востоку от долины реки Моравы, где находилось ядро княжества, совершенно необязательно должно указывать на то, что объект пастьрской заботы епископа должен был находиться где-то неподалеку от его резиденции, так как ни один другой центр на востоке Моравии не мог взять на себя функции центра диоцеза. Вместе с тем идентификация «новообращенного народа» с вислянами, проживавшими на слишком значительном удалении от Нитры, за хребтом Западных Карпат, представляется все-таки менее предпочтительной, чем его отождествление с жителями Среднего Потисья или Восточной Словакии.

Но почему авторы Петиции не упоминают имени этой этнополитической общности? Насколько нам известно, из числа исследователей, обращавшихся к проблеме «новообращенного народа», лишь чешский ученый Д. Тржештик счел необходимым специально прокомментировать это обстоятельство. Отождествляя «новообращенный народ» с жителями упоминаемой в Фульдских анналах «страны Святополка», соответствовавшей, по его мнению, самой Нитранской области, исследователь писал: «...или *regnum* Святополка не являлось землей никакой *gens* и баварские епископы в 900 г. ошибались, или это имя было забыто, так как после 30-х гг. IX в. оно было уже (как имя) неактуальным»⁹⁰³. Даже безотносительно к сомнительному для нас отождествлению «новообращенного народа» с жителями Нитранской земли предложенная Д. Тржештиком альтернатива (либо епископы ошибались и «gens» не существовала, либо епископы не ошибались, но имя этнополитической общности было забыто к концу IX в.) представляется несколько схоластичной.

⁹⁰² Ibid. — S. 115–116.

⁹⁰³ Ibid. — S. 131–132.

Она, очевидно, базируется на убеждении, что термином «gens» обязательно должна была обозначаться уже сложившаяся этнополитическая общность, обладавшая собственным именем, то есть этническая общность *par excellence*. Между тем на поверхности лежит другое, на наш взгляд более логичное, объяснение: господствующий этнический дискурс заставлял епископов называть «племенем» даже то, что никаким «племенем» не являлось.

В связи с этим заслуживает внимания то обстоятельство, что единственная называемая по имени общность, которая с достаточной долей уверенности может быть локализована на территории бывшего ядра Аварского каганата в Карпатской котловине — это так называемые преденеценты (*Praedenecenti*). Впервые под этим именем они упоминаются в «Анналах королевства франков» под 822 г. в числе «восточных» славянских народов, приславших посольства ко двору Людовика Благочестивого⁹⁰⁴. Второе упоминание относится к 824 г., когда послы «ободритов, которые обыкновенно именуется преденецентами» и населяют прилежащую к Дунаю Дакию у границ Болгарии, явились ко двору франкского императора просить помощи против болгар⁹⁰⁵. Относительно соотношения имен ободритов и преденецентов наиболее убедительной представляется позиция тех исследователей, которые предполагают вторичный, книжный, характер названия «ободриты» по отношению к имени «преденеценты»⁹⁰⁶: объяснять наличие идентичных названий у полабских и «восточных» ободритов какими-либо «миграциями племен» не представляется возможным ввиду существования между ними огромного пространства, в течение веков контролировавшегося аvaraми.

Хотя значение имени «преденеценты» остается неясным, есть веские основания полагать, что оно не произведено от какого-либо географического названия и вообще не характерно для славянской этнонимии. В историографии предлагалось трактовать это назва-

⁹⁰⁴ «In quo conventu omnium orientalium Sclavorum, id est Abodritorum, Soraborum, Wilzorum, Beheimorum, Marvanorum, Praedenecentorum, et in Pannonia residentium Abarum legationes cum muneribus ad se directas audivit» (ARF. — P. 159).

⁹⁰⁵ «...legatos Abodritorum, qui vulgo Praedenecenti vocantur et contermini Bulgaris Daciam Danubio adjacentem incolunt...» (ARF. — P. 165–166).

⁹⁰⁶ См.: *Bulín H.* Podunajští «Abodriti»: Příspěvek k dějinám podunajských Slovanů v 9. století // *Slovanské historické studie*. — Praha, 1960. — Т. III. — S. 22–23.

ние как происходящее от славянских выражений «передние четы» или «передняя чадь» или как латинское слово, имеющее значение «грабители, разбойники»⁹⁰⁷. В случае, если данная общность действительно именовала себя (или именовалась другими) подобным образом, это могло бы указывать на особые, не характерные для других славянских этнополитических организмов обстоятельства ее формирования, скорее всего, объясняемые стремительным подъемом новых элит в обстановке политического вакуума, сложившегося в восточной части Аварского каганата («Дакии»⁹⁰⁸) вследствие падения аварской власти.

Итак, можно констатировать, что этнополитическая ситуация на пространстве Карпатской котловины заметным образом отличалась от того, что наблюдалось в славянских землях за ее пределами, где «Баварским географом» и другими источниками зафиксированы десятки славянских «племенных» названий. В отличие от Балкан, Полабья, Чешской котловины, а также обширных пространств будущих Польского и Древнерусского государств, где славянские

⁹⁰⁷ Обзор мнений см.: *Bulín H. Podunajští «Abodriti»... — S. 23–25; Boba I. «Abodriti qui vulgo Praedenecenti vocantur» or «Marvani Praedenecenti» // Palaeobulgarica. — 1984. — Vol. VIII. — Nr. 2. — P. 29–37.*

⁹⁰⁸ «Дакия», упомянутая в «Анналах королевства франков» в качестве области проживания пренецентов, очевидно, должна быть отождествлена с территорией одноименной римской провинции, созданной в правление императора Траяна. Данная идентификация базируется, прежде всего, на информации из «Жизнеописания Карла Великого» Эйнхарда, где при перечислении земель, завоеванных Карлом, упомянута Дакия, прилежащая к другому берегу Дуная: «...post quam utramque Pannoniam, et adpositam in altera Danubii ripa Daciam, Istriam quoque et Liburniam atque Dalmaciam...» (*Einhardi Vita Caroli Magni // Rec. G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. — Hannoverae, 1845. — T. II. — P. 15*). См. подробно с обзором литературы вопроса: *Madgearu A. Geneza și evoluția voievodatului bănățean din secolul al X-lea // Studii și Materiale de Istorie Medie. — 1998. — Vol. 16. — P. 195–196*. Недавно сербский исследователь П. Коматина попытался возродить старинную идею о тождестве Дакии франкских источников и позднеримской провинции «Прибрежная Дакия» (*Dacia Ripensis*), располагавшейся южнее Дуная (*Komatina P. The Slavs of the mid-Danube basin and the Bulgarian expansion in the first half of the 9th century // ЗРВИ. — 2010. — Къ. 47. — С. 70–73*). Данная интерпретация, не признающая наличия логической последовательности в перечне земель Эйнхарда, предполагает ревизию традиционных для историографии представлений о территориальном охвате Болгарии в первой четверти IX в.

«племена» сплошь и рядом выступают в качестве политических акторов, политическая динамика на пространстве Карпатской котловины связывается в имеющихся у нас источниках исключительно с правителями (Людевит, Прибина, Ратимир, Святополк, Браслав).

Необычная мобильность этих поставарских властителей (ярким образом проявившаяся в политической судьбе Прибины и стремительном превращении Браслава из посавского князя в правителя большей части Паннонии), подчеркнутое отсутствие связи между ними и какими-либо «племенными» структурами (за исключением периферийной по отношению к ядру бывшего Аварского каганата Моравии, где все же успело сформироваться «племя мораван») уже обращали на себя внимание исследователей⁹⁰⁹. Но как следует объяснить эти особенности местного политического ландшафта? В свое время Тржештик, указав на отсутствие «племенной» легитимации у Людевита, назвал данную ситуацию «незавершенным этногенезом», полагая, что в Посавской Паннонии в IX в. этнополитическая общность (*gens*) просто не успела сложиться⁹¹⁰. Данное замечание представляется логичным в том смысле, что, в отличие от славян других регионов Европы, славяне Карпатской котловины должны были находиться под более прочным контролем аваров, продолжавшимся вплоть до падения каганата около 800 г., притом что к началу X в. они уже оказались под властью венгров. По всей видимости, жесткая военно-политическая структура Аварского каганата исключала возможность для местных славянских элит деятельности, благоприятной для локальных этногенетических процессов, вплоть до периода дезинтеграции аварской политики на рубеже VIII–IX вв.⁹¹¹.

⁹⁰⁹ *Łowmiański H.* Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n.e. T. IV. — Warszawa, 1970. — S. 268–269; *Тржештик Д.* Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). — М., 1991. — С. 80.

⁹¹⁰ *Třeštík D.* Vznik Velké Moravy... — S. 94–96.

⁹¹¹ *Алимов Д. Е.* «Переселение» и «крещение»... — С. 110; *Алимов Д.* On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: the 9th century politics of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context // *Transylvanian Review*. — 2012. — Vol. XXI. — No. 3. — P. 83–91; No. 4. — P. 77–96; *Gračanin H.* Ethnicity and migrations in the late antique and early medieval Middle Danube region: Examples linking the areas of modern Croatia and Slovakia // *Slovakia and Croatia*... — P. 48.

Однако значит ли это, что потребность в локальном «племенном» строительстве все равно должна была иметь место, автоматически вытекая из самого факта возникновения на руинах Аварской державы самостоятельных политических организмов? Думается, что в этом процессе не было никакой predeterminedности. При отсутствии групповых названий «племенного» уровня единственным устойчивым обозначением населения Карпатской котловины (включая междуречье Савы и Дравы) в IX ст. во франкских источниках было название «*Sclavi*»⁹¹². Как известно, это название широко использовалось в латиноязычных источниках IX в. в качестве генерализирующего обозначения по отношению к самым разным славяноязычным общностям на территории Европы, не исключая, как мы могли убедиться выше, и хорватов в Далмации. Вместе с тем представляется, что ситуация с использованием названия «славяне» в Среднем Посавье и других уголках Карпатской котловины, то есть на пространстве бывшего Аварского каганата, все же отличалась своеобразием. Об этом позволяет говорить не только отсутствие здесь «племенных» названий, но и собственно славянская традиция использования понятия «Словенская земля», зафиксированная в «Повести временных лет», а именно в той части ее текста, которая, как считается в историографии, восходит к так называемому «Сказанию о преложении книг на славянский язык»⁹¹³. В недавнее время на эту традицию обратила внимание словацкая исследовательница Н. Верешова, справедливо заметив, что понятие «Словенская земля» в «Сказании» в политическом смысле прилагалось к двум политическим организациям, где разворачивалась деятельность Кирилла и Мефодия — Великой

⁹¹² См., например, упоминавшееся выше сообщение «Анналов королевства франков» о болгарском вторжении 827 г., где фигурируют «славяне, сидящие в Паннонии» (*Sclavi in Pannonia sedentes*) (ARF. — P. 173; Documenta. — P. 333). Учитывая, что болгары вторглись в Паннонию по реке Драве, можно допустить, что речь здесь шла о славянах междуречья Дравы и Савы.

⁹¹³ ПВЛ. — С. 15–16. О вероятном создании «Сказания» в Сазавском монастыре в Чехии в конце XI в. см.: *Флоря Б.Н.* Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // *Byzantinoslavica*. Т. 46 (1). — 1985. — С. 121–130. О месте и роли «Сказания» в тексте «Повести временных лет» см. из последних работ: *Петрухин В.Я.* Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2014. — С. 212–226.

Моравии и Паннонскому (Блатенскому) княжеству, географически приблизительно соответствуя пространству Карпатской котловины⁹¹⁴. И Посавское, и Нитранское княжества определенно должны были входить в состав «Словенской земли» в том виде, в каком она предстает в летописной статье, повествующей о деятельности солунских братьев: в период моравской миссии Кирилла и Мефодия Нитранская земля была составной частью Моравии, в то время как какая-то часть Посавского княжества, как отмечалось выше, вероятно, находилась в ведении правителей Блатнограда⁹¹⁵.

Думается, что в свете известий «Повести временных лет» о «Словенской земле» представляется возможным и иное объяснение отсутствию ясных признаков «племенного» строительства на пространстве Карпатской котловины: в славянских политических образованиях, возникших в IX в. на территории, прежде подконтрольной аварам, в ситуации идеологического вакуума, порожденного крахом аварской политической организации, мог иметь место процесс политизации славянской групповой идентичности, вследствие чего славянская общность, какой бы характер ни был присущ ей прежде, стала приобретать черты этнополитического организма. Иными словами, роль политического «племени» (*gens*) в Карпатской котловине могла начать играть славянская общность как единое целое.

Такое развитие событий выглядит тем более вероятным, что у славянских воинских элит Карпатской котловины уже существовало важное условие для формирования единого гентильного самосознания — общий социальный опыт, связанный с их дли-

⁹¹⁴ Verešová N. *Povest' vremennykh let a jej koncepcia Slovienskoj zemli* // *Historia Nova*. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. — Bratislava, 2011. — S. 12–20; *Eadem*. Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic traditions // *Slovakia and Croatia...* — P. 60–65.

⁹¹⁵ Как известно, название «славяне» («словене») и позднее использовалось славяноязычными жителями Карпатской котловины в качестве самоназвания, что заметно отличало этот регион от славяноязычных территорий, располагавшихся за ее пределами. Показателен в этом смысле устойчивый термин «Словенская земля», использовавшийся в славяноязычных текстах XV–XVI вв. для обозначения юго-западной части Карпатской котловины (словенские и славонские земли). См. об этом, например: *Rotar J. Viri Trubarjevega poimenovanja dežel in ljudstev in njegova dediščina* // *ZC*. — 1988. — Letnik 42. — S. 315–323.

тельным пребыванием под властью аваров. На это же указывают и неоднократные попытки нового объединения поставарского пространства в IX ст., осуществлявшиеся славянскими правителями как при поддержке франков, так и в острой конфронтации с ними. Так, давно было замечено, что держава Людевита, к которой в ходе его восстания против франков присоединились славянские «племена», проживавшие на юго-западных и южных рубежах Карпатской котловины, — часть карантанцев, карниольцы и тимочане, — потенциально могла стать славянским наследником Аварского каганата в Среднем Подунавье⁹¹⁶. В еще большей степени такая оценка применима к Великой Моравии под властью Святополка и к державе Браслава после присоединения к ней областей к северу от Дравы, так как две эти славянские «империи» в разный период времени осуществляли контроль над значительной территорией Карпатской котловины. Нетрудно заметить, что в данном случае славяне (как позднее венгры) выступали в качестве политических преемников аваров. Именно это последнее обстоятельство, как нам представляется, могло сформировать этнический контур «Словенской земли» таким, каким он представлен в «Сказании о преложении книг»: «Словенская земля» словно заместила собою Аварский каганат.

⁹¹⁶ *Dümmler E.* Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien... — S. 391; *Šišić F.* Povijest Hrvata... — S. 316; *Preveden F.R.* A history of the Croatian people. Vol. I: Prehistory and early period until 1397 A. D. — New York, 1955. — P. 53; *Budak N.* Prva stoljeća Hrvatske. — S. 103.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Долгое время проблематика этногенеза хорватов рассматривалась в историографии в условиях доминирования примордиалистского подхода к феномену этничности. В соответствии с этим основное внимание исследователей было сосредоточено на так называемых «объективных признаках» этнической общности, таких как язык, культура, антропологический облик населения. Так, сам факт принадлежности хорватов к славянской языковой общности во многом определил то обстоятельство, что уже с момента зарождения позитивистской историографии хорватский этногенез рассматривался и интерпретировался преимущественно в славянском социокультурном и историческом контексте. Смещение исследовательского фокуса с языковой принадлежности на этимологию этнонима «хорват», чье неславянское происхождение было доказано лингвистами, а также отождествление хорватов с господствующим слоем населения Далмации открыли дорогу для появления иных трактовок хорватского этногенеза, важнейшей чертой которых стало выделение неславянского «протохорватского» ядра, впоследствии будто бы подвергнувшегося славянизации. Очередное смещение исследовательского фокуса, на сей раз в область изучения материальной культуры и физических характеристик населения, позволило заговорить о континуитете и автохтонности как наиболее характерных чертах этнической истории хорватов, вследствие чего «варвароцентричный» подход к хорватскому этногенезу, вне зависимости от того, представлялся ли ранние хорваты славянами, германцами или выходцами из далеких областей Евразии, был как минимум поставлен под сомнение.

Во всех этих спорах нередко терялось из виду или по крайней мере отходило на второй план собственно историческое измерение хорватского этногенетического процесса, ведь для понимания того, каким образом сформировалась в Далмации хорватская этнополитическая общность, далеко не так важно знать, на каком именно языке говорили первоначальные хорваты. Важнее другое — понять, в каких именно исторических обстоятельствах происходило

оформление хорватской общности, что она собой представляла в социальном смысле и на чем основывала свою идентичность. Между тем отказ от старой примордиалистской парадигмы в понимании проблем этногенеза, постепенно осуществившийся с приходом в науку методологических принципов постмодернизма, объективно способствовал появлению некоторой растерянности, связанной не только с осознанием принципиальной непознаваемости субъективных аспектов этнического применительно к столь ранней эпохе, но и с признанием дискурсивной обусловленности всех предшествующих моделей формирования хорватского этноса. И лишь при более внимательном взгляде на современную историографическую ситуацию становится понятным, что «деконструкция» прежних этногенетических моделей не только не препятствует дальнейшему поиску, но и позволяет эффективно использовать накопленный поколениями историков опыт, освободив его от тех искусственных прямолинейных конструкций, в которые он был первоначально интегрирован.

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть, что процесс хорватского этногенеза, разворачивавшийся на территории бывшей римской провинции Далмации в VII–IX вв., не может быть адекватно объяснен с помощью долгое время господствовавшей в историографии парадигмы «переселения» или «прихода» хорватов. Само представление о переселении хорватов из закарпатской «Великой Хорватии» в Далмацию было заимствовано историками из появившихся значительно позднее самого «события» нарративных источников, в первую очередь трактата Константина Багрянородного «Об управлении империей». Между тем, вне зависимости от того, датировалось ли переселение хорватов в Далмацию VI в., 20–30-ми гг. VII в. или 90-ми гг. VIII ст., сам тезис о переселении «народа» не только не находит зримых подтверждений ни в письменных, ни в археологических источниках, но и является собой почти начисто лишённую собственно исторического измерения умозрительную конструкцию. Подход к проблеме, предложенный нами в настоящей работе, позволяет, как кажется, дать, на основании тех же самых источников и при максимально бережном отношении к опыту предшествующей историографии, несколько иную и, думается, более адекватную историческим реалиям, картину изменений, условно обозначаемых термином «этногенез».

Как нам представляется, условия для возникновения самостоятельной этнополитической единицы начали складываться

в Далмации еще в правление византийского императора Ираклия, точнее в 630-е гг., когда, в условиях дестабилизации Аварского каганата, какая-то часть местной варварской элиты, порвав с аварской властью, стала ориентироваться на Византию. Эта перемена создала возможность для осуществления в Далмации нового «антиаварского» этногенеза, в авангарде которого, очевидно, оказалась некая гетерогенная группа, генетически связанная с этнокультурной средой далеких от Далмации уголков Евразии. Само по себе это, конечно, не означает того, что именно к этому периоду следует относить формирование хорватской этнополитической общности как таковой. Место хорватской идентичности в начавшем тогда складываться политическом организме вплоть до появления первых достоверных упоминаний о хорватах в IX ст. остается неизвестным. Однако едва ли стоит сомневаться в том, что эмансипация варварской элиты далматинского хинтерланда от аварских властных центров и сближение ее с византийскими городами приморской зоны стали фактором, благоприятствовавшим утверждению новой политической идентичности. О том, что эта идентичность была именно хорватской, можно судить главным образом на основании ретроспекции.

Характер хорватской идентичности в предшествующий, аварский, период остается загадкой. Поддержанная в настоящем исследовании гипотеза о появлении этой групповой идентичности в условиях внутренней борьбы в Аварском каганате (хорватами/хрватами могли называться сторонники Кубрата), разумеется, остается всего лишь гипотезой. Вместе с тем, допуская, что хорватская групповая идентичность могла быть гораздо более древней, необходимо подчеркнуть, что только политизация этой идентичности создала возможность для формирования на ее основе особого этнополитического организма, а первичным толчком для начала такого рода политизации как раз и могли послужить события 630-х гг., когда «аварский мир» (*pax Avarica*) испытал первый серьезный кризис, очевидно, утратив контроль над своими окраинами.

Судьбы хорватских групп за пределами Далмации хорошо показывают, что дальнейшая политизация хорватской идентичности, зависевшая от конкретных социальных условий, по-разному складывавшихся в тех или иных регионах, не была повсеместной. Например, карантанские хорваты так и не смогли стать раннесредневековым «этносом», оставшись на положении социальной или локальной группы, в то время как силезские и карпатские хорва-

ты, судя по существованию в X в. в Силезии и Прикарпатье самостоятельных хорватских политических организмов, в этом явно преуспели. Хотя нарисованная здесь картина в какой-то мере способна оживить старинный историографический тренд, отводивший аварским воинским элитам важную, едва ли не решающую роль в формировании в первоначально акефальном славянском социуме воинского слоя, ставшего впоследствии правящей элитой в древнейших славянских княжествах, представляется совершенно ясным, что в настоящее время, с учетом всего накопленного в медиэвистике материала о характере процессов групповой идентификации в раннесредневековых социумах, акцент должен ставиться не на оппозиции «славяне — авары», предполагающей абсолютизацию этнокультурной специфики в ущерб социальной динамике, а на гетерогенном составе и надлокальном характере идентичности воинского слоя, испытывавшего воздействие аварских традиций.

Итак, подобно тому, как это происходило с рождением «*gentes*» в германском мире, путь для становления хорватской гентильной общности в Далмации открылся с политизацией названия «хорват», то есть с превращением хорватской групповой идентичности в идентичность правящего слоя особой политической единицы. Анализ хорватского предания о переселении, легшего в основу известий о далеком прошлом хорватов, содержащихся в трактате императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», с учетом исторического контекста Далмации VII–IX вв., воссоздаваемого по другим письменным источникам и археологическим материалам, позволяет выделить в процессе формирования хорватской этнополитической общности два важных этапа.

Первый из этих этапов определялся политической эмансипацией первоначальных носителей имени «хорват» от Аварского каганата, второй — все большим дистанцированием хорватской элиты от франкских властных структур во Фриульской марке, закончившимся к середине IX в. формированием хорватского «гентильного королевства». При этом, сопоставляя идеологию хорватской элиты, выраженную в этногенетическом предании, с этнополитической ситуацией VII–IX вв., запечатленной в современных ей источниках, становится возможным понять саму логику конструирования хорватской раннесредневековой этнической идентичности. Элементы хорватской этногенетической традиции, которые, несомненно, должны были отражать значимые для самих хорватов маркеры их идентичности (хорваты как враги и победители авар

и франков; хорваты как христиане, преданные Риму), позволяють в какой-то мере понять механизм этого судьбоносного процесса. Как видно, определяющую роль в нем играли противопоставления «хорваты — авары» и «хорваты — франки».

В самом оформлении подобного этногенетического мифа (*origo gentis Chroatorum*), типологически сходного с этногенетическими традициями других «варварских народов» постримской Европы, нашло отражение придание хорватской групповой идентичности гентильного характера. Хотя, судя по материалам эпиграфики, в IX в. название «хорват» уже прочно закрепилось за политически активной элитой далматинского хинтерланда, лишь с усвоением этнического дискурса, пришедшего из Франкского государства, она смогла представить себя в качестве «народа» в том виде, в каком этот термин понимался в цивилизованном мире. Таким образом, именно вхождение хинтерланда Далмации в сферу политического доминирования империи Каролингов, произошедшее около 800 г., создало условия для превращения носителей элитной поставарской идентичности хорватов в этнополитическую общность *par excellence*. Став частью «франкского мира» (*pax Francica*), хорваты получили возможность занять свое место в кругу европейских «народов» (*gentes*).

Противопоставление варварской элиты Далмации не только аварам, но и франкам, что являлось конституирующей основой новой — хорватской — этнополитической общности, было бы, разумеется, невозможно без вполне осязаемых политических успехов тех, кто стал именовать себя хорватами. В начале IX в. в той части бывшей римской провинции Далмации, которая впоследствии составила территорию Хорватского государства в границах, в каких оно описывается в трактате Константина Багрянородного «Об управлении империей», ясно фиксируются два политических организма. Один из них, расположенный в горной области за Велебитским хребтом, в соответствии с терминологией франкских источников может быть условно обозначен как «*natio Guduscanorum*». Другой политический организм — в районе Книна — представлял собой ядро еще находившейся в процессе кристаллизации хорватской этнополитической единицы. Признав к 818 г. власть книнского (хорватского) правителя, гудусканы сохранили автономный статус в рамках хорватской политики. Волею судеб именно книнская воинская элита оказалась вовлечена в осуществлявшееся франками политико-административное переустройство Далмации,

соответствовавшее амбициозной франкской программе восстановления Римской империи (*renovatio imperii Romani*). В этой связи не только подчинение гудусканов власти книнского правителя, но и расширение границ первичной хорватской политики из Книна в приморскую зону, скорее всего, было связано с тем, что хорваты оказались в авангарде борьбы за включение Далмации в сферу франкского политического контроля.

Окончательная кристаллизация хорватской этнополитической общности стала возможной благодаря ослаблению франкского контроля над Далмацией около 828 г. и складыванию нового очага хорватской потестарности в районе Каштелы. Можно говорить, что к середине IX в., когда дукс хорватов Трпимир приобрел статус чуть ли не полностью самостоятельного правителя, в Далмации уже сформировалось хорватское «гентильное королевство», что находит аналогии в процессах, происходивших в это время и в других пограничных областях империи Каролингов. Таким образом, важнейшим маркером хорватской этничности становится именно политическое лидерство на территории Далмации, господство в областях далматинского хинтерланда. Хорваты этого периода — это прежде всего те, кто позиционирует себя в качестве самостоятельной политической силы как по отношению к аварам, так и по отношению к франкам.

К сожалению, мы не можем узнать, как происходил процесс усвоения хорватской идентичности подконтрольными хорватам общинами автохтонного и славяноязычного населения Далмации, но, судя по всему, он должен был протекать достаточно медленно. Об этническом самосознании населения, подвластного в интересующий нас период хорватам, источники судить не позволяют, а потому у нас, естественно, нет оснований не только приписывать ему хорватскую, славянскую или какую-либо иную этническую идентичность, но и вообще предполагать наличие у него «этнического самосознания» как такового, если, конечно, не считать таковым сознание принадлежности к родственной группе или локальной общине. Вместе с тем нельзя не отметить, что никаких других «племенных» наименований (за исключением занимавших периферийное положение гудусканов) на первоначально контролируемой хорватами территории источниками не зафиксировано, так как не было, по-видимому, и самих «племен», то есть этнополитических организмов, чье существование бы предшествовало оформлению здесь властных структур хорватской политики.

Итак, становление надлокальной политической организации с центром в районе Книна, политическая эмансипация местной элиты от аваров, последующая экспансия книнской политики в приморскую зону, политическая эмансипация от франков — все эти процессы могут рассматриваться в качестве важных факторов политизации хорватской групповой идентичности, а следовательно, превращения ее в такую идентичность, которую с определенными оговорками, учитывающими характер гентильного дискурса в раннее Средневековье, можно считать этнической. В соответствии с этим общая картина процесса, который в настоящей работе именуется этногенезом хорватов, может быть резюмирована следующим образом: утвердившаяся на периферии Аварского каганата, но впоследствии отделившая себя от авар, христианизированная и находившаяся под сильным франкским влиянием, но затем противопоставившая себя франкам, гетерогенная воинская элита далматинского хинтерланда сформировала с течением времени свою особую идентичность, которая в конечном счете и позволила ей, вместе с оказавшимся под ее властью населением Далмации, превратиться как в собственных глазах, так и в глазах наблюдателей извне в «народ хорватов».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВВ – Византийский временник. СПб.; М.
ДГВЕ – Древнейшие государства Восточной Европы. М.
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЗРВИ – Сборник радова Византолошког института. Београд.
ИЗ – Историјски записи. Цетиње.
ИЧ – Историјски часопис. Београд.
ЛПД – Летопис Попа Дукљанина / Ур. Ф. Шишић. Београд; Загреб, 1928.
ПВЛ – Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и коммент. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Петец. 3-е изд. СПб., 2007.
Свод – Свод древнейших письменных известий о славянах. М.
AF – Annales Fuldenses / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1891.
ANU BiH – Akademija nauka i umjetnosti Bosne i Hercegovine. Sarajevo.
ARF – Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895.
BF – Byzantinische Forschungen. Amsterdam.
BZ – Byzantinische Zeitschrift. Leipzig; Berlin; München.
ССР – Croatica Christiana Periodica. Zagreb.
CD – Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Zagrabiae.
ČŠH – Český (Československý) časopis historický. Praha.
Documenta – Documenta historiae croaticaе periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. Zagrabiae, 1877.
EME – Early Medieval Europe.
GRS – Gesta Regum Sclavorum / Ур. Т. Живковић. Београд.
GZM BiH – Glasnik Zemaljskog muzeja Bosne i Hercegovine. Sarajevo.
Gradivo – Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Ljubljana.
HAM – Hortus Artium Mediaevalium. Motovun; Zagreb.

HAZU (JAZU) – Hrvatska (Jugoslavenska) akademija znanosti i umjetnosti. Zagreb.

HČ – Historický časopis. Bratislava.

HZ – Historijski zbornik. Zagreb.

JIČ – Jugoslovenski istorijski časopis. Ljubljana; Zagreb; Beograd.

KH – Kwartalnik Historyczny.

MGH – Monumenta Germaniae Historica.

MMFH – Monumenta Moraviae Fontes Historici. Brunae.

MSSM – Monumenta Spectantia Historiam Slavorum Meridionalium. Zagrabiae.

OA – Opuscula Archaeologica. Zagreb.

PH – Przegląd Historyczny. Warszawa.

PP – Povijesni prilozi. Zagreb.

PS – Pamiętnik Słowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków.

RZHP – Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. Zagreb.

SA – Slavia Antiqua. Poznań.

SAZU – Slovenska akademija znanosti in umjetnosti. Ljubljana.

SHP. Ser. III – Starohrvatska prosvjeta. Serija III. Split.

SMS – Studia Mythologica Slavica. Ljubljana.

SSBP – Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб.

VAPD (VAHD) – Vjesnik za arheologiju i povijest (historiju) dalmatinsku. Split.

ZČ – Zgodovinski časopis. Ljubljana.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. ИСТОЧНИКИ

Издания

Константин Багрянородный. Об управлении империей / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева; пер. Г. Г. Литаврина. — М., 1991.

Klauß H. Historia Salonitana Maior (Посебна издања САНУ. Књ. СССХСІХ. Одељење друштвених наука. Књ. 55). — Београд, 1967.

Летопис Попа Дукљанина / Уредио Ф. Шишић. — Београд; Загреб, 1928.

Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. Тексты, перевод, комментарий. — М., 1993.

Повесть временных лет / Подготовка текста, перевод, статьи и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. — 3-е изд. — СПб., 2007.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I–VI вв.) / Составители Л. А. Гиндин, С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин. — М., 1991; Т. II. (VII–IX вв.) / Составители С. А. Иванов, Г. Г. Литаврин, В. К. Рошин. — М., 1995.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: «Хронография» Феофана, «Бревиарий» Никифора. — М., 1980.

Ančić M. Čedadski evangelijar // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 289–290.

Annales Bertiniani // MGH. Scriptores. Vol. I. — Hannoverae, 1826. — P. 419–515.

- Annales Bertiniani / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1883.
- Annales Fuldenses / Rec. F. Kurze. — Hannoverae, 1891.
- Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze. — Hannoverae, 1895.
- Anonymus*. Vita Hludowici imperatoris / Rec. G. Pertz // MGH. Scriptores. Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 604–648.
- Anonymus*. Vita Hludowici Pii imperatoris // Quellen zur karolingischen Reichsgeschichte / Hrsg. von R. Rau. Bd. I. — Berlin, 1958. — S. 258–380.
- Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. I: Diplomata annorum 743–1100 continens / Redegit Marko Kostrenčić. Collegerunt et digesserunt Jakov Stipišić et Miljen Šamšalović. — Zagrabiae, 1967.
- Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik; Engl. transl. by R. J. H. Jenkins. — Washington, 1967.
- Constantinus Porphyrogenitus*. De cerimoniis aulae byzantinae libri II / E rec. Io. Iac. Reiskii. — Bonnae, 1829.
- Delonga V.* Latinski epigrafički spomenici u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj. — Split, 1996.
- Documenta historiae chroaticae periodum antiquam illustrantia / Collegit, digessit, explicuit Dr F. Rački. (MSSM. Vol. VII). — Zagrabiae, 1877.
- Historia Langobardorum codicis Gothani // MGH. Scriptores rerum Langobardicarum / Ed. G. Waitz. — Hannover, 1878. — P. 5–11.
- Hrvatska kronika / Priredio I. Mužić. — Split, 2001.
- Einhardi* Vita Caroli Magni / / Rec. G. Pertz // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. — Hannoverae, 1845. — T. II. — P. 443–463.
- Einhard*. Vita Caroli Magni / Rec. G. Waitz. — Hannoverae, 1911.
- Gesta Regum Sclavorum / Уредник Т. Живковић. Т. I: Критичко издање приредила и текст превела Д. Кунчер. — Београд, 2009; Т. II: Живковић Т. Коментар. — Београд, 2009.
- Giovanni Diacono*. I storia Veneticorum / Ed. A. L. Berto. — Bologna, 1999.
- Gradivo za zgodovino Slovencev v srednjem veku / Zbral F. Kos. Kn. I (500–801). — Ljubljana, 1902; Kn. II (801–1000). — Ljubljana, 1906.
- Johannes Diaconus*. Chronicon venetum // Cronache veneziane antichissime / Ed. G. Monticolo. Vol. I. — Roma, 1890. — P. 57–171.

Kos M. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum.* — Ljubljana, 1936.

Labuda G. *Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny // Źródła objaśniające początki państwa polskiego. Źródła nordyckie. T. I.* — Warszawa, 1961.

Lambott C. *Oeuvres théologiques et grammaticales de Godescals d'Orbais.* — Louvain, 1945.

Liber Pontificalis / Ed. T. Mommsen. — Berolini, 1898.

Ljetopis Popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika» / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. Hrvatski prijevod latinske redakcije: S. Mencinger i V. Štefanić. — Zagreb, 1950.

Mihaljčić R., Steindorff L. *Namentragende Steininschriften in Jugoslawien vom Ende des 7. bis zur Mitte des 13. Jahrhunderts.* — Wiesbaden, 1982.

Monumenta Moraviae fontes historici. Vol. I: Annales et chronicae. — Brunae, 1966; *Vol. II: Textus biographici, hagiographici, liturgici.* — Brunae, 1967; *Vol. III: Diplomata, epistolae, textus historici varii.* — Brunae, 1969; *Vol. IV: Leges, textus iuridici, supplementa.* — Brunae, 1971.

Mužić I. *Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina.* — Split, 2011.

Nicephori Breviarium / Ed. C. De Boor. — Lipsiae, 1880.

Origo Civitatum Italie seu Venetiarum. Chronicon Altinate et Chronicon Gradense / Ed. R. Cessi. 1933. — Roma, 1933.

Paulus Diaconus. *Historia Langobardorum* / Ed. L. Bethman, G. Waitz. — Hannoverae, 1878.

Sborník staroslovanských literárních památek o sv. Václavu a sv. Ludmile / Vyd. J. Vajs. — Praha, 1929.

Šišić F. *Priručnik izvora hrvatske povijesti. Dio I. Čest 1. (Do god. 1107.).* — Zagreb, 1914.

Thegan. *Vita Hludowici imperatoris* / Rec. G. Pertz // MGH. *Scriptores.* Vol. II. — Hannoverae, 1829. — P. 585–604.

Theophanes Continuatus. *Chronographia* / E rec. I. Bekkeri. — Bonnae, 1838.

Theophanes. *Chronographia* / Rec. C. de Boor. — Lipsiae, 1883. — Vol. I; 1885. — Vol. II.

Toma Arhidakon. *Historia Salonitana: povijest salonitanskih i splitskih prvosvećenika* / Predgovor, latinski tekst, kritički aparat i prijevod na hrvatski jezik Olga Perić. — Split, 2003.

Wolfram H. *Conversio Bagoariorum et Carantanorum. Das Weissbuch der Salzburger Kirche über die erfolgreiche Mission in Karantanien und Pannonien.* — Wien; Köln, 1979.

Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny / Wyd. T. Lewicki. — Wrocław; Warszawa, Kraków, 1956. — T. I; 1969. — T. II. Cz. I; 1977. — T. II. Cz. II.

Źródła hebrajskie do dziejów słowian i niektórych innych ludów Środkowej i Wschodniej Europy / Wyd. F. Kupfer, T. Lewicki. — Warszawa, 1956.

Переводы:

Алексеев С.В. *Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий.* — СПб., 2015.

Византиски извори за историју народа Југославије. Т. II / Обрaдио Б. Ферјанчић. — Београд, 1959.

Грамота князя Трпимира. 852 г. / Пер. В.К. Ронина; под ред. Д.А. Дрбоглава // Москаленко А.Е. Возникновение и развитие феодальных отношений у южных славян. Хорваты и сербы. — М., 1978. — С. 59–61.

Книга Иосиппон / Пер. В.Я. Петрухина, Я.Д. Эйделькинда // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III. Восточные источники. — М., 2009. — С. 170–173.

Љетопис попа Дукљянина / Предговор, пропратни текстови и превод — С. Мијушковић. — Београд, 1988.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / Перевод, статья, комментарии Я. Н. Любарского. — СПб., 1992.

Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступительная статья, перевод, комментарий О.А. Акимовой. — М., 1997.

Branimirova Hrvatska u pismima pape Ivana VIII / Prijevod M. Matijević-Sokol. — Split, 1990.

Izvori za hrvatsku povijest. I. (do g. 1107.) / Uredila: Dr. N. Klaić. — Zagreb, 1955.

Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował J. Leśny. — Warszawa, 1988.

II. ЛИТЕРАТУРА

Акимова О.А. Историческая мысль в Далмации в XIII в. (Хроника Фомы Сплитского). Автореф. дис. к. и. н. — М., 1984.

Акимова О.А. Формирование хорватской раннефеодальной государственности // Раннефеодальные государства на Балканах. VI–XII вв. — М., 1985. — С. 219–249.

Акимова О.А. Развитие средневековых представлений о происхождении хорватов // Этнические процессы в Центральной и Юго-Восточной Европе. — М., 1988. — С. 28–34.

Акимова О.А. Развитие этнического самосознания хорватов в XII–XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. — М., 1989. — С. 130–151.

Акимова О.А. «Господин своего языка»: о попытке строительства государства в Хорватии конца XIII — первой половины XIV века // Славяноведение. — 2013. — № 1. — С. 3–10.

Аликберов А.К. Эпоха классического ислама на Кавказе: Абу-Ба-кр ад-Дарбанди и его суфийская энциклопедия «Райхан ал-ха-ка'ик» (XI–XII вв.). — М., 2003.

Алимов Д.Е. «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 94–116.

Алимов Д.Е. Политика Борны: *Gentes* и *Herrschaft* в Далмации в первой четверти IX века // SSBP. — 2011. — № 1(9). — С. 101–142.

Алимов Д.Е. Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна ([Рец.:] Džino, Danijel. *Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia*. — Leiden; Boston: Brill Academic Publishers, 2010) // SSBP. — 2012. — № 1 (11). — С. 203–226.

Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. Репринтное издание 1914 г. — М., 2003.

Артамонов М.И. История хазар. — 2-е издание. — СПб., 2001.

Ачкасов В.А. Этнополитология. — СПб., 2005.

Бабић В. Хрватске земље у раном феудалном добу // Историја народа Југославије. Књ. I. — Београд, 1953. — С. 169–226.

Банашевич Н. Летопис попа Дукљанина и народна предања. — Београд, 1971.

Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. — М., 2006. — С. 9–48.

Белков П. Л. «Эпос миграций» в системе атрибутов традиционной власти // Символы и атрибуты власти: Генезис, семантика, функции / Отв. ред. В. А. Попов. — СПб., 1996. — С. 63–71.

Бородин О. Р. Славяне в Италии и Истрии в VI–VIII вв. // ВВ. — 1983. — Т. 44. — С. 48–59.

Бромлей Ю. В. Становление феодализма в Хорватии. — М., 1964.

Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. — М., 1973.

Бромлей Ю. В. Этногенез // Народы России. Энциклопедия. — М., 1994. — С. 466.

Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. — Изд. 2-е, доп. — М., 2008.

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер с англ. И. Борисовой. — М., 2012.

Будимир М. Порфиригенит и наша народна традиција // Гласник Српске академије наука. — 1949. — Књ. I. — Бр. 1–2. — С. 243–245.

Бялекова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. — М., 1985. — С. 108–125.

Васильев М. А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси. Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. — М., 1998.

Возний І. Історія досліджень та етапи формування давньоруських міст X–XIII ст. у межиріччі Верхнього Сирету та Середнього Дністра // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — Львів, 2005. — Вип. 9. — С. 297–323.

Войтович Л. В. Слідами білих хорватів // Літопис Червоної Каліни. — 1993. — № 5–6. С. 2–50.

Войтович Л. В. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? // Миколаївщина. Збірник наукових статей. Т. 1. — Львів, 1998. — С. 49–79.

Войтович Л. В. Князівства карпатських хорватів // Етногенез та рання історія слов'ян: нові наукові концепції на зламі тисячоліть. Матеріали Міжнародної наукової конференції. 30–31 березня 2001 року. — Львів, 2001. — С. 195–210.

Войтович Л. В. Карпатські хорвати в етнополітичному розвитку Центрально-Східної Європи раннього середньовіччя // Україна

в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до XVIII ст.). — Київ, 2004. — Вип. 4. — С. 105–132.

Войтович Л. В. «Білі» хорвати чи «карпатські» хорвати? Продовження дискусії // Дрогобицький краєзнавчий збірник. Вип. 8. — Дрогобич, 2004. — С. 38–45.

Войтович Л. В. Карпатские хорваты // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. — 2005. — Вып. 1. — С. 133–146.

Войтович Л. В. Восточное Прикарпатье во второй половине I тыс. н.э. Начальные этапы формирования государственности // *Rossica Antiqua*. 2006. Исследования и материалы. — СПб., 2006. — С. 6–39.

Войтович Л. В. Повертаючись до хорватів Костянтина Багрянородного // Нартекс. *Byzantina Ucrainensis*. Т. 2. 'Ρωμαϊος: Сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана. — Харьков, 2013. — С. 71–101.

Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Пер. Б. П. Миловидова, М. Ю. Некрасова / Под ред. М. Б. Шукина, Н. А. Бондарко и П. В. Шувалова. — СПб., 2003.

Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. — М., 2003.

Гавритухин И. О. Хронология среднеаварского периода. — Донецк, 2002.

Гавритухин И. О. Хронология эпохи становления Хазарского каганата (элементы ременной гарнитуры) // Хазары. — Иерусалим; М., 2005. — С. 378–426.

Гейштор А. Мифология славян / Пер. с польского А. М. Шпирта. — М., 2014.

Горский А. А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В. П., Горский А. А., Ермолова И. Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. — СПб., 2011. — С. 129–180.

Грот К. Я. Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах. — СПб., 1880.

Дзидо Д. «Становиться славянином», «становиться хорватом»: новые направления в исследовании идентичностей позднеантичного и раннесредневекового Иллирика // *SSBP*. — 2008. — № 2 (4). — С. 37–58.

Дмитриев М. В. Проблематика проекта «*Confessiones et nationes*: конфессиональные традиции и протонациональные дискурсы в истории Европы // Религиозные и этнические традиции

в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века — Новое время. — М., 2008. — С. 15–42.

Дринов М. С. Южные славяне и Византия в X веке. — М., 1876.

Ефремов Е. А. Патронимия у хорватов в XI — первой четверти XIII в. // УЗ ВЛГПИ. — 1963. — Вып. 22. — С. 10–22.

Живковић Т. О првим поглављима Летописа попа Дукљанина // ИЧ. — 1998. — Књ. 44. — С. 11–34.

Живковић Т. О северним границама Србије у раном средњем веку // Зборник Матице српске за историју. — 2001. — Књ. 63–64. — С. 7–17.

Живковић Т. Тактикон Успенског и тема Далмација // ИЧ. — 2002. — Књ. 48. — С. 9–44.

Живковић Т. Легенда о Павлимиру Белу // ИЧ. — 2004. — Књ. 50. — С. 9–32.

Живковић Т. Јужни Словени под византијском влашћу 600–1025. — 2. изд. — Београд, 2007.

Живковић Т. Неретљани — пример разматрања идентитета у раном средњем веку // ИЧ. — 2012. — Књ. 61. — С. 11–25.

Залеская В. Н., Львова З. А., Маршак Б. И., Соколова И. В., Фоякова Н. А. Сокровища хана Кубрата. Перещепинский клад. — СПб., 1997.

Заринов Ю. И. Исследование феноменов «этноса» и «этничности»: некоторые итоги и соображения // Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы. — М., 2003. — С. 18–36.

Зимони И. Венгры в Волжско-Камском бассейне? // Finno-Ugrica. — 2000. — № 1. — С. 5–42.

Златарски В. История на българската държава през средните векове. Т. I. Ч. I. — София, 1994.

Измайлов И. Л. Средневековые болгары: этнополитическая и этноконфессиональная общность // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. II. Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань, 2006. — С. 631–649.

Иванов В. В. К этимологии балтского и славянского названия бога грома // Вопросы славянского языкознания. — М., 1958. — Вып. 3. — С. 101–111.

Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. — М., 1974.

Калинин И. К. Восточно-финские народы в процессе модернизации. — М., 2000.

Калинина Т. М. Арабские источники VIII–IX вв. о славянах // ДГВЕ. 1991 г. — М., 1994. — С. 211–224.

Калинина Т. М. Интерпретация некоторых известий о славянах в «Анонимной записке» // ДГВЕ. 2001 г. — М., 2003. — С. 204–216.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. — СПб., 1996.

Кибинь А. С. От Ятвязи до Литвы: Политические и социокультурные трансформации в бассейне Верхнего Немана в X–XIII веках. — М., 2012.

Кибинь А. С. Дулебы в поставарском историко-политическом контексте (новые направления историографии) // Ладога в контексте истории и археологии северной Евразии. Сборник статей памяти Дмитрия Алексеевича Мачинского. — СПб., 2014. — С. 157–165.

Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества. — СПб., 2004.

Клейн Л. С. Этногенез и археология. Т. 1: Теоретические исследования. — СПб., 2013.

Ковачевич J. Од досељења Словена до краја XII вијека // Историја Црне Горе. Књ. I. Од најстаријих времена до краја XII вијека. — Титоград, 1967. — С. 251–429.

Коматина П. Црквена политика Византије од краја иконоборства до смрти цара Василија I. — Београд, 2014.

Конча С. Білі хорвати і населення Українського Прикарпаття у IX–XI ст. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство. — 2011. — Вип. 15. — С. 6–11.

Королюк В. Д. Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского // КСИС. — 1960. — Вып. 29. — С. 3–23.

Корчинский О. М. Городище-гигант в предгорьях Украинских Карпат // Труды V Международного конгресса славянской археологии. — М., 1987. — Т. 3. — С. 11–15.

Корчинский О. М. Мегаліс давніх хорватів на верхньому Дністрі // Актуальні напрямки дослідження Лемківщини: історія, постаті, говір. Матеріали IV Міжнародної наукової конференції (Ужгород, 3–5 травня 2008 р.). — Ужгород, 2008. — С. 225–245.

Корчинский О. М. Ранньосередньовічне місто на Верхньому Дністрі // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. — Львів, 2008. — Вип. 12. — С. 267–282.

Кулишић Ш.; Петровић П. Ж.; Пантелић Н. Српски митолошки речник. — Београд, 1970.

Ляска В. Між Прагою, Києвом та Гнєзно. Zeriuane/zuireani «Географа Баварського»: до проблеми етнопотестарних структур

Волині у ранньому Середньовіччі // Княжа доба: історія і культура. — 2014. — Вип. 8. — С. 9–72.

Майоров А. В. О происхождении этнонима «хорваты»: историко-этимологические заметки // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. — 2006–2007. — Вип. 15. — С. 55–61

Майоров А. В. Великая Хорватия: этногенез и ранняя история славян Прикарпатского региона. — СПб., 2006.

Майоров А. В. Константин Багрянородный о происхождении и ранней истории хорватов: Великая Хорватия и белые хорваты // *Rossica Antiqua: Исследования и материалы.* 2006. — СПб., 2006. — С. 40–73.

Михайлина Л. П. Літописні хорвати у вітчизняній і зарубіжній історіографії // Питання стародавньої та середньовічної історії, археології й етнології. — 1998. — Т. 1. — С. 102–115.

Михайлина Л. П. Населення Верхнього Попруття VIII–X ст. — Чернівці, 1997.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. — М., 2002.

Мулич И. Sklavi(ni)-Σκλαβηνοί и формирование хорватского народа на Балканах // *SSBP.* — 2008. — № 2 (4). — С. 73–93.

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // *ДГВЕ.* 1991. — М., 1994. — С. 5–138.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII веков. — М., 2001.

Науменко В. Е. К вопросу о времени и обстоятельствах образования Хазарского каганата // *Хазарский альманах.* — Киев; Харьков; М., 2004. — Т. II. — С. 52–76.

Наумов Е. П. Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 167–181.

Наумов Е. П. Формирование этнического самосознания древнесербской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. — С. 181–194.

Нидерле Л. Славянские древности / Пер. Т. Ковалевой, М. Хазанова. — М., 2010.

Новаковић Б. Дукља у спису *De administrando imperio* // *ЗРВИ.* — 2012. — Књ. 49. — С. 75–86.

Новаковић Б. Хуми Захумљани у 33. глави списка *De administrando imperio* // *ИЗ.* — 2009. — Год. 82. — Бр. 1–2. — С. 157–166.

Новаковић Р. Тезе за расправу о кнезу Борни // Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор. — Београд, 1971. — Књ. 37. — Св. 3–4. — С. 170–188.

Новаковић Р. Нека запажања о 29. и 30. глави *De administrando imperio* // ИЧ. — 1972. — Књ. 19. — С. 5–54.

Новаковић Р. Да ли су сви Захумљани пореклом Срби? (Поводом рода Михајла Вишевића) // ИЧ. — 1975. — Књ. 22. — С. 19–42.

Новаковић Р. Одакле су Срби дошли на Балканско полуострво (Историјско-географско разматрање). — Београд, 1978.

Новаковић Р. Где се налазила Србија од VII до XII века. — Београд, 1981.

Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси // ДГВЕ. 1998 г. — М., 2000. — С. 264–323.

Овчинников О. Г. Східні хорвати на карті Європи // Археологічні студії. — Київ; Чернівці, 2000. — Вип. 1. — С. 152–162.

Орбини М. Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства / Пер. Ю. Куприкова. — 3-е изд. — М., 2015.

Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). — СПб., 1996.

Пеняк С. І. Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття в VI–XIII ст. — Київ, 1980.

Петрухин В. Я. Мифы финно-угров. — М., 2005.

Петрухин В. Я. «Русь и все языки». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. — М., 2011.

Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры. — Издание 2-е, испр. и доп. — М., 2014.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. — М., 2004.

Пириватрић С. Византијска тема Морава и «Моравије» Константина VII Порфирогенита // ЗРВИ. — 1997. — Књ. 36. — С. 173–201.

Плетерский А. О «the Making of the Slavs» изнутри // SSBP. — 2008. — № 2 (4). — С. 33–36.

Плетерский А. Ранние славяне в Восточных Альпах и на соседних землях // Stratum plus. — 2015. — № 5. — С. 227–248.

Поп Д. И. Раннефеодальные государства Центральной Европы и подкарпатские русины // Карпатские русины в славянском мире: актуальные проблемы. — М.; Братислава, 2009. — С. 231–243.

Прозоров В.Б. Позднеантичная и раннесредневековая история Салонской церкви в отражении анонимной «Салонской истории» («*Historia Salonitana Maior*»). Автореф. дис. к.и.н. — М., 1997.

Пуухиера С. Поријекло назива «Црвена Хрватска» // ИЗ. — 1958. — Год. XI. — Књ. XIV. — Св. 1–2. — С. 179–203.

Пуухиера С. Казивање о Сабору на Дувањском пољу према историји // ИЗ. — 1959. — Год. XII. — Књ. XVI. — Св. 3–4. — С. 3–36.

Радојковић Б. Држава краља Светоцелека и његових потомака // ИЗ. — Год. XV. — Књ. XIX. — Св. 3–4. — С. 399–435.

Радојчић Н. О најтамнијем одељку Барског родослова. — Цетиње, 1951.

Ронин В.К. Светские биографии в каролингское время: «Астроном» как историк и писатель // СВ. — 1983. — Вып. 46. — С. 165–183.

Ронин В.К. Франко-хорватские отношения в трактате Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» // ВВ. — 1983. — Т. 44. — С. 60–67.

Ронин В.К. Славянская политика Людовика Благочестивого: 814–829 гг. // Из истории языка и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы. — М., 1985. — С. 5–33.

Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — Изд. 2-е. — М., 1994.

Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. — М., 2013.

Рыкин П. Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии / Acta Eurasia. — 2002. — № 1(16). — С. 48–84;

Свак Д. «Досовременная нация» в венгерской историографии // Две империи — много национальностей. Материалы венгерско-русского научного семинара (25 июня 2007 г., Санкт-Петербург). — Будапешт, 2007. — С. 7–28.

Седов В.В. Анты // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. — М., 1987. — С. 16–22.

Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. — М., 2002.

Сидоров А.И. Отзвук настоящего: Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. — СПб., 2006.

Сидоров А.И. Анналы королевства франков: прошлое на службе настоящего // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск; Новосибирск, 2010. — № 4 (30). — С. 75–93.

Скворцов Н.Г. Проблемы этничности в социальной антропологии. СПб., 1997.

Смирнов И. Н. Очерк истории Хорватского государства до подчинения его угорской короне. Казань, 1879.

Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. — Изд. 2-е перераб., доп. и исправ. — СПб., 2013.

Станојевих С. О првим главама Дукљанског летописа // Глас Српске краљевске академије. — 1927. — Књ. 126. — С. 91–101.

Тимощук Б. О. Слов'янські гради Північної Буковини. — Ужгород, 1975.

Тимощук Б. А. Восточнославянская община VI–X вв. н.э. — М., 1990.

Тимощук Б. А. Восточные славяне. От общины к городам. — М., 1995.

Томенчук Б. Исторична топографія і фортифікація Ревнянського торгово-стратегічного центру на прутському перехресті транс'європейських шляхів // Археологічні студії. — Київ; Чернівці, 2014. — Вип. 5. — С. 278–288.

Тржештик Д. Возникновение славянских государств в Среднем Подунавье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). — М., 1991. — С. 69–86.

Тржештик Д. Славянские этногенетические легенды и их идеологическая функция // Studia Balcanica, 20. Раннефеодальные славянские государства и народности. — София, 1991. — С. 35–42.

Тржештик Д., Достал Б. Великая Моравия и зарождение Чешского государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). — М., 1991. — С. 87–106.

Толочко А. П. Очерки начальной Руси. — Киев; СПб., 2015.

Ферлуга Ј. Византија и постанак најранијих јужнословенских држава // ЗРВИ. — 1968. — Књ. XI. — С. 55–66.

Ферјанчић Б. Долазак Хрвата и Срба на Балканско полуострво (Осврт на нова тумачења) // ЗРВИ. — 1996. — Књ. 35. — С. 117–150.

Филипчук М. Державотворчі процеси в Українському Прикарпатті у VIII–X ст. // Вісник Інституту археології. — Львів, 2006. — Вип. 1. — С. 58–70.

Флоринский Т. Д. Константин Порфирогенет как писатель о южных славянах перед судом новейшей критики // ЖМНП. — 1881. — Т. 213. — С. 139–170; Т. 215. — С. 300–322.

Флоря Б. Н. Сказание о преложении книг на славянский язык. Источники, время и место написания // Byzantinoslavica. Т. 46 (1). — 1985. — С. 121–130.

Флоря Б. Н. Эволюция социальных и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.). — М., 1991. — С. 190–207.

Флоря Б. Н. Исследования по истории Церкви. Древнерусское и славянское средневековье. — М., 2007.

Хабенская Е. О. Этническая идентичность: подходы к проблеме // Бюллетень Владикавказского института управления. — 2006. — № 20. — С. 57–81.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. — М., 1997.

Щавелев А. С. Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян. — М., 2007.

Alimov D. On the problem of the post-Avar «ethnogenesis»: the 9th century polities of Banat, Crişana, and Transylvania in comparative-historical context // *Transylvanian Review*. — 2012. — Vol. XXI. — No. 3. — P. 83–91; No. 4. — P. 77–96.

Amory P. People and Identity in Ostrogothic Italy, 489–555. — Cambridge, 1997.

Ančić M. Ljetopis kraljeva Hrvatske i Dalmacije (Vrijeme nastanka i autorstvo Hrvatske redakcije Ljetopisa popa Dukljanina) // *ZČ*. — 1990. — Letnik 44. — Št. 4. — S. 521–546.

Ančić M. Od karolinškog dužnosnika do hrvatskoga vladara. Hrvati i karolinško carstvo u prvoj polovici IX. stoljeća // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*. — Zadar, 1998. — Sv. 40. — S. 27–41.

Ančić M. The Waning of the Empire. The Disintegration of Byzantine Rule on the Eastern Adriatic in the 9th Century // *HAM*. — 1998. — Vol. 4. — P. 15–24.

Ančić M. Imperij na zalasku. Nestanak bizantske vlasti na istočnoj obali Jadrana u 9. stoljeću // *Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru*. — 1999. — Sv. 41. — S. 1–20.

Ančić M. Od vladarske curtis do gradskoga kotara. Bijaći i crkva sv. Marte od početka 9. do početka 13. stoljeća // *SHP*. Ser. III. — 1999. — Sv. 26. — S. 189–236.

Ančić M. U osvit novog doba. Karolinško carstvo i njegov jugoistočni obod // *Hrvati i Karolinzi*. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 70–103.

Ančić M. Hrvatska u karolinško doba. — Split, 2001.

Ančić M. Što «svi znaju» i što je «svima jasno». Historiografija i nacionalizam. — Zagreb, 2008.

Ančić M. Zamišljanje tradicije: Vrijeme i okolnosti postanka 30. glave djela *De administrando imperio* // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. — Zagreb, 2010. — Knj. 42. — S. 133–152.

Ančić M. Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo *De administrando imperio* // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. I. Lučić. — Zagreb, 2011. — S. 217–278.

Ančić M. Kako danas čitati studije Franje Račkoga // Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća / Priredio M. Ančić. — Zagreb, 2009. — S. VII–XXXVIII.

Ančić M. Dva teksta iz sredine 14. stoljeća. Prilog poznavanju «društvenog znanja» u Hrvatskom Kraljevstvu // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 155–200.

Antoljak S. Hrvati u Karantaciji. Prilog seobi Hrvata iz Dalmacije u prekosavske krajeve u VII. stoljeću // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. — Скопје, 1956. — Кн. 9. — С. 15–38.

Antoljak S. Da li bi se još nešto moglo reći o hrvatskim knezovima Borni i Ljudevitu Posavskom? // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. — Скопје, 1967. — Кн. 19. — С. 129–139.

Antoljak S. Zadar pod vlašću Istočnih Gota // Zadarska revija. — 1971. — God. XX. — S. 139–146.

Antoljak S. Obnovljeno i nadopunjeno tumačenje jednoga pasusa u 30. glavi Porfirogenetova *De administrando imperio* // Годишен зборник на Филозофскиот факултет на Универзитетот во Скопје. — Скопје, 1979–1980. — Кн. 5–6. — С. 63–86.

Antoljak S. Prvi bojni pohod Hrvata (Slavena) na Sipont (642. god.) // *Adriatica Maritima* Zavoda za povijesne znanosti u Zadru. — Zadar, 1985. — Sv. IV. — S. 5–14.

Antunović Z., Gračanin H. Bizantski car Heraklije I. u hrvatskoj historiografiji // PP. — 2012. — Sv. 43. — S. 9–30.

Aralica V. Genetička otkrića — nova vrela za etnogenezu i povijest Hrvata?! Povodom okruglog stola: Genetička otkrića — nova vrela za etnogenezu i povijest Hrvata?!, Zagreb 11. siječnja 2006. // RZHP. — 2006. — Knj. 38. — S. 299–310.

Bakala J. Severní Chorvatí a Slezsko (Přispěvek k zeměpisu a etnicité středoevropských Slovanů v 9. a 10. století) // Slezský sborník. — 1967. — T. 65. — Č. 3. — S. 364–379.

Bakala J. Bílí Chorvati v proměnách raněstředověké Evropy: labora-
torů netřetřítého enigmatu. — Opava, 2004.

Bálint Cs. Voltak-e Avarok az Adrián? // Споменица Јована
Ковачевића / Ур. Р. Бунарџић, Ж. Микић. — Београд, 2003. — С. 55–60.

Banac I. The redivived Croatia of Pavao Ritter Vitezović // Har-
vard Ukrainian Studies. — 1986. — Vol. 10. — Nr. 3–4. — P. 492–507.

Barada M. Dvije publikacije Jože Rusa // Bogoslovska smotra. —
Zagreb, 1932. — God. XX. — S. 497–505.

Barada M. Dvije naše vladarske isprave // Croatia sacra. — 1937. —
Vol. VII. — S. 1–96.

Barada M. Dalmatia Superior // Rad JAZU. — 1949. — Knj. 270. —
S. 93–113.

Barada M. Hrvatska dijaspora i Avari // SHP. Ser. III. — Split,
1952. — Sv. 2. — S. 7–17.

Barada M. Hrvatski vlasteoski feudalizam po Vinodolskom za-
konu. — Zagreb, 1952.

Basić I. Neka pitanja tekstualne transmisije izvora Porfirogenetovih
poglavlja o Dalmaciji // RZHP. — 2012. — Knj. 44. — S. 175–196.

Basić I. Željko Rapanić octogenarius. Spomenica povodom osam-
desete godišnjice života i pedesetpete obljetnice znanstvenog rada //
Minuscula in honorem Željko Rapanić: zbornik povodom osamdeset-
tog rođendana / Ур. М. Јурковић, А. Милошевић. — Zagreb; Motovun,
2012. — S. 13–42.

Basić I. Poleogeneza Splita na razmeđu antike i ranog srednjeg vije-
ka. Disertacija. — Zagreb, 2013.

Basić I. Dalmatinski biskupi na crkvenom saboru u Hijereji 754. go-
dine // Spalatumque dedit ortum. Zbornik povodom desete godišnjice
Odsjeka za povijest Filozofskog fakulteta u Splitu / Uredili I. Basić,
M. Rimac. — Split, 2014. — S. 149–195.

Basić I. Diocletian's villa in late antique and early medieval historiog-
raphy: a reconsideration // HAM. — 2014. — Vol. 20/1. — SP. 63–76.

Behcicki J. Wokól problematyki etnogenezy Białej Chorwacji //
PS. Rok 1986/1987. T. XXXVI/XXXVII. — S. 247–257.

Bekić L. Keramika praškog tipa u Hrvatskoj // Stjepan Gunjača
i hrvatska srednjovjekovna povijesno-arheološka baština II. — Split
2012. — S. 21–35.

Belaj V. Hod kroz godinu. Pokušaj rekonstrukcije prahrvatskoga
mitskoga svjetonazora. — 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. — Zagreb, 2007.

Belaj V., Belaj J. Sveti trokuti. Topografija hrvatske mitologije. — Za-
greb, 2014.

Belošević J. Materijalna kultura Hrvata od VII. do IX. stoljeća. — Zagreb, 1980.

Belošević J. Osvrt na karolinške mačeve tipa H sa šireg područja Dalmatinske Hrvatske // Prilozi Instituta za arheologiju u Zagrebu. — Zagreb, 2007. — Sv. 24. — S. 405–418.

Belošević J. Starohrvatsko groblje na Ždrijacu u Ninu. — Zadar, 2007.

Beuc I. Još o problemu formiranja feudalnih država u Južnih Slavena // Radovi Instituta za hrvatsku povijest. — Zagreb, 1976. — Sv. 8. — S. 65–165.

Bilogriović G. Čiji kontinuitet? Konstantin Porfirogenet i hrvatska arheologija o razdoblju 7–9. stoljeća // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. — Zagreb, 2010. — Knj. 42. — S. 37–48.

Blažević Z. Vitezovićeve Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652. –1713.). — Zagreb, 2002.

Blažević Z. Ilirizam prije ilirizma. — Zagreb, 2008.

Blažević Z. Intertekstualni odnosi između Orbinijeva Kraljevstva Slavena i latinskih historiografskih djela Pavla Rittera Vitezovića // RZHP. — 2011. — Vol. 43. — S. 97–112.

Boba I. «Abodriti qui vulgo Praedenecenti vocantur» or «Marvani Praedenecenti» // Palaeobulgarica. — 1984. — Vol. VIII. — Nr. 2. — P. 29–37.

Bogović M. Od kneza Gačana do Mikule u Otočcu // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 9–24.

Bohusz-Siestrzencewicz S. Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves. T. I–IV. — St. Pétersbourg, 1812.

Bohusz-Siestrzencewicz S. Précis des recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves. T. I–IV. — St. Pétersbourg, 1824.

Boller B. Gottschalk d'Orbais de Fulda à Hautvillers: une dissidence. — Paris, 2004.

Bóna I. Das erste Auftreten der Bulgaren im Karpatenbecken // Studia Turco-Hungarica. — Budapest, 1981. — Vol. 5. — S. 104–107

Borri F. Gli Istriani e i loro parenti. Φράγγοι, Romani e Slavi nella periferia di Bisanzio // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. — 2010. — Bd. 60. — S. 1–25.

Borri F. White Croatia and the arrival of the Croats: an interpretation of Constantine Porphyrogenitus on the oldest Dalmatian history // EME. — 2011. — Vol. 19 (2). — P. 204–231.

Borri F. Arrivano i barbari a cavallo! Foundation myths and origins gentium in the Adriatic Arc // Post-Roman Transitions. Christian and Barbarian Identities in the Early Medieval West / Ed. by W. Pohl and G. Heydemann. — Turnhout, 2013. — P. 215–270.

Bowlus C.R. Ethnogenesis Models and the Age of Migrations: a Critique // Austrian History Yearbook. — 1995. — Vol. XXVI. — P. 147–164.

Bowlus C.R. Ethnogenesis: the tyranny of a concept // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 241–256.

Brather S. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte. — Berlin; New York, 2004.

Brather S. Ethnizität und Mittelalterarchäologie. Eine Antwort auf Florin Curta // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. — 2011. — Bd. 39. — S. 161–172.

Brković M. Diplomatička analiza Trpimirove i Muncimirove isprave: U počast Mihe Barade // PP. — 2011. — Sv. 41. — S. 85–129.

Brown T.S., Bryer A., Winfield D. Cities of Heraclius // Byzantine and Modern Greek Studies. — 1978. — Vol. IV (Essays presented to Sir Steven Runciman). — P. 30–38.

Budak N. Die südslawischen Ethnogenesen an der östlichen Adriaküste im frühen Mittelalter // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 129–136.

Budak N. Prva stoljeća Hrvatske. — Zagreb, 1994.

Budak N. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 73–78.

Budak N. Pokršćavanje Slavena i neki problemi crkvene organizacije // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 127–136.

Budak N. Slavic ethnogenesis in modern Northern Croatia // Slovenija in sosednje dežele med antiko i karolinško dobo. Začetke slovenske etnogeneze / Ur. R. Bratož. — Ljubljana, 2000. — S. 395–402.

Budak N. Karlo Veliki. Karolinzi i Hrvati. — Split, 2001.

Budak N. Hrvati u ranom srednjem vijeku // Povijest Hrvata. Knj. 1: Srednji vijek. — Zagreb, 2003. — S. 49–79.

Budak N. Identities in early medieval Dalmatia (seventh — eleventh century) // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. — Turnhout, 2008. — P. 223–241.

Budak N. Kako se doista s jugonostalgičarskih pozicija može negirati hrvatska povijest ili o knjizi Johna V. A. Fine Ml. *When Ethnicity did not Matter in the Balkans. A Study of Identity in Pre-Nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the Medieval and Early-Modern Periods*, Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2006. 652 str. // RZHP. — 2009. — Knj. 41. — S. 487–495.

Budimir M. Arheološka topografija Kninske općine // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv.15). — Zagreb, 1992. — S. 23–32.

Bulić F. Sull' anno della distruzione di Salona // *Bulletino di archeologia e storia dalmata*. — 1906. — Vol. XXIX. — P. 268–304.

Bulín H. Podunajští «Abodriti»: Příspěvek k dějinám podunajských Slovanů v 9. století // *Slovanské historické studie*. — Praha, 1960. — T. III. — S. 5–44.

Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). Vol. II. — London, 1889.

Burić T. Villa sancti Georgii de Putalio // *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. — 1984. — Sv. 14. — S. 305–324.

Burić T. Perunovo brdo (*monte Borun*) — prilog poznavanju poganske slavenske toponimije u Kaštelima // *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. — 2011. — Sv. 38. — S. 59–82.

Bury J. B. A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene (395–800). Vol. II. — London, 1889.

Bury J. B. The treatise De administrando imperio // *BZ*. — 1906. — Bd. 15. — S. 517–577.

Busuladžić A. Rimske vile u Bosni i Hercegovini. — Sarajevo, 2011.

Bužančić R. Rađanje srednjovjekovne arhitekture iz antičkih korijena na otocima srednje Dalmacije // *Starohrvatska spomenička baština*. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 339–348.

Bužančić R. Toma Arhidakon i njegove vijesti o Ivanu Ravenjaninu // *Toma Arhidakon i njegovo doba*. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. –27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 269–286.

Bužančić R. Quelques chantiers de construction du VIIe siècle aux environs de Salone, après la chute de la ville // *HAM*. — 2003. — Vol. 9. — P. 195–204.

Bystrický P. Longobardský králi 488–572 // *Vojenska historia*. Časopis pre vojensku historiu, muzejnictvo a archivnictvo. — Bratislava, 2007. — Roč. 11 (2). — S. 3–21.

Cipek T. Oblikovanje hrvatskog nacionalnog identiteta. Primordijalni identitetski kod u ranoj hrvatskoj političkoj misli // *Dijalog povjesničara-istoričara* / Ur. I. Graovac, H. — G. Fleck. — Zagreb, 2001. — S. 59–75.

Crnković N. Hrvati za narodnih vladara. Puti i stranputice. — Novalja, 2007.

Curta F. Slavs in Fredegar and Paul the Deacon: Medieval *Gens* or «Scourge of God»? // *EME*. — 1997. — Nr. 6. — P. 141–167.

Curta F. Medieval archaeology and ethnicity: where are we? // *History Compass*. — 2001. — Vol. 9. — P. 537–548.

Curta F. The making of the Slavs: history and archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. — Cambridge, 2001.

Curta F. Barbarians in Dark-Age Greece: Slavs or Avars? // *Civitas Divino-Humana*. In honorem annorum LX Georgii Bakalov. — София, 2004. — P. 513–550.

Curta F. The Slavic *lingua franca* (linguistic notes of an archeologist turned historian) // *East Central Europe*. — 2004. — Vol. 31. — P. 125–148.

Curta F. Southeastern Europe in the Middle Ages, 500–1250. — Cambridge, 2006.

Curta F. Some remarks on ethnicity in medieval archaeology // *EME*. — 2007. — Vol. 15. — Nr. 2. — P. 159–185.

Curta F. The making of the Slavs: between ethnogenesis, invention, and migration // *SSBP*. — 2008. — № 2 (4). — C. 155–172.

Curta F. A note on trade and trade centers in the Eastern and Northern Adriatic region between the eighth and the ninth century // *HAM*. — 2010. — Vol. 16. — P. 267–276.

Curta F. Emperor Heraclius and the conversion of the Croats and Serbs // *Medieval Christianitas. Different Regions, «Faces», Approaches* / Ed. by Ts. Stepanov and G. Kazakov (*Mediaevalia Christiana*, 3). — София, 2010. — C. 121–138.

Curta F. Etnicitet u ranosrednjovjekovnoj arheologiji: Primjer ranoslavenskih nalaza u jadranskoj regiji // *SHP*. Ser. III. — 2010. — Sv. 37. — S. 17–50.

Curta F. The early Slavs in the Eastern and Northern Adriatic region. A critical approach // *Archeologia Medievale*. — 2010. — Vol. XXXVII. — P. 307–329.

Curta F. The elephant in the room. A reply to Sebastian Brather // *Ephemeris Napocensis*. — 2013. — Vol. 23. — P. 163–174.

Ćurić M.N. Staroiransko podrijetlo Hrvata. — Zagreb, 1991.

Čremošnik I. Istraživanja u Mušićima i Žabljaku i prvi nalaz najstarijih slavenskih naselja kod nas // GZM. — 1970. — Knj. XXV. — S. 45–117.

Čremošnik I. Ranoslavensko naselje Jazbine u Batkoviću kod Bijeljine // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. — 1977. — Knj. 13. — S. 227–308.

Čremošnik I. Nalazi prvih ranoslavenskih naselja u Bosni i Hercegovini // ZČ. — 1981. — Letnik 35. — Št. 1–2. — S. 93–99.

Dabinović A. Državnopravni odnos Hrvata prema istočnom carstvu // Rad JAZU. — 1941. — Knj. 270. — S. 49–148.

Daim F. Archaeology, ethnicity and the structures of identification: the example of the Avars, Carantanians and Moravians in the eighth century // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). — Leiden, 1998. — P. 71–93.

Demo Ž. Istočnogotski novci Dalmacije // // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 169–179.

Ditten H. Bemerkungen zu den ersten Ansätzen zur Staatsbildung bei Kroaten und Serben im 7. Jh. // Beiträge zur byzantinischen Geschichte im 9. — 11. Jahrhundert. — Praha, 1978. — S. 441–462.

Dümmler E. Über die älteste Geschichte der Slawen in Dalmatien. (549–928.) // Sitzungsberichte der philosophisch–historischen Classe der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. — Wien, 1856. — Bd XX. — S. 353–430.

Dümmler E. Über die südöstlichen Marken des fränkischen Reiches unter den Karolingern (795–907) // Archiv für die Kunde österreicher Geschichtsquellen. — Wien, 1853. — Bd. X. — S. 314–393.

Dvornik F. The Slavs: their early history and civilization. — Boston, 1956.

Dzino D. «Biti», «Činiti» i «Žnati»: Multietničnost hrvatskog identiteta u ranom srednjem vijeku (Predgovor uz knjigu hrvatska povijest devetoga stoljeća Ivana Mužića) // Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — Split, 2006. — S. 5–20.

Dzino D. Varljivi tokovi slavenskih identiteta: F. Curta, «The making of the Slavs» // Diadora. — 2007. — Sv. 22. — S. 385–392.

Dzino D. «Becoming Slav», «becoming Croat»: new approaches in the research of identities in post-Roman Illyricum // HAM. — 2008. — Vol. 14. — P. 195–206.

Džino D. Novi pristupi izučavanju ranog hrvatskog identiteta // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. — Zagreb, 2009. — Knj. 41. — S. 33–54.

Dzino D. Becoming Slav, becoming Croat: identity transformations in post-Roman and early medieval Dalmatia. — Leiden, 2010.

Džino D. Pričam ti priču: ideološko-narativni diskursi o dolasku Hrvata u De administrando imperio // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. – Zagreb, 2010. – Knj. 42. – S. 153–165.

Džino D. Local knowledge and wider contexts: stories of the arrival of the Croats in De Administrando Imperio in the past and present // Byzantium, its neighbours and its cultures / Ed. by Danijel Džino and Ken Parry (Byzantina Australiensia 20). – Sydney: Australian Association for Byzantine Studies, 2014. – P. 89–104.

Džino D. Od Bizanta do Zapada: *Hrvati i Karolinzi* kao promjena paradigme u istraživanju ranosrednjovjekovne Hrvatske // 4. Gunjačini dani. Međunarodni znanstveni skup «Hrvati i Karolinzi: Petnaest godina poslije». Split, 17. –18. rujna 2015. godine. Program i sažetci predavanja. – Split, 2015. – S. 54–55.

Farlati D. Illyricum sacrum. T. II. Ecclesia Salonitana. Venetiis, 1753; T. III. Ecclesia Spalatensis olim Salonitana. – Venetiis, 1765.

Filipec K. Guduscani 9. stoljeća između kneza Borne i kneza Ljudevita // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. – Zagreb; Otočac, 2012. – S. 69–82.

Fine J. V. A. Croats and Slavs: theories about the historical circumstances of the Croats' appearance in the Balkans // BF. – 2000. – Bd 26. – S. 205–218.

Fine J. V. A. When ethnicity did not matter in the Balkans: a study of identity in pre-nationalist Croatia, Dalmatia, and Slavonia in the medieval and early-modern periods. – Ann Arbor, 2006.

Floramo A. Istis verotemporibus sicut ab antiquo: Le categorie dello spazio e del tempo nell'Opera dell'Arcidiacono Tommaso // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. –27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. – Split, 2004. – S. 119–128.

Flusser G. Zpráva o Slovanech v hebrejské kronice // ČsČH. – 1947–1948. 48–49. – S. 60–85.

Fokt K. Serbowie w najdawniejszym podziale Słowiańszczyzny // SA. – 2003. – T. 44. – S. 9–32.

Fokt K. Chorwacja północna – między rzeczywistością, hipotezą i legendą // AAC. – 2003. – T. 38. – S. 137–155.

Fokt K. Biali Chorwaci w Karantanii // Studenckie zeszyty historyczne. – Kraków, 2004. – Z. V. – S. 11–22.

Fokt K. Śladami etnicznej stratygrafii, czyli u źródeł zachodniej połowy Słowiańszczyzny // Wędrownica i etnogeneza w starożytności i w średniowieczu / Red. M. Salamon, J. Strzelczyk. – Kraków, 2010. – S. 269–289.

Gelichi S., Calaon D. Flourishing places in North-Eastern Italy: towns and emporia between late antiquity and the Carolingian age // *Post-Roman Towns. Trade and Settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1: The Heirs of the Roman West* / Ed. by J. Henning. — Berlin; New York, 2007. — P. 77–104.

Gibson D.B. Chiefdom confederacies and state origins // *Social Evolution and History*. — Vol. 10. — No. 1. — P. 215–233.

Gillett A. Was ethnicity politicized in the earliest medieval kingdoms? // *On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 85–121.

Gillett A. Ethnogenesis: a contested model of early medieval Europe // *History Compass*. — 2006. — Vol. 4. — P. 241–260.

Gluhak A. Porijeklo imena Hrvat. — Zagreb, 1990.

Goetz H. — *W.* Gens, kings and kingdoms: the Franks // *Regna et gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the transformation of the Roman world* / Ed. by H. — *W.* Goetz, J. Jarnut and *W.* Pohl; with the collaboration of *S.* Kaschke. — Leiden; Boston, 2003. — P. 40–73.

Goetz H. — *W.* Regna et gentes: conclusion // *Regna et gentes: the relationship between late antique and early medieval peoples and kingdoms in the transformation of the transformation of the Roman world* / Ed. by H. — *W.* Goetz, J. Jarnut and *W.* Pohl; with the collaboration of *S.* Kaschke. — Leiden; Boston, 2003. — P. 597–628.

Goffart W. The narrators of barbarian history (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon. — Princeton (N.J.), 1988.

Goffart W. Does the distant past impinge on the Invasion Age Germans? // *On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages* / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 21–37.

Goldstein I. O latinskim i hrvatskim naslovima hrvatskih vladara do početka 12. stoljeća // *HZ*. — 1983. — God. XXXVI (1). — S. 15–30.

Goldstein I. Ponovno o Srbima u Hrvatskoj u 9. stoljeću. *HZ*. — 1984. — God. XXXVII (1). — S. 235–246.

Goldstein I. Bizant na Jadranu. — Zagreb, 1992.

Goldstein I. Uloga Bizanta u procesu etnogeneze Hrvata u IX. stoljeću // *Etnogeneza Hrvata* / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 105–109.

Goldstein I. Hrvatski rani srednji vijek. — Zagreb, 1995.

Goldstein I. Hrvati, hrvatske zemlje i Bizant. — Zagreb, 2003.

Gracanin H. Huni i južna Panonija // *Scrinia Slavonica*. — 2005. — Sv. 5. — S. 9–47.

Gracanin H. Goti i južna Panonija // *Scrinia Slavonica*. — 2006. — Sv. 6. — S. 83–126.

Gracanin H. «Od Hrvata pak koji su stigli u Dalmaciju odvojio de jedan dio i zavladao Ilirikom i Panonijom»: Razmatranja uz DAI c. 30, 75–78 // *Povijest u nastavi*. — Zagreb, 2008. — Vol. VI. — No. 11 (1). — S. 67–76.

Gracanin H. Južna Panonija u kasnoj antici i ranom srednjovjekovlju (od konca 4. do konca 11. stoljeća). — Zagreb, 2011.

Gracanin H. Guduskani / Guduščani — Gačani: promišljanja o etnonimu Gačani i horonimu Gacka u svjetlu ranosrednjovjekovnih narativa i suvremenih historiografskih tumačenja // *Gacka u srednjem vijeku*. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 49–68.

Gracanin H. Bugari, Franci i južna Panonija u 9. stoljeću. Reinterpretacija povijesnih izvora // *Hrvati i Bugari kroz stoljeća: Povijest, kultura, umjetnost i jezik*. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog u Zagrebu i Đakovu, 23. –24. rujna 2010. / Uredili D. Karbić i T. Luetić. — Zagreb, 2013. — S. 3–22.

Gracanin H. Ethnicity and migrations in the late antique and early medieval Middle Danube region: Examples linking the areas of modern Croatia and Slovakia // *Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780)* / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. — Bratislava; Zagreb, 2013. — P. 43–48.

Grafenauer B. Nekaj vprašanj iz dobe naseljevanja južnih Slovanov // *ZČ*. — 1950. — Letnik IV. — Št. 4. — S. 23–126.

Grafenauer B. [Rec.:] Ljudmil Hauptmann. Hrvatsko praplemstvo // *ZČ*. — 1951. — Letnik V. — S. 374–375.

Grafenauer B. Prilog kritici izvještaja Konstantina Porfirogeneta o doseljenju Hrvata // *HZ*. — 1952. — God. V. — Br. 1–2. — S. 1–56.

Grafenauer B. Vprašanje konca Kocljeve vlade v Spodnji Panoniji // *Zgodovinski časopis*. — 1952–1953. — Letnik VI–VII (Kosov zbornik). — S. 171–190.

Grafenauer B. Odgovor // *ZČ*. — 1954. — Letnik VIII. — S. 174–176.

Grafenauer B. Razmerje med Slovani in Obri do obleganja Carigrada (626) in njegove gospodarsko-družbene podlage // *ZČ*. — 1955. — Letnik IX. — S. 145–153.

Grafenauer B. Vprašanja županov, «Hrvatov» in ustoličevanja koroških vojvod // *Naša sodobnost*. — 1955. — Letnik 3. — Št. 11–12. — S. 1125–1146.

Grafenauer B. Sklabarhontes = «gospodarji Slovanov» ili «slovanski knazi» // *ZČ*. — 1955. — Letnik IX. — S. 202–219.

Grafenauer B. Hrvati u Karantaniji // HZ. — 1959. — God. XI–XII. — S. 207–231.

Grdešić M. Pavao Ritter Vitezović, nacionalni identitet i politička znanost // Politička misao. — 2003. — Vol. XL. — Br. 4. — S. 145–162.

Grégoire H. L'origine et le nom des Croats et des Serbes // Byzantion. — 1945. — Vol. 17. — P. 88–118.

Grégoire H. L'origine et le nom des Croates et leur prétendue patrie caucasienne // La Nouvelle Clio. — 1952. — Vol. 4. — P. 322–323.

Grégoire H. Le prétendue habitat Caucasiens des Serbes et des Croates // La Nouvelle Clio. — 1953. — Vol. 5. — P. 466–467.

Grmek M. D. Dva filozofa, Gottschalk i Hasdai Ibn Šaprut, o Hrvatima u vrijeme narodnih vladara // Prilozi za istraživanje hrvatske filozofske baštine. — Zagreb, 1994. — God. XX. — Br. 1–2 (39–40). — S. 435–448.

Gross M. Vijek i djelovanje Franje Račkog. — Zagreb, 2004.

Guldescu S. History of medieval Croatia. — The Hague, 1964.

Gulin A. Uloga i čast Toma Arhiđakona u Splitskom kaptolu // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25.–27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 29–38.

Gumplowicz L. Die politische Geschichte der Serben und Kroaten // Politisch-Anthropologische Revue. — Eisenach; Leipzig, 1902/1903. — S. 779–789.

Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Vienac. — Zagreb, 1903. — Br. XXXV. — S. 286–293.

Gumplowicz Lj. Politička povijest Srba i Hrvata // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 183–192.

Gumplowicz M. Presbiter Diocleas. Pop Dukljanin (Zapiska z teki pozgonnej Maksymiliana Gumplowicza) // Przegląd Historyczny. — 1909. — T. 8. — Nr. 3. — S. 257–268.

Gunjača S. Ispravci i dopune starijoj hrvatskoj historiji. Knj. I. Izvori (Analiza i kritika). — Zagreb, 1973.

Gunjača Z. Groblje u Dubravcima kod Skradina i druga groblja 8–9. stoljeća u Dalmaciji // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 159–168.

Gušić B. Naseljenje Like do Turaka // Lika u prošlosti i sadašnjosti. — Karlovac, 1973. — S. 15–84.

Hadžijahić M. Povijest Bosne u IX i X stoljeću. — Sarajevo, 2004.

Hauptmann Lj. Mejna grofija spodnjepanonska // Razprave znanstvenega društva za humanistične vede v Ljubljani. — 1923. — Kn. 1. — S. 311–357.

Hauptmann Lj. Dolazak Hrvata // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17). — Zagreb, 1925. — S. 86–127.

Hauptmann Lj. Karantanska Hrvatska // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17). — Zagreb, 1925. — S. 297–317.

Hauptmann Lj. Koje su sile hrvatske povijesti odlučivale u vrijeme narodne dinastije // Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17). — Zagreb, 1925. — S. 165–187.

Hauptmann Lj. Konstantin Porfirogenit o porijeklu stanovništva dubrovačkoga zaleđa // Zbornik iz dubrovačke prošlosti: Milanu Rešetaru o 70-oj godišnjici života prijatelji i učenici. — Dubrovnik, 1931. — S. 17–24.

Hauptmann Lj. Kroaten, Goten und Sarmaten // Germanoslavica. — 1935. — Vol. III. — S. 95–127, 315–353.

Hauptmann Lj. Seoba Hrvata i Srba // JIČ. — 1937. — Br. 3. — S. 30–61.

Hauptmann Lj. Podrijetlo hrvatskoga plemstva // Rad HAZU. — 1942. — Knj. 273. — S. 19–112.

Hauptmann L. Popravek // ZČ. — 1954. — Letnik VIII. — S. 173–174.

Hauptmann Lj. Staroslovenska družba in obred na knežjem kamnu. — Ljubljana, 1954.

Hauptmann Lj. Replika // ZČ. — 1955. — Letnik IX. — S. 201–202.

Havlík L. E. Územní rozsah Velkomoravské říše v době posledních let vlády krále Svatopluka (Světopluka) (K problematice vzájemných vztahů středoevropských Slovanů v 9. století) // Slovanské Štúdie. Roč. III. Št. 16. Príspevky k medzislovenským vzťahom v československých dejinách. — Bratislava, 1960. — S. 9–77.

Havlík L. E. Slované v anglosaské chorografii Alfréda Velikého // Vznik a počátky Slovanů. — 1964. — R. 5. — S. 53–85.

Havlík L. E. Panonie ve světle franských pramenů 9. století. Ke konfrontaci pramenů s novějším řešením některých otázek // SA. — 1970. — Vol. 17. — S. 1–36.

Havlík L. E. Dukljanská kronika a Dalmatská legenda. (Rozpravy Československé Akademie v d. Řada společenských věd. Ročník 86. Sešit 2). — Praha, 1976.

Heather P. J. Ethnicity, group identity, and social status in the Migration period // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I. H. Garipzanov, P. J. Geary, and P. Urbańczyk. — Turnhout, 2008. — P. 17–49.

Hedeager L. The creation of Germanic identity. A European origin myth // Frontières d'Empire. Nature et signification des frontières romaines / Ed. par P. Brun, S. Van der Leeuw, C. Whittaker. — Nemours, 1993. — P. 121–132.

Hedeager L. Cosmological endurance: pagan identities in early Christian Europe // *Journal of European Archaeology*. — 1998. — Vol. 3. — P. 383–397.

Hedeager L. Migration period Europe: the formation of a political mentality // *Rituals of power: from Late Antiquity to the Early Middle Ages* / Ed. by F. Thews and J. L. Nelson. (The Transformation of the Roman World. Vol. 8). — Leiden; Boston; Köln, 2000. — P. 15–57.

Heyduk J. Źródła do tzw. etnogenezy Chorwatów dalmatyńskich w świetle nowej literatury // *SA*. — 2003. — T. 44. — S. 33–51.

Homza M.; et al. Svatopluk v europskom pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy. — Bratislava, 2013.

Howard-Johnston J. The De administrando imperio: a re-examination of the text and a re-evaluation of its evidence about the Rus // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997* / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckermann. — Paris, 2001. — P. 301–336.

Howard-Johnston J. Byzantine sources for Khazar history // *The World of the Khazars: New perspectives: Selected papers from the Jerusalem 1999 International Khazar Colloquium* / Ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai and A. Rona-Tas. — Leiden, 2007. — P. 163–193.

Howorth H. The Spread of the Slavs. Part IV. The Bulgarians // *The Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. — 1882. — Vol. XI. — P. 219–267.

Jagić V. Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen // *Archiv für slavische Philologie*. — 1895. — Bd. XVII. — S. 47–87.

Jakšić N. Constantine Porphyrogenitus as the source for destruction of Salona // *VAHD*. — 1984. — Knj. 77. — S. 315–326.

Jarak M. Zapažanja o grobljima 8. i 9. st. u Dalmaciji // *OA*. 2002. Vol. 26. S. 247–255.

Jarnut J. Die langobardische ethnogenese // *Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1* / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 97–102.

Jelić L. Dvorska kapela sv. Križa u Ninu (Djela JAZU. Knj. 19). — Zagreb, 1911.

Jelovina D. Glavne značajke starohrvatske materijalne kulture od 7. do 12. stoljeća na području između rijeka Zrmanje i Cetine // *SHP*. — Ser. III. — 1986. — Sv. 16. — S. 25–50.

Jelovina D. Starohrvatske nekropole na području između rijeka Zrmanje i Cetine. — Split, 1976.

Jenkins R.J.H. Introduction // *Constantine Porphyrogenitus*. De administrando imperio. Vol. II: Commentary. By F. Dvornik, R. J. H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. — London, 1962. — P. 1–8.

Jones S. The Archaeology of Ethnicity. Constructing Identities in the Past and Present. — London; New York, 1997.

Jurić I. Podrijetlo Hrvata — Genetički dokazi autohtonosti. — 2. dopunjeno izd. — Zagreb, 2013.

Jurišić K. Fra Lujo Marun osnivač starohrvatske arheologije. — Split, 1979.

Jurković I. Vrhrički i hlivanjski plemeniti rod Čubranića do sredine 15. stoljeća. Njihov društveni položaj, prostorni smještaj i gospodarska moć // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. — 2006. — Sv. 24. — S. 25–69.

Ivanišević M. Povijesni izvori // Starohrvatski Solin. — Split, 1992. — S. 31–87.

Ivanišević M. Otok hrvatskoga vladara // Tusculum. — 2008. — Vol. 1. — S. 109–124.

Ivić N. Domišljanje prošlosti. Kako je trinaestostoljetni splitski arhiđakon Toma napravio svoju Salonitansku historiju. — Zagreb, 1992.

Ivić N. Dosezi sjećanja i zaborava: pad Salone i naseljavanje Splita u Tome Arhiđakona // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. —27. rujna 2000. godine u Splitu / Ur. M. Matijević-Sokol, O. Perić. — Split, 2004. — S. 129–142.

Kalhous D. Anatomy of a duchy. The political and ecclesiastical structures of early Přemyslid Bohemia. — Leiden; Boston, 2012.

Karatay O. Hirvat Ulusunun Oluşumu: Erken Ortaçağ'da Türk-Hırvat İlişkileri. — Ankara, 2000.

Karatay O. Oğur Connection in the Migration of Croats and Serbs // The Turks / Ed. by O. Karatay et al. — Ankara, 2002. — Vol. I. — P. 553–561.

Karatay O. In search of the lost tribe: The origins and making of the Croatian nation. — Çorum, 2003.

Karbić D. Hrvatski plemićki rod i običajno pravo. Pokušaj analize // Zbornik Odsjeka za povijesne znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. — 1998. — Sv. 16. — S. 73–117

Karbić D. Zlatni vijek Bribira // Hrvatska revija. — 2007. — God. VII. — Br. 2. — S. 12–19.

Kasperski R. Problem etnogenezy Gotów w ujęciu Herwiga Wolframa: Refleksje nad metodą // Kwartalnik historyczny. — 2011. — Rocznik 118. — Z. 3. — S. 399–430.

Kasperski R. Teodoryk Wielki i Kasjodor. Studia nad tworzeniem «tradycji dynastycznej Amalów». — Kraków, 2013.

Katić L. Saksonac Gottschalk na dvoru kneza Trpimira. — Zagreb, 1932.

Katičić R. «Bog Hrvata» u Konstantina Porfirogeneta // Zbornik u čast Petru Skoku o stotoj obljetnici rođenja (1881–1956). — Zagreb, 1985. — S. 237–247.

Katičić R. Filološka razmatranja uz izvore o začecima hrvatske države // SHP. Ser. III. — 1986. — Sv. 16. — S. 77–92.

Katičić R. Vetustiores ecclesiae spalatensis memoriae // SHP. Ser. III. — 1987. — Sv. 17. — S. 17–51.

Katičić R. Pretorijanci kneza Borne // SHP. Ser. III. — 1990. — Sv. 20. — S. 65–83.

Katičić R. Počeci hrvatske povijesti kao filološki problem // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 140–143.

Katičić R. O podrijetlu Hrvata // Hrvatska i Europa: kultura, znanost i umjetnost. Sv. I / Ur. I. Supićić. — Zagreb, 1997. — S. 149–167.

Katičić R. Ime, podrijetlo i jezik Hrvata (Etnogeneza hrvatskoga naroda) // Povijest Hrvata. Knj. I. Srednji vijek. — Zagreb, 2003. — S. 39–46.

Katičić R. Toma Arhiđakon i hrvatska povijest // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. — 27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 105–117.

Katičić R. Božanski boj — tragovima svetih pjesama naše pretkršćanske starine. — Zagreb; Mošćenička Draga, 2008.

Kelemina J. Popa Dukljanina «Libellus Gothorum» (I–VII). Studija o starogermanskih spominih v naši zemlji // Etnolog. — Ljubljana, 1939. — Knj. XII. — S. 15–35.

Kelemina J. Goti na Balkanu // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 81–95.

Klaić N. Postanak plemstva dvanaestero plemena kraljevine Hrvatske // HZ. — 1959. — God. XI–XII. — S. 14–64.

Klaić N. O Trpimirovoj darovnici kao diplomatskom i historijskom dokumentu // VAHD. — 1960. — Sv. LXII. — S. 105–155.

Klaić N. Marginalia uz problem doseljenja Hrvata // Hauptmannov zbornik (Razprave SAZU. Knj. V). — Ljubljana, 1966. — S. 19–35.

Klaić N. Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku. — 2. izd. — Zagreb, 1975.

Klaić N. O problemima stare domovine, dolaska i pokrštenja dalmatinskih Hrvata // ZČ. — 1984. — Letnik 38. — S. 253–270.

Klaić N. Najnoviji radovi o 29, 30. i 31. poglavlju u djelu De administrando imperio cara Konstantina VII. Porfirogeneta // SHP. Ser. III. — 1985. — Sv. 15. — S. 31–60.

Klaić N. Poganska Stara ili Vela Hrvatska cara Konstantina Porfirogeneta // CCP. — 1988. — God. XII. — Br. 21. — S. 49–62.

Klaić N. Srednjovjekovna Bosna: Politički položaj bosanskih vladara do Tvrtkove krunidbe. — Zagreb, 1989.

Klaić V. Hrvatska plemena od XII. do XVI. stoljeća // Rad JAZU. — 1897. — Knj. 130. — S. 1–85.

Klaić V. Povijest Hrvata od najstarijih vremena do svršetka XIX stoljeća. Knj. I. — Zagreb, 1899.

Klaić V. Građa za topografiju ličko-krbavske županije u srednjem vijeku // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1902. — Sv. 6. — Br. 1. — S. 1–31.

Klaić V. Crvena Hrvatska i Crvena Rusija // Hrvatsko kolo. — Zagreb, 1927. — Knj. VIII. — S. 112–134.

Klaić V. Građa za topografiju i historiju Hlivanjske županije i grada Hlivna // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1928. — Sv. 15. — Br. 1. — S. 13–24.

Klaić V. Hrvati i Hrvatska. Ime Hrvat u povijesti slavenskih naroda. — Split, 1991.

Klika M. Pannonia as a space and the importance of Pribina in the integration process of the Pannonian area into the Frankish empire // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. — Bratislava; Zagreb, 2013. — P. 49–59.

Kolak T., Šušnjić D. Novi ranosrednjovjekovni nalazi iz Gacke // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 83–94.

Komatina P. The Slavs of the mid-Danube basin and the Bulgarian expansion in the first half of the 9th century // ЗРВИ. — 2010. — Књ. 47. — С. 55–82.

Komatina P. The Church in Serbia at the time of Cyrilo-Methodian mission in Moravia // Cyril and Methodius: Byzantium and the world of the Slavs. International scientific conference. — Thessaloniki, 2015. — P. 711–718.

Korošec J. Ostava brončanih matrica za otiskivanje u Biskupiji kod Knina // SHP. Ser. III. — 1958. — Sv. 6. — S. 29–42.

Kos M. O bolgarskem knezu Alcioku in slovenskem knezu Valuku // Šišićev zbornik. — Zagreb, 1929. — S. 251–256.

Košćak V. Pripadnost istočne obale Jadrana do splitskih sabora 925–928. // HZ. — 1980–81. — God. XXXIII–XXXIV (1). — S. 291–355.

Košćak V. O nekim pitanjima hrvatske povijesti u ranom srednjem vijeku // HZ. — 1984. — God. XXXVII (1). — S. 211–234.

Košćak V. Dolazak Hrvata // HZ. — 1987. — God. XL(1). — S. 339–383.

Košćak V. Irska teorija o podrijetlu Hrvata // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 110–116.

Kotlarczyk J. Siedziby Chorwatów wschodnich // AAC. — 1971. — T. XII. — Fasc. 1–2. — S. 161–188.

Kovačić S. Toma Arhiđakon, promicatelj crkvene obnove, i splitski nadbiskupi, osobito njegovi suvremenici // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. –27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 41–70.

Kožić M. U spomen Jurju Šižgoriću povodom petstote obljetnice njegova djela «O smještaju Ilirije i o gradu Šibeniku» // Etnološka tribina. — 1987. — Sv. 10. — S. 69–76.

Kranjčević M. O Gackoj (prilog jezičnom i povijesnom istraživanju pojma pokrajine i rijeke Gacke) // Grad Otočac. — Otočac, 1998. — Sv. 4. — S. 121–154.

Kranjčević M. Regija Gacka od samih početaka u hrvatskoj povijesti pa sve do suvremenosti // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 307–366.

Krause H. L. Res Slavorum in imperiorum occidentalis et orientalis confinio habitantium saeculo IX. Pars I. — Berolini, 1854.

Kronsteiner O. Gab es unter den Alpenslaven eine kroatische ethnische Gruppe? // Wiener Slavistisches Jahrbuch. — Wien, 1978. — Bd 24. — S. 137–157.

Krznarić M. Gačani i knez Borna // Grad Otočac. — Otočac, 2003. — Sv. 7. — S. 49–70.

Kunstmann H. Wer waren die Weisskroaten des byzantinischen Kaisers Konstantinos Porphyrogenetos? // Die Welt der Slaven. Bd 29 (1). — S. 111–122.

Kuntić-Makvić B. Podrijetlo Hrvata prema Matiji Petru Katančiću u njegovu opisu Podunavlja (Budim 1798) // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 61–72.

Kuntić-Makvić B. Područje rimskog Ilirika uoči dolaska Hrvata // Povijest Hrvata. Knj. I: Srednji vijek / Ur. F. Šanjek. — Zagreb, 2003. — S. 5–38.

Kurelac M. Povijesni zapis nazvan «Anonimna kronika» u rukopisu naučne biblioteke u Zadru // HZ. — 1970–1971. — God. XXIII–XXIV. — S. 363–374.

Kurelac M. Ivan Lučić Lucius. Otac hrvatske historiografije. — Zagreb, 1994.

Labuda G. Pierwsze państwo słowiańskie. Państwo Samona. — Poznań, 1949.

Labuda G. Studia nad początkami państwa polskiego. — Poznań, 1988. — T. II.

Labus N. Tko je ubio vojvodu Erika? // Radovi Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Zadru. — 2000. — Sv. 42. — S. 1–16.

Lajoye P. There is no «Perun in the Caucasus»... but maybe an ancient Iranian thunder demon // Studia Mythologica Slavica. — 2012. — Vol. XV. — P. 179–184.

Lanović M. Ustavno pravo Hrvatske narodne države // Rad JAZU. — 1938. — Knj. 265. — S. 167–242; 1939. — Knj. 266. — S. 1–92.

Laušić A. Pripadnost i uloga srednjovjekovnih Poljica u vrijeme hrvatskih narodnih vladara // RZHP. — 1989. — Sv. 22. — S. 23–48.

Leciejewicz L. Legendy etnogenetyczne w świecie słowiańskim // SA. — 1990. — T. XXXII. — S. 129–144.

Leśny J. Wstęp // Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował Jan Leśny. — Warszawa, 1988. — S. 5–58.

Lešny J. Studia nad początkami Serbskiej monarchii Nemaniczów (połowa XI — koniec XII wieku). — Wrocław, 1989.

Levak M. Slaveni vojvode Ivana. Kolonizacija Slavena u Istri u početnom razdoblju franačke uprave. — Zagreb, 2007.

Levak M. Žminj i Žminjština u ranom srednjem vijeku // Libri žminjski. Liber II / Ur. S. Krajcar. — Žminj, 2008. — S. 41–53.

Lewicki T. S-w-nt-b-lk arabskiej «Relacji anonimowej» (2 poł. IX w.) i jego «zastępcą» // Liber Josepho Kostrzewski octogenario a veneratōribus dicatus. — Wrocław, 1968. — S. 363–376.

Liebeschuetz W. The debate about the ethnogenesis of the Germanic tribes // From Rome to Constantinople: studies in honour of Averil Cameron / Ed. by H. Amirav and Bas ter Haar Romeny. — Leuven, 2007. — P. 341–355.

Lončar M. Porfirogenetovi Avari — pripovijest i povijest // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejsaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 121–126.

Lončar M. O Porfirogenetovoj Dalmaciji // Diadora. 1990. Sv. 12. S. 391–400.

Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // *Diadora*. — 1992. — Sv. 14. — S. 375–448.

Lovrić A. — Ž. Prof. dr. Josip Mikoczy-Blumenthal (1734–1800), pionir hrvatske iranistike i njegovi sljedbenici // *The Old Iranian origin of Croats / Ur. A.* — Ž. Lovrić. — Teheran, 1999. — S. 49–55.

Lucius I. De regno Dalmatiae et Croatiae libri sex. — Amstelodami, 1666.

Lučić I. O kraljevstvu Dalmacije i Hrvatske / Priredila i prevela Bruna Kuntić-Makvić. — Zagreb, 1986.

Lysý M. Moravia, Mojmirovci a Franská říša. Štúdie k etnogenéze, politickým inštitúciám a ústavnému zriadeniu na území Slovenska vo včasnóm stredoveku. — Bratislava, 2014.

Łowmiański H. Początki Polski. Z dziejów słowian w I tysiącleciu n. e. T. II. — Warszawa, 1964; T. IV. — Warszawa, 1970; T. VI. — Warszawa, 1974.

Madgearu A. Geneza și evoluția voievodatului bănățean din secolul al X-lea // *Studii și Materiale de Istorie Medie*. — 1998. — Vol. 16. — P. 191–207.

Madunić D. Strategies of distinction in the work of Vinko Pribojević // Whose love of which country? Composite states, national histories and patriotic discourses in Early Modern East Central Europe / Ed. by B. Trencsényi and M. Zászkaliczky. — Leiden; Boston, 2010. — P. 177–202.

Mandić D. Crvena Hrvatska u svjetlu povijesnih izvora. — 3. upotpunjeno izd. — Chicago; Rim, 1973.

Mandić D. Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti. — Rim, 1963.

Mandić O. Bratstvo u ranosrednjovjekovnoj Hrvatskoj // *HZ*. — 1952. — God. V. — Br. 3–4. — S. 225–298.

Marasović K., Marasović T. Naseljavanje Dioklecijanove palače // *Minuscula in honorem Željko Rapanić: zbornik povodom osamdesetog rođendana / Ur. M. Jurković, A. Milošević*. — Zagreb; Motovun, 2012. — S. 93–113.

Marasović T. Bijaći u svjetlu proučavanja ranosrednjovjekovnih vladarskih rezidencija // *SHP. Ser. III*. — 1999. — Sv. 26. — S. 331–359.

Marčinko M. Tragovima hrvatskog imena // *Gavran Z. Moja Hrvatska. Zemljom kroz prostor i vrijeme*. — II. izd. — Zagreb, 1993. — S. 19–25.

Margetić L. Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata // *Zbornik Historijskog zavoda JAZU*. — Zagreb, 1977. — Vol. 8. — S. 5–88.

Margetić L. Marginalije uz rad V. Koščaka «Pripadnost istočne obale...» // *HZ*. — 1983. — God. XXXVI (1). — S. 255–286.

Margetić L. Još o dolasku Hrvata // HZ. — 1985. — God. XXXVIII. — S. 227–240.

Margetić L. Još o pitanju vremena dolaska Hrvata // ZČ. — 1988. — Letnik 42. — S. 234–240.

Margetić L. Noviji pogledi na stariju povijest Vinodola, Krka i Senja // Zbornik Pravnog fakulteta u Rijeci. — 1988. — Sv. 9. — S. 1–19.

Margetić L. Ugovor Mletaka i italskih gradova contra generationes Sclavorum (840.) // HZ. — 1988. — God. XLI (1). — S. 217–235.

Margetić L. Branimirov natpis iz 888. i međunarodni položaj Hrvatske // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. — Zagreb, 1990. — God. 40. — Br. 1. — S. 17–37.

Margetić L. Nekoliko napomena o etnogenezi jugoslavenskih naroda // Rad JAZU. — 1990. — Knj. 451. — S. 1–11.

Margetić L. O nekim pitanjima naše ranosrednjovjekovne povijesti // ZČ. — 1990. — Letnik 44. — S. 119–124.

Margetić L. Istra 751–791. // CCP. — 1992. — God. 16. — Br. 30. — S. 1–10.

Margetić L. Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. God. 30. Br. 1. — Split, 1993. — S. 47–51.

Margetić L. Antička Tarsatica i počeci Rijeke // Rijeka. — 1994. — Sv. 1. — S. 29–34.

Margetić L. Historia Salonitana i Historia Salonitana Maior — neka pitanja // HZ. — 1994. — God. XLVII (1). — S. 1–36.

Margetić L. Neka pitanja prijelaza vlasti nad Istrom od Bizanta na Franke // Acta Histriae. — Koper, 1994. — Vol. II. — S. 5–24.

Margetić L. Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 144–147.

Margetić L. Neka pitanja etnogeneze Hrvata // RZHP. — 1995. — Knj. 28. — S. 19–56.

Margetić L. Srednjovjekovna Slavonija — jedno od vrela hrvatske državnosti // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. — Zagreb, 1995. — Vol. 45. — Br. 2. — S. 137–158.

Margetić L. O interpretaciji nekih vrela hrvatske pravne povijesti devetog stoljeća // Zbornik Pravnog fakulteta u Zagrebu. — Zagreb, 2000. — Vol. 50. — Br. 1–2. — S. 183–205.

Margetić L. Dolazak Hrvata = Ankuft der Kroaten. — Split, 2001.

Margetić L. Krsni list hrvatske države (Trpimirova darovnica) i međunarodni položaj hrvatske države narodnih vladara // Starine. — 2002. — Knj. 62. — S. 1–42.

Margetić L. Najnovija literatura o tzv. seobi Hrvata // Rad HAZU. — 2002. — Knj. 485. — S. 77–128.

Margetić L. Povezanost strukture hrvatskog društva i političkih odnosa u srednjem vijeku (do pojave staleža) // Rad HAZU. — 2003. — Knj. 487. — S. 1–150.

Margetić L. O Borni, vojvodi Gačana // Zbornik biskupa Mile Bogovića (Prošlost obvezuje. Povijesni korijeni Gospićko-Senjske biskupije) / Ur. F. E. Hoško. — Rijeka, 2004. — S. 87–101.

Margetić L. Vidljive i manje vidljive poruke Tomine Historia Salonitana // Toma Arhiđakon i njegovo doba. Zbornik radova sa znanstvenog skupa održanog 25. –27. rujna 2000. godine u Splitu / Uredile M. Matijević-Sokol i O. Perić. — Split, 2004. — S. 13–19.

Margetić L. Etnogeneza Slavena // Rad HAZU. — 2005. — Knj. 492. — S. 89–143.

Marin E. Kontinuitet i diskontinuitet u Naroni // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 101–104.

Markotić V. Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats // Mandićev zbornik. U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života. — Rim, 1965. — S. 11–37.

Marović I. O godini razorenja Salone // VAPD. — 2006. — Knj. 99. — S. 253–273.

Marušić J. B. O poljičkim Tugarima u Trpimirovoj darovnici i supetarском kartularu // Crkva u svijetu. — 1974. — Sv. 9. — Br. 1. — S. 97–103.

Matijašić R. Povijest hrvatskih zemalja u kasnoj antici od Dioklecijana do Justinijana. — Zagreb, 2012.

Matijević Sokol M. Toma Arhiđakon i njegovo djelo: rano doba hrvatske povijesti. — Jastrebarsko, 2002.

Matijević Sokol M. 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj. Znanstveni skup, Pula, 8. —12. listopada 2002. / Odgovorni ur. D. Komšo (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 25). — Zagreb, 2010. — S. 8–18.

Matijević Sokol M., Sokol V. Hrvatska i Nin u doba kneza Branimira. II. dopunjeno izdanje. — Zagreb, 2005.

Mayer A. [Rec.:] Jože Rus, Kralji dinastije Svevladičev // Nastavni vjesnik. — 1932/1933. — Knj. XLI. — Sv. 1–3. — S. 79–85.

McKitterick R. Constructing the past in the early Middle Ages: the case of the Royal Frankish Annals // Transactions of the Royal Historical Society. — London, 1997. — Vol. 7. — P. 101–129.

McKitterick R. Political ideology in Carolingian historiography // Uses of the Past in the early Middle Ages / Ed. by Y. Hen and M. Innes. — Cambridge, 2000. — P. 162–174.

- Medini J.* Provincia Liburnia // Diadora. — 1980. — Sv. IX. — S. 363–444.
- Medini M.* Kako je postao Ljetopis popa Dukljanina // Rad HAZU. — 1942. — Knj. 273. — S. 113–156.
- Mikić Ž.* Beitrag zur Anthropologie spätrömischer bis spätmittelalterlicher Bevölkerungen Jugoslawiens // Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH. — 1984. — Knj. XXII. — Br. 2. — S. 5–109.
- Mikoczy J.* Otorum Croatiae liber unus. — Budae, 1806.
- Mikkola J. J.* Avarica // Archiv für slavische Philologie. — Berlin, 1927. — Bd 41. — S. 158–160.
- Milošević A.* Porijeklo i datiranje keramičkih posuda u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji // Diadora. — 1990. — Br. 12. — S. 339–347.
- Milošević A.* Die spätantike territoriale und kulturelle Kontinuität in der frühmittelalterlichen Cetinagegend // HAM. — 1995. — Vol. I. — S. 169–175.
- Milošević A.* Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije // Diadora. — 1989. — Sv. 11. — S. 347–359.
- Milošević A.* Komanski elementi i pitanje kasnoantičkog kontinuiteta u materijalnoj kulturi ranosrednjovjekovne Dalmacije // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 97–104.
- Milošević A.* O kontinuitetu kasnoantičkih proizvoda u materijalnoj kulturi ranoga srednjeg vijeka na prostoru Dalmacije // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 37–41.
- Milošević A.* Sinj i Cetina u starohrvatsko doba. — Split, 1996.
- Milošević A.* Arheološka topografija Cetine. — Split, 1998.
- Milošević A.* Prva ranosrednjovjekovna skulptura iz crkve Sv. Marte u Bijaćima // SHP. Ser. III. — 1999. — Sv. 26. — S. 237–263.
- Milošević A.* Karolinški utjecaji u Hrvatskoj kneževini u svjetlu arheoloških nalaza // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. — Split, 2000. — S. 106–139.
- Milošević A.* Rezultati izložbe «Hrvati i Karolinzi» // SHP. Ser. III. — 2000. — Sv. 27. — S. 301–309.
- Milošević A.* Crkva Sv. Marije, mauzolej i dvori hrvatskih vladara u Biskupiji kraj Knina. — Split, 2002.
- Milošević A.* Jesu li prilozi u grobovima ranog srednjeg vijeka u Dalmaciji posljedica poganskog obreda sahranjivanja? // Histria Antiqua. — Pula, 2005. — Sv. 13. — S. 457–460.
- Milošević A.* Gramatika prostora uz rijeku Cetinu // Dalmatinska zagora — nepoznata zemlja. — Zagreb, 2007. — S. 95–113.

Milošević A. Križevi na obložnicama ranosrednjovjekovnih grobova u okolici Sinja. — Dubrovnik; Split, 2008.

Milošević A. Ponovo o nalazima «komanskog» obilježja u Dalmaciji // Godišnjak ANUBiH. — 2009. — S. 97–119.

Milošević A. O ostavštini kasnoantičkih starosjeditelja u ranosrednjovjekovlju Dalmacije // Scripta Branimiro Gabričević dicata / Ur. J. Dukić, A. Milošević. — Trilj, 2010. — S. 283–295.

Milošević A. Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // SHP. Ser. III. — 2013. — Sv. 40. — S. 127–134.

Milošević A. Tragovi starih vjerovanja u kršćanstvu ranoga srednjeg vijeka. — Dubrovnik; Split, 2013.

Moisl H. Anglo-Saxon royal genealogies and Germanic oral tradition // Journal of Medieval History. — 1981. — Vol. 7. — P. 215–248.

Morović H. Anonimna splitska kronika. — Split, 1962.

Mošin V. Uvod // Ljetopis Popa Dukljanina. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika» / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin. Hrvatski prijevod latinske redakcije: S. Mencinger i V. Štefanić. — Zagreb, 1950. — S. 11–36.

Murray A. C. Reinhard Wenskus on «ethnogenesis», ethnicity, and the origin of the Franks // On barbarian identity: critical approaches to ethnicity in the Early Middle Ages / Ed. by A. Gillett. — Turnhout, 2002. — P. 39–68.

Mužić I. Podrijetlo Hrvata. — Zagreb, 1989.

Mužić I. Goti ili Sklavi i nastajanje hrvatske države u Liburniji i među Dalmatima // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 7–80.

Mužić I. Slaveni, Goti i Hrvati na teritoriju rimske provincije Dalmacije. — 4. prerađeno i dopunjeno izd. — Split, 1996.

Mužić I. Hrvati i autohtonost: na teritoriju rimske provincije Dalmacije. — 7. izd. — Split, 2001.

Mužić I. Hrvatska kronika od 547. do 1089. // Hrvatska kronika / Priredio I. Mužić. — Split, 2001. — S. 14–20.

Mužić I. Doseljenje, smještaj i pokršćavanje Hrvata prema izvorišta // Hrvatska povijest. — Split, 2002. — S. 7–69.

Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 2. dopunjeno izd. — Split, 2007.

Mužić I. Hrvatska povijest devetoga stoljeća. — 3. dopunjeno izd. — Split, 2011.

Mužić I. Bijeli Hrvati u banskoj Hrvatskoj i županijska Hrvatska // SHP. Ser. III. — 2010. — Sv. 37. — S. 259–292.

- Mužić I.* Hrvatski vladari od sredine VI. do kraja IX. stoljeća. – 2. dopunjeno izd. – Split, 2013.
- Nahtigal R.* Donesek k zgodovini vprašanja o imenu Hrvat // *Etnolog.* – Ljubljana, 1937–1939. – Knj. X–XI. – S. 383–413.
- Nicol D. M.* Byzantium and Venice: a study in diplomatic and cultural relations. – Cambridge, 1992.
- Niederle L.* Slovanské starožitnosti. D. II. – Praha, 1906.
- Novaković R.* Baltički Sloveni u Beogradu i Srbiji. – Beograd, 1985.
- Omašić V.* Povijest Kaštela: od početaka do kraja XVIII stoljeća. – Split, 1986.
- Orbini M.* Kraljevstvo Slavena / Prevela S. Husić; priredio i uvodnu studiju napisao F. Šanjek. – Zagreb, 1999.
- Pavičić S.* Seobe i naselja u Lici. (Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. 41. Antropogeografska istraživanja. Vol. III.). – Zagreb, 1962.
- Peisker J.* Die älteren Beziehungen der Slawen zu Turko-Tataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung. – Berlin, 1905.
- Peisker J.* The expansion of the Slavs // *The Cambridge Medieval History* / Ed. by H. M. Gwatkin and J. P. Whitney. Vol. II. – Cambridge, 1913. – P. 418–458.
- Perić O.* Jezični slojevi Trpimirove isprave // *Жива антика.* – Скопје, 1984. – Год. 34. – Т. 1–2. – С. 165–170.
- Peričić E.* Sclavorum Regnum Grgura Barskog: Ljetopis Popa Dukljanina. – Zagreb, 1991.
- Pertusi A.* L'iscrizione torcellana ai tempi di Eraclio // *ЗРВИ.* – 1964. – Књ. 8. – С. 317–339.
- Peřich L.* Slezsko, přehled národnostního vývoje. – Praha, 1945.
- Petković D.* Hrvatsko ime u srednjovjekovnoj Slavoniji – prema nekoliko primjera u diplomatskim izvorima od 13. do 15. stoljeća // *SHP.* Ser. III. – 2006. – Sv. 33. – S. 243–281.
- Petrinec M.* Dosadašnji rezultati istraživanja ranosrednjovjekovnog groblja u Glavicama kraj Sinja kao prilog razrješavanju problema kronologije starohrvatskih grobalja // *OA.* – 2002. – Vol. 26. – S. 205–246.
- Petrinec M.* «Komanski privjesci» i pojasni jezičac s Bribirske Glavice // *SHP.* Ser. III. – 2007. – Sv. 34. – S. 79–87.
- Petrinec M.* Groblja od 8. do 11. stoljeća na području ranosrednjovjekovne hrvatske države. – Split, 2009.
- Pleterski A.* The trinity concept in the Slavonic ideological system and the Slavonic spatial measurement system // *Światowit.* – 1995. – Vol. 40. – S. 113–143.

Pleterski A. Strukture tridelne ideologije v prostoru pri Slovanih // ZČ. — 1996. — Letnik 50. — Št. 2. — S. 163–185.

Pleterski A. Mitska stvarnost koroških knežjih kamnov // ZČ. — 1996. — Letnik 50. — Št. 4. — S. 481–534.

Pleterski A. Lepi, grdi, zli. O metodih, Liburniji, Karantaniji, vojvodskem stolu, Konverziji in Brižinskih spomenikih // ZČ. — 1998. — Letnik 52. — Št. 2. — S. 232–242.

Pleterski A. Kulturni genom: prostor in njegovi ideogrami mitične zgodbe. — Ljubljana, 2014.

Pohl W. Das Awarenreich und die «kroatischen» Ethnogenesen // Die Bayern und ihre Nachbarn. T. I. / Hrsg. von H. Wolfram und A. Schwarz. — Wien, 1985. — S. 293–298.

Pohl W. Die Awaren. Ein Steppenvolk in Mitteleuropa, 567–822 n. Chr. — München, 1988.

Pohl W. Conceptions of ethnicity in Early Medieval Studies // Archaeologia Polona. — 1991. — Vol. 29. — P. 39–49.

Pohl W. Osnove hrvatske etnogeneze: Avari i Slaveni // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 86–96.

Pohl W. Ethnic names and identities in the British Isles: a comparative perspective // The Anglo-Saxons from the Migration period to the eighth century. An ethnographic perspective / Ed. by J. Hines. — P. 7–31.

Pohl W. Introduction: strategies of distinction // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz (The Transformation of the Roman world. Vol. 2). — Leiden, 1998. — P. 1–15.

Pohl W. Telling the difference: Signs of ethnic identity // Strategies of distinction: the construction of ethnic communities, 300–800 / Ed. by W. Pohl and H. Reimitz. — Leiden, 1998. — P. 17–69.

Poláček L. Ninth-century Mikulčice: the «market of the Moravians»? The archaeological evidence of trade in Great Moravia // Post-Roman towns, trade and settlement in Europe and Byzantium. Vol. 1. The heirs of the Roman West / Ed. by J. Henning. — Berlin, 2007. — P. 499–524.

Preveden F. R. A History of the Croatian People. In 2 volumes. Vol. I: Prehistory and early period until 1397 A. D. — New York, 1955.

Pritsak O. The Slavs and the Avars // Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo. Vol. XXX: Gli Slavi occidentali e meridionali nell'alto medioevo. — Spoleto, 1983. — P. 353–435.

Pritsak O. Kroatien und Kroaten während des neunten Jahrhunderts: Das Entstehen einer christlichen Nation // Počeci kršćanskog

i društvenog života u Hrvata od VII. do kraja IX. stoljeća. Drugi međunarodni simpozij o crkvenoj povijesti u Hrvata. Split, 30. rujna – 5. listopada 1985. – Split, 1990. – S. 23–39.

Prvanović Sv. M. Ko je bio hrvatski knez Borna (Da li je poreklom iz Istočne Srbije)? // Rad JAZU. – 1957. – Knj. 311. – S. 301–310.

Rački F. Ocjena starijih izvora za hrvatsku i srbsku poviest srednjega vijeka // Književnik. Časopis za jezik i poviest hrvatsku i srbsku, i prirodne znanosti. – Zagreb, 1864. – God. I. – Sv. 1. – S. 35–77; Sv. 2. – S. 199–227; Sv. 3. – S. 358–388; Sv. 4. – S. 544–562.

Rački F. Biela Hrvatska i Biela Srbija // Rad JAZU. – 1880. – Knj. 52. – S. 141–189.

Rački F. Hrvatska prije XII. vijeka glede na zemljišni obseg i narod // Rad JAZU. – 1881. – Knj. 56. – S. 63–140; Knj. 57. – S. 102–149.

Rački F. K. Grot i T. Florinskij o Konstantinu Bagrenorodnomu // Rad JAZU. – 1881. – Knj. 59. – S. 201–218.

Rački F. Nutarnje stanje Hrvatske prije XII. stoljeća // Rad JAZU. – 1884. – Knj. 70. – S. 153–190; 1886. – Knj. 79. – S. 134–184; 1888. – Knj. 91. – S. 125–180; 1890. – Knj. 99. – S. 73–128; 1891. – Knj. 105. – S. 203–238; 1893. – Knj. 115. – S. 37–67; 1893. – Knj. 116. – S. 173–213.

Radojević D. Smisao sporova nekih istoričara oko izvora za staru crnogorsku istoriju // Ars. – Cetinje, 1987. – Br. 1. – S. 41–46.

Radoman A. Gesta Regum Sclavorum nova historiografska mistifikacija // Matica (Cetinje). – 2013. – God. 14. – Br. 53. – S. 103–124.

Rambaud A. L' Empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète. – Paris, 1870.

Rapanić Ž. A contribution to the study of continuity of inhabitation on the ager Salonitanus in the early Middle Ages // Balcanoslavica (Прилеп). – 1978. – Vol. 6. – P. 43–59.

Rapanić Ž. Prilog proučavanju kontinuiteta naseljenosti u salonitanskom ageru u ranom srednjem vijeku // VAHD. – 1980. – Sv. 74. – S. 189–217.

Rapanić Ž. Marginalia o «postanku» Dubrovnika // Arheološka istraživanja u Dubrovniku i dubrovačkom području. Znanstveni skup, Dubrovnik, Dubrovnik, 1–4. X. 1984 / Ur. Ž. Rapanić (Izdanja Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 12). – Zagreb, 1988. – S. 39–50.

Rapanić Ž. Solinska epizoda europske povijesti // VAHD. – 1992. – Sv. 85. – S. 91–116.

Rapanić Ž. Od carske palače do srednjovjekovne općine. – Split, 2007.

- Rapanić Ž.* Kralj Trpimir, Venecijanci i Dalmatinci u traktatu teologa Gottschalka iz Orbaisa // PP. — 2013. — Sv. 44. — S. 27–70.
- Róna-Tas A.* Where was Khuvrat's Bulgharia? // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — 2000. — Vol. 53. — P. 1–22.
- Ronin V. K.* The Franks on the Balkans in the early ninth century // Études Balkaniques. — Sofia, 1984. — An. 21. — Nr. 1. — P. 39–57.
- Rotar J.* Viri Trubarjevega poimenovanja dežel in ljudstev in njegova dediščina // ZČ. — 1988. — Letnik 42. — S. 315–362.
- Rotković R.* Kraljevina Vojislavljevića XI–XII vijeka: najstarija crnogorska država. Izvori i legende. — Podgorica, 1999.
- Rus J.* Kralji dinastije Svevladičev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614. — Ljubljana, 1931.
- Rus J.* Krst prvih Hrvatov in Srbov. Nova poglavja o zgodovini kraljev Svevladičev. — Ljubljana, 1932.
- Rus J.* Slovanstvo in vislanski Hrvatje 6. do 10. stoletja // Etnolog. — Ljubljana, 1933. — Knj. V–VI. — S. 31–45.
- Rus J.* Słowianie i wiślańscy Chorwaci od VI do X stulecia // KH. — Lwów, 1934. — Rocznik XLVIII. — Z. 2. — S. 286–298.
- Sakač S. K.* O kavkasko-iranskom podrijetlu Hrvata // Život. — Zagreb, 1937. — Knj. VIII. — S. 1–25.
- Sakač S. K.* Historijski razvoj imena «Hrvat» od Darija I. do Konstantina Porfirogeneta // Život. — Zagreb, 1942. — Knj. XXIII. — S. 3–21.
- Sakač S. K.* The Iranian origins of the Croats according to C. Porphyrogenitus // The Croatian nation in its struggle for freedom and independence. — Chicago, 1955. — P. 30–46.
- Scalon C.* Il Codex Forojuliensis e la sua storia // L'Evangelario di san Marco / A cura di G. Ganzer. — Udine, 2009. — P. 77–98.
- Simoni K.* Neobjavljeni okovi i jezičci nakitnog stila Blatnica iz Arheološkog muzeja u Zagrebu // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — Zagreb, 1986. — Vol. XIX. — S. 217–228.
- Smičiklas T.* Poviest Hrvatske. Dio I. — Zagreb, 1882.
- Smiljanić F.* Prilog proučavanju županijskog sustava sklavinije Hrvatske // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 178–192.
- Smiljanić F.* O položaju i funkciji župana u hrvatskim srednjovjekovnim vrelima od 9. do 16. stoljeća // PP. — 2007. — Sv. 33. — S. 33–102.
- Smith J. M. H.* Province and Empire: Brittany and the Carolingians. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Smith J. M. H.* Confronting identities: The rhetoric and reality of a Carolingian frontier // Integration und Herrschaft. Ethnische

Identitäten und soziale Organisation im Frühmittelalter / Hrsg. von W. Pohl und M. Diesenberger. — Wien, 2002. — S. 169–182.

Sokol V. Panonija i Hrvati u 9. stoljeću // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 1990. — Sv. 14. — S. 193–195.

Sokol V. Arheološka baština i zlatarstvo // Hrvatska i Europa. — Zagreb, 1997. — Sv. I. — S. 116–146.

Sokol V. Društvo «Bihać» i starohrvatska arheologija // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 1997. — Sv. 18. — S. 253–263.

Sokol V. Hrvatska srednjovjekovna arheološka baština od Jadrana do Save. — Zagreb, 2006.

Sokol V. Materijalna kultura i nekršćanska duhovnost Hrvata — vrijeme njezina napuštanja // Mošćenički zbornik. — Mošćenice, 2006. — God. 3. — Br. 3. — S. 93–108.

Sokol V. Starohrvatska ostruga iz Brušana u Lici. Neki rani povijesni aspekti prostora Like — problem banata // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 2008. — Vol. 23. — S. 183–197.

Sokol V. Zapadno zdanje i njegova pogrebna funkcija u crkvi sv. Marije u Biskupiji // Zbornik o Luji Marunu. Zbornik radova sa Znanstvenog skupa o fra Luji Marunu u povodu 150. obljetnice rođenja (1857. — 2007.), Skradin — Knin, 7. — 8. prosinca 2007. / Ur. Ž. Tomičić, A. Uglešić. — Šibenik; Zadar; Zagreb, 2009. — S. 159–168.

Sokol V. Južna Hrvatska i Dubrovnik prema ranim povijesnim geografijama // Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. — Zagreb, 2010. — Sv. 26. — S. 255–269.

Sokol V. Gacka u IX. stoljeću // Gacka u srednjem vijeku. Zbornik radova / Ur. H. Gračanin, Ž. Holjevac. — Zagreb; Otočac, 2012. — S. 25–47.

Staroiransko podrijetlo Hrvata: Zbornik simpozija, Zagreb, 24. lipnja 1998. / ur. Z. Tomičić, A. — Ž. Lovrić. — Zagreb, 1999.

Steindorff L. Die Synode auf der Planities Dalmae. Reichseinteilung und Kirchenorganisation im Bilde der Chronik des Priesters von Dioclea // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. — Wien, 1985. — Bd. 93. — S. 279–324.

Steindorff L. Tumačenja riječi Dalmatia u srednjovjekovnoj historiografiji. Istovremeno o Saboru na planities Dalmae // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 148–158.

Steinhübel J. Pôvod a najstaršie dejiny Nitrianskeho kniežatstva // HČ. — 1998. — Roč. 46. — Č. 3. — S. 369–416.

Steinhübel J. Nitrianske kniežatstvo. Počiatky stredovekého Slovenska. Rozprávanie o dejinách nášeho územia a okolitých krajín od sťahovania národov do začiatku 12. storočia. — Bratislava, 2004.

Steinhübel J. Velká Morava na polceste od kmeňa ku štátu // Forum Historiae. — 2014. — Vol. 8. — No. 2. — P. 71–97.

Suić M. Ocjena radnje L. Margetića «Konstantin Porfirogenet i vrijeme dolaska Hrvata» // Zbornik Historijskog zavoda JAZU. — Zagreb, 1977. — Vol. 8. — S. 89–100.

Suić M. Nova post vetera — ponovni pad Salone // Mogućnosti. — 1988. — Sv. 36. — Br. 3–4. — S. 329–336.

Suić M. Marafor — Maricus — Župan // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv. 15). — Zagreb, 1992. — S. 51–53.

Suić M. Pristupna razmatranja uz problem etnogeneze Hrvata // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 13–28.

Svennung J. Zur Geschichte der Goticismus. — Stockholm; Uppsala, 1967.

Šafárik P.J. Slowanské starožitnosti. Oddíl dějepisný. — Praha, 1837.

Šebánek J. Slezsko a české země v 9. —13. století // Slezsko, český stat a česká kultura. — Opava, 1946. — S. 27–41.

Šegvić K. Toma Splićanin, državnik i pisac (1200–1268): njegov život i njegovo djelo. — Zagreb, 1927.

Šegvić K. Die gotische Abstammung der Kroaten // Nordische Welt. — 1935. — Nr. 9–12. — S. 1–56.

Šegvić K. Hrvat, Got i Slav u djelu Tome Splićanina // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. — Split, 1996. — S. 193–198.

Šegvić K. Gotsko podrijetlo Hrvata i kako nastade Hrvatska / Preveo i priredio V. Nuić. — Split, 1997.

Šeparović T. Coin finds of emperor Constantine V Copronymus in Southern Croatia // Byzantine coins in Central Europe between the 5th and 10th century: Proceedings from the conference organized by Polish Academy of Arts and Sciences and Institute of Archaeology, University of Reszów, under the patronage of Union Académique International (Programme No. 57. Moravia Magna). Krakow, 23–26, IV, 2007 (Moravia Magna. Seria Polona. Vol. III). / Ed. by M. Wołoszyn. — Kraków, 2009. — S. 553–560.

Šimek E. Dúdlebj, Volyňané, Lučané, Čeští Chorváté a Čechové. Sjednocení dněšní České země a vznik českého národa // SA. — 1948. — T. I. — S. 349–366.

Šišić F. Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — 1914. — Sv. 13. — Br. 1. — S. 1–93.

Šišić F. Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara. Pretisak izdanja iz 1925. — Zagreb, 1990.

Škegro A. Dalmion / Delmion i Delminium – kontroverze i činjenice // OA. – 1999–2000. – Vol. 23–24: Sportula dissertationum Marjino Zaninović dicata. – S. 395–403.

Škegro A. Je li rimski Delminij bio biskupsko sjedište? // PP. – 2000. – Sv. 19. – S. 9–85.

Škegro A. Tobožnja Delminijska biskupija // OA. – 2007. – Vol. 31. – S. 283–302.

Škegro A. Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov // Review of Croatian History. – Zagreb, 2005. – Vol. 1. – No. 1. – P. 9–28.

Šlaus M. Kranimetrijska analiza srednjovjekovnih populacija središnje Europe s posebnim osvrtom na položaj hrvatskih nalazišta // SHP. Ser. III. – 1998. – Sv. 25. – S. 81–108.

Štedimlja S.M. Crvena Hrvatska. – Zagreb, 1937.

Štih P. Karantanija = stara domovina Hrvatov? // ZČ. – 1987. – Letnik 41. – S. 529–549.

Štih P. K polemiki o vprašanju časa prihoda Hrvatov // ZČ. – 1989. – Letnik 43. – S. 111–117.

Štih P. Priwina: slawischer Fürst oder frankischer Graf? // Ethnogenese und Überlieferung. Angewandte Methoden der Frühmittelalterforschung / Hrsg. von K. Brunner und B. Merta. – Wien; München, 1994. – S. 209–222.

Štih P. Novi pokušaji rješavanja problematike Hrvata u Karantaniji // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. – Zagreb, 1995. – S. 122–139.

Štih P. Plemenske in državne tvorbe zgodnjega srednjega veka na slovenskem naselitemenem prostoru v Vzhodnih Alpah // Slovenci in država. – Ljubljana, 1996. – S. 21–45.

Štih P. O vojvodskem stolu in Liburniji ter o metodi in znanstveni korektnosti neke razprave // ZČ. – 1997. – Letnik 51. – Št. 1. – S. 113–120.

Štih P. Karantanci – zgodnesrednjeveško ljudstvo med Vzhodom i Zahodom // ZČ. – 2007. – Letnik 61. – Št. 1–2. – S. 47–58.

Švab M. Nekoliko napomena uz radove Ive Goldsteina i Željka Rapačića o naslovima hrvatskih vladara // HZ. – 1984. – God. XXXVII(1). – S. 280–281.

Švab M. Današnje stanje historiografije o pojavi Hrvata na istočnoj obali Jadrana // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. – Zagreb, 1995. – S. 54–60.

Švob D. Pripis supetarskog kartulara o izboru starohrvatskog kralja i popis onodobnih banova // HZ. – 1956. – God. IX. – Br. 1–4. – S. 101–117.

- Tko su i odakle Hrvati – revizija etnogeneze. – Zagreb, 1993.
- Todorov B.* Byzantine myths of origins and their functions // SSBP. – 2008. – № 2 (4). – С. 64–72.
- Tolochko O.P.* The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the origin of the Rus' state // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary, and P. Urbańczyk. – Turnhout, 2008. – P. 169–188.
- Tomičić Ž.* Arheološka slika ranoga srednjeg vijeka na prostoru međuriječja Drave, Dunava i Save // Hrvati i Karolinzi. Dio I: Rasprave i vrela. – Split, 2000. – S. 142–161.
- Topić M.* Nacionalizam i ideologija. Pavao Ritter Vitezović kao nacionalni mislitelj i/ili ideolog // Zbornik Odsjeka povijesnih znanosti Zavoda za povijesne i društvene znanosti HAZU. – 2010. – Sv. 28. – S. 107–138.
- Třeštík D.* «Trh Moravanů» – ústředni trh staré Moravy // ČsČH. – 1973. – Roč. 21. – S. 869–894.
- Třeštík D.* České kmeny. Historie a skutečnost jedné koncepce // Studia Mediaevalia Pragensia. – Praha, 1988. – Vol. I. – S. 129–143.
- Třeštík D.* Křest českých knížat roku 845 a christianizace Slovanů // ČČH. – 1994. – Roč. 92. – S. 423–459.
- Třeštík D.* Vznik Velké Moravy. Moravané, Čechové a střední Evropa v letech 791–871. – Praha, 2001.
- Třeštík D.* Mýty kmene Čechů (7. – 10. století). Tři studie ke «starým pověstem českým». – Praha, 2008.
- Turek R.* Listina Jindřicha IV. iz dubna 1086 (DH IV 390) a její teritoria // SA. – 1975. – T. 22. – S. 69–122.
- Turković T., Basić I.* Kasnoantička i ranosrednjovjekovna Tarsatička Liburnija (Liburnia Tarsaticensis) u svjetlu geografskih izvora // SHP. Ser. III. – 2013. – Sv. 40. – S. 33–80.
- Uglešić A.* Rimska provincija Dalmacija pod vlašću Istočnih Gota // Radovi Filozofskog fakulteta u Zadru. – 1991. – Sv. 30 (17). – S. 65–78.
- Uglešić A.* Nakit Istočnih Gota na području rimske provincije Dalmacije // Hrvati i Goti / Priredio R. Tafra. – Split, 1996. – S. 135–168.
- Urbańczyk P.* Slavic and Christian identities during transition to the Polish statehood // Franks, Northmen, and Slavs: identities and state formation in early medieval Europe / Ed. by I.H. Garipzanov, P.J. Geary, and P. Urbańczyk. – Turnhout, 2008. – P. 205–222.
- Urbańczyk P.* Trudne początki Polski. – Wrocław, 2008.
- Vach M.* Češti Chorváti // ČsČH. – 1949. – R. 50. – S. 131–150.

Vansina J. Oral Tradition as History. — Madison, 1985.

Vedriš T. Još jedan franački teolog u Dalmaciji: Amalarije iz Metza i njegovo putovanje u Carigrad 813. godine // HZ. — 2005. — God. LVIII. — S. 1–27.

Vedriš T. Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // RZHP. — 2010. — Knj. 42. — S. 13–36.

Vedriš T. Gdje žive Mirmidonci? Prilog raspravi o značenju pojmoveva Mirmidones i Marab u zadarskoj legendi o prijenosu moći sv. Krševana // PP. — 2011. — Sv. 41. — S. 45–83.

Verešová N. Povest' vremennych let a jej koncepcia Slovienskoj zemli // Historia Nova. Vol. II: Štúdie k jubileu Pavla Jozefa Šafárika. — Bratislava, 2011. — S. 12–20.

Verešová N. Geographical concepts of Sclavinia in historical sources from the sixth to the fourteenth century, with an emphasis on the Moravian-Pannonian and South Slavic traditions // Slovakia and Croatia. Historical connections (until 1780) / Ed. by V. Kucharská, S. Kuzmová, A. Mesiarkin. — Bratislava; Zagreb, 2013. — P. 60–65.

Vernadsky G. Great Moravia and White Chorvatia // Journal of American Oriental Society. — 1945. — Vol. 65. — P. 257–259.

Vežić P. Ninska crkva u ranom srednjem vijeku — problem kontinuiteta i rezultati arheoloških istraživanja // Starohrvatska spomenička baština. Rađanje prvog hrvatskog kulturnog pejzaža / Ur. M. Jurković, T. Lukšić. — Zagreb, 1996. — S. 87–99.

Vidović M. Hrvatski iranski korijeni. — Zagreb, 1991.

Vinski Z. Uz problematiku starog Irana i Kavkaza s osvrtom na podrijetlo Anta i Bijelih Hrvata. — Zagreb, 1940.

Vinski Z. O nalazima 6. i 7. stoljeca u Jugoslaviji s posebnim osvrtom na arheološku ostavštinu iz vremena prvog Avarskoga kaganata // OA. — Zagreb, 1958. — Br. 3. — S. 13–67.

Vinski Z. Rani srednji vijek u Jugoslaviji od 400. do 800. godine // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. Ser. III. — Zagreb, 1971. — Br. 5. — S. 47–74.

Vinski Z. O nalazima karolinških mačeva u Jugoslaviji // SHP. Ser. III. — Split, 1981. — Sv. 11. — S. 9–54.

Vinski Z. Ponovno o karolinškim mačevima u Jugoslaviji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. — Zagreb, 1983–1984. — Sv. XVI–XVII. — S. 183–210.

Vinski Z. Marginalia uz izbor karolinškog oružja u jugoistočnoj Europi // SHP. Ser. III. — 1986. — Sv. 15. — S. 61–117.

Vitezović Ritter P. Oživjela Hrvatska / Preveo Z. Pleše. — Zagreb, 1997.

Vitezović Ritter P. Oživjela Hrvatska = Croatia rediviva / Prevela i priredila Z. Blažević. — Zagreb, 1997.

Vojvoda P. Prilog čitanju starohrvatskih simbola // Arheološka istraživanja u Kninu i Kninskoj krajini (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva. Sv.15). — Zagreb, 1992. — S. 141–144.

Vrsalović D. Frano Radić, znanstveni izvjestitelj «Hrvatskog stari-narskog društva» u Kninu i glavni urednik «Starohrvatske prosvjete» (1857–1933) // SHP. Ser. III. — 1982. — S. 201–218.

Wasilewski T. Wiślańska dynastia i jej Zachlumskie państwo w IX–X w. // PS. — 1965. — T. XV. — S. 23–61.

Wasilewski T. Geneza tytułu «rex chroatorum» // PS. — 1967. — T. XVII. — S. 149–165.

Wasilewski T. Dulebowie — Łędzianie — Chorwaci. Z zagadnień osadnictwa plemiennego i stosunków politycznych nad Bugiem, Sanem i Wisłą w X wieku // PH. — 1976. — T. LXVII. — Z. 2. — S. 181–194.

Wenskus R. Stammesbildung und Verfassung. Das Werden der früh-mittelalterlichen gentes. — Köln; Graz, 1961.

Werner J. Zur Zeitstellung der altkroatischen Grabfunde von Bisku-pija-Crkvina (Marienkirche) // Schild von Steier. Archäologische und numismatische Beiträge aus dem Universalmuseum Joanneum. — Graz, 1979. — Bd. 15–16. — S. 227–237.

Widajewicz J. Państwo Wiślan. — Kraków, 1947.

Wolfram H. The Shaping of the early medieval kingdom // Viator. — Los-Angeles, 1970. — Nr. 1. — P. 1–20.

Wolfram H. Gothic history and historical ethnography // Journal of Medieval History. — 1981. — Vol. 7/4. — P. 309–319.

Wolfram H. The image of Central Europe in Constantine VII Por-phyrogenitus' // Constantine VII Porphyrogenitus and his age: Second International Byzantine conference (Delphi, 22–26 July 1987). — Ath-ens, 1989. — P. 5–14.

Wolfram H. Einleitung oder Überlegungen zur *Origo Gentis* // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1 / Hrsg. von H. Wolfram und W. Pohl. — Wien, 1990. — S. 19–34.

Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // EME. — 1994. — Vol. 3/1. — P. 19–38.

Wolfram H. Razmatranja o *Origo gentis* // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. — Zagreb, 1995. — S. 40–53.

Wolfram H. Origo et religio. Ethnic traditions and literature in early medieval texts // From Roman Provinces to Medieval Kingdoms / Ed. by Thomas F.X. Noble. — London; New York, 2006. — P. 57–74.

Zaroff R. Organized pagan cult in Kievan Rus'. The invention of foreign elite or evolution of local tradition? // *Studia mythologica Slavica*. — 1999. — Vol. II. — P. 47–76.

Zástěrová B. Hlavní problémy z počátku dějin slovanských narodů // *Vznik a počátky Slovanů*. — Praha, 1956. — T. I. — S. 34–45.

Zekan M. Fra Lujo Marun (1857. –1939.) Utemeljitelj, misionar i vizionar hrvatske arheologije // *SHP*. Ser. III. — 2007. — Sv. 34. — S. 9–56.

Živković T. Constantine Porphyrogenitus' source on the earliest history of the Croats and Serbs // *RZHP*. — 2010. — Knj. 42. — S. 117–132.

Živković T. The origin of the Royal Frankish Annalist's information about the Serbs in Dalmatia // *Споменица академика Симе Тирковића*. — Београд, 2011. — С. 381–398.

Živković T. De Conversione Croatorum et Serborum: a lost source. — Belgrade, 2012.

Živković T. Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim *gentes* u *De administrando imperio* vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959) // *Godišnjak Centra za balkanološka ispitivanja ANU BiH*. — Sarajevo, 2012. — Knj. 41. — S. 201–210.

Županić N. Bela Srbija // *Narodna starina*. — Zagreb, 1922. — Knj. I. — Br. 2. — S. 107–118.

Županić N. Srbi Plinija i Ptolemeja. Pitanje prve pojave Srba na svetskoj pozornici sa historijskog, geografskog i etnološkog staništa // *Zbornik radova posvećen Jovanu Cvijiću povodom tridesetpetgodišnjice naučnog rada od prijatelja i saradnika*. — Београд, 1924. — С. 555–587.

Županić N. Prvobitni Hrvati // *Zbornik kralja Tomislava (Posebna izdanja JAZU. Knj. 17)*. — Zagreb, 1925. — S. 291–296.

Županić N. Harimati. Studija k problemu prvobitnih Hrvatov // *Etnolog*. — Ljubljana, 1926/1927. — Leto I. — S. 131–138.

Županić N. The Serb Settlement in the Macedonian Town of Srbčiče in the VIIth century and the Ethnological and Sociological Moment in the Report of Constantinus Porphyrogenites concerning the Advent of Serbs and Croats // *Etnolog*. — Ljubljana, 1928. — Leto II. — S. 26–35.

Županić N. Prvi nosilci etničnih imen Srb, Hrvat, Čeh in Ant // *Etnolog*. — Ljubljana, 1928. — Leto II. — S. 74–79.

Županić N. Značenje barvnega atributa v imenu «Crvena Hrvatska» // *Etnolog*. — Ljubljana, 1937–1939. — Knj. X–XI. — S. 355–376.

Žužek A. Naselitev Slovanov v vzhodnoalpski prostor // *ZČ*. — 2007. — Letnik 61. — S. 261–287.

Денис Евгеньевич Алимов

**Этногенез хорватов: формирование хорватской
этнополитической общности в VII–IX вв.**

Корректор *М.А. Иванова*
Оригинал-макет *А.А. Крыласов*
Дизайн обложки *А.А. Крыласов*

Подписано в печать 07.10.2016. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 23,75
Тираж 100 экз. Заказ № 558

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)622-01-23

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

Алимов Д. Е., *Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв.*, Санкт-Петербург: "Нестор-История", 2016, 378 с.

**Как найти хорватов?
О монографии
Д. Е. Алимова
"Этногенез хорватов. . ."***

Алексей Сергеевич Щавелев
Институт всеобщей истории РАН, Москва
Международный центр антропологии,
НИУ Высшая школа экономики, Москва

**How to find Croats?
An essay about
the monograph of
D.E. Alimov "The
ethnogenesis of Croats..."**

Aleksei S. Shchavelev
Institute of World History, Russian
Academy of Sciences, Moscow
International Centre of Anthropology,
National Research University Higher
School of Economics, Moscow

Рецензируемая книга Дениса Евгеньевича Алимова подводит итоги его уже многолетним исследованиям раннесредневековой истории славян Балканского полуострова и Центральной Европы. Ключевая тема этой монографии — реконструкция основных этапов формирования этнополитической общности хорватов. Нам известна лишь одна короткая рецензия на эту работу [Петров 2016], которой совершенно недостаточно для того, чтобы адекватно обсудить это масштабное новаторское исследование.

Несмотря на многочисленные предшествующие попытки монографического освещения проблемы этногенеза хорватов, Д. Е. Алимову удалось создать свою оригинальную и, главное, убедительно аргументированную версию решения этой задачи. Д. Е. Алимов обратился к самому сложному — раннему — этапу истории

* Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ "Высшая школа экономики".

хорватской общности — VII–IX вв. (с. 14–15). Вполне соглашаясь с обоснованием этих хронологических рамок, остается все-таки пожалеть, что за пределами его исследования остались X и XI столетия. Впрочем, Д. Е. Алимов неизбежно делает экскурсы в историю Хорватии более позднего времени, поскольку у нас есть в наличии по большей части более поздние источники X–XIII вв., анализ которых требует понимания исторического контекста того периода, когда они были написаны.

Прежде всего отметим, что Д. Е. Алимов прекрасно знает современную историографию славянских стран (Хорватии, Сербии, Чехии, Словакии, Польши и др.). Оригинальность и убедительность его монографии обусловлена именно тем, что он, как никто из известных медиевистов, ориентируется в новейших исследованиях практически всех регионов средневековой Славии. Напомним лишь один раз о его концептуальных рецензиях на монографии П. Урбаньчика о ранне-средневековой Польше [Алимов, Кибинь 2010], Д. Джино об этногенезе хорватов [Алимов 2012], Х. Грачанина о средневековой Славонии [2013], М. Лысого о Моравии и общности мораван [2015]. Знание работ последнего времени позволяет ему свободно оперировать историческими сравнениями и использовать источниковедческие и методологические приемы, разработанные на материале разных регионов славянского мира.

Заявленная проблематика "этногенеза хорватов" выступает для Д. Е. Алимова своего рода полигоном для применения различных методик реконструкции этнополитической истории средневековой общности в условиях дефицита данных письменных источников. Прежде всего речь идет о политической антропологии, в рамках которой сейчас разработаны, на его и на наш взгляд, самые перспективные способы исторического описания и типологической классификации доиндустриальных обществ [Крадин 2016]. Отметим, что до сих пор многие медиевисты и слависты (включая особенно историков древней Руси) все еще скептически и даже иронически относятся к социальной антропологии, потестарно-политической этнографии и процессуальной археологии. Книга Д. Е. Алимова — очередной важный шаг в преодолении таких стереотипов отечественной историографии.

Методологические вопросы емко и внятно рассматриваются как во введении к монографии, так и в ходе обсуждения конкретных исторических проблем. Для Д. Е. Алимова рефлексия о его методе и применимости к его материалу методик других исследователей не некое неизбежное украшение текста, а неотъемлемая часть исследовательской практики.

Поскольку речь идет об изучении процесса, который в отечественной историографии обозначается емким словом *этногенез*, Д. Е. Алимов не мог обойти старый спор "примордиалистов" ("эссенциалистов") и "конструктивистов" в вопросе о сущности этнических групп. Работая в парадигме "социального конструктивизма", Д. Е. Алимов не пошел по модному сейчас пути огульной критики и априорного отрицания всех без исключения идей этнологов-примордиалистов, о чем он сразу предупреждает читателя: "...отдавая предпочтение конструктивистскому видению как позволяющему наиболее адекватно воспринимать и более точно описывать социальную реальность, мы вместе с тем исходим из того, что расхождения между примордиализмом (эссенциализмом) и конструктивизмом

порождены хотя и разными, но имеющими равное право на использование в научном исследовании способами упорядочивания реальности. . .” (с. 8). Его позиция здесь переключается с недавними рассуждениями М. А. Юсима, которые представляются нам вполне взвешенными: “Самоидентификация природных организмов происходит почти автоматически, через общность происхождения и среды обитания [. . .] В человеческом мире действуют те же принципы, что и в животном, но к ним прибавляется культура, то есть система приспособлений, основанная на построении языковых моделей, накоплении ценностей и технологий [. . .] Биологически-видовые различия сохраняют свой базовый характер, но к ним добавляются, а иногда вытесняют их на задний план культурные: конфессиональные (вера), социальные (место в общественной иерархии), профессиональные (род занятий), политические (подданство), цивилизационные — то есть основывающиеся на исторически сложившемся комплексе культурных признаков [. . .] выбор этнической принадлежности гораздо более детерминирован, чем выбор веры, профессии или гражданства, но в какой-то мере, в силу культурной составляющей этничности, он существует. Репертуар ролей, который открывает перед людьми шире [. . .] благодаря богатству виртуальной реальности в обществе” [2015: 40]. Добавим, что после появления такого направления, как “дарвинистская история” (“darwinian history”) [Ridley 2003: 197–205, 243–244], новый виток дискуссии о механизмах формирования и интегральных основах общностей людей в доиндустриальном обществе неизбежен. Однако, продолжая мысль Д. Е. Алимова, добавим, что для историков и археологов дилеммы разделения на “примордиалистов” и “конструктивистов” на самом деле не существует. Для них не стоит и не может стоять вопрос, является ли та или иная этническая группа результатом воздействия врожденных и генетически наследуемых перформативных признаков, присущих большинству ее представителей, — или же результатом социокультурных практик, которыми достигается ее единство. Ни историк, ни археолог не обладают никакими научными методами для выявления факта биологической общности некоей группы людей; это могут определить лишь физические антропологи, генетики и очень редко, при условии длительного включенного наблюдения, — этнологи. Историки и археологи изучают лишь отражения “социокультурных оболочек” отдельных общностей: следы манифестаций их единства, найденные в текстах, изображениях и материальной культуре. В этом смысле они просто вынуждены в силу природы их источников быть исключительно “конструктивистами”, работая со знаковыми системами стратегий различения одной общности от другой и искусственными маркерами их идентичности.

Д. Е. Алимов творчески применил к своему материалу подходы, разработанные в рамках так называемой Венской школы “исторической” или, лучше сказать, “медиевистической этнографии” Р. Венкуса, Х. Вольфрама, В. Поля (ср. практически единственный в отечественной историографии специальный обзор А. Шпирта [2013]). В частности, Д. Е. Алимов использовал набирающий популярность термин *гентилизм* не как синоним слову *этногенез*, в его конкретном “узком” значении: для обозначения определенного варианта этногенеза в раннем Средневековье — трансформации гетерогенных военно-политических конгломератов в устойчивые этнополитические общности постримской ойкумены (с. 10–11, 145, 214, 223–224). Мы уверены, что попытки тотальной замены в медиевистике

слова *этнос* (греч. τὸ ἔθνος ‘народ’) на слово *gens* (лат. ‘род’, ‘родовая община’) — не более чем риторическая дань моде, которая ничего в сущности исследований не меняет. Апелляция к словоупотреблению древних и средневековых авторов здесь просто надумана, поскольку греческое слово τὸ ἔθνος и латинское *gens* равным образом можно встретить в греческих и латинских источниках, причем зачастую в приложении к одним и тем же общностям.

Д. Е. Алимов сумел очень корректно использовать наработки “деконструктивистского” направления в современной медиевистике (11–12, 30, 59, 323). Своим исследованием он хорошо показывает, что процедуры деконструкции средневековых нарративов не только не отменяют задачи реконструкции картины стоящей за ними исторической реальности, но открывают перспективы для более совершенных реконструкций (с. 323).

В первой главе монографии Д. Е. Алимов последовательно разбирает различные версии возможной роли готов, аваров, славян и франков в этногенезе хорватов, взвешенно оценивая выраженность признаков присутствия каждой из этих общностей в регионе и достоверность их исторической связи именно с хорватами. Во второй главе разбираются различные версии легенд и о происхождении (“origo gentis”) хорватов. Третья глава посвящена вопросам формирования и эволюции хорватской идентичности.

Итогом работы Д. Е. Алимова стала новая версия этногенеза общности хорватов. Согласно Д. Е. Алимову, исходная точка этногенеза хорватов — эмансипация в 630-е гг. ядерной гетерогенной группы варварской элиты Далмации от Аварского каганата. Это был успешный проект создания сепаратной политики на периферии Аварского каганата, которая нашла внешнюю поддержку у самого передового государства региона — Византии (с. 324). Каркас изложенной схемы старта этногенеза хорватов мы видим уже в трактате “Об управлении империей” императора Константина VII Багрянородного. Единственный элемент из трактата, которому Д. Е. Алимов решительно отказывает в исторической достоверности, — переселение и “обретение” новой родины “прародителями хорватов” (с. 104, 140, 190, 323). Этот элемент им оценивается как “нарративная конструкция”, которую нельзя верифицировать какими-либо внешними данными. Здесь Д. Е. Алимов радикально расходится с многочисленными предшественниками, которые, напротив, ставили историю “миграции хорватов” с севера на юг (а иногда — и с юга на север!) во главу угла своих реконструкций их ранней истории. Д. Е. Алимов осторожно поддерживает гипотезу о том, что “хорватами / хрватами” могли называться сторонники хана Кубрата, поднявшего мятеж против господства аваров (с. 177–178, 180–182, 227, 260, 324). Затем Д. Е. Алимов суммирует и рассматривает исторические, эпиграфические и археологические данные о нескольких очагах политогенеза на территории Далмации. В IX в. появляются данные о хорватах как таковых и их выраженной *expressis verbis* в этом этнониме “гентильной” идентичности. К середине IX в. сформировалось “варварское (гентильное) королевство” хорватов (*regnum*), эмансипировавшееся от влияния Франкской империи (с. 283, 295, 325). Хорватская общность, по Д. Е. Алимову, формировалась как христианская, связанная с двумя главными центрами христианской ойкумены — с Римом и Константинополем. Хорваты последовательно демонстрировали свою независимость от аваров и франков, которые

претендовали на контроль над регионом. Модель этногенеза хорватов полностью укладывается в схему формирования типичного “германского” gens по Р. Венскусу и его последователям. Добавим, что символическим итогом становления хорватской политики может считаться известие трактата “О церемониях византийского двора”, написанном после августа 963 г., где правитель хорватов обозначен как получатель от византийских императоров Константина VII Багрянородного и его сына-соправителя Романа II (совместное правление — с апреля 945 до ноября 959 г.) послания с золотой буллой в две номисмы (солида) [De Cerim. II. 48].

Анализируя ключевые нарративы ранней хорватской истории, Д. Е. Алимов смог успешно показать фантастично-дискурсивную природу концепции готского происхождения хорватов (с. 81–82, 86–87). Эта концепция основана на мозаичной смеси средневековых представлений и псевдоученых ономастических отождествлений. При этом он аккуратно обозначил и возможные пути для верификации этой версии хорватского этногенеза (с. 87).

Д. Е. Алимов правомерно ставит вопрос о том, что, несмотря на то, что хорваты IX–X вв. — часть этноязыкового мира славян, на территории будущей Хорватии практически нет достоверных археологических признаков массовой миграции новых славянских групп. Прежде всего показательно отсутствие следов Пражской культуры и “постпражских” древностей (с. 108–109). У нас есть свидетельства письменных источников набегов и зимовок славян на этой и сопредельных территориях в VI–VII вв. (с. 88–91) и хорошо документированный факт появления и развития в IX–X вв. политики со славяноязычной элитой и населением, как минимум частично обозначаемой как славяне (с. 282–295).

Вопрос о механизме распространения славянского языка среди местного населения остается сейчас открытым (с. 118). Д. Е. Алимов поддержал версию Д. Джино, который, следуя идеям О. Прицака, Г. Ланта и Ф. Курты, считал, что славянский язык был языком-посредником Аварского каганата и поэтому был воспринят населением территорий, находящихся в зоне политического и культурного влияния аваров. Д. Е. Алимов мягко оговаривает, что “данной модели пока не хватает конкретизации” (с. 118). На самом же деле стоит прямо сказать, что у этой модели *нет фактического базиса*, она строится на косвенных соображениях общего характера, которые сводятся к тому, что такой вариант *теоретически вполне возможен*, с чем, опять же теоретически, можно в принципе согласиться [Curta 2004; Džino 2010: 161–168]. Однако следует помнить, что экспансия славофонов началась *еще до появления авар* в Европе и установления их гегемонии, а главное, *славянский язык распространился даже на тех территориях, где об аварах в лучшем случае что-то слышали*. Наконец, серьезных комплексных работ о социолингвистической ситуации в Аварском каганате, кажется, нет. Добавим, что нам известен лишь гораздо более поздний пример использования славянского языка как lingua franca — сообщение Ибрахима ибн-Йакуба X в. из текста ал-Бакри о том, что народы хазар, русов, печенегов, мадьяр и немцев говорят по-славянски, поскольку смешались с народом ас-сакалиба. Это известие справедливо считается свидетельством того, что славянский язык использовался как койне на торговых путях [Kalinina 2007: 204].

Раздел монографии, посвященный взаимосвязям хорватов и франков (империи Каролингов), дает в итоге более органичную картину, в которой вполне

увязываются письменные и археологические источники. Хорватская элита формировалась под непосредственным влиянием яркой франко-аварской воинской субкультуры (с. 121–123, 277). Вполне убедительна гипотеза о том, что очаг политогенеза в области Книна развивался в партнерстве с Франкской империей. А затем вместе с дезинтеграцией империи Каролингов (с. 197–200, 264) при правителе Трпимире сформировалось “эмансипировавшееся от франков” суверенное гентильное королевство хорватов, которое унаследовало многие франкские этнополитические и идеологические образцы (с. 207, 212).

Нельзя не оценить то, как Д. Е. Алимов реконструировал структуру легенды о происхождении хорватов по схеме Х. Вольфрама (с. 142–146) и затем попытался выделить “историческую основу” внутри многослойных нарративных конструкций имеющихся в нашем распоряжении текстов (с. 162). Можно дискутировать о деталях предложенной модели, но в целом она представляется вполне доказанной. Знаменательно, что хорватская легендарно-историческая традиция находит свои параллели не только и не столько в славянских легендах о происхождении отдельных общностей и их первых князьях, сколько в классических *origo gentis* “германского мира” (франков, готов, лангобардов и др.). Не претендуя на далеко идущие выводы, осторожно предположим, что “легенды о происхождении” варварского мира раннего Средневековья можно разделить на “лимесные” (к ним относится хорватская традиция) и “автохтонно-периферийные” (древнейший пласт преданий восточных и западных славян).

Работу Д. Е. Алимова отличает редкое умение осторожно, но вместе с тем убедительно формировать самые смелые гипотезы. В пользу одной из них хотелось бы привести дополнительные аргументы. Д. Е. Алимов, развивая идею А. Милошевича, предположил, что имена вождей хорватов *Πόρινος* и *Πορυῆς* из трактата “Об управлении империей” на самом деле производны от теонима *Перун*. В качестве аналогии приводится имя лангобардского вождя *Peron* из “Истории лангобардов в кодексе из Готы” IX в. (с. 190–197). Похожие теонимы можно еще найти в славянском мире: Саксон Грамматик в хронике “О происхождении и деяниях данов” XII в. называет имена славянских богов на острове Рюген *Perenpūtius* (ср. *Πόρινος*) и *Peruithus* (Saxo XIV). В “Саге о Кнютлингах” XIII в., повествующей о тех же событиях, приведен еще один вариант теонима *Peruvit* (Knýtli. Кар. 122). Добавим, что у идола с названием *Tjarnaglófi* (*Черноглав?, Чернобог?) в саге отмечены “*kanpa af silfri*”. Древ.-исл. слово *kanpr* (*kampr*) означает ‘усы’ или ‘бородка вокруг рта (эспаньолка)’, что замечательно совпадает с известным описанием Перуна в “Повести временных лет”, который имел “главу его сребрену, а оусть злать”.

Очевидно, что последовательность согласных “P-ʔ-r-ʔ-n / v / g” во всех этих теонимах, зафиксированных в разных регионах Славии, практически одна и та же, а гласные везде различаются. Этот феномен остроумно объяснил Р. Якобсон, который предположил, что это — результат запрета на полное произнесение теонима, который искажался для произношения с помощью замены отдельных, прежде всего гласных, звуков [1985: 13, 17, 20, 23, 26, 34, 44–46]. Эту идею из историков славянского язычества в полной мере оценил, кажется, только А. Гейштор [2014: 77]. Кстати, именно таким образом может объясняться и различный вокализм в написании теонима *Волось/Велесь* в древнерусских источниках.

Такой способ произнесения табуированных слов с помощью акустического искажения (“телеграфной передачи”, “проглатывания” отдельных слогов и тому подобных приемов) широко известен в социолингвистике и этнографии (“avoidance speech”), начиная с индоевропейской этимологии [Маковский 2012] и вплоть до современной обценной лексики. Исходя из перечисленного, гипотеза Милошевича–Алимова о том, что хорваты воспринимали Порина / Поргу (= Перуна) как своего “мистического вождя-покровителя”, вполне правомерна.

Повторим, что в целом Д. Е. Алимову удалось выстроить и аргументировать наиболее убедительную на сегодняшний день версию этногенеза хорватов и реконструкцию этапов формирования их политики. Все последующие работы на эту тему должны будут либо развивать основные утверждения этого автора, либо полемизировать с ними. Уже в рамках этой рецензии мы попытаемся указать на те положения монографии, которые нуждаются в дополнительном обосновании, а возможно, и уточнении. Данные замечания должны рассматриваться не столько даже как критика, сколько как частные рассуждения на заданные автором темы.

Прежде всего, Д. Е. Алимов слишком осторожно (а в итоге — не совсем определенно) высказался по поводу такой сложной проблемы, как этимология этнонима “хорват”. С одной стороны, он аккуратно одобрил иранскую этимологию, как наиболее обоснованную и принятую в историографии (с. 173–174). С другой — поддержал и версию о предполагаемой связи этого этнонима с именем хана Кубрата или какого-то его тезки (с. 177–178). И здесь, при всем уважении к давности этой идеи, авторитету Дж. Бьюри и Х. Грегуара, ее разделявших, и наличию современных исследований на эту тему, необходим сплошной пересмотр греческих и латинских форм передачи этого тюркского имени, равно как нужен и пересмотр хронологического распределения графических вариантов передачи этнонима “хорват”.

Мы же в свою очередь позволим себе обратить внимание на самую раннюю из предложенных этимологий этнонима “хорваты” — этимологию императора Константина VII Багрянородного: “Τὸ δὲ Χρωβάτοι τῆ τῶν Σκλάβων διαλέκτῳ ἐρμηνεύεται, τούτέστιν οἱ πολλὴν χώραν κατέχοντες” / “Хорваты же на славянском языке означает ‘обладатели большой страны’” (DAI-I. 31.6–8). Эта этимология обычно сразу отбрасывается лингвистами как “народная”: по созвучию этнонима с греческим словом ἡ χώρα (‘страна, область’). Однако еще комментаторы академического издания трактата “Об управлении империй” и затем Т. Живкович абсолютно правильно отметили, что сам Константин VII четко указывает, что этноним интерпретируется не по-гречески, а по-славянски [DAI-II: 124; Živković 2012: 47–48]. По-разному можно думать о языковых способностях Константина VII, но он точно должен был знать, что слово ἡ χώρα — греческое, а не славянское. Важный шаг к пониманию ситуации сделал лингвист А. Лома, который отметил, что слово ἡ χώρα было заимствовано в старославянский язык [Loma 2000: 126; Фасмер 1907: 286] и могло образоваться уже в качестве вполне славянского слова этноним “хорваты”. Сам А. Лома предлагает славянскую этимологию этнонима от заимствованного славянами слова *hora с суффиксом обладания -at (сравнивая с прил. “богатый”). Если же учесть, что общность хорватов сформировалась на Балканах под византийским политическим покровительством, то вполне правомерно искать греческую этимологию. Если первую часть χωρβάτοι / χωρβάτοι

можно вывести вслед за А. Ломой из греч. ἡ χώρα, то и вторая часть этого названия неожиданно находит семантически оптимальное греческое соответствие: ἡ βλάτος — “(удобно)проходимый”, “проезжий”. Таким образом, в основе этнонима может лежать несколько искаженное, но вполне осмысленное греческое сочетание *ἡ βλατὴ χώρα — “(удобно)проезжая область”, заимствованное славянами, видимо, в качестве топонима, затем давшего основу названию новых жителей этой местности. Теоретически подходит для греческой этимологии и омоним с другим ударением — ὁ βλάτος — бот. ‘ежевика, малина, терн’, т. е. обозначение колючих кустарников с ягодами, иными словами, тогда этот топоним означает что-то вроде “страна ягодных кустарников”.

Мы совершенно не настаиваем на этой греческой этимологии, которая имеет ряд неустраняемых недостатков, но само наличие конкурирующих этимологий заставляет нас признать, что этимология этнонима нам неизвестна. Это значит, что не этимология должна быть аргументом для выбора среди версий генезиса хорватской общности, а наоборот — наше понимание обстоятельств этногенеза хорватов даст ответ, какая из этимологий более адекватна по семантическим ображениям. Учитывая степень искажения и редкость рассматриваемых ономастических единиц, считать формальную “чистоту” лингвистической реконструкции аргументом в пользу той или иной этимологии нам кажется рискованным. Вариант Д. Е. Алимова говорит больше в пользу тюркского или славянского варианта, в меньшей степени — греческого, и скорее — “против” иранского, само-го лингвистически обоснованного.

Д. Е. Алимов, детально рассмотрев темы “хорваты и готы”, “хорваты и авары”, “хорваты и франки”, меньше внимание уделил теме “хорваты и славяне”. Тема славянства хорватов оказалась подчинена у него теме кристаллизации хорватов в рамках Аварского каганата. Между тем в том же трактате “Об управлении империей” хорваты неоднократно эксплицитно названы славянами, их земля — “склавинией”, т. е. “территорией проживания славян”, а их язык пусть косвенно, но обозначен как славянский. Исходя из этого факта, мы совершенно не разделяем уверенного отнесения Д. Е. Алимовым имен лидеров хорватов из текста трактата “Об управлении империей” к тюркскому ономастикону (с. 172–175). В нашей монографии 2005 г. мы предложили предположительные славянские варианты для всех пяти имен [Щавелев 2007: 157–159]. Нам тогда была неизвестна статья лингвиста А. Ломы, который поместил эти имена в раздел “сомнительные и чужеродные”, но для четырех из них предложил славянские этимологии [Loma 2000: 121–122]. Как минимум имя Τουγά является очевидной греческой транскрипцией славянского слова *tuga ‘печаль’ (праслав. *toġa), А. Лома напоминает также о *toġъ — ‘сильный, тяжелый’. Соответственно, второе парное и зарифмованное к Τουγά имя Βουγά тоже логично этимологизировать из славянского языка. Этимология неясного женского имени Βουγά с помощью мужского (!) тюркского имени — произвольный ход ad hoc. Кроме того, хазарский (= тюркский) титул *beg / *bek в тексте трактата передан как πέχ без использования в анлауте виты (беты). Два варианта славянской этимологии вполне возможны для имени Κλουκᾶς. Для имени Κοσέντζης следует признать более правомерной этимологию от слав. *косезь*, восходящего, как считает Д. Е. Алимов, к этносоциониму *касоз* (с. 175, 240). Точно также в группе имен легендарных “прародителей” полян в

раннем древнерусском летописании — имена Кий и Лыбедь — вполне славянские, а имена братьев Щека и Хорива — очевидно нет, причем эти последние ясной этимологии фактически не имеют [Щавелев 2007: 117–118; Арутюнова-Фиданян, Щавелев 2013: 28–29]. При всей спорности любых этимологий ономастических единиц, переданных иноязычным текстом, славянская этимология в данном случае имеет преимущество, поскольку согласуется с эксплицитным обозначением хорватов именно как *славян* и более того — *славофонов*. Она не в большей степени основана “на созвучиях” (что, наверное, неизбежно при анализе искаженной ономастики), чем тюркские и иранские этимологии.

Нас также не убеждает ссылка Д. Е. Алимова на “общее мнение исследователей”, которое восходит к Дж. Бьюри, о том, что глава 30 трактата “Об управлении империей” была целиком добавлена позже в основной готовый текст (с. 28–29). Следует учесть, что трактат был написан в промежутке между 952 и 959 гг. [Щавелев 2018]. Если глава 30 действительно написана после 955 г., как предполагается некоторыми исследователями, то она должна служить только лишним доводом в пользу завершения работы над трактатом во второй половине 950-х гг., не более того. Предполагать интерполяцию больших блоков текста после смерти императора Константина VII Багрянородного в уже готовый единственный парадный кодекс невозможно: в него вносились только отдельные глоссы, появлялись маргиналии на полях, и, возможно, была дописана небольшая часть текста в самом конце.

В связи с трактатом “Об управлении империей” отметим одну шероховатость в изложении Д. Е. Алимова. Разбирая фразу трактата из 30 главы о том, что авары все еще живут на глазах Константина VII Багрянородного на территории Хорватии (“... καὶ εἰσὶν ἀκμὴν ἐν Χρῶατῖα ἐκ {τοῦς} τῶν Ἀβάρων, καὶ γινώσκονται Ἀβαρεῖς ὄντες”), Д. Е. Алимов совершенно правильно отмечает неточность в русском переводе Г. Г. Литаврина, где сказано: “В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых *и считают* аварами”, что делает текст русского перевода несколько тавтологичным (с. 139, 166–167). Но Д. Е. Алимов совершенно неправомерно приписывает ту же погрешность английскому переводу Р. Дж. Х. Дженкинса, который правильно перевел эту фразу: “. . . and there are still in Croatia some who are of Avar descent and *are recognized as Avars*” [DAI-I: 142–143; Živković 2012: 117–118]. Таким образом, совершенно нет нужды, как делает Д. Е. Алимов, обращаться к хорватскому и сербскому переводам текста трактата и предполагать, что текст этого предложения можно перевести по-разному. Данная фраза имеет один вполне очевидный перевод: “. . . и есть еще в Хорватии из {тех} аваров и они опознаются {как} авары сейчас”, приведенный выше. Этот вариант и дан в академическом издании трактата, где греческий глагол *γινώσκω* правильно переведен английским глаголом *recognize* ‘узнавать, опознавать’. Смысл фразы вполне ясен: на территории Хорватии в середине X в. есть группа населения, которую наблюдатели *опознают как аваров*. Единственная поправка может быть лишь в том, что эта фраза взята механически из более раннего источника и авары на самом деле “узнавались” в Хорватии несколько или даже намного раньше середины X в. [Živković 2012: 118].

Очевидно, что в силу дефицита данных о ранней истории хорватов их интерпретация была и будет оставаться предметом дискуссий и конкуренции разных

интерпретаций и концепций. Однако книга Д. Е. Алимова останется одной из ключевых историографических вех. Завершая этот поневоле краткий обзор монографии Д. Е. Алимова, отметим, что этот текст — явно органичная часть широкой исследовательской программы автора, которая, как уже сейчас ясно, будет продолжена новыми исследованиями, успеха в которых стоит ему пожелать.

Библиография

Алимов 2012

Алимов Д. Е., “Миграция или трансформация? Происхождение хорватов в дискурсе постмодерна”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования*, 2012, 1 (11), 203–226.

— 2013

Алимов Д. Е., “«Inter Dravo et Savo flumine». Новая монография о раннесредневековой Славонии”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования*, 2013, 2 (14), 223–227.

— 2015

Алимов Д. Е., “«Понять Моравию»: новая попытка”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования*, 2015, 1 (17), 223–242.

— 2016

Алимов Д. Е., *Этногенез хорватов: формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв.*, С.-Петербург, 2016.

Алимов, Кибинь 2010

Алимов Д. Е., Кибинь А. С., “Рец.: Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008”, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Петербургские славянские и балканские исследования*, 2010, 1 (7), 213–236.

Арутюнова-Фиданян, Щавелев 2013

Арутюнова-Фиданян В. А., Щавелев А. С., “Очерк истории изучения легенд об основаниях городов в древнерусской «Повести временных лет» и армянской «Истории Тарона»: Кий и Куар”, in: *Древнейшие государства Восточной Европы. 2011. Устная традиция в письменном тексте*, отв. ред. Г. В. Глазырина, Москва, 2013, 7–33.

Гейштор 2014

Гейштор А., *Мифология славян*, пер. А. М. Шпирта, Москва, 2014.

Крадин 2016

Крадин Н. Н., “Антропология и медиевистика. Политантропологические перспективы в изучении медиевистики”, in: *Universitas historiae. Сборник статей в честь П. Ю. Уварова*, Москва, 2016, 557–565.

Маковский 2012

Маковский М. М., *Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев: сущность, формы, развитие*, Москва, 2012.

Петров 2016

Петров А. В., “Рецензия на Алимов Д. Е. «Этногенез хорватов. . .»”, *Вестник Удмуртского университета. Серия “История и филология”*, 2016, 26/4, 141–142.

Фасмер 1907

Фасмер М., Греко-славянские этюды. II. Греческие заимствования в старославянском языке, *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук*, XII, 2. С.-Петербург, 1907, 198–289.

Шпирт 2013

Шпирт А., “Венская школа исторической этнографии и проблема этногенеза в эпоху раннего Средневековья (опыт историографического обзора)”, *Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени*, под ред. А. Н. Маслова и А. А. Кузнецова, 3–4, 2012–2013, Нижний Новгород, 2013, 42–52.

Щавелев 2007

Щавелев А. С., *Славянские легенды о первых князьях. Сравнительно-историческое исследование моделей власти у славян*, Москва, 2007.

— 2018

Щавелев А. С. “Трактат византийского императора Константина VII Багрянородного «Об управлении империей»: о датировке оригинала рукописи и его копии XI в. писца Михаила Роизаита (Paris, gr. 2009)”, in: *Палеография, кодикология, дипломатика. Современный опыт исследования греческих, латинских и славянских рукописей и документов. Материалы международной конференции в честь 80-летия Б. Л. Фонкича*, Москва, 2018, 296–310.

Юсим 2015

Юсим М. А., “Медиевистика и национальный вопрос (о неопределимости определений)”, in: *Этносы и “нации” в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время*, С.-Петербург, 2015, 37–48.

Curta 2004

Curta F. “The Slavic *Lingua Franca* (Linguistic Notes of an Archeologist Turned Historian)”, *East Central Europe*, 31/1, 2004, 125–148.

DAI-I

Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*. Vol. I. Greek Text and English Translation, ed. by R. G. H. Jenkins & Gy. Moravcsik, Washington, 1967.

DAI-II

Constantine Porphyrogenitus, *De Administrando Imperio*. Vol. II. Commentary, ed. by R. G. H. Jenkins, London, 1962.

De cerim

Constantine Porphyrogenitos, *The Book of Ceremonies*. In 2 vol., trans. by A. Moffart, M. Tall. with Greek ed. of CSHB (Bonn, 1829), Vol. 2, Book II, Byzantina Australiensia, 18 (1), Canberra, 2012.

Dzino 2010

Dzino D., *Becoming Slav, Becoming Croat. Identity Transformation in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia*, Leiden, Boston, 2010.

Jakobson 1985

Jakobson R., *Selected Writings*. Vol. VII. Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics & Philology, 1972–1982, ed. by S. Rudy. Berlin, New York, Amsterdam, 1985.

Kalinina 2007

Kalinina T. M., “Al-Khazar wa'l-Ṣaḡâlîba: Contacts and Conflicts?”, in: *The World of the Khazars. New Perspectives*, ed. by P. B. Golden, H. Ben-Shammai, A. Róna-Tash, Leiden, Boston, 2007, 195–206.

Knýtł

Sögur Danakonunga. 1. Sögurbrot af Fornkonungum. 2. Knytlingasaga, av C. Petersens et E. Olson, København, 1925.

Loma 2000

Loma A., Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogenitos, *Зборник радова Византолошког Института*, 38, 1999–2000, Beograd, 2000, 87–161.

Ridley 2003

Ridley M., *The Red Queen. Sex and the Evolution of the Human Nature*, New York, 2003.

Saxo Grammaticus 2015

Saxo Grammaticus, *Gesta Danorum: The History of Danes* (Oxford Medieval Texts), ed. & trans. by K. Friis-Jensen & P. Fisher, 2, Oxford, 2015.

Živković 2012

Živković T., *De Conversione Croatorum et Serborum. A Lost Source*, Belgrade, 2012.

References

- Alimov D. E., "Migratsiia ili transformatsiia? Proiskhozhdenie horvatov v diskurse postmoderna," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskie slavianskie i balkanske issledovaniia*, 1 (11), 2012, 203–226.
- Alimov D. E., "«Inter Dravo et Savo flumine». Novaia monografiia o rannesrednevekovoi Slavonii," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskie slavianskie i balkanske issledovaniia*, 2 (14), 2013, 223–227.
- Alimov D. E., "Ponyat' Moraviiu: novaia popytka," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskie slavianskie i balkanske issledovaniia*, 1 (17), 2015, 223–242.
- Alimov D. E., *Etnogenez khorvatov: formirovanie khorvatskoi etnopoliticheskoi obshchnosti v VII–IX vv.*, St. Petersburg, 2016.
- Alimov D. E., Kibin A. S., "Rec.: Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław, 2008," *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana / Peterburgskie slavianskie i balkanske issledovaniia*, 1 (7), 2010, 213–236.
- Arutyunova-Fidanyan V. A., Shchhavelev A. S., "Ocherk istorii izucheniia legend ob osnovaniiakh gorodov v drevnerusskoi «Povesti vremennykh let» i armianskoi «Istorii Taron»: Kii i Kuar," in: *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 2011. Ustnaia traditsiia v pis'mennom tekste*, Glazyrina G. V., ed., Moscow, 2013, 7–33.
- Curta F., "The Slavic Lingua Franca (Linguistic Notes of an Archeologist Turned Historian)," *East Central Europe*, 31/1, 2004, 125–148.
- Dzino D., *Becoming Slav, Becoming Croat. Identity Transformation in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia*, Leiden, Boston, 2010.
- Friis-Jensen K., ed., Fisher P., trans., *Saxo Grammaticus, Gesta Danorum: The History of Danes*, 2, Oxford, 2015.
- Geishtor A., *Mifologiiia slavian*, Shpirt A. M., trans., Moscow, 2014.
- Jakobson R., *Selected Writings. Vol. VII. Contributions to Comparative Mythology. Studies in Linguistics & Philology. 1972–1982*, Rudy S., ed., Berlin, New York, Amsterdam, 1985.
- Jenkins R. G. H., ed., Moravcsik Gy., trans., *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. I. Greek Text and English Translation*, Washington, 1967.
- Jenkins R. G. H., ed., *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio. Vol. II. Commentary*, London, 1962.
- Kalinina T. M., "Al-Khazar wa'l-Şaqāliba: Contacts and Conflicts?," in: *The World of the Khazars. New Perspectives*, Golden P. B., Ben-Shammai H., Róna-Tash A., eds., Leiden, Boston, 2007, 195–206.
- Kradin N. N., "Antropologiiia i medievistika. Politantropologicheskie perspektivy v izuchenii medievistiki," in: *Universitas historiae. Sbornik statei v chest' P. Iu. Uvarova*, Moscow, 2016, 557–565.
- Loma A., "Serbisches und kroatisches Sprachgut bei Konstantin Porphyrogenetos," in: *Зборник радова Византолошког Института*, 38, 1999–2000, Beograd, 2000, 87–161.
- Makovsky M. M., Fenomen tabu v traditsiiaakh i iazyke indoevropeitsev: sushchnost', formy, razvitie, Moscow, 2014.
- Moffart A., Tall M., eds., *Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies*, in 2 vol., [with Greek ed. of CSHB (Bonn, 1829)]. 2, 2, (= Byzantina Australiensia, 18 (1)), Canberra, 2012.
- Petrov A. V., "Retenziia na Alimov D. E. «Etnogenez khorvatov. . .»," *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriiia «Istoriiia i filologiiia»*, 26, 4, 2016, 141–142.
- Ridley M., *The Red Queen. Sex and the Evolution of the Human Nature*, New York, 2003.
- Shchhavelev A. S., *Slavianskie legendy o pervykh kniaz'iaakh. Sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie modelei vlasti u slavian*, Moscow, 2007.
- Shchhavelev A. S., "Traktat vizantiiskogo imperatora Konstantina VII Bagrianorodnogo «Ob upravlenii imperieii»: o datirovke originala rukopisi i ego kopii XI v. pistsa Mihaila Roizaita (Paris. gr. 2009)," in: *Paleografiia, kodikologiiia, diplomatika. Sovremennyi opyt issledovaniia grecheskikh latinskikh i slavianskikh rukopisei i dokumentov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii v chest' 80-letiiia B. L. Fonkitcha*, Moscow, 2018, 296–310.
- Shpirt A., "Venskaia shkola istoricheskoi etnografii i problema etnogenez v epokhu rannego Srednevekov'ia (opyt istoriograficheskogo obzora)," in: *Al'manakh po istorii Srednikh vekov i rannego No-*

vogo vremeni, 3–4, 2012–2013, Maslov A. N., Kuznetsov A. A., eds., Nizhny Novgorod, 2013, 42–52.

Yusim M. A., “Medievistika i natsional’nyi vopros (o neopredelivosti opredelenii),” in: *Etnosy*

i “natsii” v Zapadnoi Evrope v Srednie veka i rannee Novoe vremia, St. Petersburg, 2015, 37–48.

Živković T., *De Conversione Croatorum et Serborum. A Lost Source*, Belgrade, 2012.

Алексей Сергеевич Щавелев

канд. истор. наук; старш. науч. сотр. “Международного центра антропологии” Школы исторических наук факультета гуманитарных наук НИУ Высшая школа экономики; старш. научн. сотр. Центра “Восточная Европа в античном и средневековом мире” Института всеобщей истории РАН Москва, 119334, Ленинский проспект 32а
Россия / Russia

Received August 28, 2017